Многоуважаемому графу Леониду Алексеевичу Камар-скому от автора

РЕЛИГІОЗНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

РЕЛИГІОЗНОЙ СВОБОДЫ.

Къ реформѣ нашего законодательства о религіозныхъ преступленіяхъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Приватъ-доцента Императорскаго Московскаго Университета

С. В. Познышева.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1906.

По опредѣленію Юридическаго факультета печатать разрѣшается.
13 Мая 1906 г.

Деканъ А. Алексѣевъ.

439
32

ВВЕДЕНІЕ.

Задачи настоящаго изслѣдованія. Общій принципъ, опредѣляющій, на какія дѣянія должна простираться карательная дѣятельность государства.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ настоящее время относительно религіозныхъ преступленій не существуетъ уже ни серьезныхъ сомнѣній, ни сложныхъ вопросовъ. Стоитъ признать только, что государство въ своихъ отношеніяхъ къ религіи должно руководиться принципомъ религіозной свободы, какъ сами собою отпадутъ и разъяснятся всѣ спорные пункты и сомнѣнія. Принципъ же религіозной свободы, если и не проведенъ послѣдовательно до конца во всѣхъ законодательствахъ, то все же принятъ и признанъ всѣмъ культурнымъ Западомъ; только Россія до послѣдняго времени отставала въ этомъ отношеніи отъ своихъ западныхъ сосѣдей, но теперь и она дѣлаетъ рѣшительные шаги къ признанію религіозной свободы. Отсюда можно, повидимому, заключить, что въ особомъ изслѣдованіи, посвященномъ религіознымъ преступленіямъ, нѣтъ уже надобности, такъ какъ изслѣдованіе это не можетъ пойти далѣе общепризнанныхъ истинъ. Но такъ можетъ казаться лишь съ перваго взгляда. На самомъ же дѣлѣ, даже изслѣдованіе, посвященное исключительно доказательству и опредѣленію принципа религіозной свободы, не было

бы лишнимъ,—особенно у насъ въ Россіи,—такъ какъ въ пониманіи и обоснованіи этого принципа возможны и дѣйствительно существуютъ большія различія; такого выраженія и обоснованія его, которыя могли бы уже считаться окончательно установленными и общепризнанными не существуетъ. Поэтому критическое разсмотрѣніе различныхъ пониманій этого принципа и доводовъ, приводимыхъ какъ въ пользу его, такъ и въ пользу извѣстныхъ ограниченій его, до сихъ поръ не лишено ни теоретическаго, ни практическаго интереса. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно посмотрѣть, существуетъ ли, напримѣръ, безспорное рѣшеніе такого вопроса: за всѣми ли религіозными ученіями должна быть признана безусловная религіозная свобода, т. е. свобода исповѣдывать, отправлять культъ и проповѣдывать свое вѣроученіе, или же слѣдуетъ установить исключеніе для ученій, проповѣдующихъ что-либо безнравственное, какіе-либо пороки и преступленія? Существуетъ нѣсколько мнѣній по этому вопросу, различныхъ и по содержанію, и по основаніямъ, на которыхъ они утверждаются. Можно признавать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми, безусловную свободу всѣхъ религіозныхъ ученій, можно сдѣлать исключеніе для ученій безнравственныхъ, опасныхъ для общественнаго порядка и т. п. Вотъ, напримѣръ, мнѣніе одного изъ нашихъ отечественныхъ изслѣдователей — г. К. К. Арсеньева, — который вообще является защитникомъ религіозной свободы, но, какъ сейчасъ увидимъ, устанавливаетъ исключеніе для нѣкоторыхъ религіозныхъ ученій. Въ своей книгѣ «*Свобода совѣсти и вѣротерпимость*» (1905 г.), онъ признаетъ, что государство не можетъ допустить свободнаго развитія въ своей средѣ вѣроученій, проповѣдующихъ нѣчто, противное вѣчному закону нрав-

ственности. Онъ говоритъ: «объектомъ государственныхъ мѣропріятій могутъ быть только вѣроученія, явно и несомнѣнно противныя вѣчному закону нравственности—узаконяющія, напримѣръ, убійство, изувѣченіе, развратъ». ‹Самимъ послѣдователямъ подобныхъ вѣроученій все это можетъ казаться нравственнымъ и даже обязательнымъ, въ силу религіозныхъ предписаній, — но важно здѣсь не то, что думаетъ горсть изувѣровъ, а то, что установлено consensu omnium, голосомъ вѣковъ и народовъ». «Другое дѣло — требованія измѣнчивыя, мѣстныя, временныя, не вытекающія изъ непреложныхъ, вездѣ и всегда одинаковыхъ началъ нравственности; отъ такихъ требованій допустимость или недопустимость вѣроученія зависѣть не должна». «Стоитъ только назвать, напримѣръ, съ одной стороны скопцовъ, съ другой—штундистовъ, пашковцевъ, баптистовъ, духоборцевъ, чтобы понять значеніе критерія, коренящагося въ вѣчномъ нравственномъ идеалѣ [1])». Мы не будемъ здѣсь разбирать, правъ ли г. Арсеньевъ, мы просто хотимъ лишь констатировать различіе мнѣній и важность поставленнаго вопроса; самымъ же вопросомъ этимъ мы займемся ниже, когда у насъ будетъ время съ достаточной полнотой его разсмотрѣть. Теперь же ограничимся указаніемъ, что принципъ религіозной свободы есть принципъ сложный и до сихъ поръ еще, по крайней мѣрѣ въ значительной части своей, — спорный; каждое изъ правъ, входящихъ въ составъ религіозной свободы, можетъ быть признано или вполнѣ, или съ разнообразными ограниченіями. Точное опредѣленіе объема и содержанія этихъ правъ и разборъ связанныхъ съ этимъ разныхъ

---

[1]) У. с. стр. 27—28.

практическихъ и теоретическихъ вопросовъ далеко не представляются лишними.

Далѣе, если бы даже содержаніе идеи религіозной свободы и было окончательно установлено, оставался бы все-таки еще вопросъ объ уголовной охранѣ этой свободы. Если государство не должно въ своихъ карательныхъ постановленіяхъ выступать, такъ сказать, противъ религіозной свободы, налагая на нее разныя ограниченія, то не должно ли оно, напротивъ, выступить на защиту этой свободы, дать ей правовую охрану? По утвердительномъ рѣшеніи этого вопроса и установленіи общаго принципа, опредѣляющаго отношеніе государства къ религіозной свободѣ, возникаетъ цѣлый рядъ важныхъ юридическихъ вопросовъ о томъ, какія посягательства должны считаться религіозными преступленіями, какова юридическая природа этихъ преступленій, ихъ виды и т. д.? Всѣ эти вопросы далеко недостаточно еще разработаны въ литературѣ, а большинство ихъ лишь намѣчено и слегка затронуто [1]). Между тѣмъ всѣ они заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія.

Наше изслѣдованіе ставитъ себѣ слѣдующія задачи. Прежде всего мы должны установить общій принципъ, который опредѣлилъ бы, допустима ли и, если допустима, то въ какомъ объемѣ, охрана религіи посредствомъ уголовныхъ каръ. Развивая этотъ

---

[1]) Такъ, виды религіозныхъ преступленій намѣчаются обыкновенно лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, точныхъ опредѣленій ихъ не выставляется; большею частью все дѣло ограничивается критическимъ разборомъ положительнаго права. Точно формулированнаго общаго принципа, опредѣляющаго, въ какой мѣрѣ допустима уголовная охрана религіи, также не выставляется; самыя основанія этой охраны указываются различныя и большею частью не совсѣмъ вѣрныя. Вопросъ о наказуемости религіозныхъ преступленій также не достаточно изслѣдованъ, а въ большинствѣ сочиненій объ этихъ преступленіяхъ вовсе обходится.

принципъ, мы будемъ въ состояніи опредѣлить въ общихъ чертахъ, какого рода дѣянія должны считаться религіозными преступленіями. Установивъ такимъ образомъ, границы области религіозныхъ преступленій, мы перейдемъ къ изслѣдованію ихъ юридической природы, къ опредѣленію относящихся къ данной группѣ видовъ и къ анализу каждаго изъ этихъ видовъ. При этомъ надо замѣтить, что никакихъ задачъ историческаго изслѣдованія мы на себя не беремъ, а потому историческія справки войдутъ въ наше изложеніе, лишь поскольку это окажется нужнымъ въ цѣляхъ лучшаго освѣщенія нашихъ теоретическихъ построеній [1]).

Установивъ общіе принципы, мы постараемся освѣтить ими наше дѣйствующее право и выработать систему идеальныхъ нормъ, которыя, въ качествѣ проекта, мы могли бы предложить отечественному законодателю. Ограничиться установленіемъ отвлеченныхъ началъ, не примѣняя ихъ къ условіямъ современной русской жизни, значило бы, на мой взглядъ, не довести своей работы до конца. Выработка отвѣчающихъ наличнымъ общественнымъ условіямъ идеальныхъ уголовноправовыхъ нормъ не представляетъ, по моему мнѣнію, задачи, выходящей за предѣлы науки, а есть естественное продолженіе ея построеній, необходимое завершеніе воздвигаемаго ею идеальнаго зданія, то заключительное слово, съ которымъ наука обращается къ жизни и безъ котораго ея построенія были бы лишены должной законченности и полноты.

---

[1]) Порядокъ и пріемы, которымъ я намѣренъ слѣдовать въ настоящемъ изслѣдованіи, опредѣляются моимъ общимъ взглядомъ на задачи и строеніе науки уголовнаго права. См. мои *Основные вопросы ученія о наказаніи. Введеніе.*

Для того, чтобы рѣшить первую изъ намѣченныхъ нами задачъ,—установить принципъ, опредѣляющій, допустима ли и въ какомъ объемѣ допустима уголовная охрана религіи,—намъ необходимъ, въ качествѣ точки опоры, болѣе общій принципъ, который указывалъ бы, въ какой мѣрѣ вообще допустимо наказаніе; путемъ примѣненія этого общаго принципа къ изслѣдуемой области мы и получимъ искомое руководящее начало. Далѣе, для того, чтобы рѣшить, какія дѣянія должны считаться религіозными преступленіями, намъ необходимо выработать сначала общій критерій, который опредѣлялъ бы, какія вообще дѣянія должны быть заносимы въ списокъ преступныхъ. Принципъ, опредѣляющій, въ какой мѣрѣ вообще допустима уголовная охрана религіи, дастъ намъ общія указанія, которыя получатъ дальнѣйшее развитіе съ помощью даннаго критерія; послѣдній дастъ возможность сдѣлать исчерпывающій перечень тѣхъ дѣяній, которыя дѣйствительно заслуживаютъ записи на страницы уголовнаго кодекса.

Основной принципъ наказанія установленъ уже нами въ другомъ сочиненіи (*«Основные вопросы ученія о наказаніи»*) и мы здѣсь можемъ воспользоваться готовыми выводами. Критерій, который съ достаточной полнотой и точностью опредѣлялъ бы, на какія дѣянія должна вообще простираться карательная дѣятельность государства, долженъ быть установленъ нами здѣсь; воспользоваться результатами чьего-либо изслѣдованія мы не можемъ, такъ какъ данный вопросъ чрезвычайно мало разработанъ въ литературѣ и сколько-нибудь полныхъ и твердо установленныхъ выводовъ, относящихся къ нему, въ наукѣ не существуетъ [1]). Въ большинствѣ случаевъ

[1]) Какъ въ старинныхъ, такъ и въ новѣйшихъ курсахъ и учебникахъ

и тѣ сравнительно немногіе изслѣдователи, которые не обходятъ этого вопроса молчаніемъ, ограничиваются бѣглыми замѣчаніями слишкомъ общаго харак-

по уголовному праву вопросъ этотъ обыкновенно вовсе не ставится и никакихъ относящихся къ нему соображеній въ нихъ не имѣется, за исключеніемъ развѣ бѣглыхъ замѣтокъ въ родѣ того, что наказаніемъ должны быть облагаемы лишь дѣянія, для предупрежденія которыхъ оно необходимо и т. п., при чемъ самое понятіе необходимости оставляется невыясненнымъ. См. напр. *Kleinschrod*, Systematische Entwickelung der Grundbegriffe und Grundwahrheiten des peinlichen Rechts I; *Klein*, Grundsatze d. gemeinen deutschen peinlichen Rechts; *Globig* und *Huster*, Abhandlung von d. Criminal-Gesetzgebung; *Feuerbach*, Lehrbuch d. gemeinen in Deutschland gultigen peinlichen Rechts; *Bauer*, Lehrbuch d. Strafrechtswissenschaft; *Henke*, Handbuch d. Crimenalrechts und d. Criminalpolitik; *Abegg*, Lehrbuch der Strafrechtswissenshaft; *Martin*, Lehrbuch d. Teutschen gemeinen Criminal-Rechts; *Heffter*, Lehrbuch d. gemeinen deutschen Strafrechts; *Shutze*, Lehrbuch des deutschen Strafrechts (2 Aufl. 1874). То же самое отношеніе мы встрѣчаемъ и въ новѣйшихъ руководствахъ: *Berner'a*, Lehrbuch d. deutschen Strafrechts, XVIII изд. 1898. *Binding'a*, Grundriss des gem. deutschen Strafrechts I, *Листа*, Lehrbuch d. deutschen Strafrechts, XII изд. 1903; *Finger'a*, D. Strafrecht (2 изд. 1902); *Janka*. D. osterreichische Strafrecht; *Merkel'я*. Lehrbuch d. deutschen Strafrechts; *Liepmann'a*, Einleitung in d. Strafrecht (1900); *Beling'a*, Grundzuge des Strafrechts (1902), *Garraud*, Traité theorique et pratique du droit pénal français T. I (2 Éd. 1898); Précis de droit criminel (6 Éd. 1898); *Normand*, Traité élémentaire de droit criminel; *Molinier*, Traité théorique et pratique de droit pénal T. I (Paris 1893) и др. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій встрѣчаются лишь бѣглыя замѣтки указаннаго выше характера. См. напр. *Kleinschrod.* у. с. стр. 2 сл.; 23—25; *Klein*, ibid, § 16; *Feuerbach*, ibid. §§ 11, 12, 32; *Bauer*, ibid, § 20; *Henke*, ibid § 33 сл.; *Martin*, ibid, стр, 28 сл., § 60, § 43; *Heffter*, ibid, § 8; § 90; *Бернеръ*, Учебникъ въ переводѣ Некрюдова § 72; Lehrbuch, XIII изд. § 71; *Merkel*, ibid, стр. 11; *Garraud*, Précis, p. 15; *Normand*, у. с. стр. 30; 109. Лишь бѣглыя замѣтки встрѣчаемъ также въ брошюрѣ *Stooss'a*, D. Kampf gegen das Verbrechen, хотя авторъ въ самомъ началѣ отчетливо указываетъ на необходимость рѣшить, какія дѣянія *должны* считаться законодателемъ преступными. До извѣстной степени такая неразработанность вопроса даже въ лучшихъ сочиненіяхъ объясняется тѣмъ, что, по господствующимъ взглядамъ, вопросъ этотъ принадлежитъ къ области уголовной политики, а не науки уголовнаго права въ собственномъ смыслѣ. Однако нѣкоторые другіе вопросы, которые, по господствую-

тера, не дающими достаточно точнаго и полнаго отвѣта на данный вопросъ, въ родѣ, напримѣръ, того, что не слѣдуетъ наказывать за одни намѣренія (со-

---

щимъ взглядамъ, также должны быть отнесены въ область уголовной политики, получаютъ въ курсахъ уголовнаго права гораздо большее освѣщеніе. Притомъ, и въ немногихъ сочиненіяхъ по уголовной политикѣ мы не находимъ рѣшенія этого вопроса.

У меньшинства криминалистовъ встрѣчаются уже болѣе или менѣе подробныя соображенія по данному вопросу. Но удовлетворительнаго рѣшенія его мы и у нихъ не нашли. Выставляемыя ими формулы обыкновенно слишкомъ широки, неопредѣленны, и, къ тому же, иногда заключаютъ въ себѣ метафизическые элементы. См. напр., *Rossi,* Traité de droit. pénal, L. II, Ch. 1 s.; *Ortolan,* Eléments de droit pénal, №№ 568, 203 — 205; *Tissot,* Le droit pénal, étudié dans ses principes, dans les usages et les lois de différents peuples du monde T. I, L. I, Ch. 1—2. *Franck,* Philosophie du droit pénal p. 93; *Vidal,* Cours de droit criminel et de science pénitentiaire, p. 69 s.; *Proal* Le crime et la peine, p. 494 s. *Zuppeta,* Corso completo di diritto penale comparato v. I. 91; *H. Meyer,* Lehrbuch d. deutschen Strafrechts, стр. 21 сл. и др. Для того, чтобы не увеличивать безъ особой нужды и безъ того обширные размѣры этого примѣчанія, я ограничусь указаніемъ лишь нѣкоторыхъ, наиболѣе интересныхъ мнѣній по нашему вопросу и, прежде всего, мнѣній двухъ извѣстныхъ французскихъ криминалистовъ,—Росси и Ортолана. Надо предварительно замѣтить, что у нихъ, какъ и у многихъ другихъ французскихъ ученыхъ (напр. Proal, Vidal), вопросъ нашъ смѣшивается съ другой задачей—съ опредѣленіемъ преступленія. Теорія, говоритъ Росси, не можетъ довольствоваться формальнымъ опредѣленіемъ преступленія, какъ дѣянія, нарушающаго уголовный законъ, а требуетъ опредѣленія, почерпнутаго изъ самой природы вещей, опредѣленія истиннаго для всѣхъ временъ и народовъ (Traité p. 241). Въ качествѣ такого опредѣленія онъ выставляетъ слѣдующую формулу: Le pouvoir social ne peut donc regarder comme délit, que la violation d'un devoir envers la société ou les individus, exigible en soi et utile au maintien de l'ordre politique, d'un devoir dont l'accomplissement ne peut être assuré que par la sanction pénale, et dont l'infraction peut être appréciée par la justice humaine (Traité p. 245). Какъ на первый существенный признакъ преступленія Росси указываетъ на то, что преступленіе есть нарушеніе обязанности; въ качествѣ дальнѣйшаго признака онъ указываетъ, что обязанность эта должна быть обязательна сама по себѣ и полезна для поддержанія политическаго порядка. Однако этотъ послѣдній

gitationis poenam nemo patitur), что преступленіемъ должны считаться лишь внѣшнія дѣянія (äussere Handlungen), что наказаніемъ должны быть облагаемы

признакъ представляется у Росси совершенно неопредѣленнымъ и лишаетъ всю его формулу всякой цѣны. Недостаточно выясняется онъ и тѣми замѣчаніями, которыя дѣлаетъ въ разъясненіе его авторъ: protecteur du libre développement de l'humanité, l'orde sociale ne réclame positivement que l'accomplissement des devoirs corrélatifs à des droits dont la protection justifie l'emploie de la contrainte et de la force, des devoirs exigibles (Traité p. 244). Затѣмъ, какъ это видно изъ разъясненій, даваемыхъ авторомъ по поводу намѣчаемыхъ имъ признаковъ преступленія, и какъ онъ самъ указываетъ (Traité p. 245), его формула тѣсно связана съ его эклектической уголовной теоріей, страдающей, какъ и всякая эклектическая доктрина, весьма существенными недостатками (см. мои *Основные вопросы ученія о наказаніи*, стр. 160 сл.). Подъ нарушеніемъ обязанности, согласно его уголовной теоріи, надо разумѣть нарушеніе абсолютной справедливости, вѣчнаго, естественнаго права; только обязанность, берущая свой корень отсюда, является съ точки зрѣнія автора exigible en soi (см. Traité, p. 253 s.; ср. p. 103—105; также L. I, ch. XII, XIII).

Ортоланъ (см. его Eléments de droit pénal. стр. 248 сл.), который также опирается на эклектическую уголовную теорію, говоритъ, что дѣяніе только тогда должно быть зачислено въ списокъ преступныхъ, если, во-первыхъ, оно противорѣчитъ абсолютной справедливости, а съ другой стороны, если наказаніе его требуется общественнымъ интересомъ (Éléments, № 568, 203—205). Онъ выставляетъ слѣдующее опредѣленіе преступленія: toute action ou inaction extérieur blessant la justice absolue, dont la répression importe a la conservation ou au bien-être social, et qui a été définie et frappée de peine à l'avance par la loi (Éléments, № 589, стр. 255). Эта формула грѣшитъ: 1) недостаточной опредѣленностью, 2) наличностью въ ней метафизическихъ элементовъ; 3) внесеніемъ въ нее нѣкоторыхъ лишнихъ признаковъ, выраженныхъ въ ея послѣднихъ словахъ.

Недостаточно и то опредѣленіе преступленія, которое выставилъ *Vidal*: une action à la fois immorale et nuisible à la sécurité publique contre laquelle la sanction pénale est nécessaire. Cours, p. 74.

Столь же мало опредѣленными являются формулы *Франка* и *Proal'я*. Первый говоритъ: une action ne peut être légitimement poursuivie et punie par la société lorsque qu'elle est la violation, non pas d'un devoir, mais d'un droit, d'un droit individuel ou collectif fondé comme la société elle-même, sur la loi morale. У. с. стр. 96.

лишь дѣянія, для предупрежденія которыхъ оно необходимо и т. п. Всѣ эти замѣтки большею частью вполнѣ справедливы, но онѣ не исчерпываютъ вопроса, а лишь поверхностно затрагиваютъ его, лишь намѣчаютъ нѣкоторые пункты рѣшенія. Съ другой стороны, и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда вопросъ разсматривается подробно, мы не встрѣчаемъ точнаго и вѣрнаго рѣшенія его. Такъ, напримѣръ, Бентамъ, у котораго мы находимъ довольно пространныя и сравнительно болѣе глубокія разсужденія по нашему вопросу, становится на совершенно неправильную и неудобную точку зрѣнія, именно требуетъ, чтобы рѣшеніе вопроса о наказуемости дѣянія зависѣло отъ вычисленій, приноситъ ли дѣяніе болѣе страданій, чѣмъ удовольствій, и устранитъ ли наказаніе его болѣе страданій изъ общества, чѣмъ внесетъ въ послѣднее [1]). Но произвести всѣ эти вычисленія и опредѣлить требуемыя суммы настолько, чтобы ихъ можно было сравнить, невозможно, и всѣ выводы, которые выдаются за результаты такихъ вычисленій, въ сущности совершенно произвольны.

Итакъ, на нашемъ пути стоитъ слѣдующій чрезвычайно важный общій вопросъ: на какого рода дѣянія вообще должна простираться карательная дѣятель-

---

Proal говоритъ: je crois que le délit peut être plus exactement défini: la violation d'un devoir social exigé pour le maintien de la société. Le crime et la peine, p. 500.

Кромѣ указанныхъ, и въ старой, и въ новой литературѣ есть нѣсколько формулъ, опредѣляющихъ преступленіе „само по себѣ“, по существу, въ противоположность гражданской неправдѣ и т. д., или опредѣляющихъ „естественное“ преступленіе. Не всѣ, но нѣкоторыя изъ этихъ формулъ представляютъ собою въ сущности не совсѣмъ удачныя опредѣленія того, какія дѣянія слѣдуетъ считать преступленіями. Съ этими формулами мы еще встрѣтимся ниже. См. гл. 2.

[1]) См. *его, Избранныя сочиненія*, стр. 136 сл.; 161 сл.; 197 сл.; 474, 480 сл.; 541 сл.; также *Принципы законодательства*, стр. 37.

ность государства, или, иными словами, какимъ общимъ критеріемъ слѣдуетъ руководиться, рѣшая, должно ли извѣстное дѣяніе быть занесено въ списокъ преступныхъ или нѣтъ. Этотъ вопросъ мы и должны сейчасъ рѣшить.

Высшій законъ, которому подчинено поведеніе какъ индивидуумовъ, такъ и коллективныхъ единицъ человѣчества, есть законъ нравственный. Напрасно было бы думать, будто нравственность регулируетъ лишь частныя отношенія людей другъ къ другу и ихъ отношенія къ самимъ себѣ. Несомнѣнно существуютъ и нравственныя требованія, обращенныя къ обществу и государству. Принципы, регулирующіе общественныя и государственныя отношенія, не независимы отъ коренныхъ началъ нравственности, а представляютъ собою выводы изъ нихъ, распространеніе ихъ на жизнь общественную и государственную. Доказать невозможность независимыхъ отъ нравственности правовыхъ началъ и вообще какихъ-либо началъ, опредѣляющихъ, каковы должны быть жизнь и строеніе общежитія, можно слѣдующими соображеніями.

Во-первыхъ, если бы существовали такія начала, они должны бы были быть отличны отъ тѣхъ выводовъ относительно общежитія, которые, несомнѣнно, можно сдѣлать, послѣдовательно развивая основной принципъ нравственности и вытекающія изъ него коренныя нравственныя требованія; иначе они слились бы съ послѣдними. Но существованіе двухъ независимыхъ рядовъ требованій, двухъ различныхъ системъ правилъ поведенія создавало бы лишь рядъ неразрѣшимыхъ коллизій. Единственный правильный путь устранить этотъ невозможный дуализмъ заключался бы въ отрицаніи всякаго значенія за тѣми правилами поведенія, которыя претендуютъ на независимость

отъ нравственности, такъ какъ нравственность даетъ высшее и наиболѣе общее опредѣленіе того, какъ должны жить и относиться другъ къ другу люди. Признавая основные принципы нравственности, нельзя, безъ противорѣчія, отвергать послѣдовательно вытекающихъ изъ нихъ выводовъ.

Во-вторыхъ, человѣческіе союзы, включая сюда и государство, не могутъ, разумѣется, имѣть никакихъ самостоятельныхъ отъ интересовъ личности цѣлей; назначеніе ихъ такъ или иначе служить личности и мѣрою этого служенія опредѣляется ихъ достоинство. Очевидно, что основаніемъ для принциповъ, оправдывающихъ существованіе этихъ союзовъ и опредѣляющихъ ихъ наилучшее строеніе, могутъ служить лишь болѣе общіе принципы, указывающіе, какъ вообще должны относиться другъ къ другу люди, какія цѣли они могутъ себѣ ставить, а отъ какихъ должны воздерживаться сами и удерживать другихъ. Созданіе этихъ союзовъ, поддержаніе ихъ, отправленіе въ нихъ какой-либо функціи, словомъ, все, что образуетъ, такъ сказать, общественное поведеніе личности, составляетъ лишь часть человѣческаго поведенія, подчиненную, разумѣется, общимъ принципамъ, относящимся къ тому цѣлому, къ которому эта часть принадлежитъ.

И намъ, при рѣшеніи поставленнаго выше вопроса, придется опираться на нравственныя начала. Высшій руководящій принципъ карательной дѣятельности, который ляжетъ въ основаніе нашего рѣшенія, слѣдующій: уголовное наказаніе законно, съ нравственной точки зрѣнія, поскольку оно необходимо для поддержанія государства на высотѣ достигнутаго имъ благосостоянія или для дальнѣйшаго прогресса, т. е. поскольку оно необходимо для охраны уже установившихся или для утвержденія въ государствѣ новыхъ

условій благосостоянія гражданъ [1]). Благосостояніе государства измѣряется степенью наличнаго благосостоянія гражданъ и обезпеченностью его сохраненія [2]). Прогрессъ государства можетъ заключаться въ приростѣ благосостоянія его гражданъ, въ большей обезпеченности сохраненія и дальнѣйшаго развитія этого благосостоянія, въ распространеніи обладанія извѣстными благами на гражданъ, которые до тѣхъ поръ ими не пользовались. Преступленіемъ, слѣдовательно, можетъ считаться лишь такое дѣяніе, которое нарушаетъ правила поведенія, обезпечивающія наличное благосостояніе гражданъ или дальнѣйшій прогрессъ государства.

Каждому человѣку должна быть предоставлена свобода устраивать свою жизнь по своему вкусу и со всею энергіей, на которую онъ способенъ, достигать всего доступнаго ему уровня благосостоянія. Свобода необходима для высокаго и быстраго развитія духовныхъ силъ личности. Только когда личность не подавлена опекой и ей въ возможно широкой мѣрѣ

---

[1]) См. мои *Основные вопросы ученія о наказаніи.* стр. 362.

[2]) Благосостояніе личности слагается изъ двоякаго рода элементовъ: изъ относительнаго развитія извѣстной стороны жизни и удовлетворенія относящихся къ ней потребностей. Благосостояніе физическое заключается въ извѣстномъ развитіи жизни организма и удовлетворенности физическихъ потребностей. Умственное благосостояніе заключается въ развитіи и удовлетворенности умственныхъ интересовъ. Подъ благосостояніемъ нравственнымъ надо разумѣть высоту нравственнаго развитія и степень осуществленія запросовъ нравственной жизни (дѣятельное проявленіе нравственныхъ чувствъ, удовлетвореніе исповѣдуемыхъ требованій нравственности). Ширина и глубина жизни, разнообразіе, многочисленность и удовлетворенность потребностей— вотъ составные элементы благосостоянія. Степенью развитія и удовлетворенности и опредѣляется степень благосостоянія, а общимъ уровнемъ достигнутаго во всѣхъ сферахъ жизни благосостоянія измѣряется счастье личности. Степень благоустроенности государства опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ въ немъ обезпечено благосостояніе различныхъ сторонъ жизни образующихъ его личностей.

предоставлено устраивать свою жизнь своими собственными усиліями, возможно энергичное напряженіе всѣхъ ея творческихъ силъ. Духовныя силы развиваются посредствомъ напряженныхъ усилій, энергичнаго упражненія. А чѣмъ болѣе развиты духовныя силы личностей, тѣмъ болѣе способны эти личности къ широкому и разнообразному сотрудничеству, тѣмъ продуктивнѣе ихъ сотрудничество, тѣмъ менѣе возможны такія отношенія между ними, которыя наносятъ вредъ кому-либо изъ нихъ. Чѣмъ болѣе же утверждается полезныхъ для личностей формъ сотрудничества и общенія, тѣмъ шире, полнѣе и разнообразнѣе будетъ жизнь каждой изъ нихъ.

Конечная цѣль нравственности не можетъ заключаться ни въ чемъ иномъ, какъ въ наиболѣе счастливомъ существованіи человѣчества [1]). Служеніе личности своимъ собственнымъ интересамъ и нуждамъ является вполнѣ дозволеннымъ, но—такъ какъ нравственность имѣетъ въ виду въ своихъ предписаніяхъ одинаково всѣхъ людей,—то лишь постольку, поскольку оно не выходитъ за предѣлы границъ и условій, съ необходимостью вытекающихъ изъ принципа наибольшаго *всеобщаго* счастья. Съ нравственной точки зрѣнія каждый человѣкъ имѣетъ равное съ другими право стремиться къ своему благосостоянію; никто не долженъ считаться менѣе или болѣе, чѣмъ за единицу безконечной человѣческой семьи. Это не значитъ, что благосостояніе людей должно быть одинаково. Нѣтъ, различны природныя силы личностей и выпадающія на долю каждой изъ нихъ непредотвратимыя случайности. Неизбѣжно различно должно быть и ихъ благосостояніе. Но право каждаго добиваться возможно лучшей формы существованія и наибольшей высоты

[1]) Ср. мои *Основные вопросы ученія о наказаніи,* стр. 354 сл.

развитія одинаково. Отсюда слѣдуетъ, что свобода каждаго въ достиженіи доступнаго ему благосостоянія находитъ свои естественныя границы въ тѣхъ правилахъ поведенія, которыя вытекаютъ изъ ея всеобщности, изъ принадлежности права на нее въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ.

Но наблюденіе показываетъ, что человѣческое общество представляетъ собою арену неустанной борьбы личностей за разныя условія благосостоянія, ихъ постоянныхъ стремленій развить свое благосостояніе насчетъ другихъ личностей. Корни этой борьбы лежатъ глубоко въ природѣ человѣка и условіяхъ его существованія; устранить ее не можетъ никакой общественный порядокъ, такъ какъ всякій порядокъ долженъ допустить развитіе личности и различіе въ положеніи личностей въ зависимости отъ ихъ развитія, а, значитъ, всякій порядокъ долженъ въ извѣстной степени допустить соревнованіе личностей, ихъ борьбу за тѣ положенія, которыя являются лучшими. Уничтожить эту борьбу значило бы убить въ личности стремленіе добиваться все лучшаго положенія; это значило бы остановить прогрессъ и обречь человѣчество на полное вырожденіе. Только тѣмъ напряженіемъ силъ, которое вызывается борьбой, развивается личность.

Изъ признанія за каждымъ равнаго права добиваться всей той степени благосостоянія, которая доступна ему по его природнымъ качествамъ, вытекаетъ не отрицаніе борьбы личностей за лучшія условія жизни, а ограниченіе этой борьбы такими формами, средствами и способами, которые отвѣчали бы всеобщности означеннаго права, подчиненіе ея такимъ правиламъ, которыя обезпечивали бы каждому достиженіе всей той высоты благосостоянія, которая соотвѣтствуетъ достоинствамъ и размѣрамъ его природныхъ дарованій. Никто, разумѣется, не станетъ

утверждать, что допустима *всякая* борьба личностей. Но было бы также ошибкой полагать, будто вслѣдствіе борьбы интересы людей только расходятся и никакихъ правилъ, соблюденіе которыхъ было бы въ общихъ ихъ интересахъ, установить нельзя. Это далеко не такъ. Есть точка, въ которой интересы личностей совпадаютъ. Дѣло въ томъ, что каждая отдѣльная личность заинтересована въ сотрудничествѣ съ другими людьми и только благодаря разнообразнымъ сотрудничествамъ съ другими личностями можетъ развиваться и достигнуть сколько—нибудь сноснаго существованія. О счастьи одинокаго человѣческаго существа даже смѣшно говорить. Но разъ это такъ, разъ благосостояніе личности предполагаетъ существованіе и развитіе общежитія и вообще сотрудничества съ другими людьми, то не могутъ считаться съ нравственной точки зрѣнія допустимыми такіе средства и способы борьбы, которые противорѣчатъ условіямъ существованія и развитія общественной жизни и вообще сотрудничества личностей. Если борьба личностей допустима вслѣдствіе необходимости своей для развитія личности, то она, очевидно, допустима лишь въ тѣхъ формахъ и границахъ, въ которыхъ не становится въ противорѣчіе съ основаніемъ своей допустимости. Нравственность, какъ сказано, имѣетъ своею конечною цѣлью наибольшее счастье *всѣхъ* людей, ее и можно опредѣлить какъ совокупность принциповъ наибольшаго всеобщаго счастья. Общежитіе есть не болѣе, какъ необходимое орудіе осуществленія этой цѣли; только въ обществѣ, наиболѣе богатомъ всѣми полезными для личностей формами сотрудничества, жизнь отдѣльной личности можетъ подняться до наибольшей высоты благосостоянія. Отсюда, всякое поведеніе личности, которое противорѣчитъ условіямъ существованія или прогресса общественной жизни,

которое подрываетъ или тормозитъ какую либо полезную личностямъ форму ихъ сотрудничества, не служа никакимъ болѣе полезнымъ формамъ сотрудничества, всякое такое поведеніе является безнравственнымъ. Надо замѣтить при этомъ, что изъ равенства правъ личностей добиваться своего благосостоянія вытекаетъ, что то, что признано законнымъ или незаконнымъ для одного, должно, при тѣхъ же условіяхъ, признаваться таковымъ для всѣхъ. Всякое поведеніе личности должно разсматриваться, при оцѣнкѣ, какъ воплощеніе извѣстнаго общаго начала. И если то правило, которое ставитъ даннымъ образомъ своихъ дѣйствій личность, не можетъ быть признано общимъ правиломъ въ общежитіи, то оно должно быть отвергнуто, и поведеніе, его воплощающее, должно быть признано незаконнымъ съ нравственной точки зрѣнія. -

Для того, чтобы общежитіе стояло на высокомъ уровнѣ развитія, необходимо, чтобы въ борьбѣ личностей побѣда оставалась не на сторонѣ грубыхъ свойствъ и животныхъ стремленій, а на сторонѣ умственныхъ и нравственныхъ преимуществъ. Между строеніемъ общественной среды, установленіями, ее образующими, и духовнымъ состояніемъ составляющихъ общество личностей всегда есть извѣстное соотвѣтствіе. Въ каждый данный моментъ въ государствѣ могутъ утвердиться лишь тѣ установленія, лишь тѣ формы общественной жизни, которыя находятъ достаточную для себя почву въ личностяхъ, могутъ быть созданы и поддерживаемы ими. Такъ какъ въ существованіи и развитомъ состояніи общественной среды заинтересованы всѣ личности, то поведеніе, противорѣчащее прогрессу въ строеніи общежитія, нарушаетъ общіе интересы личностей.

Задача права и государства, какъ ясно изъ сказан-

наго, не устранять борьбу личностей, а регулировать ее, устранять употребленіе противообщественныхъ средствъ и способовъ борьбы, т. е. такихъ средствъ и способовъ, которые не могутъ быть предоставлены въ общее употребленіе личностей, такъ какъ такое употребленіе или совсѣмъ разрушило бы общество или ухудшало бы и затрудняло бы развитіе строенія самаго общежитія и, черезъ это, понижало бы уровень благосостоянія личностей или тормозило ихъ прогрессъ. Изъ сказаннаго ясно также, что какъ скоро интересъ одной группы гражданъ, благодаря наличнымъ условіямъ, приходитъ въ непримиримое столкновеніе съ болѣе важнымъ интересомъ другихъ гражданъ и грозитъ лишить послѣдній удовлетворенія, то государство должно взять подъ свою защиту этотъ болѣе важный интересъ. Важность же интересовъ должна быть опредѣляема не по ихъ сравнительному значенію для ихъ субъектовъ, которое безконечно разнообразно и не можетъ быть сколько-нибудь точно опредѣлено, а по тому вліянію, какое обѣщаетъ произвести ихъ удовлетвореніе на строеніе и состояніе государства въ его цѣломъ, по тому, обѣщаетъ ли оно содѣйствовать или противодѣйствовать прогрессу государства. Болѣе важнымъ долженъ быть признанъ тотъ интересъ, удовлетвореніе котораго болѣе содѣйствуетъ прогрессу государства, дѣлая всѣхъ или извѣстную часть гражданъ болѣе дѣятельными и полезными общественными единицами. Такъ какъ улучшеніе строя общественной жизни, въ свою очередь, окажется полезнымъ для всѣхъ, то, значитъ, предпочтеніе интереса, основанное на указанномъ критеріи, давая возможность внести въ строеніе государства новые полезные элементы или укрѣпить старые, въ конечномъ счетѣ окажется болѣе выгоднымъ для всего общества. Если обсуждаемые интересы

не стоятъ въ прямой связи съ состояніемъ общежитія и, такъ сказать, съ общественнымъ поведеніемъ личностей, они стоятъ съ ними въ косвенной связи и по этой послѣдней и должны быть оцѣниваемы.

Ограниченіе поведенія гражданъ правилами, вытекающими изъ всеобщаго равнаго права ихъ добиваться своего благосостоянія, необходимо для того, чтобы всѣ они могли постепенно развивать свои силы и благосостояніе, необходимо, слѣдовательно, для общаго прогресса ихъ, для прогресса всего государства [1]). Такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ правилъ не могли бы утвердиться въ обществѣ безъ помощи правоваго принужденія, то государство должно превратить ихъ въ правовые приказы или запреты. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что государство, въ своей дѣятельности, не должно выходить за предѣлы *необходимости* права, т.-е., за предѣлы тѣхъ отношеній и интересовъ, для которыхъ *необходима* правовая охрана. Тѣ изъ означенныхъ выше правилъ, для которыхъ необходима уголовная санкція, должны занять мѣсто въ уголовномъ кодексѣ. Но пока личность не вышла за предѣлы равнаго съ другими гражданами права добиваться возможно лучшей жизни, она не можетъ подлежать никакимъ наказаніямъ. Преступленіемъ, слѣдовательно, можетъ считаться лишь такое поведеніе, при которомъ гражданинъ выходитъ за предѣлы свободы, совмѣстимой съ общимъ прогрессомъ, съ прогрессомъ всего государства, за предѣлы допустимаго въ государствѣ служенія собственнымъ интересамъ.

---

[1]) Такъ какъ о прогрессѣ въ какой-либо области можетъ быть рѣчь лишь при условіи, что достигнутое въ этой области развитіе не уменьшается, а, наоборотъ, стремится увеличиться, то мы позволяемъ себѣ слова „наличное благосостояніе и прогрессъ“ замѣнить, для краткости, однимъ словомъ „прогрессъ“.

Одинъ изъ признаковъ того поведенія личности, которое должно быть заносимо законодателемъ на страницы уголовнаго кодекса, такимъ образомъ, выяснился. Теперь пойдемъ далѣе. Такъ какъ преступленіемъ можетъ считаться лишь нарушеніе личностью допустимой для нея свободы, а свобода можетъ быть нарушена лишь внѣшнимъ поведеніемъ, лишь совершеніемъ тѣхъ дѣйствій, которыя запрещены, или, наоборотъ, несовершеніемъ тѣхъ дѣйствій, которыя предписаны, то, значитъ, преступленіемъ можетъ быть лишь внѣшнее поведеніе личности. Внутренніе акты—мысли, убѣжденія—могутъ приводить къ преступленіямъ, но сами не должны считаться преступленіями. Притомъ, облагать ихъ наказаніями было бы, по меньшей мѣрѣ, безполезно по невозможности обезпечить въ данномъ случаѣ наказанію достаточную полноту практическаго примѣненія. Безъ достаточно же полнаго практическаго примѣненія наказаніе не можетъ оказывать никакого предупредительнаго дѣйствія, т.-е., значитъ, не имѣетъ смысла [1]).

Не должно считаться преступленіемъ и простое выраженіе какихъ-либо мыслей, если, разумѣется, съ нимъ не соединяются оскорбленіе или опозореніе кого-либо, безстыдныя дѣйствія, подстрекательство [2]) и вообще какое-либо преступленіе.

Причины такого ограниченія области преступленія понять не трудно.

Въ общихъ интересахъ личностей не только не нужны какія-либо карательныя ограниченія свободы мысли, но, напротивъ, необходимо совершенное отсутствій такихъ ограниченій, широкая свобода выска-

---

[1]) Ср. Основные вопросы ученія о наказаніи, стр. 377, 375 сл.

[2]) Признаки, разграничивающіе подстрекательство отъ простого выраженія своихъ убѣжденій, указываются нами ниже, въ 1 главѣ.

зывать и критически изслѣдовать всѣ возможные взгляды и точки зрѣнія. Духовное развитіе личности требуетъ свободы проявленія творческихъ силъ духа, свободной борьбы и критики идей. Разумъ развивается посредствомъ напряженнаго исканія истины и критической работы надъ представляющимися ему точками зрѣнія. Каждое міровоззрѣніе есть достояніе всего человѣчества и имѣетъ право на уваженіе настолько, чтобы погибнуть лишь естественною смертью, лишь когда обнаружилось, что оно не представляетъ собою никакой дѣйствительной духовной цѣнности. Чѣмъ свободнѣе высказываются и критикуются разныя воззрѣнія, тѣмъ труднѣе устоять заблужденію, тѣмъ полнѣе и легче выясняется истина, тѣмъ болѣе оказывается у каждой личности точекъ зрѣнія, въ которыхъ надо разобраться, тѣмъ болѣе возбуждается критическая работа духа, тѣмъ энергичнѣе идетъ духовное развитіе.... Тотъ, кто свободно выражаетъ свои убѣжденія, не совершаетъ никакого посягательства на чье-либо благосостояніе. Далѣе, принужденіе вообще плохое орудіе для насажденія истины и искорененія заблужденій. Если для распространенія даннаго заблужденія въ духовномъ состояніи гражданъ есть благопріятная почва, принужденіе не сможетъ убить его, какъ не сможетъ и насадить истины, для которой граждане еще не созрѣли духовно. Ложь искореняется и истина утверждается лишь внутренней критической работой духа, для возбужденія и развитія которой необходима, какъ сказано, свобода мысли и слова. Опытъ даетъ достаточно примѣровъ, подтверждающихъ, что стремясь принужденіемъ заставить вѣрить въ извѣстное ученіе, или, наоборотъ, признавать его ложнымъ, государство можетъ лишь пролить потоки крови, но такимъ путемъ достигнетъ или прямо обратнаго желаемому

результата, создавъ для даннаго ученія притягательные своей внутренней красотой образцы мученичества, или добьется лишь ничтожныхъ и скоропреходящихъ результатовъ. Наказаніями оно можетъ, конечно, заставить возможно болѣе ловко скрывать неугодныя ему убѣжденія, сдѣлаетъ выраженіе ихъ «подпольнымъ», но рѣдко когда достигнетъ бо́льшихъ результатовъ. Во всякомъ случаѣ, устраняя свободную борьбу мнѣній, принужденіе можетъ лишь вредить разоблаченію заблужденій и затруднять выясненіе истины. Истина достигаетъ господства своей внутренней духовной силой и въ услугахъ внѣшняго принужденія не нуждается.

Изъ сказаннаго вполнѣ выясняется, какъ должно относиться государство, въ своей карательной дѣятельности, къ убѣжденіямъ и простому выраженію ихъ вовнѣ. Оно должно, конечно, заботиться о духовномъ развитіи своихъ гражданъ, но отсюда не только не вытекаетъ его право принуждать къ принятію какихъ-либо воззрѣній или запрещать выраженіе какихъ-либо взглядовъ, а вытекаетъ нѣчто совершенно иное, именно обязанность его дать, поскольку это необходимо, правовую охрану внѣшнимъ условіямъ, при которыхъ гражданамъ было бы возможно облегчено добываніе истинъ, относящихся къ разнымъ сферамъ бытія. Къ числу такихъ условій, прежде всего, принадлежатъ: свобода выраженія тѣхъ взглядовъ, къ которымъ привела работа ума, и свобода критики всѣхъ другихъ взглядовъ и точекъ зрѣнія по тѣмъ же вопросамъ; и оба эти условія, поскольку они нуждаются въ правовой защитѣ, должны быть охранены государствомъ.

Свобода должна принадлежать безусловно всякимъ мнѣніямъ, независимо отъ того, раздѣляются ли они многими или немногими, представляются ли полез-

ными, безразличными или вредными. «Если бы, напр., все человѣчество, говоритъ Дж. Ст. Милль, за исключеніемъ только одного лица, придерживалось одного опредѣленнаго убѣжденія, а это одно лицо—противоположнаго, то человѣчество было бы настолько же неправо, если бы заставило замолчать этого человѣка, какъ былъ бы неправъ этотъ одинъ человѣкъ, если бы, имѣя на то власть, заставилъ бы замолчать человѣчество». «Если бы извѣстное убѣжденіе было личною собственностью, которая имѣла бы цѣнность только для его обладателя и запрещеніе пользоваться имъ причиняло бы только частный, личный вредъ, то это запрещеніе отразилось бы лишь на извѣстномъ ограниченномъ числѣ людей, но особыя свойства вреда отъ стѣсненія свободы мнѣній заключается именно въ томъ, что этимъ стѣсненіемъ какъ бы наносится ущербъ всему человѣческому роду, одинаково, какъ потомству, такъ и настоящему поколѣнію; наносится ущербъ какъ тѣмъ, которые могли бы примкнуть къ этимъ мнѣніямъ, такъ еще болѣе тѣмъ, которые не раздѣляютъ этихъ мнѣній». «Если означенное мнѣніе заключало въ себѣ непреложную истину, то черезъ подобное стѣсненіе люди лишаются возможности отличить заблужденіе отъ истины; если же мнѣніе ложно, то люди лишаются не менѣе важнаго преимущества, т. е., болѣе яснаго пониманія и болѣе глубокаго усвоеніе истины, проистекающихъ отъ столкновенія истины съ заблужденіемъ» [1]).

Итакъ, преступленіемъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ считаться лишь внѣшнее поведеніе человѣка, а отнюдь не его мысли, и притомъ, такое внѣшнее поведеніе, которое представляетъ собою болѣе, чѣмъ простое выраженіе какихъ-либо убѣжденій.

---

[1]) *Дж. Ст. Милль*, О свободѣ, стр. 35.

Для наказуемости необходимо, далѣе, чтобы это внѣшнее поведеніе представляло собою извѣстное *отношеніе* человѣка *къ другимъ людямъ*, а не отношеніе его къ самому себѣ. Это вытекаетъ, прежде всего, изъ того, что свобода личности можетъ быть ограничиваема правомъ, лишь поскольку это необходимо для совмѣщенія ея съ равной свободой другихъ людей. Съ другой стороны, нѣтъ никакой необходимости стараться принужденіемъ удерживать людей отъ причиненія вреда самимъ себѣ. Присущее человѣку стремленіе избѣгать того, что онъ считаетъ зломъ для себя, голосъ совѣсти и общественное мнѣніе являются достаточными регуляторами отношенія человѣка къ самому себѣ [1]).

Преступленіемъ, далѣе, можетъ считаться лишь такое поведеніе человѣка, которое причиняетъ *прямой* вредъ другимъ людямъ, т. е. которое прямо разрушаетъ или повреждаетъ чье-либо чужое благо или благо, общее у преступника съ другими людьми, или состоитъ въ несовершеніи для другихъ людей извѣстныхъ полезныхъ для нихъ дѣйствій, совершать которыя личность обязана въ общихъ интересахъ. Но, говоря о вредѣ, надо имѣть въ виду, что это слово можетъ имѣть очень широкое значеніе. Подъ вредными, въ широкомъ смыслѣ слова, можно разумѣть и дѣянія, прямо вредящія только самому виновнику ихъ, для другихъ же вредныя лишь въ качествѣ соблазнительнаго примѣра, поскольку они могутъ вызвать подражаніе. Вредными для другихъ

---

[1]) Этому не противорѣчитъ фактъ существованія преступнаго бездѣйствія, такъ какъ и въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ извѣстное недозволенное внѣшнее, физическое отношеніе къ чужимъ благамъ или интересамъ; только это отношеніе не носитъ здѣсь обыкновенно характера того прямого разрушительнаго воздѣйствія, которое мы имѣемъ при delicta commissionis.

можно считать и такія дѣянія, которыя, не причиняя другимъ прямого, непосредственнаго вреда, вредятъ имъ тѣмъ, что дѣлаютъ своего виновника худшимъ человѣкомъ и лишаютъ другихъ людей всей той суммы полезностей, которую они получили бы отъ даннаго субъекта, веди онъ себя иначе. Но этого косвеннаго, отдаленнаго вреда недостаточно еще для того, чтобы зачислить дѣяніе въ списокъ преступленій. Такъ какъ дѣянія, приносящія только такой вредъ, падаютъ своей тяжестью прежде всего и главнымъ образомъ на самого виновника ихъ, то, какъ только что замѣчено выше, они достаточно предупреждаются факторами, регулирующими отношенія человѣка къ самому себѣ. Съ другой стороны, если наказывать эти дѣянія ради косвеннаго вреда, ими приносимаго, то пришлось бы въ каждомъ случаѣ констатировать этотъ вредъ; наличность же и объемъ его чрезвычайно трудно установить въ отдѣльныхъ случаяхъ. Наконецъ, нельзя не видѣть, что объемъ карательной дѣятельности, стѣсненіе свободы, ею причиняемое и издержки государства на эту дѣятельность возросли бы тогда до крайности, не принося никакой пользы обществу. Всякій дурной поступокъ сталъ бы кандидатомъ на мѣсто въ спискѣ преступленій. Между тѣмъ, карательная дѣятельность должна вносить въ общество какъ можно менѣе страданій, какъ можно менѣе стѣсненій [1]).

Условія благосостоянія личности въ концѣ концовъ сводятся къ разнообразнымъ благамъ непосредственнымъ и посредственнымъ, т. е. къ благамъ, или непосредственно доставляющимъ человѣку извѣстное удовольствіе, или устраняющимъ какое-нибудь страданіе, или же лишь служащимъ производству, пріі-

---

[1]) См. мои *Основные вопросы ученія о наказаніи*, стр. 365 сл.

обрѣтенію, пользованію или охранѣ благъ непосредственныхъ [1]).

Всѣ блага можно подраздѣлить на два разряда: первый разрядъ составляютъ такія, которыя находятся, или, по крайней мѣрѣ, по природѣ своей могутъ находиться въ частномъ обладаніи отдѣльнаго лица. Эти блага я назову частными; къ нимъ относятся: свойства и состоянія личности, внѣшніе, матеріальные предметы и т. д. Второй разрядъ составляютъ блага, заключающіяся въ разнообразныхъ союзахъ личностей, въ существованіи, правильномъ строеніи и функціонированіи этихъ союзовъ; по самой природѣ своей эти блага не могутъ находиться въ обладаніи отдѣльной личности, а всегда служатъ сразу нѣсколькимъ личностямъ. Эти блага я назову, для краткости, общественными.

Слѣдуя этому подраздѣленію, мы можемъ сказать, что преступленіемъ должно считаться лишь такое поведеніе личности, которое причиняетъ прямой вредъ частнымъ или общественнымъ благамъ другихъ людей.

Наконецъ, послѣднее условіе для того, чтобы дѣяніе должно было быть зачислено въ списокъ преступныхъ, — это *необходимость*, въ цѣляхъ предупрежденія его, уголовной кары. Государство служитъ личности посредствомъ права и въ своей дѣятельности вообще не должно выходить за предѣлы необходимости права; и карательная дѣятельность не должна выходить за предѣлы тѣхъ случаевъ, въ которыхъ, въ цѣляхъ предупрежденія, наказаніе необходимо. Подъ необходимостью же права и наказанія надо разумѣть слѣдующее. Правовая охрана необхо-

---

[1]) Подъ благомъ въ данномъ случаѣ, конечно, слѣдуетъ разумѣть не одни полезные человѣку матеріальные предметы, а и состоянія и отношенія лицъ и вещей, все, что вообще удовлетворяетъ какой-либо потребности человѣка.

дима для тѣхъ интересовъ и отношеній, которые безъ нея не могли бы достаточно утвердиться въ жизни, т. е. которые только при защитѣ правомъ будутъ какъ правило осуществляться и соблюдаться въ обществѣ и лишь въ видѣ исключенія нарушаться. Подъ необходимостью наказанія, значитъ, надо разумѣть слѣдующее: преступленіе есть нарушеніе извѣстнаго правила поведенія, обезпечить соблюденіе котораго въ государствѣ необходимо для того, чтобы граждане могли пользоваться извѣстнымъ благомъ или благами. Если и безъ помощи наказанія можно достигнуть того, что данное правило поведенія будетъ соблюдаться въ государствѣ какъ общее правило, а нарушенія его будутъ исключеніями, то наказаніе и не должно въ этомъ случаѣ имѣть мѣста.

Такимъ образомъ, законодатель не долженъ облагать наказаніями:

I. дѣяній, достаточно предупреждаемыхъ голосомъ общественнаго мнѣнія и нравственности;

II. дѣяній, достаточно предупреждаемыхъ мѣрами правосудія гражданскаго;

III. дѣяній, естественныя (т. е., по законамъ природы наступающія) послѣдствія которыхъ настолько тяжки для самого дѣйствующаго, что отъ повторенія ихъ достаточно удерживаетъ уже эгоизмъ личности, такъ что, если эти дѣянія и совершаются изрѣдка въ обществѣ, то лишь при совершенно исключительныхъ условіяхъ, заглушающихъ голосъ эгоизма;

IV. дѣяній, слишкомъ легко ускользающихъ отъ рукъ правосудія, слишкомъ трудно распознаваемыхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Наказаніе есть воздѣйствіе на личность, имѣющее своею цѣлью производить такое впечатлѣніе на душу людей, которое предупреждало бы совершеніе пре-

ступленій. Ассоціируясь въ мысли съ даннымъ поведеніемъ, какъ слѣдствіе съ причиной, оно должно со всей доступной силой противодѣйствовать возникновенію и развитію стремленія къ этому поведенію. Разъ нѣтъ надобности для предупрежденія извѣстныхъ дѣяній соединять съ ними, какъ съ причинами, извѣстныя невыгодныя для виновника послѣдствія, потому что естественныя послѣдствія ихъ достаточно тяжки и трудно предотвратимы, то не нужно, значитъ, и наказаніе. Если, далѣе, для предупрежденія извѣстныхъ дѣяній достаточно принуждать виновниковъ этихъ дѣяній къ вознагражденію причиненнаго ими матеріальнаго вреда, не подвергая ихъ, кромѣ того, наказанію, то послѣднее и не должно имѣть мѣста. Оно не должно быть назначаемо и за такія дѣянія, которыя по природѣ своей слишкомъ легко ускользаютъ отъ вниманія органовъ правосудія, такъ какъ въ этихъ случаяхъ невозможно достигнуть достаточно полнаго примѣненія наказанія. Рядъ случаевъ примѣненія уголовной кары за извѣстныя дѣянія, разсѣянный въ обществѣ, долженъ воспитывать въ гражданахъ ясное сознаніе недозволенности этихъ дѣяній и неизбѣжности уголовной отвѣтственности за нихъ. Но для того, чтобы имѣть такое вліяніе на общество, онъ долженъ быть достаточно полонъ. Только при условіи, что случаи безнаказанности составляютъ рѣдкое исключеніе, у гражданъ можетъ образоваться увѣренность въ неизбѣжности наказанія. А въ этой увѣренности лежитъ главный корень противодѣйствующей силы идеи наказанія. Если же, наоборотъ, у каждаго будутъ подъ руками примѣры, когда угроза закона оставалась мертвою буквою, то мысль о наказаніи, даже если она и будетъ сопровождать мысль о преступленіи, не будетъ имѣть надлежащаго воздѣйствія на волю. Вотъ почему дѣянія

слишкомъ легко ускользающія отъ органовъ правосудія, какъ, напр., пьянство, и не должны быть облагаемы наказаніями, даже если другія условія примѣненія наказанія налицо.

Сводя наши замѣчанія къ одной общей формулѣ, мы можемъ сказать, что *преступленіемъ должно считаться лишь такое поведеніе, которое выходитъ за предѣлы свободы личности, совмѣстимой съ общимъ прогрессомъ, причиняетъ прямой вредъ частнымъ или общественнымъ благамъ другихъ людей и не можетъ быть въ достаточной мѣрѣ предупреждаемо, если его не будетъ сопровождать въ качествѣ послѣдствія уголовное наказаніе.*

Наказаніе имѣетъ своей задачей добиться не того, чтобы въ государствѣ совсѣмъ не совершалось преступленій, или какого-либо вида ихъ, а чтобы нарушаемыя данными преступленіями нормы поведенія какъ правила исполнялись въ подлежащихъ случаяхъ, а нарушенія ихъ были рѣдкими исключеніями. Уничтожить преступленіе или какой-либо отдѣльный его видъ—недостижимая задача. Въ условіяхъ личной и общественной жизни для нѣкоторыхъ индивидовъ, для которыхъ эти условія случайно сложились несчастно, всегда будутъ заключаться извѣстные поводы и соблазны вступить на преступный путь. Не задаваясь призрачной цѣлью совсѣмъ изгнать преступленіе изъ общественной жизни, надо стремиться лишь возможно сократить размѣры и значеніе этого зла.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Два типа уголовной охраны религіи; общій очеркъ отношенія къ религіи важнѣйшихъ западныхъ государствъ до конца XVIII вѣка; оцѣнка этого отношенія. Идея религіозной свободы. Общій принципъ, опредѣляющій направленіе и объемъ уголовной охраны религіи.

Установить общій принципъ, опредѣляющій, какова должна быть уголовная охрана религіи,—такова первая задача нашего изслѣдованія религіозныхъ преступленій. При рѣшеніи ея мы будемъ основываться на выставленныхъ выше началахъ, которыя сводятся къ требованію, чтобы государство ограничивало свободу гражданъ лишь постольку, поскольку это необходимо въ цѣляхъ обезпеченія наибольшаго развитія въ немъ каждой изъ составляющихъ его личностей. Съ этой точки зрѣнія нашъ вопросъ сводится къ тому, чтобы рѣшить, какого рода уголовную охрану должно давать религіи государство въ цѣляхъ наибольшаго общаго прогресса гражданъ?

Что государство не можетъ относиться къ религіи безразлично или съ пренебреженіемъ, а должно дать ей извѣстную охрану—въ этомъ нельзя сомнѣваться ни минуты. Религія составляетъ весьма важное благо для громаднѣйшаго большинства людей. Обладаніе этимъ благомъ, исповѣданіе извѣстной религіи и внѣшнее выраженіе вѣрованій въ формѣ какого-либо культа или проповѣди сами по себѣ, т. е. если съ ними не соединяется какихъ-либо оскорбленій или насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ другимъ

людямъ, ничѣмъ не стѣсняютъ другихъ людей, такъ что, отказывая религіи во всякой охранѣ, государство не могло бы сослаться на то, что такая охрана нарушила бы чьи-либо интересы. Въ религіи находятъ себѣ удовлетвореніе высшіе интересы милліоновъ людей. Въ ней, прежде всего, получаютъ себѣ удовлетвореніе запросы человѣческаго мышленія, которое всегда ищетъ объединить свои разрозненныя свѣдѣнія о мірѣ въ какомъ-либо конечномъ синтезѣ; удовлетвореніе этого настойчиваго требованія ума доставляетъ человѣку рядъ высокихъ наслажденій. Всякая же религія представляетъ собою извѣстное міросозерцаніе, въ болѣе или менѣе живыхъ и содержательныхъ образахъ выражающее, какимъ представляется человѣку міръ и свое положеніе въ немъ. Если противъ этого замѣтятъ, что религія легко можетъ и стѣснять свободное развитіе мышленія, давая ему готовый конечный синтезъ и заключая его въ извѣстныя неподвижныя догматическія рамки, то на это можно возразить, что такое стѣсненіе не будетъ имѣть мѣста, какъ скоро признана полная свобода исповѣдывать какую угодно религію, и развитію самой религіи не поставлено со стороны государства никакихъ искусственныхъ границъ и препятствій. Тогда религія будетъ міросозерцаніемъ, которое человѣкъ принимаетъ совершенно свободно, зная, или по крайней мѣрѣ имѣя возможность знать, всѣ возраженія противъ него и самъ имѣя возможность критически къ нему отнестись. Между содержаніемъ религіи и силой и потребностями ума дѣйствительно, а не на бумагѣ только, исповѣдующихъ ее лицъ всегда есть извѣстное соотвѣтствіе. Чѣмъ ниже стоитъ по своему развитію познающій духъ, чѣмъ бѣднѣе онъ образами и знаніями, тѣмъ меньшей полнотой и глубиной будетъ отличаться и создаваемая имъ

религія, тѣмъ малочисленнѣе, наивнѣе и грубѣе будутъ даваемые ею образы. Между наивными вѣрованіями дикарей, носящими ясную печать скудости ихъ духа и низменности его развитія, и позднѣйшими наиболѣе развитыми монотеистическими религіями— цѣлая пропасть. Религіозныя идеи несомнѣнно развиваются вмѣстѣ съ человѣкомъ. [1]) Въ болѣе или менѣе развитомъ своемъ состояніи религія содержитъ уже въ себѣ отвѣты на всѣ важнѣйшіе вопросы человѣческаго духа, является довольно полнымъ и отчетливымъ міровоззрѣніемъ. Отсюда человѣкъ почерпаетъ не только свои взгляды на происхожденіе міра, на міръ въ его цѣломъ и отношеніе къ нему Божества и т. д., но и познаніе своего назначенія въ мірѣ, тѣхъ обязанностей, которыя онъ долженъ выполнить въ здѣшней, земной жизни и той судьбы, которая его ожидаетъ послѣ смерти, за гробомъ. Здѣсь черпаетъ себѣ точки опоры и содержаніе для своихъ мучительныхъ указаній и человѣческая совѣсть. Словомъ, для искренне вѣрующаго религія является не только высшимъ синтезомъ его идей, доставляющимъ ему высокое духовное удовлетвореніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ высшимъ руководителемъ практической жизни.

При этомъ, срастаясь со всѣми сторонами внутренней жизни человѣка, религія каждаго всегда носитъ на себѣ живой отпечатокъ его личности, до извѣстной степени, такъ сказать, индивидуализируется. Какъ ни тверды формы, въ которыя выливаются религіозныя ученія, онѣ все-таки допускаютъ нѣкоторое приспособленіе къ особенностямъ лично-

---

[1]) На фактъ этого развитія не разъ указывали изслѣдователи религіи. См. напр. *Мензисъ*, Исторія религіи, очеркъ первобытныхъ вѣрованій и характеръ великихъ религіозныхъ системъ (С.П.Б. 1897) стр. 3 сл. „Какъ наука, такъ и религія, говоритъ *Геффдингъ*, находятся въ процессѣ непрерывнаго развитія". Философія религіи, стр. 25; см. также стр. 133 сл.; стр. 355 сл.

сти, выражающееся въ различномъ пониманіи и толкованіи отдѣльныхъ элементовъ ученій или словъ, въ приданіи однимъ частямъ ученія чрезмѣрно большого, или, наоборотъ, чрезмѣрно малаго, предпочтительнаго передъ другими или, напротивъ, второстепеннаго значенія. А когда запросы духа недостаточно удовлетворяются этой нѣкоторой индивидуализаціей, духъ создаетъ новое вѣроученіе, трактуемое господствующими ученіями какъ такъ называемая ересь, или вовсе оставляетъ почву религіи и переходитъ къ міросозерцанію иного рода.

Въ религіи есть и другая сторона, заслуживающая не меньшаго вниманія, именно ея практическое значеніе, какъ силы, вдохновляющей человѣка на подвиги и жертвы, примиряющей его съ выпадающими на его долю несправедливостями и тягостями надеждой, что Всевидящій Богъ наградитъ его въ жизни будущей, утѣшающей его въ самыхъ тягостныхъ и невознаградимыхъ утратахъ вѣрою на встрѣчу съ утраченными дорогими людьми въ жизни загробной и. т. д.

Если къ сказанному прибавить, что съ религіознымъ міровоззрѣніемъ у искренно вѣрующихъ соединяется еще особое чувство благоговѣнія къ объектамъ ихъ вѣрованій, чувство, заставляющее особенно сильно воспринимать разныя дѣйствія, болѣе или менѣе затрогивающія эти объекты, то необходимость охраны религіи станетъ вполнѣ очевидной. Въ этомъ отношеніи, по сравненію съ міровоззрѣніями иного рода, религія представляетъ нѣчто совершенно особенное.

Со всѣми означенными свойствами и вліяніями религіи, дѣлающими ее чрезвычайно цѣннымъ благомъ для милліоновъ людей и слишкомъ значительной духовной силой, государство, разумѣется, не можетъ

не считаться; оно не можетъ, поэтому, относиться къ религіи съ невниманіемъ или пренебреженіемъ и не давать ей никакой охраны. Но какую же охрану оно должно ей давать? Рѣшая этотъ вопросъ, посмотримъ сначала, въ какіе типы выливалась и выливается въ дѣйствительности даваемая государствомъ религіи охрана; сопоставленіе и оцѣнка этихъ типовъ всего лучше и раскроетъ намъ правильный отвѣтъ на данный вопросъ. Исторія и дѣйствительность свидѣтельствуютъ намъ, что государство можетъ давать религіи двоякаго рода уголовную охрану.

1) Во-первыхъ, оно можетъ стараться карательными мѣрами поддержать и охранить распространеніе извѣстной религіи въ народѣ, насильственно устраняя въ то же время отъ господства или стараясь вовсе искоренить другія религіозныя ученія. Говоря короче, этотъ видъ охраны сводится къ насильственному утвержденію въ обществѣ извѣстной религіи. Формы, въ которыхъ онъ можетъ проявиться, чрезвычайно разнообразны: открытое гоненіе нѣкоторыхъ религіозныхъ ученій и партій, запретъ отпаденія отъ покровительствуемой религіи, запрещеніе сторонникамъ извѣстныхъ религій публично отправлять богослуженіе или проповѣдывать свою религію и т. д. Необходимымъ элементомъ даннаго вида охраны является суровое преслѣдованіе всякихъ оскорбительныхъ и насильственныхъ дѣйствій, поражающихъ религіозное чувство сторонниковъ покровительствуемыхъ религій; сторонники же непокровительствуемыхъ религій этой послѣдней спеціальной охраной отъ насилій и оскорбленій ихъ религіознаго чувства или вовсе не пользуются, или пользуются, но въ меньшей мѣрѣ.

2) Во-вторыхъ, государство можетъ наказывать лишь оскорбительныя и насильственныя дѣйствія,

поражающія религіозную свободу, вовсе не стараясь наказаніями поддержать, или, напротивъ, подавить распространеніе какой-либо религіи. Оттѣнки такой охраны также могутъ быть различны: всѣ религіи могутъ быть охраняемы одинаково, или, наоборотъ, одной или нѣсколькимъ изъ нихъ можетъ быть оказано предпочтеніе и дана особенно энергичная охрана, нѣкоторыя же могутъ быть вовсе лишены такой охраны и т. д.

Таковы два основные типа уголовной охраны религіи. Намъ необходимо прежде всего внимательно разсмотрѣть и оцѣнить первый изъ нихъ. Наиболѣе полное и яркое выраженіе свое онъ получилъ въ средневѣковыхъ западноевропейскихъ государствахъ. Изъ среднихъ вѣковъ это отношеніе къ религіи перешло въ послѣдующія столѣтія и продолжало существовать на христіанскомъ западѣ до сравнительно недавняго времени. Исторія христіанскихъ народовъ вообще полна ожесточенной религіозной борьбы, въ которой уголовныя наказанія играли весьма видную роль. Какъ скоро извѣстная религіозная партія добивалась господствующаго положенія въ государствѣ и получала возможность въ извѣстной мѣрѣ располагать государственнымъ принужденіемъ, она тотчасъ обращала послѣднее противъ своихъ враговъ. Въ одномъ мѣстѣ католики преслѣдовали лютеранъ, кальвинистовъ и сторонниковъ другихъ вѣроученій, какъ еретиковъ, а въ другомъ мѣстѣ—еретиками считались прежде всего католики, и, какъ таковые, терпѣли гоненія и всякія притѣсненія. Христіане гнали и мучили христіанъ.... Сторонники религіи, не допускающей никакого принужденія въ дѣлахъ вѣры, повелѣвающей прощать враговъ и молиться за нихъ, съ необыкновенной жестокостью и фанатизмомъ истребляли своихъ христіанскихъ враговъ—тысячами подвер-

гали ихъ самымъ ужаснымъ пыткамъ, гноили въ тюрьмахъ, жгли на кострахъ..... Этой взаимной ненавистью и стремленіемъ другъ друга подавить и истребить христіанскія религіи рѣзко отличались отъ языческихъ. Языческимъ религіямъ совсѣмъ не было присуще то стремленіе къ насильственному распространенію и искорененію другихъ религій, которое наблюдается у христіанскихъ религій въ отношеніи другъ друга и которое приводило къ чудовищнымъ и кровавымъ религіознымъ гоненіямъ и войнамъ въ средніе вѣка и въ позднѣйшія столѣтія. «Въ древнемъ мірѣ господствовалъ политеизмъ, т. е. обоготвореніе природы, породившій безчисленное количество чисто національныхъ и мѣстныхъ культовъ». «Не только каждый древній народъ, но даже и каждый городъ имѣлъ своихъ особыхъ боговъ, героевъ и оракуловъ». «Политеистическіе культы уживались мирно другъ съ другомъ, и всѣ языческіе боги нашли себѣ, наконецъ, мѣсто въ римскомъ пантеонѣ, подобно тому, какъ всѣ народы и государства древности вошли въ одинъ политическій организмъ римской имперіи». «Подобное явленіе возможно было лишь потому, что всѣ политеистическіе культы покоились на одномъ и томъ же основаніи,—обоготвореніи природы». «Древніе язычники, поклоняясь своимъ богамъ, вовсе не отрицали дѣйствительности боговъ своихъ сосѣдей». «Эти боги были для нихъ чужіе, но все же боги». «Ни одному древнему народу не приходило въ голову распространять путемъ насилія или мирной пропаганды свою религію, преслѣдовать или искоренять чужіе культы». [1]

---

[1]) Проф. *Петровъ*, Лекціи по всемірной исторіи. Т. II. Исторія среднихъ вѣковъ. Харьковъ 1888. стр. 3. Ср. *Ruffini*, La liberta religiosa. I, стр. 19 сл. Какъ на одну изъ причинъ, вслѣдствіе которой религіямъ ан-

Религіозная борьба возникла среди христіанскихъ народовъ вскорѣ послѣ того, какъ христіанство получило покровительство и поддержку государства. Пока христіанство было гонимой религіей, оно вы-

---

тичнаго міра было чуждо стремленіе къ насильственному распространенію, *Pollock* указываетъ на отсутствіе у нихъ выработанной догмы; преслѣдованія же обыкновенно возникали на почвѣ догматическихъ разногласій. Essays in jurisprudence and ethics (London 1882) The theory of persecution, стр. 151.

Прекраснымъ примѣромъ терпимости въ отношеніи чужихъ религій можетъ служить древній Римъ (О религіи древняго Рима, ея положеніи въ государствѣ и отношеніи Рима къ религіямъ завоеванныхъ имъ народовъ см. *Mommsen*, D. Religionsfrevel nach romischem Recht. Historische Zeitschrift. 1890. (Bd 64. Neuê Folge Bd 28) стр. 389—429; *его-же*, Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго Т. I, 158 сл; 433 сл; 860 сл; Т. II. 419; 426 сл; Т. III, 500 сл. *Маассенъ*, Девять главъ о свободной церкви и о свободѣ совѣсти. Гл. III-IV. *Бердниковъ*, Государственное положеніе религіи въ римско-византійской имперіи. Т. I. Казань 1881 г.). Римская религія была національнымъ государственнымъ учрежденіемъ, которое легко уживалось съ религіями другихъ народовъ. Завоевывая народы и государства, римляне не старались уничтожить религію побѣжденныхъ и не принуждали ихъ къ принятію своей религіи. Они принимали чужихъ боговъ въ свой Пантеонъ и не только не препятствовали поклоняться имъ, но и сами иногда имъ поклонялись. Осаждая какой-либо городъ, римляне нерѣдко воздавали культъ мѣстнымъ богамъ, желая избѣжать ихъ гнѣва и привлечь ихъ на свою сторону. На религію они смотрѣли какъ на естественный продуктъ національнаго духа и не видѣли ничего особеннаго въ томъ, что у другихъ народовъ существуетъ религія, отличная отъ ихъ собственной. „Всякое государство имѣетъ свою религію, говоритъ Цицеронъ, наше—нашу“... „Римляне такъ мало приписывали своей религіи призваніе быть общеобязательной, что въ древнѣйшее время культъ римскихъ боговъ скрываемъ былъ отъ иностранцевъ, какъ тайна, нарушеніе которой могло повлечь за собою даже смертную казнь“. (*Маассенъ*, у. с. стр. 17);..... „къ чувству приверженности къ своимъ богамъ, замѣчаетъ проф. Бердниковъ (у. с. стр. 27—28), примѣшивалось у римлянъ ревнивое опасеніе, чтобы они не прельстились какъ-нибудь обѣщаніями другихъ богомольцевъ и не измѣнили Риму“.

Причины враждебнаго отношенія Рима къ христіанству заключались не въ нетерпимости римской религіи, а въ характерѣ христіанства, принципіально отрицавшаго основы языческаго государства и въ его наступательномъ

соко держало знамя свободы совѣсти и не допускало никакого принужденія въ дѣлахъ вѣры. Но когда оно превратилось изъ гонимой въ покровительствуемую государствомъ религію, оно само открыло гоненія на другія религіи.' «Христіане до Константина, говоритъ Маассенъ, [1]) желали отъ государства свободы совѣсти и обыкновенной юридической защиты, больше ничего». «У нихъ была твердая увѣренность, что христіанская религія побѣдитъ силою своей истины; они были убѣждены даже, что грѣшно другими средствами содѣйствовать ея побѣдѣ». «Иначе со времени Константина». «Съ тѣхъ поръ, какъ римское государство приняло церковь, болѣе и болѣе сживались съ мыслью, что церковь можетъ также принуждать и господствовать средствами государственной власти.» [2]) Съ развитіемъ церковныхъ споровъ и ересей случаи, въ которыхъ представлялось необходимымъ прину-

---

движенія противъ этого государства и его религіи. Прекрасно выяснены эти причины *Маассеномъ*, у. с. стр, 24 сл; см. также *Dollinger*, Die Geschichte der religiosen Freiheit. Akademische Vorträge. III, 274 f; *Eicken*, Geschichte und System der mittelälterlichen Weltanschauung (1887) стр. 109 сл. D. Christenthum und der römische Staat.

[1]) Девять главъ о свободной церкви и о свободѣ совѣсти, стр. 68.

[2]) Константинъ Великій началъ съ провозглашенія принципа вѣротерпимости. Въ 312 году онъ издалъ эдиктъ, провозглашавшій всеобщую свободу вѣроисповѣданій; „дозволяемъ, говорится тамъ, христіанамъ и всякаго другого рода людямъ слѣдовать той религіи, какую имѣть пожелаютъ“. (Цитата взята изъ сочиненія *Срѣтенскаго*, Критическій анализъ главнѣйшихъ ученій объ отношеніи между церковью и государствомъ В. І. М, 1878, стр. 10. См. также выдержки изъ этого эдикта у *Кипарисова*. О свободѣ совѣсти, стр. 98 сл.). Затѣмъ, въ послѣдующихъ эдиктахъ отдается уже извѣстное предпочтеніе христіанству, а побѣда надъ Ликиніемъ окончательно склонила императора на сторону христіанства и сдѣлала послѣднее государственной религіей. Подробности объ отношеніи Константина Великаго къ христіанству и христіанской церкви см. въ указанной книгѣ Срѣтенскаго, стр. 10—16.

жденіе, все учащались, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась и необходимость въ содѣйствіи и поддержкѣ свѣтской власти, въ распоряженіи которой находились разныя мѣры принужденія; все болѣе суровыми становились и формы примѣняемаго принужденія.

Однако первое время послѣ того, какъ христіанство стало покровительствуемой государствомъ религіей, вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла вѣры не было еще возведено въ систематическое ученіе, хотя духовенство и прибѣгало по временамъ къ ея помощи. Сознаніе недозволенности принужденія въ дѣлахъ вѣры было еще живо и со стороны отцовъ церкви нерѣдко слышались голоса въ защиту полной свободы совѣсти. «Христіанамъ не дозволено, говорилъ напримѣръ Златоустъ, уничтожать заблужденія принужденіемъ и силою; они могутъ вести людей къ спасенію единственно убѣжденіемъ, разумомъ и любовью». [1]) Только со времени Августина и его знаменитаго спора съ донатистами выдвигается и пріобрѣтаетъ господство противоположный взглядъ, развивается цѣлая теорія преслѣдованія еретиковъ. Ради любви, говоритъ Августинъ. люди не должны быть предоставляемы собственной злой ихъ волѣ, но, поскольку возможно, слѣдуетъ препятствовать совершенію ими зла и принуждать ихъ къ добру. Если злая воля должна быть предоставлена своей свободѣ, какъ утверждаютъ донатисты, то почему же, говоритъ Августинъ, израильтяне, ропщущіе и сопротивляющіеся, были удерживаемы отъ зла столь жестокимъ бичеваніемъ и принуждались войти въ землю обѣтованную? Почему Павелъ, преслѣдовавшій церковь, не былъ предоставленъ своей злой волѣ, но былъ по-

---

[1]) *Чичеринъ*. Исторія политическихъ ученій. I, 111. Ср. *Döllinger*. Die Geschichte der religiosen Freiheit. Akademische Vorträge III, 277—278.

верженъ на землю и ослѣпленъ; къ вѣрѣ въ Евангеліе, такимъ образомъ, онъ былъ вынужденъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Самъ Богъ предписываетъ принужденіе, какъ это видно изъ притчи о домохозяинѣ, который, посылая раба созывать гостей на брачный пиръ, говоритъ: «*принуждай* ихъ войти» (въ латинскомъ текстѣ—compelle intrare).[1]) Государство наказываетъ всякія преступленія—разбои, убійства, прелюбодѣянія и т. д. Неужели одни только преступленія противъ Бога должны оставаться безнаказанными? Если законъ преслѣдуетъ отравителей, то почему же онъ долженъ оставлять безъ наказанія еретиковъ и сѣятелей разныхъ смутъ и раздоровъ? Если онъ караетъ прелюбодѣяніе, то почему же онъ долженъ щадить не сохранившихъ въ душѣ вѣры въ Бога? Развѣ жена, нарушившая вѣрность мужу, болѣе виновна, чѣмъ душа, нарушившая вѣрность Богу? [2])

Воззрѣніе Августина съ теченіемъ времени стало господствующимъ въ средніе вѣка и легло въ основу тѣхъ кровавыхъ гоненій, которыя достигли своего апогея въ ужасахъ испанской инквизиціи. Подавленная этимъ ученіемъ, а также ученіемъ послѣдующихъ отцовъ церкви, Ѳомы Аквинскаго [3]) и другихъ средне-

---

[1]). Это знаменитое compelle intrare сдѣлалось впослѣдствіе лозунгомъ инквизиціи.

[2]). *Кн. Е. Трубецкой*, Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе Блаженнаго Августина (Москва 1892) стр. 155—160. *Чичеринъ*, Исторія политическихъ ученій I, 111—112. *Ruffini*, La libertà religiosa, I, стр. 28 сл.

[3]) По ученію Ѳомы Аквинскаго еретики должны подвергаться всякимъ принудительнымъ мѣрамъ и въ крайнемъ случаѣ должны быть сожигаемы. „Если поддѣлыватели монеты, говоритъ онъ, по справедливости предаются смерти, то не тѣмъ ли болѣе еретики, по справедливости же, должны быть не только отлучаемы, но и убиваемы, какъ скоро они изобличены“? „Но церковь милосердна въ надеждѣ на ихъ обращеніе; она осуждаетъ только послѣ двукратнаго обличенія“. „Если еретикъ и тогда упорствуетъ, то она отказы-

вѣковыхъ авторитетовъ, идея религіозной свободы, яркимъ пламенемъ горѣвшая въ сознаніи христіанъ первыхъ вѣковъ, затерялась и заглохла въ средніе вѣка. Въ XIV столѣтіи она появилась снова, но въ узкой и слабой формѣ протеста противъ права церкви прибѣгать къ мѣрамъ внѣшняго принужденія и, притомъ, имѣла лишь одного защитника—Марсилія Падуанскаго. Въ разсужденіяхъ послѣдняго, однако, вмѣстѣ съ протестомъ противъ практикуемаго церковью принужденія и общимъ образомъ затрагивался вопросъ о наказуемости одного изъ важнѣйшихъ религіозныхъ преступленій среднихъ вѣковъ—ереси. Въ своей книгѣ «Защитникъ мира». (Defensor pacis. 1324 г.) *Марсилій Падуанскій* доказывалъ, что духовенству не принадлежитъ право внѣшняго принужденія. [1]) Всѣ свободныя человѣческія дѣйствія, разсуждаетъ онъ, подлежатъ извѣстнымъ правиламъ. Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ—простые совѣты, другія—имѣютъ принудительную силу и обѣщаютъ награду, или наоборотъ, угрожаютъ наказаніемъ. При этомъ, послѣднія угрожаютъ карой въ здѣшней или будущей жизни; угрожающія карой земной образуютъ законъ человѣческій, грозящія наказаніемъ въ будущей жизни—законъ Божій. Но всякій законъ требуетъ судьи, который бы его примѣнялъ. Судьей по законамъ человѣческимъ является князь, которому подсудны всѣ нарушители этихъ

вается отъ надежды на его обращеніе, отдѣляетъ его, ради спасенія другихъ, отъ церкви и предоставляетъ гражданскому судьѣ вычеркнуть его изъ міра". *Маассенъ*, Девять главъ, стр. 147. Ср. *Чичеринъ*, Исторія политическихъ ученій I, 194 сл.

[1]) *Чичеринъ*. Исторія политическихъ ученій, I, 230 сл. *Маассенъ*, Девять главъ, стр. 146 сл. *Ruffini*, La libertà religiosa I, стр. 47 сл.; *Geffcken*, Staat und Kirche, стр. 182 сл.; *Kohler*. Studien aus dem Strafrecht, VI, 732 сл. *Бѣлогрицъ-Котляревскій*, Преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ Запада, стр. 212 сл.

законовъ даже священнослужители. Судьей же божественнаго закона является лишь Христосъ; въ настоящей жизни для закона Божьяго нѣтъ судьи, а есть только совѣтники, которые учатъ людей, что нужно дѣлать для полученія вѣчной награды и избѣжанія вѣчнаго наказанія. Христосъ далъ своимъ ученикамъ только власть учить, а не принуждать, принужденіемъ нельзя войти въ царство небесное. При извѣстныхъ условіяхъ церкви принадлежитъ право отлучать грѣшниковъ, но право это принадлежитъ не священнику, а всей церкви, т. е. собранію вѣрующихъ, почему Христосъ и сказалъ: *повѣждь церкви*. Что касается отношенія къ ереси гражданскаго закона, то послѣдній можетъ лишь воспретить еретикамъ пребываніе въ извѣстной странѣ, какъ людямъ вреднымъ для другихъ.

Одинокій голосъ Марсилія Падуанскаго рѣзко противорѣчилъ общепринятымъ взглядамъ того времени и порядку вещей, господствовавшему на практикѣ.

Государство въ средніе вѣка считало себя обязаннымъ выступать на защиту истинной вѣры отъ разныхъ лжеученій. По средневѣковымъ воззрѣніямъ спасеніе человѣка зависитъ отъ исповѣданія имъ истинной вѣры; государство, которое оставалось бы равнодушнымъ къ господству правой вѣры и не старалось бы содѣйствовать ему, не выполнило бы важнѣйшей своей обязанности относительно гражданъ и было бы до извѣстной степени виновно въ гибели многихъ душъ. [1]) Какъ ни враждовало временами госу-

---

[1]) Denn da jener Vorstellung gemäss jedes akatholische Bekenntnis die ewige Verdammnis nach sich ziehen musste, so wurden bei der Duldung solcher Irrelehren Staat und Kirche sich zu Mitschuldigen an dem ewigen Verderben zahlloser Seelen gemacht haben. Von diesem Standpunkte aus er-

дарство съ церковью, въ дѣлѣ борьбы съ ересями оно всегда ревностно служило интересамъ церкви.

Своими суровыми карательными постановленіями средневѣковое государство старалось охранять, во-первыхъ, само Божество, т· е. Бога и ниже его стоящихъ высшихъ существъ, которымъ воздается религіозное поклоненіе; во вторыхъ,—христіанское вѣроученіе и церковь, чистоту и распространенность правой вѣры; въ третьихъ—отправленіе богослуженія и разные относящіеся къ культу внѣшніе предметы. [1]) Этими стремленіями и цѣлями охраны и опредѣлялся тотъ широкій и разнообразный кругъ религіозныхъ преступленій, который существовалъ въ законодательствахъ среднихъ вѣковъ. Соотвѣтственно этому и всю массу средневѣковыхъ религіозныхъ преступленій можно подраздѣлить на 3 группы: къ первой относятся дѣянія, направленныя непосредственно противъ самаго Божества, ко второй—посягательства на вѣроученіе и господство истинной вѣры и церкви, къ третьей—дѣйствія, препятствующія богослуженію или посягающія на разные внѣшніе предметы, требующіе къ себѣ особаго почтенія.

Среди преступленій первой группы выдающееся, центральное мѣсто занимало *богохуленіе.* [2]) Подъ богохуленіемъ разумѣлось всякое оскорбленіе Бога, Богоро-

---

schien nicht die Unterdruckung, sondern vielmehr die Duldung aller akatholischen Lehren als eine Grausamkeit gegen das menschliche Geschlecht. *Eucken*, Geschichte und System der mittelälterlichen Weltanschauung, стр. 135.

[1]) *Ср. Rohland*, Historische Wandlungen der Religionsverbrechen, стр. 127.

[2]) О немъ см. *Abegg*, Lehrbuch § 557 сл.; *Liszt*, Lehrbuch II, 412. *Rohland*, Historische Wandlungen der Religionsverbrechen, стр. 129, 130, 131—132. *Villiger*, D. Religions-Delicte in historisch-dogmatischer Darstellung etc, стр. 9 сл. *Бѣлогриць-Котляревскій*, Преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ Запада, стр. 110 сл.; стр. 164 сл.; стр. 192 сл.

дицы, Ангеловъ, Святыхъ, или отрицаніе ихъ свойствъ. Иногда понятіе богохуленія раздвигалось такъ широко, что предметомъ его могли быть также религіозныя вѣрованія и обряды. [1]) Богохуленіе дѣлилось на нѣсколько видовъ: на *непосредственное*, относившееся прямо къ самому Богу, и *посредственное*, т. е. лишь косвенно оскорблявшее Бога,—на *положительное* и *отрицательное* (attributiva и derogativa), на *словесное* и *матеріальное*, т. е. дѣйствіемъ (verbalis et realis) и т. д. Подъ положительнымъ богохуленіемъ разумѣлось приписываніе Божеству свойствъ, ему не принадлежащихъ, подъ отрицательнымъ—отрицаніе свойствъ, ему принадлежащихъ, напр., утвержденіе, что Богъ не всемогущъ, не справедливъ и т. п. Это широкое понятіе богохуленія жило долгое время въ законодательствахъ и въ литературѣ. Мы встрѣчаемъ его даже у нѣкоторыхъ криминалистовъ начала XIX вѣка, напр. у Iarcke, [2]) Henke [3]).

Наказанія за богохуленіе были чрезвычайно разнообразны: отъ штрафа до смертной казни и тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній [4]). Жестокія наказанія про-

---

[1]) Такой широкій смыслъ придавался, напр, богохуленію въ Германіи. См. *Abegg*, Lehrbuch der Strafrechts-Wissenschaft § 559; Бѣлогрицъ-Котляревскій, у. с, стр. 111—112.

[2]) Handbuch II 40, 41.

[3]) Handbuch III, 645

[4]) Такъ, напримѣръ, Филиппъ Августъ, въ 1223 году назначилъ за богохульство штрафъ въ 20 су и, кромѣ того, погруженіе въ воду безъ опасности смерти. Людовикъ Святой сначала повелѣлъ богохульниковъ клеймить раскаленнымъ желѣзомъ и прокалывать имъ языки, а потомъ замѣнилъ это наказаніе для богатыхъ — штрафомъ отъ 20—40 фунтовъ, а для бѣдныхъ— выставкой на часъ къ позорному столбу и 6—8 дневнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ на хлѣбѣ и водѣ. Каролина назначала за данное дѣяніе смертную казнь и разныя тѣлесныя наказанія. *Loiseleur,* Les crimes et les peines, p. 142; *Tissot*, Le droit penal T. II, 396; *Abegg*, Lehrbuch §§ 558—560; *Бѣлогрицъ-Котляревскій,* у. с. стр. 165; 113. Въ итальянскихъ стату-

должали назначаться за это преступленіе въ XVII и XVIII в. Такъ, напр., Терезіана за непосредственное богохуленіе назначала сожженіе, за остальные случаи богохуленія—менѣе жестокіе виды смертной казни или тѣлесныя наказанія [1]).

Въ одну группу съ богохуленіемъ надо поставить и другое преступленіе, игравшее въ средневѣковыхъ законодательствахъ видную роль,—*лжеприсягу*. Подъ лжеприсягой разумѣлось умышленное нарушеніе присяги, данной съ соблюденіемъ установленныхъ закономъ обрядовъ [2]).

Среди посягательствъ на вѣру и церковь первенствующую роль играли *апостазія* и *ересь*. Подъ апостазіей разумѣлось совершенное отпаденіе отъ хри-

---

тахъ XIII—XVI в. богохуленіе наказывалось большею частью штрафомъ. См. Kohler, Studien, V, 606 сл.

[1]) *Villiger*, D. Religions-Delikte, стр. 15; ср. *Finger*, D. Strafrecht II (1895), 328.

[2]) Составъ лжеприсяги обыкновенно предполагалъ: 1) произнесеніе присяги въ установленной формѣ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ, 2)—на судѣ и 3) наконецъ, умышленное нарушеніе принятой обязанности. Въ нѣкоторыхъ кодексахъ сравнительно уже болѣе поздняго времени, какъ, напримѣръ, въ бамбергскомъ и бранденбургскомъ судебникахъ и въ Каролинѣ, эти признаки всѣ или частью прямо указывались въ самомъ законѣ. Понятіе лжеприсяги обнимало какъ нарушеніе утвердительной клятвы (assertorischer Eid), данной по поводу показанія, такъ и клятвопреступничество въ собственномъ смыслѣ (Eidesbruch), т. е. нарушеніе присяги данной въ подкрѣпленіе какого-либо обѣщанія, обязательства (promissorischer Eid). См. *Abegg*, Ueber d. religiose Element etc. стр. 36—39 (§ 9); Lehrbuch §§ 566—567. *Martin*, Lehrbuch d. teutschen gem. Criminal-Rechts §§ 194—196. *Liszt*, Lehrbuch (besonderer Teil) § 180, стр. 618 сл. *Бѣлогрицъ-Котляревскій*, Преступленія противъ религіи, стр. 117 сл.; стр. 170 сл.; стр. 194 сл. См. также *Rohland*, Historische Wandlungen der Religionsverbrechen, стр. 130, 132. *Villiger*, D. Religions-Delicte стр. 9—10; 12. Лжеприсяга принадлежала обыкновенно къ числу преступленій смѣшанной подсудности (delicta mixti fori); иногда, впрочемъ, она подлежала исключительно духовному суду. См. *Friedberg*, D. Gränzen zwischen Staat und Kirche I, 55; II, 482; 734.

стіанства, съ чѣмъ обыкновенно связывался переходъ въ іудейство или язычество. Апостазія также подводилась подъ понятіе ереси въ широкомъ смыслѣ этого слова и разсматривалась какъ ересь, доведенная до полнаго отрицанія христіанской религіи [1]). Въ постановленіяхъ о ереси съ особенной отчетливостью выражался мрачный духъ среднихъ вѣковъ съ ихъ приверженностью къ буквѣ и нетерпимостью ко всякому свободному движенію ума, выходившему за предѣлы установленныхъ для мышленія догматическихъ оковъ. Какое широкое значеніе придавалось понятію ереси, объ этомъ можно судить уже по тому, что къ ней относились иногда не только новыя несогласныя съ принятыми религіозныя ученія и вѣрованія, но и казавшіеся несогласными съ Св. Писаніемъ взгляды на явленія природы. Такъ напр., папа Захарія преслѣдовалъ одного пресвитера, учившаго о существованіи антиподовъ; при этомъ папа основывался на томъ, что подобное ученіе признаетъ существованіе людей не одного съ нами происхожденія [2]).

---

[1]) См. *Rohland*, Historische Wandlungen d. Religionsverbrechen, стр. 129; *Бѣлогриць-Котляревскій*. Преступленія противъ религіи, стр. 132.

[2]) См. *Кипарисовъ*, О свободѣ совѣсти, В. I стр. 51. Какъ широко толковалось иногда понятіе ереси, объ этомъ можно судить также изъ слѣдующаго примѣра, приводимаго г. Кипарисовымъ. Извѣстный ересеологъ IV вѣка Филастрій находилъ слѣдующія „ереси“: „ересь о движеніи земли“ (de terrae motu), сущность которой онъ опредѣлялъ такъ: „эта ересь утверждаетъ, что движеніе земли совершается не по повелѣнію (jussione) Божію, но по самой природѣ элементовъ, тогда какъ св. Писаніе говоритъ“ и проч.; „ересь о неизвѣстности лѣтъ міра“, сущность которой, по Филастрію, въ томъ, что ересь эта учитъ, будто „число лѣтъ отъ начала міра неизвѣстно и люди не знаютъ теченія временъ, тогда какъ изъ Писанія извѣстно, что отъ Адама до потопа“ и проч.; „ересь о семи планетахъ“, „о знакахъ зодіака“ и многое другое, даже до ереси, утверждавшей, что dius alienis non sit

Подъ ересью, въ широкомъ смыслѣ слова, каноническое право разумѣло исповѣданіе ученія, уклоняющагося отъ догмы церкви. Субъектами ереси могли быть лишь лица, которыя принадлежали къ числу членовъ церкви; язычники и іудеи не могли быть виновниками этого преступленія. Ересь въ широкомъ смыслѣ распадалась на матеріальную (haeresis materialis) и формальную (haeresis formalis). Подъ первой разумѣлось безсознательное заблужденіе по незнанію ученія церкви; подъ второй—сознательный разладъ съ этимъ ученіемъ. [1]) Ересь принадлежала къ разряду delicta mere ecclesiastica, т. е. могла быть судима только духовнымъ судомъ, хотя для наказанія еретики выдавались свѣтской власти. [2]) Наказывалось это преступленіе свѣтскими и церковными наказаніями; къ послѣднимъ принадлежали: великое отлученіе (excommunicatio maior), лишеніе христіанскаго погребенія, иррегуляритетъ; къ духовнымъ лицамъ примѣнялись и нѣкоторыя другія мѣры. Свѣтскія наказанія были чрезвычайно разнообразны: смертная казнь—обыкновенно сожженіе [3]).—изгнаніе, заточеніе

---

maledicendum". *Китарисовъ*, у. с. стр. 49 сл. По свидѣтельству Rohland'a (у. с. стр. 129). понятіе ереси иногда распространялось даже на убійство или покушеніе на убійство папы или кардинала.

[1]) *Бѣлогрицъ-Котляревскій*. Преступленія противъ религіи, стр. 130 сл.

[2]) См. *Friedberg*, Die Gränzen zwischen Staat und Kirche I, 54; II, 482; 733—734. *Eicken*, Geschichte und System d. mittelälterlichen Weltanschauung, стр. 585.

[3]) Въ средневѣковой Франціи, напр., казнь еретиковъ производилась слѣдующимъ образомъ: въ пропитанной сѣрой рубахѣ еретикъ приводился къ костру съ факеломъ въ рукахъ; его прикрѣпляли цѣпью къ висѣлицѣ, возводили на костеръ и сжигали. Женщинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Нидерландахъ, вмѣсто сожженія закапывали заживо въ землю: клали въ гробъ, закрѣпляли тремя желѣзными брусьями, нажимавшими голову, животъ и ноги и безъ крышки опускали въ яму. Затѣмъ бросали землю; иногда

и т. д. Смертная казнь за нѣкоторые виды ереси назначалась уже римскимъ правомъ [1]). Съ паденіемъ римскаго владычества перестали примѣняться и римскія наказанія за ересь. Съ XI столѣтія смертная казнь снова начинаетъ примѣняться за это преступленіе, сначала въ Германіи и нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи, а затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ Западной Европы. Въ XIII вѣкѣ уже во всѣхъ западныхъ государствахъ законами были установлены за ересь смертная казнь и конфискація имущества; и церковь не только одобряла подобные законы, но иногда даже добивалась отъ свѣтской власти установленія ихъ [2]).

Подъ понятіе ереси въ широкомъ смыслѣ слова подводилась и *схизма*, подъ которой разумѣлось разрушеніе единства церкви посредствомъ отказа отъ подчиненія церковной власти и отъ союза съ церковью. Схизма могла быть двухъ родовъ: 1) Schisma universale, заключавшаяся въ отказѣ подчиняться папѣ, или въ подчиненіи незаконно поставленному папѣ, и 2) schisma particulare, заключавшаяся въ отказѣ подчиняться законному епископу [3]).

Слѣдующимъ преступленіемъ, въ которомъ видѣли

палачъ изъ состраданія предварительно душилъ жертву. *Loiseleur*, Les crimes et les peines, p. 173; 226.

[1]) Другими наказаніями для еретиковъ по римскому праву были: ссылка, изгнаніе, конфискація имущества, infamia, тѣлесныя наказанія по отношенію къ рабамъ, лишеніе права наслѣдовать и нѣк. др. См. *Поповъ*, Судъ и наказаніе за преступленія противъ вѣры и нравственности, стр. 24 сл. *Бѣлогрицъ-Котляревскій*, у. с. стр. 52.

[2]) *Friedberg*, Lehrbuch d. katolischen und evangelischen Kirchenrechts (3 изд.), стр. 262. Интересныя данныя о наказуемости ереси по старому итальянскому праву XII, XIII, XIV, XV и XVI вв. см. у *Kohler'a*, Studien, V. стр. 596 сл.

[3]) *Villiger*, D. Religions-Delicte, стр. 8. *Friedberg*, Lehrbuch d. katholischen und evangelischen Kirchenrechts, стр. 263. *Бѣлогрицъ-Котляревскій* у. с. стр. 132 сл.

тяжкое отпаденіе отъ истинной вѣры, было *волшебство и вѣдовство*. Вѣра въ колдовство и дьявола развилась въ средніе вѣка въ цѣлое систематическое ученіе [1]). Писались обширные трактаты, въ которыхъ подробно доказывалось существованіе дьявола и общенія между нимъ и человѣкомъ, изслѣдовались формы и средства этого общенія, раскрывались вѣрные признаки, по которымъ можно узнать вѣдьмъ, и т. д. Эти изслѣдованія достигали иногда поразительныхъ подробностей; они, напр., точно указывали мѣсто и время засѣданій сатанинскаго общества, порядокъ этихъ засѣданій и вступленія новыхъ членовъ и т. д. Насколько было сильно распространено разсматриваемое суевѣріе, объ этомъ можно судить по тому, что оно поддерживалось папами, а также учеными богословами и юристами того времени. [2]) Даже такой свѣтлый умъ, какъ извѣстный ученый юристъ и философъ XVI столѣтія Боденъ раздѣлялъ и поддерживалъ его; въ защиту его онъ написалъ даже цѣлую книгу «Demonomanie des sorciers» (1580 г.), пользовавшуюся большимъ авторитетомъ; въ ней подробно изложено что такое дьяволъ, какъ онъ входитъ въ сношенія съ людьми, какъ вѣдьмы летаютъ на шабашъ и т. д. [3]). Папы издавали спеціальныя

---

[1]) См. *Meyer*, D. Aberglaûbe d. Mittelalters, (1884) стр. 235 сл. *Лекки*. Исторія возникновенія и вліянія раціонализма I гл. 1. *Канторовичъ* Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ, гл. I.

[2]) См. напр. *Лекки* Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ I, 18 сл. и примѣч. 2-е къ стр. 18; также ibid, стр. 61 сл.

[3]) Полемизируя съ извѣстнымъ противникомъ колдовства, Jean Weier'омъ, и оспаривая мнѣнія тѣхъ, которые сомнѣваются въ существованіи вѣдьмъ, Боденъ говоритъ: „сатана имъ внушилъ такія книги писать. Онъ вовлекъ ихъ въ свои сѣти. Онъ ихъ принуждаетъ писать, что все, что распространено о дьяволѣ, невѣрно". (*Канторовичъ*. Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. стр. 14). Объ означенномъ сочиненіи Бодена (Démonomanie des sorciers) см. также *Лекки*, у. с. I, 76 сл.

буллы, направленныя къ искорененію вѣдьмъ и дьявольскихъ козней; такова, напримѣръ, булла папы Иннокентія VIII, изданная въ 1484 году и давшая толчокъ широкому развитію преслѣдованій колдовства въ Германіи; [1]) подобныя же буллы для разныхъ странъ издавались и другими папами, напр. Александромъ VI, Юліемъ II, Львомъ X.

Въ вѣдовствѣ и колдовствѣ въ то время видѣли преступленіе сложное, заключающее въ себѣ апостазію и, кромѣ того, союзъ съ дьяволомъ, съ цѣлью сѣять зло на землѣ. Наказывалось оно чрезвычайно жестоко—обыкновенно сожженіемъ. Нѣкоторыя законодательства, какъ, напр., бамбергскій и бранденбургскій судебники и Каролина [2])—дѣлали, впрочемъ, различіе между вредоноснымъ и безвреднымъ волшебствомъ и только первое карали сожженіемъ.

Среди третьей группы религіозныхъ преступленій выдающееся мѣсто занимали надругательство надъ разными священными предметами, нарушеніе богослуженія и святотатство. Подъ святотатствомъ разумѣлось похищеніе церковныхъ вещей, именно по-

---

[1]) Въ этой буллѣ папа назначилъ для Германіи, въ качествѣ судей ереси, двухъ профессоровъ теологіи—Генриха Институра и Якова Шпренгера. Эти богословы написали въ 1487 году, съ одобренія кельнскаго теологическаго факультета, знаменитый трактатъ Malleus maleficorum (Hexenhammer, молотъ вѣдьмъ), ставшій вскорѣ большимъ авторитетомъ для духовныхъ и свѣтскихъ судовъ. Въ качествѣ основного тезиса въ этой книгѣ было выставлено положеніе: haeresis est maxima, opera maleficarum non credere; для осужденія въ ней считается достаточнымъ одного подозрѣнія въ колдовствѣ. См. *Канторовичъ*, у. с. стр. 11—13. *Бѣлогриц-Котляревскій* у. с. стр. 141 сл. *Wachter*, Beiträge zur deutschen Geschichte, insbesondere zur Geschichte des deutschen Strafrechts. Tübingen. 1845. Die gerichtlichen Verfolgungen der Hexen und Zauberer in Deutschland, стр. 89, 90. *Лекки*, Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ I,17.

[2]) *Abegg*, Ueber d. religiose Element in d. Peinlichen Gerichts-Ordnung. Arch. d. Criminalrechts. 1852. Beilageheft. Стр. 42 сл.

хищеніе священныхъ вещей изъ священныхъ или несвященныхъ мѣстъ и похищеніе несвященныхъ вещей изъ священныхъ мѣстъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что таковъ былъ собственный и тѣсный смыслъ этого слова. Святотатство же въ широкомъ смыслѣ слова обнимало въ каноническомъ правѣ и подъ вліяніемъ его въ старинныхъ законодательствахъ цѣлый рядъ разнообразныхъ преступленій и распадалось на нѣсколько видовъ. Такъ, сюда относились: нѣкоторыя посягательства на духовныхъ лицъ (оскорбленія и разныя насильственныя дѣйствія, sacrilegium personale), оскверненіе или поврежденіе мѣстъ богослуженія (sacrilegium locale), похищеніе церковныхъ вещей (sacrilegium reale) и т. д. [1]).

Около указанныхъ наиболѣе тяжкихъ религіозныхъ преступленій группировался цѣлый рядъ другихъ менѣе важныхъ: преступная божба и клятва [2]), оскверненіе труповъ и гробницъ, нарушеніе права убѣжища, разныя нарушенія требованій религіи, въ родѣ нарушенія святости воскресеній и праздниковъ танцами

---

[1]) О святотатствѣ см. *Abegg*, Lehrbuch, § 579; *Mittermaier*, Feuerbach's Lehrbuch, § 343, стр. 553—554; *Villiger*, D. Religions-Delicte, стр. 9. *Бѣлогрицъ-Котляревскій*, у. с. стр. 126 сл., стр. 173 сл.

[2]) Преступной божбой считалось злоупотребленіе торжественнымъ увѣреніемъ, соединеннымъ съ произнесеніемъ имени Божества; подъ преступной клятвой разумѣлись соединенныя съ призываніемъ Божества или противоположной Ему силы пожеланія зла себѣ или другимъ. *Abegg*, Lehrbuch, § 561, стр. 710. *Martin*, Lehrbuch, § 273 (стр. 666 сл.). *Feuerbach*, Lehrbuch, 14-е изд. Миттермайера 1847 г., § 447, стр. 717 сл *Бѣлогрицъ-Котляревскій*, Преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ Запада, стр. 115. 116. Наказывались означенные проступки крайне разнообразно: денежнымъ взысканіемъ, тѣлесными наказаніями, тюремнымъ заключеніемъ. Іосифъ II. въ 1787 году установилъ за преступныя проклятія и божбу (по предложенію Martinis'a) заключеніе въ домъ умалишенныхъ. См. *Листъ*, Lehrbuch II, 412.

или торговлей и т. п., нарушенія постовъ и т. д. [1]) Вотъ въ общихъ чертахъ тотъ длинный списокъ преступленій, который сложился въ средніе вѣка и перешелъ въ позднѣйшія столѣтія; разнообразно видоизмѣняясь, онъ просуществовалъ до конца XVIII столѣтія.

Ожесточенная религіозная борьба, красною нитью проходящая сквозь весь періодъ среднихъ вѣковъ, продолжалась въ XVI, XVII и даже въ XVIII столѣтіяхъ. Сильной поддержкой для этой борьбы и разнообразныхъ стѣсненій религіозной жизни гражданъ служило то неуваженіе и непризнаніе правъ личности, которое проникало во всѣ стороны государственной жизни и такъ или иначе отражалось въ нихъ. Народъ былъ совершенно придавленъ, съ одной стороны, сильно развитой бюрократической опекой правительства, а съ другой стороны, — разнообразными привилегіями, которыми въ изобиліи надѣлялись высшіе классы. Въ уголовномъ законодательствѣ это неуваженіе къ личности особенно ярко проявлялось въ широкомъ распространеніи разнообразныхъ тѣлесныхъ и позорящихъ наказаній; всѣ эти грубыя и мучительныя наказанія, примѣнявшіяся тысячи разъ въ годъ, всею тяжестью своею опять-таки падали на народъ, такъ какъ высшіе классы были совсѣмъ или почти совсѣмъ отъ нихъ изъяты. Безправіе личности въ области религіозной было однимъ изъ проявленій общаго ея безправія, непризнанія за ней свободы и въ другихъ отношеніяхъ. «При сословномъ строѣ общества, справедливо замѣчаетъ проф. Карѣевъ [2]), когда личныя права опредѣляются принадлежностью къ

---

[1]) См. о нихъ у *Бѣлогриц-Котляревскаго* у. с., стр. 115 сл; 122 сл; 172 сл.; 191 сл.

[2]) Исторія западной Европы въ новое время. Т. III, 71.

извѣстному сословію и потому имѣютъ характеръ привилегій, сама личная свобода была также одною изъ такихъ привилегій и степень ея была различная въ разныхъ общественныхъ слояхъ».

Правительства считали себя въ правѣ предписывать подданнымъ, какихъ вѣрованій они должны держаться. Они допускали въ своихъ государствахъ одну, двѣ или вообще немногія религіи, остальныя же преслѣдовали какъ ереси. Но и выборъ между допущенными религіями не всегда предоставлялся всѣмъ подданнымъ, иногда онъ дозволялся лишь лицамъ высшихъ сословій, или даже вовсе не допускался. Какой тяжкій полицейскій гнетъ налагался въ XVI в. на религіозную жизнь гражданъ, объ этомъ могутъ дать отчетливое представленіе слѣдующіе примѣры.

Въ Германіи по Аугсбургскому миру (1555 г.) допускалось юридическое существованіе двухъ религій — лютеранской и католической, остальныя же разсматривались какъ ереси. Притомъ, лишь за князьями, городами и духовными прелатами признавалось право принимать аугсбургское исповѣданіе. Князья, принявъ ту или иную изъ двухъ дозволенныхъ религій, имѣли право поддерживать и вводить ее въ подвластной имъ территоріи. Подданные не имѣли свободы выбора религіи. Cujus est regio, illius est religio. Если подданные не желали принять вводимую княземъ религію, имъ предоставлялось вмѣстѣ съ семьями переселиться изъ владѣній князя, что на практикѣ превращалось въ простое изгнаніе [1]). До какихъ по-

---

[1]) См. *Fürstenau*, D. Grundrecht d. Religionsfreiheit, стр. 33—44; *Döllinger*, D. Geschichte der religiösen Freiheit, стр. 281—282; *Ruffini*, La Libertà religiosa. I. p. 225—226; *Суворовъ*, Учебникъ церковнаго права, стр. 512 сл. Духовные прелаты, отступившіе отъ католической религіи въ лютеранскую, лишались бенефицій и должностей.

дробностей германское законодательство XVI вѣка регулировало религіозную жизнь гражданъ, объ этомъ можно судить, напр., по слѣдующимъ даннымъ. Въ инструкціи курфюршества саксонскаго 1528 года неусердное посѣщеніе проповѣди и уклоненіе отъ евхаристіи было обложено полицейскими наказаніями, «дабы другіе остерегались и не дѣлали этого». Въ страсбургскомъ церковномъ уставѣ 1537 г. подъ страхомъ наказанія предписывалось бѣдному рабочему населенію территоріи посѣщать вмѣстѣ съ домочадцами по воскресеньямъ церковь и слушать проповѣди. Бременскій церковный уставъ 1534 г. угрожаетъ за извѣстные грѣхи, религіозное заблужденіе и участіе въ религіозной смутѣ выставкой на эшафотѣ и мечомъ. По Мекленбургскому церковному уставу 1552 г. явный грѣшникъ, если ни убѣжденія пастора, суперъ-интенданта и консисторіи, ни отлученіе не повели ни къ чему, подвергается свѣтскимъ судомъ тѣлесному наказанію, «ибо свѣтское начальство, по божественной заповѣди, должно наказывать и явныхъ грѣшниковъ». По Мансфельдскому уставу 1554 года, епископъ—князь со своими совѣтниками наказываетъ за распространеніе между людьми ложныхъ ученій, посмѣяніе надъ обрученіемъ, ночную пляску, бражничанье въ день св. Троицы и т. п. По саксонскимъ генеральнымъ артикуламъ 1557 г. наказывается штрафомъ, желѣзнымъ ошейникомъ или тюрьмой тотъ, кто долго не являлся слушать проповѣдь безъ уважительныхъ причинъ [1]).

Въ Англіи въ 1539 г. парламентомъ былъ принятъ такъ называемый «билль о шести статьяхъ». «Билль постановлялъ: 1) о дѣйствительномъ присутствіи Іисуса Христа въ преосуществленіи; 2) что причащеніе

---

[1]) *Маассенъ.* Девять главъ, стр. 179—180.

подъ двумя видами не требуется св. писаніемъ; 3) что законъ Божій воспрещаетъ браки духовенства; 4) что Богъ повелѣваетъ хранить обѣты цѣломудрія; 5) что частныя мессы допускаются писаніемъ и полезны; 6) что устная исповѣдь полезна и необходима». «Жестокія наказанія были установлены для всѣхъ, противившихся 6 статьямъ». «Костеръ грозилъ виновнымъ противъ перваго пункта; висѣлица — лицамъ, проповѣдующимъ устно или письменно противъ другихъ статей»... «Тюрьма и денежныя пени грозили уклоняющимся отъ исповѣди и причастія; въ случаѣ повторенія они подвергались смертной казни» [1]). XVI вѣкъ былъ въ Англіи эпохой реформаціи, приведшей къ установленію независимой отъ Рима англиканской церкви. Какъ и вездѣ въ Европѣ, здѣсь царило убѣжденіе, что въ государствѣ можетъ существовать только одна церковь. «Возможность равноправности между различными вѣроисповѣданіями или хотя бы простой терпимости для всѣхъ исповѣданій въ предѣлахъ одного и того же государства, совершенно не входила въ понятія того времени, говоритъ Гнейстъ, да въ сущности такой возможности и не могло существовать, пока каждая церковь разсматривала бракъ и всѣ важнѣйшія основы личнаго и семейнаго права, а также общественное образованіе и безчисленное множество другихъ правовыхъ отношеній гражданской жизни какъ дѣло, подлежащее ея законамъ и управленію, и считала себя въ правѣ дѣйствовать въ области этихъ отношеній принудительно, при чемъ она, какъ и всякая другая государственная власть, должна была оставаться единою и нераздѣльною» [2]). Господство новой

[1]) *Градовскій.* Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Собраніе сочиненій. Т. IV, 289—290.

[2]) *Р. Гнейстъ.* Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, стр. 622.

религіи поддерживалось и утверждалось разными суровыми стѣсненіями и ограниченіями, которыя налагались на сторонниковъ враждебныхъ ей религіозныхъ ученій, главнымъ образомъ, на католиковъ [1]). Жестокія преслѣдованія продолжались и во второй половинѣ XVI столѣтія—въ царствованія Маріи Кровавой, хотѣвшей возстановить католичество, и Елизаветы, ревностной защитницы епископальной церкви [2]).

Что и въ другихъ странахъ религіозная нетерпимость проявлялась въ XVI в. не менѣе, а иногда даже болѣе рѣзко, объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ такія событія, какъ варѳоломеевская ночь во Франціи (1572 г.), борьба Цвингли и Кальвина съ католиками въ Швейцаріи, развитіе инквизиціи при Филиппѣ II въ Испаніи, кровавое господство герцога Альбы въ Нидерландахъ и т. п.

---

[1]) При этомъ правительство не только не встрѣчало оппозиціи въ общественномъ мнѣніи своимъ мѣрамъ противъ католиковъ и иныхъ иновѣрцевъ, но, наоборотъ, постоянно слышало жалобы на свою будто бы снисходительность; начиная съ царствованія Елизаветы и до Іакова II, говоритъ Гнейстъ, не было ни одного періода, когда энергія правительственныхъ мѣропріятій удовлетворила бы требованія парламента и общественнаго мнѣнія. „Всѣ настаивали на крутыхъ мѣрахъ: пресвитеріанцы находили, что недостаточно преслѣдуютъ католиковъ, приверженцы епископальной церкви требовали большей строгости какъ относительно католиковъ, такъ и относительно пресвитеріанцевъ“. У. с. стр. 626.

[2]) См. *Градовскій*, у. с. стр. 298 сл. Въ царствованіе Елизаветы были изданы акты о супрематіи (act of supremacy) и „о единообразіи“, въ силу которыхъ королева признавалась главою церкви, отъ каждаго подданнаго требовалась присяга въ признаніи супрематіи и всѣ обязывались признать установленныя статьи вѣры. Догматическія ученія установленной церкви выразились окончательно „въ 39 статьяхъ вѣры“, принятыхъ парламентомъ въ 1562 г. При Елизаветѣ было также учреждено высшее духовное судилище, получившее окончательную организацію въ 1583 г. и имѣвшее своимъ назначеніемъ защищать установленную церковь отъ ересей. *Градовскій*, у. с. стр. 300, 301.

Въ XVII и XVIII вв., до конца послѣдняго, общій типъ государственной охраны религіи оставался прежній, хотя, въ общемъ, постепенно смягчался; смягченіе это проявлялось въ различныхъ формахъ—въ видѣ дарованія извѣстныхъ правъ гонимымъ религіознымъ партіямъ, расширенія дарованныхъ правъ, прекращенія преслѣдованій за извѣстныя преступленія, напр., волшебство и т. д. Бывали, однако, движенія законодательства и обратнаго, регрессивнаго характера, какъ, напр., отмѣна нантскаго эдикта въ 1685 г., за которою снова послѣдовали жестокія гоненія на протестантовъ во Франціи.

Какъ и прежде, правительства продолжали принуждать своихъ подданныхъ молиться по обрядамъ покровительствуемыхъ ими церквей и принадлежать къ послѣднимъ. Въ Англіи, напр., цѣлый рядъ статутовъ, вышедшихъ въ царствованіе Іакова I, Карла I и Карла II былъ проникнутъ духомъ нетерпимости и налагалъ на гражданъ, несогласныхъ съ господствующей церковью, разнообразныя стѣсненія и наказанія [1]). Какъ на примѣры господствовавшей въ то время нетерпимости можно указать на то, что по акту «о единообразіи» 1662 г. не допускалось иного публичнаго богослуженія, кромѣ англиканскаго, а по такъ называемому test act (1673 г.) всѣ чиновники и военные обязаны были принести присягу въ вѣрности и признаніи верховенства короля въ дѣлахъ религіи, а также принять причастіе по обрядамъ англиканской церкви; нарушившіе эти требованія подвергались большому штрафу и лишались способности занимать должность. Кромѣ того, отъ каждаго, по-

---

[1]) См. *Ruffini*, у. с, I, 200 сл.; *Geffcken*, Staat und Kirche, стр. 293. *Вейнгартенъ*, Народная реформація въ Англіи въ XVII вѣкѣ. *Градовскій*, у. с. стр. 322 сл.

ступавшаго на государственную или общественную службу, требовалось слѣдующее письменное заявленіе: «симъ объявляю, что я не вѣрю, что въ евхаристіи совершается преосуществленіе ни прежде, ни послѣ освященія даровъ, совершеннаго какимъ бы то ни было лицомъ» [1]).

Въ Германіи, въ разсматриваемую эпоху, отношеніе государства къ религіи опредѣлялось, главнымъ образомъ, вестфальскимъ миромъ 1648 г. [2]). Послѣдній сохранилъ за князьями право опредѣлять религію своихъ подданныхъ, но въ видѣ нѣкоторой гарантіи для подданныхъ, исповѣдующихъ иную религію, чѣмъ князь, былъ установленъ нормальный годъ, именно 1624 г., т. е. постановлено, что если какая-либо религіозная партія докажетъ, что она фактически существовала въ данной территоріи въ 1624 г., то это давало ей право на существованіе въ этой территоріи и въ будущемъ и на отправленіе культа въ той мѣрѣ, какъ это практиковалось въ 1624 г. Что же касается тѣхъ религіозныхъ партій, которыя не могли сослаться на 1624 г., то князь, если онъ соглашался терпѣть ихъ въ своихъ владѣніяхъ, долженъ былъ признавать за ними нѣкоторыя права, между прочимъ, свободу домашняго богослуженія (devotio domestica). Но если князь не допускалъ ихъ

---

[1]) *Градовскій*, у. с. стр. 367. Test act сохранялъ свою силу до 1829 г. (ibid).

[2]) О постановленіяхъ вестфальскаго мира см. *Furstenau*. D. Grundrecht d. Religionsfreiheit, стр. 49 сл. *Döllinger*, D. Geschichte d. religiosen Freiheit. Akademische Vorträge III, 282 f. *Ruffini*, La Libertà religiosa I, 227 сл. *Суворовъ*, Учебникъ церковнаго права. стр. 514. Къ двумъ допущеннымъ аугсбургскимъ миромъ религіямъ вестфальскій миръ прибавилъ третью — реформатское исповѣданіе кальвинистовъ. Sed praeter Religiones supra nominatas nulla alia in sacro Imperio Romana recipiatur ver toleretur. Цитата взята у *Furstenau*, у. с. стр. 53, прим. 3.

въ своихъ владѣніяхъ, тогда сторонникамъ этихъ религій оставалось только воспользоваться своимъ правомъ выселиться.

Въ Австріи, въ XVII и долгое время въ XVIII вѣкѣ, только въ немногихъ мѣстностяхъ протестанты пользовались свободнымъ отправленіемъ своей религіи. «Помимо этихъ исключеній, которыя едва ли могутъ итти въ счетъ, въ Австріи не должно было существовать ни одного протестанта». «Уклоненіе отъ католическаго ученія составляло преступленіе ереси и влекло за собою тяжкія свѣтскія наказанія». «По уголовному кодексу Іосифа I для Богеміи, Моравіи и Силезіи отъ 1706 г. приверженцы объявленной уже ереси могутъ быть подвергаемы смертной казни». «Въ изданномъ для Богеміи указѣ Карла VI отъ 1725 г. за преступленіе ереси назначаются публичныя принудительныя работы, за рецидивъ — галеры, за подговоръ къ отпаденію и за распространеніе ложнаго ученія — смертная казнь». «Въ уголовномъ кодексѣ Маріи Терезіи отъ 1768 г. всецѣлое отпаденіе отъ христіанской вѣры угрожается имущественной конфискаціей и смертною казнью» [2]).

Во Франціи кровавыя преслѣдованія разныхъ нарушителей ограждавшихъ католическую религію строгихъ законовъ продолжались вплоть до великой революціи [3]). Такъ, по свидѣтельству Карно, въ 1766 г. былъ сожженъ осужденный за оскорбленіе образа ребенокъ Лабарръ, и «это, замѣчаетъ Карно, не послѣдній кос-

---

[1]) *Furstenau*, у. с. стр. 63—66. *Ruffini*. у. с. стр. 228, 229.

[2]) *Маассенъ*, Девять главъ, стр. 202. *Ruffini*, La Libertà religiosa, I, стр. 429 сл. *Villiger*, D. Religions-Delicte, стр. 15.

[3]) Французскіе короли до Людовика XVI включительно при вступленіи на престолъ давали клятву истреблять еретиковъ. См. *Темниковскій*, Государственное положеніе религіи во Франціи, стр. 2.

теръ» [1]). До великой революціи продолжались и преслѣдованія ереси; къ видамъ ереси въ широкомъ смыслѣ слова относились, между прочимъ, апостазія и схизма, а также нарушенія нѣкоторыхъ законовъ, изданныхъ послѣ отмѣны нантскаго эдикта въ 1685 г. [2]). Вслѣдъ за этою отмѣною послѣдовалъ цѣлый рядъ деклараціи (1686, 1687, 1693, 1715, 1724 г.г.), проникнутыхъ духомъ нетерпимости и объявлявшихъ преступленіями: религіозныя собранія протестантовъ; ихъ проповѣди; дачу помѣщенія или убѣжища для ихъ религіозныхъ собраній; обращеніе умирающаго въ протестантскую вѣру и тайное присутствіе при больномъ съ цѣлью поддержать и укрѣпить его въ протестантской вѣрѣ; бракъ по обрядамъ протестантовъ; крещеніе, совершенное другою рукой, кромѣ руки католическаго священника, и многія тому подобныя дѣянія [3]). Этими законами свобода богослуженія предоставлялась только католикамъ, протестанты же были ея лишены и вообще поставлены въ крайне тяжелое положеніе [4]). Что касается католическаго ду-

---

[1]) Исторія французской революціи, стр. 37.

[2]) *Hertz*, Voltaire und d. franzosische Strafrechtspflege im XVIII Jahrhundert, стр. 25.

[3]) См. *Кистяковскій*. О преступленіяхъ противъ вѣры. Наблюдатель. 1882. Октябрь, стр. 111. Ср. *Hertz*, у. с. стр. 25. *Бѣлогрицъ-Котляревскій*, у. с. стр. 181 сл.

[4]) *Debidour* слѣдующимъ образомъ описываетъ положеніе кальвинистовъ въ царствованіе Людовика XV: pendant tout le règne de Louis XV, on défendit aux calvinistes de quitter un pays où il leur était interdit de prier Dieu à leur guise; on leur défendit de vendre leurs biens, on dispersa leurs assamblées à coups de fusil, on leur enleva leurs enfants, on envoya aux galères des sujets dociles dont le seul crime était de chanter des psaumes en français, on traqua leurs pasteurs comme des bêtes féroces, on les pendit comme des malfaiteurs; les protestants restèrent obligés de chômer les fêtes catholiques, de contribuer à l'entretien de la religion qui les opprimait; exclus de tous les emplois publics et de la plupart des professions libéra-

ховенства, то оно не только не было на сторонѣ религіозной терпимости и свободы, но постоянно дѣйствовало на свѣтскую власть въ обратномъ направленіи, настаивало на энергичномъ и суровомъ преслѣдованіи еретиковъ, къ которымъ прежде всего относились протестанты [1]).

Картина религіозной жизни разсматриваемой эпохи станетъ еще мрачнѣе, если къ сказанному добавить, что въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, до XVIII столѣтія включительно, повсюду на западѣ, раздуваемые невѣжествомъ и суевѣріемъ, пылали костры, на которыхъ погибали тысячи вѣдьмъ. Особеннаго развитія достигло преслѣдованіе вѣдьмъ и колдовства въ XV, XVI и XVII вѣкахъ [2]). Въ XVIII столѣтіи эти

---

les, ils demeurèrent un siècle privés d'état civil; leurs naissances étaient déclarées illégitimes, leurs mariages n'étaient aux yeux de la loi que des concubinats. Histoire des rapports de l'Eglise et de l'Etat en France de 1789 a 1870, стр. 13.

[1]) См. *Debidour*. у. с. стр. 14. Онъ сообщаетъ, между прочимъ, что въ 1780 г. на съѣздѣ духовенство заявило: „que l'autel et le trône seraient également en danger si l'on permettait à l'hérésie de rompre ses fers". (Ibid.). Эдиктъ 1787 г. признавшій за протестантами гражданскія права, также вызвалъ энергичный протестъ католическаго духовенства. *Debidour*, ibid.

[2]) Въ Германіи процессы противъ вѣдьмъ особенно развились съ конца XV столѣтія. Nun aber, von dem Ende des XV Jahrhunderts an, говоритъ Вехтеръ. scheint Deutschland von einer wahren Hexenepidemie ergriffen worden zu sein Die Hexenprozesse kamen nun wahrhaft an die Tagesordnung; *Tausende* von Unglucklichen werden von da an bis in den Anfang des XVIII Jahrhunderts verbrannt und *Alle* auf *ihr Geständniss* hin. *Wächter*, Beitrage zur deutschen Geschichte etc., стр. 84. См. также *Канторовичъ*, у. с. стр. 101 сл. Въ Италіи преслѣдованія волшебства усиливаются къ XVI вѣку, хотя здѣсь эти преслѣдованія въ общемъ не принимали столь широкихъ размѣровъ, какъ въ Германіи. См. *Kohler*, Studien, V, 604.

Цыфры сожженныхъ достигали баснословныхъ размѣровъ; такъ, въ одной Германіи, въ теченіе XVI—XVII столѣтій, было сожжено свыше 100,000 вѣдьмъ, а во всей Европѣ за время съ XIV до XVII вѣка включи-

преслѣдованія стихаютъ и, наконецъ, вовсе прекращаются. Въ Германіи они почти исчезаютъ съ начала XVIII столѣтія, единичные случаи ихъ встрѣчаются, однако, до конца XVIII в. Во Франціи эти преслѣдованія прекратились въ началѣ XVIII вѣка, а въ нѣкорыхъ мѣстахъ еще въ концѣ XVII [1]). Въ Австріи Терезіана видѣла еще въ волшебствѣ и вѣдовствѣ противный религіи союзъ съ дьяволомъ и облагала его суровыми наказаніями [2]). Въ Англіи преслѣдованія колдовства прекратились въ началѣ XVIII столѣтія; послѣднія вѣдьмы были сожжены здѣсь, по свидѣтельству Лекки [3]), въ 1712 г. Въ Испаніи одинъ колдунъ былъ сожженъ еще въ 1780 году [4]).

Та же нетерпимость, какъ въ Европѣ, господствовала и въ Америкѣ. И здѣсь кипѣла ожесточенная религіозная борьба, сопровождавшаяся примѣненіемъ суровыхъ наказаній къ сторонникамъ гонимыхъ исповѣданій. Хотя первые поселенцы Соединенныхъ Штатовъ были мучениками за свои религіозныя убѣжде-

---

тельно насчитывается свыше милліона жертвъ этого суевѣрія. См. *Канторовичъ*, у. с. стр. 26. Цѣлый рядъ интересныхъ фактовъ приводитъ *Лекки*, у. с. I, 14 сл., 83 сл.

[1]) См. *Hertz*, Voltaire und die franzosische Strafrechtspflege im XVIII Jahrhundert, стр. 23. *Бѣлогрицъ-Котляревскій*, у. с. стр. 189, 190. По свидѣтельству Лекки (у. с. I, 84), въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ XVII вѣка во Франціи было сожжено только 7 колдуновъ. „Но все-таки позже. въ 1718 г., говоритъ Лекки, бордосскій парламентъ сжегъ, по этому обвиненію (т. е. по обвиненію въ колдовствѣ), одного человѣка“ (ibid.).

[2]) Art. 58 behandelt die Zauberei und Hexerei, welche ebenfalls noch als Bundniss und Umgang mit dem Teufel definirt wird. Jedoch ist hier darauf hingewiesen, dass man in fruhern Zeiten zu weit gegangen sei und der abergläubische Pobel zu leicht ein unbegriffliches Naturereignis den Hexen zugeschrieben habe. *Villiger*, у. с. стр. 15.

[3]) *Лекки*, у. с. I, 102. Исторію преслѣдованій за колдовство въ Англіи см. у *Лекки*, у. с. I, 85 сл.

[4]) *Лекки*, ibid. I, 16.

нія и, переселяясь въ Америку, искали страну, гдѣ бы они могли свободно исповѣдовать свою религію, однако сами они вовсе не отличались терпимостью. «Сами избѣгнувъ преслѣдованій за религіозныя убѣжденія, переселенцы при первой возможности заявили духъ той же нетерпимости, отъ которой они страдали и противъ которой ратовали на родинѣ». «Вся исторія колоніальной эпохи Соединенныхъ Штатовъ представляетъ такіе факты религіозной нетерпимости, которые едва ли находятъ себѣ соотвѣтствіе даже въ исторіи религіозныхъ гоненій въ Англіи». «Особенно замѣчательнымъ при этомъ является тотъ фактъ, что самыми нетерпимыми по отношенію къ свободѣ религіозной совѣсти выступили тѣ, которые болѣе всего терпѣли и боролись за право совѣсти, именно пуритане, а въ качествѣ гонимыхъ оказались католики». «Свобода религіозной совѣсти, какъ она существуетъ теперь въ Соединенныхъ Штатахъ, явилась не вдругъ, а постепенно вырабатывалась посредствомъ медленнаго процесса историческаго развитія и есть скорѣе необходимый результатъ историческихъ и политическихъ обстоятельствъ, чѣмъ добровольный актъ сознанія справедливости свободы религіозной совѣсти» [1]).

---

[1]) *Лопухинъ*, Религія въ Америкѣ, стр. 125. Ниже авторъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ проявленія нетерпимости у первыхъ поселенцевъ Соединенныхъ Штатовъ. Такъ, напр., отрицаніе того, что какая-либо книга Ветхаго или Новаго Завѣта была писаннымъ и непогрѣшимымъ словомъ Божіимъ, пуритане наказывали штрафомъ или плетьми, а при упорствѣ — изгнаніемъ или смертною казнью. Для того, чтобы предотвратить занесеніе въ среду пуританъ квакерской ереси, было запрещено квакерамъ появляться въ общинѣ пуританъ, а за нарушеніе этого запрета квакерамъ-мужчинамъ назначалось отрѣзаніе уха и содержаніе на работѣ въ исправительномъ домѣ, пока его можно будетъ выслать на его собственный счетъ; квакерамъ-женщинамъ, вмѣсто отрѣзанія уха, назначалось сѣченіе. „Упаси насъ Богъ отъ такого охлажденія нашей любви къ истинѣ, чтобы мы стали терпѣть заблужденія!

Въ концѣ XVIII столѣтія повсюду на западѣ уже явственно обозначился переходъ государства отъ прежней суровой полицейской опеки надъ религіозной совѣстью къ новому типу охраны религіи, при полномъ осуществленіи котораго религіозная свобода уже не подавляется, а, напротивъ, охраняется, и въ списокъ религіозныхъ деликтовъ заносятся лишь такія дѣянія, какъ поношеніе предметовъ религіознаго почитанія, препятствованіе свободному отправленію богослуженія и т. п. Въ Англіи, гдѣ въ XVIII столѣтіи религіозная свобода получила сравнительно большее признаніе, чѣмъ въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ [1]), протестантскимъ диссентерамъ была предоставлена свобода еще въ концѣ XVII вѣка, знаменитымъ актомъ Вильгельма III и Маріи отъ 1689 г. [2]). Но при этомъ отъ нихъ требовалось соблюденіе слѣдующихъ условій: 1) принесеніе присяги въ вѣрности королю и въ признаніи верховенства короля въ дѣлахъ религіи и, кромѣ того, подписаніе декларації противъ римской церкви; 2) присоединеніе къ какой-либо конгрегаціи, снабженной установленнымъ свидѣтельствомъ; 3) обезпеченіе свободнаго входа на молитвенныя собранія. Но актъ 1689 г. не касался като-

---

воскликнулъ однажды старый вождь пуританизма Дудлей". „Лучше терпѣть лицемѣровъ и шевелы, чѣмъ терны и шиповники, подтвердилъ Коттонъ". „Разночестіе (разновѣріе), вторитъ Вардъ. есть величайшее нечестіе въ мірѣ". „Говорить, что люди должны имѣть свободу совѣсти. есть нечестивое заблужденіе". Вотъ тѣ принципы, которые проводили въ своихъ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ граждане Американскихъ колоній. См. *Лопухинъ*, ibid, стр. 127, 128. См. также *Токвиллъ*, Демократія въ Америкѣ, т. I, 36 сл.; *Вейнгартенъ*, Реформація въ Англіи XVII вѣка, стр. 383 сл.

[1]) См. *Карѣевъ*, Исторія западной Европы въ новое время. Т. III, 77.

[2]) Однако этотъ актъ не предоставилъ диссентерамъ полнаго равноправія; епископольная церковь продолжала оставаться господствующей и только съ принадлежностью къ ней соединялось пользованіе всѣми политическими правами. *Вейнгартенъ*. у. с. стр. 322.

ликовъ и социніанъ. Католики получили подобную религіозную свободу, какъ протестантскіе диссиденты, лишь почти столѣтіе спустя, по статутамъ Георга III 1778 и 1791 г. [1]).

Въ Германіи, какъ упомянуто выше, отношеніе государства въ религіи до конца XVIII в. опредѣлялось положеніями вестфальскаго мира. Но въ отдѣльныхъ германскихъ территоріяхъ эти положенія примѣнялись нѣсколько различно; сравнительно наибольшее развитіе получила религіозная свобода въ Пруссіи при Фридрихѣ Великомъ [2]). При его преемникѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ II былъ изданъ 9 іюля 1788 г. законъ (Wöllnersche Religionsedikt), которымъ подтверждалось прежнее положеніе въ государствѣ реформатской, лютеранской и католической религій, и затѣмъ объявлялось, что и сторонники другихъ религій не должны подвергаться никакимъ притѣсненіямъ, если остаются хорошими гражданами, исполняютъ возлагаемыя на нихъ государствомъ обязанности и не совращаютъ въ свою вѣру другихъ (seine jedesmalige besondere Meinung aber für sich behalt und sich sorgfaltig hütet, solche

---

[1]) *Вейнгартенъ*, у. с. стр. 322 и прим. *Dollinger*, D. Geschichte der religiosen Freiheit. Akademische Vorträge III, 288 сл. *Ruffini* у. с. I, 222 сл.; 211 сл. *Бѣлокрицъ-Котляревскій*, Преступленія противъ религіи, стр. 270, 271. Отъ католиковъ требовалась присяга въ вѣрности и признаніи верховенства короля, отреченіе отъ свѣтской власти папы и отъ ученія, что короли, отлученные папой, могутъ быть законно низложены съ трона. Выполнившіе эти требованія получали особыя свидѣтельства, гарантировавшія имъ свободу отъ преслѣдованій и свободное отправленіе богослуженія. Однако и послѣ статутовъ 1778 и 1791 г.г. католики продолжали подвергаться цѣлому ряду стѣсненій; такъ, напр., молитвенные дома ихъ были лишены колоколовъ, католическіе религіозные ордена были запрещены и т. д. Указанные статуты отводили католической религіи лишь мѣсто терпимаго исповѣданія. Социніане получили религіозную свободу только въ 1813 г. См. *Вейнгартенъ*, у. с стр. 322, прим.

[2]) *Fürtsenau*, у. с. стр. 76.

nicht auszubreiten oder andere dazu zu uberreden und in ihrem Glauben irre oder mankend zu machen u. s. w.[1]). Появившееся въ 1794 г. «Allgemeine Landrecht für die preussischen Staaten» объявило, что каждому гражданину предоставляется исповѣдывать религію, какую онъ желаетъ, и никто не долженъ быть преслѣдуемъ за свои религіозныя мнѣнія. Гражданамъ предоставлялась свобода выбора религіи, свобода религіозныхъ собраній и богослуженія, однако съ условіемъ, что послѣднія не должны подвергать опасности общественное спокойствіе и порядокъ. Религіозныя общества подраздѣлены были закономъ на признанныя и терпимыя; только первымъ предоставлялось право публичнаго богослуженія и предназначенныя для богослуженія зданія ихъ назывались церквами: терпимыя же религіозныя общества не пользовались правомъ публичнаго богослуженія и публичныхъ религіозныхъ торжествъ. Но какъ тѣ, такъ и другія должны были представить удостовѣреніе, что въ ихъ ученіяхъ не содержится ничего, противнаго почитанію Бога, повиновенію законамъ, вѣрности государству и требованіямъ нравственности[2]). Основаніе секты съ противнымъ нравственности и опаснымъ ученіемъ наказывалось[3]).

Въ Австріи прежнее законодательство, на которомъ покоилось исключительное господство католической религіи, было отмѣнено при Іосифѣ II. Указъ 30 іюня 1781 г. объявилъ, что «ни въ какомъ отношеніи не должно дѣлать различія между католическими и протестантскими подданными за исключеніемъ того, что послѣдніе не имѣютъ публичнаго

---

[1]) См. *Furstenau*, у. с. стр. 77.
[2]) *Furstenau*, у. с. стр. 77—80.
[3]) См. *Villiger*, D. Religions-Delicte, стр. 16.

осуществленія религіи» [1]). Религіозная свобода была дана, затѣмъ, и послѣдователямъ грековосточнаго исповѣданія. Но остальныхъ религій Іосифъ II не допускалъ. Въ указѣ 31 января 1782 г. прямо объявлялось: «а если нѣкоторые подданные заявятъ о своей принадлежности къ другой религіи и сектѣ, не означенной въ законѣ о терпимости, то разъяснить имъ, что рѣшительная воля и приказаніе его величества состоитъ въ томъ, что, кромѣ прямо названныхъ въ законѣ о терпимости трехъ религій, никакая другая не должна быть терпима, что, поэтому, всѣ тѣ, которые не исповѣдали бы той или другой изъ терпимыхъ трехъ религій, должны считаться и разсматриваться за католиковъ, и, слѣдовательно, никакія собранія, ни отправленіе богослуженія никогда не могутъ быть дозволяемы такого рода подданнымъ [2]). Послѣ Іосифа II въ Австріи довольно долго сохранялся въ существенномъ прежній порядокъ вещей; привилегированной государственной религіей была католическая; рядомъ съ ней терпѣлись нѣкоторыя другія исповѣданія — аугсбургское, гельветическое исповѣданія, неуніированные греки,—остальныя не допу-

---

[1]) *Маассенъ*, Девять главъ, стр. 221.

[2]) *Маассенъ*, Девять главъ, стр. 223. По указамъ 10 іюня 1783 г. и 24 дек. 1785 г. деистамъ назначалось тѣлесное наказаніе палками и плетьми. Въ указѣ 10 іюня 1783 г. говорилось: „если мужчина или женщина, или кто бы то ни было, заявитъ себя въ уѣздномъ судѣ деистомъ, израильтяниномъ (?) или такъ называемымъ факельнымъ братомъ, то ему, безъ дальнѣйшихъ разспросовъ, должно быть дано 24 удара палками или плетьми, послѣ чего онъ отсылается домой“. Въ указѣ 1786 г. императоръ распорядился относительно нѣкоторыхъ семействъ, не принадлежащихъ ни къ одной изъ терпимыхъ религій: „они должны исключительно разсматриваться, какъ деисты; ибо признаютъ ли Бога безъ религіи, или религію безъ Бога—и то, и другое одинаково нелѣпо“. „Мужчины должны тотчасъ наказаны 24 ударами палокъ, женщины—24 ударами плетей, за то, что осмѣлились такъ называть себя“. *Маассенъ*, Девять главъ, стр. 222, 223.

скались. Терпимымъ религіямъ дозволялось частное осуществленіе ихъ религіи; 100 семействъ или 500 лицъ могли имѣть для себя особый молитвенный домъ, но безъ колоколенъ и публичнаго входа; на свои религіозныя собранія терпимыя исповѣданія не могли допускать католиковъ [1]). Австрійское уложеніе 1803 г. въ числѣ религіозныхъ преступленій предусматривало: богохуленіе, нарушеніе богослуженія, публичное выраженіе презрѣнія къ религіи, подстрекательство къ отпаденію отъ христіанства, распространеніе невѣрія и ересей, основаніе секты [2]). Конституція 25 апр. 1848 г. признала за всѣми австрійскими гражданами свободу исповѣдовать ту или иную религію.

Во Франціи конецъ преслѣдованіямъ за ересь и т. п. дѣянія положила великая революція. Декларація правъ человѣка и гражданина провозгласила, что «никто не долженъ терпѣть притѣсненій изъ-за своихъ убѣжденій, даже религіозныхъ, лишь бы проявленіе ихъ не нарушало общественнаго порядка, установленнаго закономъ» [3]). То же положеніе было повторено и въ конституціи 3 сентября 1791 года.

Въ концѣ XVIII в., даже немного ранѣе, чѣмъ въ Европѣ, религіозная свобода получила законодательное признаніе и въ Америкѣ, въ многочисленныхъ конституціяхъ колоній [4]).

---

[1]) *Маассенъ*, Девять главъ, стр. 265, 266.

[2]) *Villiger*, D. Religions-Delikte, стр. 16.

[3]) Ст. 10. См. *Еллинекъ*, Декларація правъ человѣка и гражданина стр. 27.

[4]) См. *Лопухинъ*, Религія въ Америкѣ, стр. 145 сл.; *его же*, Римскій католицизмъ въ Америкѣ, стр. 134 сл. Федеральная конституція Соединенныхъ Штатовъ первоначально обошла молчаніемъ вопросъ объ отношеніи государства къ религіи, но въ 1791 г. она была дополнена постановленіемъ, по которому конгрессъ не долженъ издавать никакого закона, которымъ устанавливалась бы какая-либо религія или запрещалось свободное отпра-

Описанный переходъ отъ перваго типа уголовно-правовой охраны религіи ко второму стоялъ, несомнѣнно, въ связи съ цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ, обновившихъ жизнь западныхъ государствъ, между прочимъ, съ измѣненіемъ взгляда на задачи государства и общаго характера отношеній государства къ личности. Долгое время на государство смотрѣли, какъ на слугу опредѣленной церкви, обязаннаго мѣрами внѣшняго принужденія защищать ученіе этой церкви и содѣйствовать его господству въ народѣ. Этотъ взглядъ особенно господствовалъ въ средніе вѣка, когда государство и церковь мыслились не какъ отдѣльные союзы, каждый съ своимъ кругомъ задачъ, а какъ единое цѣлое [1]). Но онъ сохранялся и долго послѣ среднихъ вѣковъ, лишь постепенно утрачивая кредитъ и въ общественномъ сознаніи, и въ литературѣ; отголоски же его слышатся и въ наши дни [2]). Съ

вленіе послѣдней. Англійскій текстъ этого постановленія см. у *Лопухина*, Религія въ Америкѣ, примѣч. 6 къ стр. 162.

[1]) „Средневѣковые писатели какъ клерикальнаго, такъ и свѣтскаго направленія, говоритъ кн. Трубецкой, строятъ человѣческое общество въ готическомъ архитектурномъ стилѣ — въ этомъ заключается черта сходства между ними, общая печать средневѣковой мысли". „Человѣческое общество представляется клерикальнымъ публицистамъ въ видѣ высокой пирамиды, которая кверху заостряется во множествѣ вершинъ; но надъ цѣлымъ зданіемъ господствуетъ единая вершина—папская власть; въ теоріи свѣтскихъ писателей мы находимъ тоже заостряющееся кверху зданіе; но здѣсь король или императоръ играетъ роль готическаго шпица, а подъ нимъ въ нисходящемъ порядкѣ располагается многоглавый соборъ духовной и свѣтской іерархіи—епископы, герцоги, графы. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ, стр. 6.

[2]) Этотъ взглядъ былъ въ корнѣ подорванъ уже школой естественнаго права, учившей, что цѣль государства вовсе не въ прославленіи Бога или попеченіи о господствѣ въ душахъ гражданъ истинной вѣры, Ср. *Rohland*, Historische Wandlungen d. Religionsverbrechen, стр. 136; *Суворовъ*, Учебникъ церковнаго права, стр. 484 сл.

теченіемъ времени, однако, становилось все яснѣе, что заботы о спасеніи души и жизни загробной, о чистотѣ вѣры и ея господствѣ въ народѣ государство должно предоставить всецѣло самимъ гражданамъ и церкви. Съ другой стороны, измѣнился и общій характеръ отношеній государства къ личности. Описанная полицейская опека надъ религіозною жизнью гражданъ достигала сильнаго развитія лишь въ эпохи, когда правительство не видѣло границъ своего властвованія надъ личностью, когда отдѣльная личность, не надѣленная сословными привилегіями, личность сама по себѣ ничего не значила въ государствѣ и государство такъ относилось къ ней, какъ будто бы личность существуетъ для него, а не оно есть служебный органъ составляющихъ его единицъ. Но съ теченіемъ времени личность все болѣе освобождалась отъ подавлявшей ее полицейской опеки государства. Государственная власть должна была признать за нею извѣстную область неотъемлемыхъ правъ, которыми ставились твердыя границы государственному вмѣшательству. Однимъ изъ проявленій этого общаго процесса освобожденія личности отъ поглощавшей ее опеки государства было и постепенное движеніе законодательствъ въ направленіи религіозной свободы.

Видное участіе въ этомъ завоеваніи личностью религіозной свободы принимала и литература. Въ XVI столѣтіи число защитниковъ религіозной свободы было еще не велико. Не на сторонѣ ея были, между прочимъ, и вожди реформаціи—Лютеръ, Меланхтонъ, Кальвинъ [1]). Однако находились все же писатели, ко-

---

[1]) Лютеръ на первыхъ порахъ возсталъ противъ наказанія еретиковъ и признавалъ полную свободу совѣсти. „Никто не долженъ быть принуждаемъ къ вѣрѣ, но всякій призывается“, говоритъ онъ. „Кто долженъ прійти, того

торые рѣшались поднимать свои одинокіе голоса за эту свободу, хотя допускали при этомъ иногда весьма суще-

---

Богъ самъ подвинетъ призывомъ; если же Онъ не призываетъ человѣка, что сдѣлаешь ты своими усиліями?“ Въ другомъ мѣстѣ онъ писалъ: „еретиковъ надо побѣждать не огнемъ, а писаніемъ, какъ дѣлали прежніе отцы церкви“ (Цитаты взяты у Чичерина, Исторія полит. уч. I, 320). Но впослѣдствіи онъ отказался отъ этого взгляда и допускалъ вмѣшательство государственной власти и принужденіе въ слѣд. случаяхъ: когда проповѣдуется возмутительное ученіе, напр. что не слѣдуетъ повиноваться властямъ или что у людей должно быть все общее; когда публично поносятся или отрицаются догматы, основанные на ясномъ текстѣ Св. Писанія, — такому отрицателю, какъ богохульнику, должно быть запрещено не только поученіе, но и открытое выраженіе его мнѣнія. Затѣмъ, принужденіе допустимо, по мнѣнію Лютера, въ случаяхъ раздоровъ насчетъ догматовъ; власть должна въ данномъ случаѣ разсмотрѣть, какая изъ спорящихъ сторонъ несогласна съ Евангеліемъ и ту заставить замолчать; въ случаѣ споровъ между лицами, принадлежащими къ одному ученію, о второстепенныхъ догматахъ власть можетъ предписать молчаніе обѣимъ сторонамъ. См. *Чичеринъ*, Исторія полит. ученій. I, 320 сл.; *Маассенъ*, Девять главъ, стр. 182 сл.; *Gefficken*, Staat und Kirche, стр. 213 сл.; *Döllinger*, D. Geschichte d. religiosen Freiheit. Akademische Vorträge, III, 280 сл.; *Ruffini*, у. с. I, 59. Въ воззрѣніяхъ Лютера государство не составляло отдѣльнаго отъ церкви союза, а мыслилось какъ единое цѣлое съ ней. Объ общемъ взглядѣ Лютера на государство см. статью *Rieker'a*, Staat und Kirche nach lutherischer, reformirter, moderner Anschauung, стр. 373 сл. (въ Historische Vierteljahrschrift, 1898, стр. 370—416).

Еще болѣе враждебны были религіозной свободѣ воззрѣнія Меланхтона и Кальвина. Меланхтонъ одобритъ сожженіе Сервета и предоставлялъ власти такое широкое вмѣшательство въ дѣла вѣры, что рекомендовалъ, напр., маркграфу бранденбургскому принудить народъ ходить въ церковь и наказывать тѣхъ, кто предпочитаетъ проводить въ гостинницахъ то время, которое долженъ бы былъ проводить въ церкви. См. *Маассенъ*, у. с. стр. 181. Крайне враждебно религіозной свободѣ было ученіе Кальвина, который считалъ первѣйшей обязанностью свѣтской власти охранять церковь и вѣру, истреблять еретиковъ. „Неужели же, государи, особой обязанностью которыхъ является защита мечемъ всякаго порядка, сложатъ руки въ виду разрушенія вѣры“, восклицаетъ онъ (*Bunneръ*, Церковь и государство въ Женевѣ XVI в., стр. 458). Въ подтвержденіе своего взгляда Кальвинъ приводилъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ Св. Писанія (*Bunneръ*, ibid.).

ственныя оговорки и ограниченія. Такъ, сожженіе Сервета въ Женевѣ вызвало нѣсколько сочиненій, въ которыхъ доказывалась несправедливость этой казни и болѣе или менѣе затрогивался общій вопросъ о вѣротерпимости и наказаніи еретиковъ [1]). Таковы были сочиненія: Camillo Renato (De injusto Serviti incendio) [2]). Martinus Bellius (De Haereticis, an sint persequendi, et omnino quomodo sit cum eis agendum doctorum virorum tum veterum, tum recentiorum sententiae. Liber hoc tam turbolento tempore pernecessarius. 1554) и др. Подъ псевдонимомъ Martinus Bellius скрывался базельскій проф. Себастьянъ Кастелліонъ [3]). Кастелліонъ стоялъ въ центрѣ цѣлаго кружка лицъ, отвергавшихъ всякое преслѣдованіе за вѣру [4]). Означенная книга составляла коллективный трудъ, въ которомъ Кастелліону принадлежало лишь главное участіе; въ ней сведены всѣ аргументы, которые только въ то время казалось возможнымъ привести противъ нетерпимости [5]). Во Франціи въ XVI в. образовалась цѣлая партія такъ-называемыхъ «политиковъ», которая стремилась къ водворенію въ государствѣ мира путемъ признанія религіозной свободы. Къ этой партіи, между прочимъ, принадлежалъ извѣстный французскій политическій писатель Боденъ [6]). Вопросъ о свободѣ совѣсти онъ разсматривалъ съ чисто поли-

---

[1]) О процессѣ Сервета и отношеніяхъ къ нему Кальвина см. *Виппперъ*, Церковь и государство въ Женевѣ XVI в, стр. 436 сл.

[2]) См. *Ruffini*, у. с. I, 81.

[3]) См. *Ruffini*, у. с. I, 83. *Лучицкій*, Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI в., стр. 9 сл. Это сочиненіе проф. Лучицкаго и представляетъ собою интересный очеркъ жизни и дѣятельности Кастелліона.

[4]) *Виппперъ*, у. с. стр. 455.

[5]) Книга эта вызвала взрывъ ужаса и негодованія въ обоихъ лагеряхъ, какъ католическомъ, такъ и протестантскомъ. *Лучицкій*, у, с. стр. 88 сл.

[6]) *Чичеринъ*, Исторія политич. ученій I, 424.

тической точки зрѣнія. Въ интересахъ спокойствія государства онъ считалъ необходимымъ вообще запрещать всякія пренія о религіи, ибо споры колеблютъ истину въ умахъ и производятъ раздоры, а религія составляетъ одну изъ основъ государства. Но разъ въ государствѣ существуетъ нѣсколько сектъ, то государство не должно употреблять противъ нихъ насилія, ибо насиліе ведетъ лишь къ большему упорству угнетаемыхъ и возстановляетъ подданныхъ противъ князя. Онъ приводилъ при этомъ слова Теодориха Великаго: «мы не можемъ предписывать религіи, ибо никто не можетъ быть принужденъ вѣрить противъ воли». Стѣсненія религіозной свободы, по мнѣнію Бодена, могутъ даже дать нѣкоторымъ толчекъ стать атеистами, а это—худшее изъ золъ [1]).

Религіозную свободу, далѣе, защищали нѣкоторые сектанты, напр., Социнъ и его послѣдователи [2]) и англійскіе сектанты, получившіе позднѣе названіе индепендентовъ [3]). Къ числу защитниковъ религіозной свободы принадлежалъ, далѣе, англійскій писатель Томасъ Моръ, авторъ извѣстной «Утопіи», и нѣк. др. [4]). Въ Утопіи, впрочемъ, ставятся религіозной свободѣ весьма серьезныя ограниченія, такъ какъ въ ней рѣшительно не допускаются ученія, отрицающія безсмертіе души или утверждающія, будто міръ упра-

---

[1]) *Чичеринъ*, Исторія политическихъ ученій, I, 435. *Bluntschli*, Geschichte d. allgem. Staatsrechts, стр. 38. Боденъ полагалъ, что государству даже выгоднѣе имѣть нѣсколько религій, ибо если ихъ будетъ только двѣ, то онѣ особенно легко будутъ вступать въ борьбу между собой.

[2]) См. *Ruffini*, у. с. I. 74 сл,

[3]) *Вейнгартенъ*, Народная реформація въ Англіи XVII в., стр. 21 сл.; стр. 102 сл.

[4]) *Ruffini*. у. с. I, § 6 указываетъ и нѣкоторыхъ другихъ писателей, кромѣ помянутыхъ выше, въ той или иной формѣ высказывавшихся въ пользу религіозной терпимости. См., напр., стр. 90, 92 и др.

вляется безъ всякаго Провидѣнія, игрою слѣпого случая [1]).

---

[1]) Вотъ что, между прочимъ, говорится въ Утопіи: „къ числу древнѣйшихъ постановленій утопійцевъ принадлежитъ запретъ оскорблять кого бы то ни было за его религію“. Во время основанія своего государства Утопъ зналъ, что до его прибытія туземцы вели безконечныя религіозныя войны“. „Кромѣ того, онъ замѣтилъ, что такое состояніе страны значительно облегчаетъ ея завоеваніе, потому что враждебныя секты вмѣсто того, чтобы воевать вмѣстѣ, борются каждая въ отдѣльности“. „Лишь только онъ сталъ побѣдителемъ и царемъ, онъ поспѣшилъ обнародовать полную вѣротерпимость“. „Впрочемъ, онъ никоимъ образомъ не запретитъ миссіонерской дѣятельности, которая кротко и спокойно распространяетъ свою вѣру доказательствами, а не старается, если проповѣдь не удается, уничтожить другую религію грубой силой“. „Кто этому не подчинится, тотъ наказывается изгнаніемъ или рабствомъ“.

„Когда Утопъ предписывалъ религіозную терпимость, онъ имѣлъ при этомъ въ виду не только поддержаніе мира, который былъ только-что потрясенъ безконечными войнами и непримиримою ненавистью, но ему казалось также, что интересы самой религіи требуютъ подобнаго мѣропріятія“. „Онъ никогда не рѣшался издавать какихъ-либо законовъ относительно религіи, не будучи въ состояніи рѣшить, не самъ ли Богъ внушилъ людямъ различныя вѣроученія, чтобы испытать многочисленные способы богопочитанія“. Что касается примѣненія строгихъ мѣръ и угрозъ для того, чтобы заставить кого-нибудь перемѣнить вѣру, то такой способъ казался ему настолько же нелѣпымъ, какъ и жестокимъ“. „Онъ предвидѣлъ, что еслибы всѣ религіи, кромѣ одной, были ложны, то должно было бы наступить время, когда истина въ связи съ разумомъ и милосердіемъ, сама торжественно появилась бы среди мрака заблужденія“. „Когда, напротивъ того, борются съ оружіемъ въ рукахъ, то, навѣрное, лучшія религіи будутъ погребены въ морѣ суевѣрныхъ мнѣній, какъ хорошая жатва въ плевелахъ и терніяхъ, такъ какъ вѣдь извѣстно, что худые люди бываютъ самыми упрямыми. Поэтому Утопъ предоставилъ всѣмъ полную свободу мысли и вѣрованій“. „Тѣмъ не менѣе, онъ во имя нравственности строго наказывалъ того, кто унижалъ достоинство своей природы ученіемъ будто душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ или будто міръ управляется безо всякаго Провидѣнія, одною игрою случая“... „Такимъ людямъ они отказываютъ въ какомъ бы то ни было уваженіи, имъ не довѣряютъ ни общественной должности, ни какого-нибудь важнаго дѣла“. „Ихъ презираютъ, подобно существамъ низшей и безполезной расы“. „Впрочемъ, оставаясь вѣрными правилу, что

Въ XVII в. число защитниковъ религіозной свободы значительно возрастаетъ [1]). Наиболѣе видное мѣсто среди нихъ принадлежитъ, несомнѣнно, Спинозѣ, Мильтону, Локку и Томазію. Въ Америкѣ знаменитымъ проповѣдникомъ религіозной свободы былъ Роджеръ Вилльямъ; онъ настаивалъ на отдѣленіи церкви отъ государства и на полной свободѣ для всѣхъ исповѣданій [2]).

вѣра человѣка не зависитъ отъ его воли, ихъ не наказываютъ и не прибѣгаютъ ни къ какимъ угрозамъ, чтобы заставить измѣнить свои убѣжденія". „Притворство находится въ Утопіи въ презрѣніи, и ложь, какъ родная сестра обмана, является предметомъ отвращенія". „Единственное, что съ ними дѣлаютъ—это запрещаютъ имъ публично выражать свои убѣжденія, но позволяютъ разговаривать съ мыслящими людьми и въ особенности со священниками". „Ихъ даже вызываютъ на такіе споры въ надеждѣ, что безразсудныя мнѣнія ихъ измѣнятся передъ голосомъ разума". Цитата взята изъ сочиненія *Карла Каутскаго* „Томасъ Моръ и его Утопія". Перев. М. А. и А. Г. Генкель (1905 г. Петербургъ), стр. 299—300.

[1]) Кромѣ сочиненій Спинозы, Мильтона, Томазія, Роджера Вильяма и Локка, въ XVII вѣкѣ появился цѣлый рядъ другихъ сочиненій, въ той или иной формѣ защищавшихъ религіозную свободу. Къ числу такихъ сочиненій принадлежали, напр., Vindiciae pro religionis libertate нѣмецкаго писателя *Grell'я* (1590—1633); *Busher'a*, Religions Peace; or, a Plea for Liberty of Conscience. London. 1614; *Murton'a*. Objections answered by way of Dialogue, wherein is proved by the Law of God, by the Law of our Land, and by His Majesty's many testimonies, that no man ought to be persecuted for his Religion, so he testifie his allegeance by the oath appointed by Law. London, 1615; *Henri Basnage de Beauval*, Tolérance des religions. Rotterdam. 1684; *Bayle*, Commentaire philosophique sur ces paroles de Jésus Christ: *contrain-les d'entrer*; où l'on prouve par plusieurs raisons démonstratives qu'il n'y a rien de plus abominable que de faire des conversions par la contrainte, et où l'on réfute tous les sophismes des convertisseurs à contrainte, et l'apologie que S. Augustin a faite des pursécutions. 1686 и мн. др. О всѣхъ указанныхъ сочиненіяхъ см. *Ruffini*, у. с. I, 92, 128; 131 сл.; 169 сл. Означенное сочиненіе *Bayle*, вмѣстѣ съ другими его сочиненіями, впослѣдствіи (1713. Rotterdam) было издано подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Commentaire philosophique sur ces paroles de Jesus-Christ: „contrain-les d'entrer", ou traité de la tolérance universelle T. I—II.

[2]) Эти идеи высказаны имъ въ трактатахъ: „кровавый принципъ преслѣдованія" и „кровавый принципъ, сдѣлавшійся еще болѣе кровавымъ уси-

Спиноза («Богословско - политическій трактатъ» 1670 г.) [1]) полагалъ, что при обсужденіи вопроса о религіозной свободѣ необходимо различать внѣшній культъ и внѣшнее благочестіе отъ внутренняго поклоненія Богу и внутренняго благочестія, сферу дѣйствія и сферу мнѣнія. Признавая вмѣшательство правительства въ область внѣшняго культа и благочестія вполнѣ законнымъ, такъ какъ необходимо, чтобы религія приспособлялась къ порядку и сохраненію государства [2]), Спиноза рѣшительно отвергалъ его въ отношеніи религіозной мысли и внутренняго благочестія. Совѣсть должна быть неприкосновенна, такъ какъ никто не можетъ перенести на другого свое естественное право и способность обо всемъ разсуждать, и нельзя принудить къ такой передачѣ [3]). Каждый имѣетъ право свободно мыслить и чувствовать въ дѣлахъ вѣры. Спиноза требуетъ, далѣе, предоставленія всякому свободы выраженія своихъ убѣжденій и ученія. Однако онъ допускаетъ въ этомъ отношеніи весьма существенное ограниченіе: недопустимы такія мнѣнія, которыя, будь они приняты, уничтожили бы основной общественный договоръ,

---

ліями М. Коттона его обѣлить въ крови Искупителя". См. изложеніе взгляда Роджера Вилльяма у *Ruffini*, у. с. I, 179 сл. (у него приводится цѣлый рядъ выписокъ изъ сочиненій Р. Вилльяма); *Вейнгартенъ*, Народная реформація въ Англіи, стр. 36; *Бѣлокриницъ-Котляревскій*, Прест. противъ религіи, стр. 230 сл. Идеи Р. Вилльяма оказали большое вліяніе на нѣкоторыхъ англійскихъ индепендентовъ, такъ-называемыхъ левеллеровъ, которые, между прочимъ, защищали религіозную свободу и требовали отдѣленія церкви отъ государства. См. *Вейнгартенъ* у. с. стр. 285 сл. стр. 290.

[1]) Къ нашему вопросу относятся 19 и 20 главы этого трактата. Дѣлаемыя ниже ссылки относятся къ нѣмецкому переводу *Auerbach'a*, *Spinosa's* Sämmtliche Werke, II Bd. Theologisch-politischer Tractat. (v. Berthold Auerbach. Stuttgart. 1841).

[2]) Theologisch-politischer Tractat (ук. изд.), стр. 493 сл.

[3]) Theologisch-politischer Tractat, стр. 517.

напр., мнѣніе, будто верховная власть неполноправна, будто подданные могутъ жить по своему усмотрѣнію и т. п. [1]). Субъектъ, высказывающій подобныя мнѣнія является мятежникомъ не потому, что онъ такъ думаетъ, а потому, что высказываніе такихъ мыслей составляетъ дѣяніе (That), нарушающее обѣщанную въ общественномъ договорѣ вѣрность верховной власти [2]). Что же касается внѣшняго культа, дѣлъ внѣшняго благочестія, то въ интересахъ какъ религіи, такъ и государства, эта область должна подлежать наблюденію и руководству со стороны государства; никто, поэтому, не можетъ, если ему не дано правительствомъ права, управлять духовными дѣлами, избирать священнослужителей, устанавливать догматы церкви и ея доктрину, судить о дѣлахъ благочестія и удалять кого-либо изъ общества вѣрующихъ или, напротивъ, принимать въ число членовъ данной церкви [3]).

Современникъ Оливера Кромвелля, знаменитый англійскій поэтъ Мильтонъ горячо доказывалъ въ своемъ «трактатѣ о гражданской власти въ духовныхъ дѣлахъ» (1659 г.), что свѣтская власть неспособна судить о дѣлахъ вѣры и не должна принуждать къ исповѣданію какой-либо религіи; такое принужденіе ведетъ только къ лицемѣрію [4]). Но признавая свободу за всѣми протестантскими сектами, Миль-

---

[1]) Hieraus konnen wir aber nicht minder leicht bestimmen, welche Meinungen in einem Staate aufruhrerisch sind; solche nämlich, durch welche sobald sie angenommen werden, der Vertrag, vermöge dessen ein Ieder sich seines Recht, nach eignem Ermessen zu handeln, begeben, aufgehoben wird. y. c. стр. 525.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid, стр. 507, 508.

[4]) Подробное изложеніе его взгляда см. у *Чичерина*, Ист. политич. ученій II, 48 сл.; также *Bluntschli*, Geschichte d. allg. Staatsrechts, стр. 90 сл.

тонъ не признавалъ ея за католиками и язычниками; папизмъ и явные предразсудки, по его мнѣнію, должны быть искореняемы [1]). Горячо возставая противъ стѣсненій свободы мысли, преимущественно съ точки зрѣнія религіозной, Мильтонъ допускалъ, однако, преслѣдованіе и уничтоженіе вредныхъ сочиненій [2]).

Локкъ въ своихъ «письмахъ о терпимости» (1689 года) [3]) развивалъ слѣдующій взглядъ. Терпимость, говоритъ онъ, составляетъ отличительную черту истинной церкви [4]). J'avoue qu'il me paroît fort étrange, et je ne croi pas d'être le seul de mon avis, говоритъ онъ, de voir qu'un homme, qui souhaite avec ardeur le salut de son prochain, le fait expirer au milieu des tourments, lors mème qu'il n'est pas converti [5]). Государственная власть должна пещись о гражданскихъ интересахъ (interêts civils)—о жизни, свободѣ, здоровьи, имуществѣ гражданъ. Заботами объ этихъ внѣшнихъ благахъ она и должна ограничиваться [6]).

---

[1]) *Чичеринъ*, ibid., стр. 52.

[2]) *Чичеринъ*, ibid., стр. 50.

[3]) Дѣлаемыя ниже ссылки относятся къ французскому переводу. „Oeuvres diverses de M-s Jean Locke". Rotterdam. 1710.

[4]) Lettre sur la tolerance (ук. изд.), стр. 1.

[5]) Ibid., стр. 9. La tolerance en faveur de ceux qui different des autres en matiere de religion, est si conforme à 'Evangile de Jesus-Christ. et au sens commun de tous les hommes, замѣчаетъ онъ ниже, qu'on peut regarder comme des monstres ceux qui sont assez aveugles, pour n'en voir pas la necessité et l'avantage, au milieu de tant de lumiere qui les environne.. Ibid., стр. 11—12.

[6]) Ibid., стр. 14 сл. Въ доказательство этого положенія Локкъ приводитъ слѣдующія соображенія: 1) Богъ не предоставилъ правительству заботы о душахъ болѣе, чѣмъ всякому другому лицу, и не уполномочилъ принуждать къ принятію его религіи (ibid., стр. 15—17); 2) власть правительства ограничивается внѣшнимъ принужденіемъ, но истинная религія представляетъ собою живущее въ душѣ убѣжденіе, недоступное средствамъ внѣшняго принужденія (ibid., стр. 17—20); 3) если бы даже можно было

Отдѣльнымъ церквамъ, даже идолопоклонникамъ [1]), должна быть предоставлена свобода отправленія ихъ религіи. Государственная власть не должна касаться ученія или культа церкви [2]). Но то, что нарушаетъ общественные интересы и запрещается вообще гражданамъ не должно быть допускаемо и терпимо государствомъ только потому что это дозволено какою-либо церковью или имѣло мѣсто въ религіозномъ собраніи [3]). Государственная власть не должна терпѣть такихъ ученій, которыя противны благу государства и добрымъ нравамъ (....je dis en premier lieu, que le magistrat ne dois tolerer aucun dogme, qui soit contraire au bien de l'Etat et aux bonnes moeurs, si necessaires pour la conservation de la societé civile [4]). Не должны быть терпимы, по взгляду Локка, атеисты, такъ какъ для нихъ необязательны клятвы. обѣщанія. добросовѣстность, образующія главныя связи гражданскаго общества [5]), а также паписты. такъ какъ они признаютъ надъ собою иноземную власть папы и считаютъ отлученнаго короля лишеннымъ трона [6]).

принужденіемъ заставить человѣка принять извѣстную религію, это не могло бы служить спасенію его души; только искренняя вѣра пріятна Богу (ibid., стр. 20—22). Ainsi chacun est en droit d'avoir soin de son ame. et on ne sauroit de lui ôter. Vous me direz peut être qu'il la neglige. Mais s'il neglige la santé de son corps, et ses affaires domestiques, où la Societé civile est beaucoup plus interessée, faudra-t-il que le magistrat publie une ordonnance, pour lui défendre de s'apauvrir et de tomber malade? Ibid., p. 49.

[1]) У. с. стр, 79 сл.

[2]) У. с. стр. 66 сл.; стр. 91 сл.

[3]) Ibid., стр. 75—78.

[4]) Ibid., стр. 105.

[5]) Ibid.. стр. 110—111.

[6]) Ibid.. стр. 106 сл.; 109 сл.

Томазій разсматривалъ вопросъ о религіозной свободѣ съ политической точки зрѣнія [1]). Единство религіи, полагалъ онъ, вовсе не требуется интересами государства; люди, исповѣдующіе разныя религіи, могутъ жить въ мирѣ между собою. Обязанность князя—охранять внѣшній миръ; въ кругъ его обязанностей не входитъ забота о будущей жизни подданныхъ. Поэтому онъ долженъ запрещать лишь поступки, нарушающіе внѣшній миръ, но не долженъ считать ересь преступленіемъ. Однако, для охраны внѣшняго мира князь можетъ запретить публичное обсужденіе извѣстныхъ вопросовъ, только онъ долженъ дѣлать это съ крайней осмотрительностью, избѣгая налагать излишнія стѣсненія. Онъ можетъ запретить также религіозныя ученія, которыя посягаютъ на общественный порядокъ; онъ не обязанъ, напримѣръ, терпѣть людей, которые въ силу своей религіи считаютъ себя обязанными болѣе повиноваться какому-либо иному лицу, чѣмъ ему, или атеистовъ, способныхъ всегда нарушить спокойствіе государства. Этихъ лицъ онъ можетъ выселять съ ихъ имуществомъ изъ государства.

Въ XVIII в. число защитниковъ религіозной свободы не переставало возрастать. Монтескьё, Беккарія, Бентамъ, Вольтеръ, Гельвецій, Пасторе и мн. др. энергично возставали противъ жестокости и нетерпимости современныхъ имъ законовъ. Во всѣхъ госу-

---

[1]) *Чичеринъ*, Исторія политич. ученій II, 246 сл. *Bluntschli*, Geschichte d. allg. Staatsrechts, стр. 189 сл. *Ruffini*, у. с. I, 238 сл. Томазій не всегда держался одного и того же взгляда на религіозную свободу. Въ молодости своей онъ былъ защитникомъ религіозной нетерпимости. Излагаемое въ текстѣ воззрѣніе развито Томазіемъ въ 3 сочиненіяхъ: 1) „есть ли ересь преступленіе?“ (1697); 2) „право евангелическихъ князей въ богословскихъ спорахъ“ (1696); 3) „краткія положенія о правѣ христіанскаго князя въ религіозныхъ дѣлахъ“ (1724).

дарствахъ постоянно появлялись сочиненія, такъ или иначе проводившія идею религіозной свободы [1]). Не входя въ подробности относительно высказывавшихся въ то время въ литературѣ воззрѣній, я въ двухъ словахъ остановлюсь лишь на взглядахъ трехъ знаменитыхъ писателей этого вѣка—англичанина Бентама и двухъ французскихъ писателей — Монтескьё и Вольтера [2]).

Бентамъ, которому принадлежитъ одно изъ наиболѣе интересныхъ мнѣній по вопросу о религіозной свободѣ, разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Всякое вѣрованіе, полагаетъ онъ, становится вреднымъ, когда законодатель, въ цѣляхъ содѣйствовать распространенію этого вѣрованія, употребляетъ наказаніе. Вредъ принужденія въ дѣлахъ вѣры Бентамъ доказываетъ слѣдующими соображеніями. Тѣ лица, на которыхъ направляется въ данномъ случаѣ принужденіе, распадаются на три группы: а) первую

---

[1]) См. указанія на массу подобныхъ сочиненій у *Ruffini*, у. с. т. I. Для примѣра укажу на сочиненія: *Collins'a*, A discourse of freethinking, occasioned by the rise and growth of a sect called freethinkers. London. 1713; епископа *Warburton*, Alliance of Church and State. 1736, гдѣ проводились взгляды, близкіе къ ученію Локка (см. *Ruffini*, у. с. I, 218; 220); *Paley*, The principles of moral and political philosophy. 1785. Въ Германіи къ литературѣ даннаго рода принадлежали: сочиненіе *Фурмана*, De tolerantiae religiosae effectibus civilibus. Halae, 1726; многочисленныя сочиненія *Мозера* (см. перечень ихъ у *Ruffini*, у. с. I, 250, прим. 2); позднѣйшее и наиболѣе значительное изъ нихъ: Die Rechte der Menschheit in Religions-Sachen, sowohl im Stande der Natur, als der Gesellschaft 1781. Нѣмецкая литература послѣднихъ годовъ XVIII в,, съ Гердеромъ, Виландомъ, Лессингомъ, Гете и Шиллеромъ во главѣ, была вообще проникнута духомъ терпимости и свободы.

[2]) Я счелъ полезнымъ сдѣлать сжатый очеркъ наиболѣе выдающихся взглядовъ на религіозную свободу, такъ какъ эти взгляды, помимо своего историческаго значенія, представляютъ интересный матеріалъ для освѣщенія различныхъ сторонъ принципа религіозной свободы и при дальнѣйшемъ обсужденіи разсматриваемаго вопроса послужатъ для насъ подспорьемъ.

группу составляютъ тѣ, которыя уже держатся того же вѣрованія, какъ и законодатель, b) вторую — отвергающія его, c) третью — тѣ, которыя не принимаютъ, но и не отвергаютъ данную религію. Для первыхъ наказаніе не нужно, для вторыхъ — оно безполезно, такъ какъ не сможетъ побороть сложившееся у нихъ убѣжденіе и скорѣе даже укрѣпить послѣднее, во-первыхъ, потому что употребленіе принужденія равносильно молчаливому признанію недостаточности основаній, а во-вторыхъ, потому что насиліе создаетъ отвращеніе къ навязываемымъ мнѣніямъ. Все, чего въ данномъ случаѣ можетъ достигнуть наказаніе, это—заставить людей не вѣровать, а говорить, что вѣруютъ. Но лицемѣріе оказываетъ деморализующее вліяніе на общество; притомъ, лицемѣрамъ приходится выносить страданія отъ угрызеній совѣсти и общественнаго мнѣнія и привыкнуть презирать мнѣніе остального общества, чтобы жить съ послѣднимъ въ мирѣ. Что касается третьяго разряда лицъ, на которыхъ долженъ дѣйствовать уголовный законъ, то на образованіе ихъ религіозныхъ убѣжденій онъ можетъ оказывать извѣстное вліяніе. Однако и въ отношеніи этихъ лицъ Бентамъ считаетъ нежелательнымъ принужденіе; создавая стремленіе согласовать свои убѣжденія съ закономъ, наказаніе лишаетъ умъ способности яснаго и энергичнаго «изслѣдованія истины, заставляя его искать успокоенія въ нѣкоторомъ слѣпомъ легковѣріи» (une sorte de crédulité aveugle [1]). Ainsi tout moyen pénal, employé pour augmenter la force religieuse, agit comme moyen indirect contre cette partie essentielle des moeurs qui consiste dans le respect de la vérité et le respect de l'opi-

[1]) См. Traités de législation civil et pénale. T. II (1830), p. 354 s; также *его же*, Избранныя сочиненія, стр. 642 сл.

nion publique [1]). Нецѣлесообразны какія-либо карательныя мѣры и въ отношеніи атеистовъ [2]).

Въ своихъ «Персидскихъ письмахъ» Монтескьé является сторонникомъ полной религіозной свободы и высказываетъ нѣсколько вполнѣ вѣрныхъ и остроумныхъ мыслей. Для государства лучше, говорится здѣсь, если въ немъ нѣсколько религій. «Вообще замѣчено, что люди, исповѣдующіе религіи только терпимыя въ данномъ государствѣ, обыкновенно приносятъ гораздо болѣе пользы своему отечеству, чѣмъ тѣ, которые исповѣдуютъ религію господствующую, такъ какъ почести имъ недоступны и они могутъ отличаться только пышностью и богатствомъ и потому особенно стремятся ихъ пріобрѣсти и готовы нести самыя тяжелыя общественныя должности». «Къ тому же, во всякой религіи есть правила, полезныя обществу и потому хорошо, когда они усердно соблюдаются». «А между тѣмъ, что лучше можетъ разжигать это усердіе какъ не ихъ многочисленность?» «Это соперницы, которыя ничего другъ другу не прощаютъ». «Ревность простирается и на отдѣльныя единицы: всякій насторожѣ и боится сдѣлать что-нибудь такое, что можетъ посрамить его партію и подвергнуть ее презрѣнію и невыносимой критикѣ противной стороны». «Поэтому всегда замѣчали, что допущеніе какой-нибудь новой секты въ государство было самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для исправленія злоупотребленій въ старой» [3]). Религіозныя войны, продолжаетъ авторъ, всегда вызывались духомъ нетерпимости; «это тотъ сокрушительный духъ, на который нельзя иначе смотрѣть, какъ на полное помраченіе человѣческаго разума, когда онъ

[1]) Traités, II, 359.

[2]) Traités, II, 363. Избранныя сочиненія, стр. 647.

[3]) Персидскія письма (Русск. пер. 1892 г.), стр. 179.

торжествуетъ» [1]). Противъ нетерпимости онъ приводитъ еще одно остроумное соображеніе: тотъ, кто желаетъ принудить меня перемѣнить вѣру, говоритъ онъ, вѣдь самъ, конечно, ни за что не перемѣнилъ бы свою; стало быть, онъ находитъ страннымъ, что я не дѣлаю того, чего бы онъ самъ не сдѣлалъ, быть-можетъ, ни за что на свѣтѣ [2]). Въ «Духѣ законовъ» мы встрѣчаемъ уже нѣсколько иной взглядъ; государство, говорится здѣсь [3]), должно быть терпимо въ отношеній религій, уже установившихся въ немъ, но въ правѣ не допускать водворенія новой религіи; «въ тѣхъ случахъ, когда государство вполнѣ довольно своей религіей, гражданскій законъ поступитъ очень хорошо, воспретивъ водвореніе въ странѣ иной религіи» [4]).

Гораздо рѣшительнѣе высказывался въ защиту религіозной свободы Вольтеръ [5]). Согласно принципу естественнаго права, на которомъ должно основываться всякое положительное право, говоритъ онъ, человѣкъ не долженъ дѣлать другому того, чего онъ не желалъ бы, чтобы дѣлали ему самому. Религіозная нетерпимость прямо противорѣчитъ этому принципу.

---

[1]) Ibid., стр. 180.

[2]) Ibid.

[3]) О духѣ законовъ. Перев. подъ ред. Горнфельда (Спб. 1900), стр. 469.

[4]) О духѣ законовъ, стр. 468. Впрочемъ, нѣсколько ниже авторъ замѣчаетъ, что слѣдуетъ избѣгать примѣненія въ дѣлахъ вѣры наказаній. „Въ борьбѣ съ религіей вѣрнѣе дѣйствуютъ всякія милости, жизненныя удобства, надежда на богатство—вообще не то, что возбуждаетъ подозрительность, но что даетъ забвеніе; не то, что приводитъ въ негодованіе, но что побуждаетъ къ равнодушію, когда новыя страсти начинаютъ воздѣйствовать на нашу душу, а тѣ, которые вызываются религіей, молчатъ. Общее правило: въ дѣлѣ перемѣны религіи склонять лучше, чѣмъ наказывать“. Ibid., стр. 470.

[5]) Свои мысли о терпимости и религіозной свободѣ онъ изложилъ главнымъ образомъ въ слѣд. своихъ сочиненіяхъ: Traité sur la tolérance, a l'occasion de la mort de Jean Calas. (1763); Commentaires sur le livre des delits et des peines (1766); Prix de justice et de l'humanité. (1777).

Le droit de l'intolérance est donc absurde et barbare; c'est le droit des tigres; et il est bien plus horrible, car les tigres ne déchirent que pour manger, et nous nous sommes exterminés pour des paragraphes [1]). Каждому человѣку слѣдуетъ предоставить вѣрить какъ онъ хочетъ или вовсе не вѣрить и быть атеистомъ, лишь бы онъ не нарушалъ порядка. Отъ человѣка не зависитъ вѣрить или не вѣрить, но въ его волѣ уважать законы своего отечества, и этого отъ него можно требовать. Если изъ всѣхъ религій лишь одна католическая—божественнаго происхожденія, то Богъ, создавшій ее, самъ обезпечитъ ей господство и въ человѣческой помощи не нуждается [2]). Enfin voudriez-vous soutenir par des boureaux la religion d'un Dieu que des bourreaux ont fait pèrir, et qui n'a prêché que la douceur et la patience? спрашиваетъ онъ [3]). Нетерпимость приводитъ только къ лицемѣрію или возстаніямъ [4]). Лучшее средство воспрепятствовать сектѣ ниспровергнуть государство—это терпимость. Нѣтъ другихъ политическихъ мѣръ борьбы съ новой сектой, какъ или безжалостно истребить всѣхъ ея членовъ, или терпѣть ее, когда она многочисленна. Но первая мѣра—чудовищна, вторая—разумна [5]).

Лучшимъ лѣкарствомъ противъ фанатизма является терпимость, предоставляющая его дѣйствію ра-

---

[1]) Oeuvres complètes de Voltaire. T. XXXVIII (2 Ed. Paris. 1827). Traité sur la tolérance, p. 169.

[2]) Traité sur la tolérance, p. 207.

[3]) Ibid., p. 208.

[4]) Ibid.

[5]) Commentaire sur le livre des délits et des peines. Oeuvres complétes. (ук. изд.) T. XXXIX, p. 41. Въ этихъ разсужденіяхъ Вольтера нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы заключить, какъ это дѣлаетъ проф. Бѣлогрицъ-Котляревскій (у. с. стр. 245—246), что Вольтеръ допускаетъ нетерпимость въ отношеніи немногочисленныхъ сектъ. Онъ категорически требуетъ терпимости для всѣхъ сектъ.

зума, который просвѣтляетъ, внушаетъ всепрощеніе и тушитъ распри [1]). Надо замѣтить еще, что не слѣдуетъ опасаться многочисленности сектъ; чѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ менѣе каждая изъ нихъ опасна; многочисленность ослабляетъ ихъ [2]). Авторъ подробно доказываетъ, далѣе, противорѣчіе всякихъ преслѣдованій за вѣру евангельскому ученію [3]). Если желаете подражать Христу, говоритъ онъ, будьте мучениками, а не палачами [4]).

Идеи сторонниковъ религіозной свободы поддерживали и освѣщали описанное выше движеніе законодательствъ. Полицейская опека государства надъ религіозною жизнью гражданъ нашла въ нихъ себѣ энергичный протестъ и разоблаченіе. Въ настоящее время эти идеи въ значительной степени уже осуществлены въ западныхъ законодательствахъ; практика даже превзошла многія изъ изложенныхъ выше воззрѣній, такъ какъ выставлявшіяся въ нихъ ограниченія для нѣкоторыхъ исповѣданій, напр., для папистовъ, не признаются современными законодательствами. Въ западныхъ государствахъ господствуетъ теперь второй типъ уголовной охраны религій. Въ нихъ преслѣдуются какъ религіозныя преступленія, большею частью лишь такія дѣйствія, какъ, напр., огохуленіе, поношеніе чьихъ-либо религіозныхъ вѣрованій, препятствованіе отправленію культа, принужденіе къ участію въ отправленіи культа и т. п. За каждымъ признается право исповѣдывать какую онъ хочетъ религію, переходить изъ одного исповѣ-

---

[1]) Oeuvres complétes (ук. изд.) T. XXXXVIII, p. 457 s.; Traité sur la tolérance, p. 165.

[2]) Traité sur la tolérance, стр. 163.

[3]) Ibid., стр. 245 сл.

[4]) Ibid, стр. 254. На стр. 255 сл. онъ приводитъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ отцовъ церкви противъ нетерпимости въ защиту религіозной свободы.

данія въ другое, вовсе не исповѣдывать никакой религіи. И эта религіозная свобода обыкновенно получаетъ отчетливое выраженіе въ конституціяхъ, наряду съ неприкосновенностью жилища, свободою слова и другими неотъемлемыми правами личности. Вотъ какъ, напр., она выражена въ бельгійской конституціи: «свобода вѣроисповѣданій и публичнаго отправленія религіозныхъ обрядовъ, равно какъ свобода выраженія своихъ мнѣній по всякому предмету гарантированы; караются лишь преступленія, совершенныя при пользованіи этими правами» [1]). Конституція Нидерландовъ постановляетъ: «каждый совершенно свободно исповѣдуетъ свои религіозныя убѣжденія, при условіи, что общество и его члены охраняются отъ преступленій постановленіями уголовнаго закона» (ст. 167). «Всѣ религіозныя общества королевства пользуются равной защитой» (ст. 168) [2]). Прусская конституція объявляетъ: «свобода вѣроисповѣданія, образованія религіозныхъ обществъ, общихъ домашнихъ и публичныхъ богослуженій гарантирована». «Пользованіе гражданскими и политическими правами не зависитъ отъ вѣроисповѣданія». «Пользованіе религіозной свободой не должно вредить выполненію гражданскихъ и политическихъ обязанностей» [3]). Приблизительно такія же постановленія помѣщены и во многихъ другихъ конституціяхъ.

---

[1]) См. ст. 14 бельгійской конституціи. *Гессенъ и Нольде*, Современныя конституціи, стр. 119. *Новикъ*, Современныя конституціи, стр. 72. Это постановленіе дополняется ст. 15 той же конституціи.

[2]) *Новикъ*, Современныя конституціи, стр. 134. Эти статьи конституціи дополняются ст. 169—173. *Гессенъ и Нольде*, Современныя конституціи, стр. 312.

[3]) Ст. 12. *Новикъ*, у. с. стр. 193. *Вильсонъ*, Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учрежденій. Приложенія. Стр. 42. *Гессенъ и Нольде*, у. с. стр. 391—392.

Однако было бы ошибкой думать, что второй типъ уголовной охраны религіи получилъ въ западныхъ государствахъ полное и законченное развитіе [1]). Далеко нѣтъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ даваемая религіи уголовная охрана недостаточна; въ качествѣ примѣра можно указать на голландское уложеніе, которое въ своихъ скудныхъ постановленіяхъ не охватываетъ, напр., такихъ религіозныхъ преступленій, какъ поношеніе религіи. Нерѣдко также даваемая религіи спеціальная охрана неравномѣрна въ томъ смыслѣ, что она, во-первыхъ, дается не въ одинаковомъ объемѣ всѣмъ религіямъ, а, во-вторыхъ, нѣкоторымъ недозволеннымъ культамъ не дается вовсе; такъ, напр., германское уложеніе даетъ особую уголовную охрану отъ поношенія лишь христіанскимъ церквамъ и тѣмъ религіознымъ обществамъ, которыя пользуются въ Германіи корпоративными правами (§ 166). Такъ же поступаютъ и нѣкоторыя другія законодательства. Наконецъ, во многихъ западныхъ государствахъ къ охранѣ второго типа замѣтно примѣшиваются еще элементы старой полицейской опеки государства надъ вѣрованіями гражданъ и выражаются въ разнообразныхъ формахъ—въ запрещеніи извѣстныхъ вѣрованій, какъ вредныхъ, противонравственныхъ сектъ, въ запрещеніи публичнаго выраженія извѣстныхъ мнѣній и вѣрованій, какъ соблазнительнаго для другихъ и т. д. Такъ, напр., въ Англіи до сихъ поръ считается преступленіемъ и влечетъ за собою строгое наказаніе отрицаніе истинности христіанской вѣры или авторитета Св. Писанія письменно, печатно, посредствомъ поученій или разговоровъ, лицомъ, воспи-

---

[1]) Подробно это выяснится намъ ниже, въ гл. 3.

тавшимся или принявшимъ христіанство въ Англіи [1]). Въ Австріи, хотя ст. 14 конституціоннаго закона 1867 г. и заявляетъ, что полная свобода вѣроисповѣданія и совѣсти гарантирована всѣмъ, однако, согласно ст. 15 и 16 этого закона, лишь за признанными закономъ церквами или религіозными ассоціаціями признается право отправлять богослуженіе сообща и публично; что же касается религіозныхъ исповѣданій, закономъ не признанныхъ, то послѣдователямъ ихъ разрѣшается отправлять свое богослуженіе въ частномъ домѣ, разъ это не противно законамъ или добрымъ нравамъ [2]). Австрійское уголовное уложеніе караетъ арестомъ до 3 мѣс. за разныя дѣйствія, направленныя къ основанію или распространенію секты, признанной правительствомъ недозволенной, за устройство собраній подобнаго общества, проповѣданіе или опубликованіе его ученія, привлеченіе новыхъ членовъ (§ 304 Strg.) [3]). Признаніе дается правительствомъ лишь тѣмъ религіознымъ исповѣданіямъ, которыя не содержатъ въ себѣ ничего против-

---

[1]) *Дайси*, „Основы государственнаго права Англіи, стр. 275. Также *Harris*, Principles of the criminal law, стр. 62. Преступленія даннаго рода разсматриваются въ Англіи судомъ присяжныхъ. „Такимъ образомъ, по замѣчанію Дайси (стр. 276), свобода слова въ Англіи есть не болѣе, какъ право говорить и писать только то, что присяжные, какіе-нибудь 12 лавочниковъ сочтутъ удобнымъ“. „Такая „свобода“ можетъ, конечно, мѣняться, смотря по времени, переходя отъ безграничной свободы къ очень строгому ограниченію, и англійская исторія послѣднихъ двухъ столѣтій доказываетъ, что въ силу закона о пасквилѣ степень свободы, предоставляемой выраженію мнѣній, значительно измѣнялась сообразно съ состояніемъ общественнаго мнѣнія“.

[2]) *Гессенъ* и *Нольде*, у. с. стр. 18; *Вильсонъ*, Государство. Приложенія, стр. 93—94.

[3]) *Finger*, D. Strafrecht II, 336. *Ianka*, D. österreichische Strafrecht, стр. 298.

наго законамъ и подрывающаго нравственность [1]). Въ Швейцаріи статья 52 федеральной конституціи запрещаетъ основывать новые монастыри или ордена, а также возстанавливать старые. Ст. 51 постановляетъ, что орденъ іезуитовъ и филіальныя общества послѣдняго не могутъ быть допущены ни въ какую часть Швейцаріи и членамъ ихъ не разрѣшается совершать никакой дѣятельности ни въ церкви, ни въ школѣ. Это воспрещеніе можетъ быть распространено федеральнымъ рѣшеніемъ и на другіе религіозные ордена, дѣятельность которыхъ представляетъ опасность для государства или нарушаетъ миръ между исповѣданіями [2]). Въ кантонѣ Graubünden наказывается тюремнымъ заключеніемъ на срокъ до 1 мѣс. привлеченіе новыхъ членовъ, и принадлежность къ сектѣ, опасной для общественнаго спокойствія или нравственности, а также основаніе подобной секты [3]). Въ Испаніи, по ст. 11 конституціи испанской монархіи и по указу 1876 г., воспрещаются публичныя манифестаціи и церемоніи какой-либо другой религіи, кромѣ католической, которая признается государственной [4]). Въ Португаліи. по ст. 6 конституціонной хартіи, католическая религія считается религіей королевства. Всѣ другія религіи дозволяются иностранцамъ съ ихъ частнымъ культомъ, въ зданіяхъ для того опредѣленныхъ, но не имѣющихъ внѣшняго

---

[1]) *Finger*, ibid., II, 330. *Hinschius*, Allgemeine Darstellung d. Verhaltnisse von Staat und Kirche. *Marquardsen's*, Handbuch. d. offentlichen Rechts Bd. I. 370—371.

[2]) См. *Новикъ*, Современныя конституціи, стр. 336.

[3]) *Stooss*, D. schweizerichen Strafgesetzbucher, стр. 413. *Его же*, D. Grundzuge d. schweizerisches Strafrechts. II, 193.

[4]) *Новикъ*, Соврем. конституціи, стр. 385. *Liszt*, La législation pénale comparée (1894) I, 175.

вида храма [1]). Португальскій кодексъ 1886 г., между прочимъ, въ числѣ религіозныхъ преступленій предусматриваетъ недостатокъ уваженія къ католической религіи, проявляющійся въ пропагандѣ устной или въ публичныхъ сочиненіяхъ противнаго ей ученія, совращеніе кого-либо и покушеніе совратить изъ католицизма въ другую религію или привлечь въ недопускаемое католической церковью общество; затѣмъ, публичное совершеніе богослужебныхъ дѣйствій, не относящихся къ католическому богослуженію [2]). Наказывается также лишеніемъ политическихъ правъ на 20 лѣтъ всякій португалецъ-католикъ, который открыто отпадетъ или отречется отъ католической вѣры [3]). Этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно для подтвержденія высказанной выше мысли.

Подводя итоги сдѣланной нами исторической справки, мы можемъ свести важнѣйшіе ея результаты къ слѣдующему.

Она даетъ, во-первыхъ, яркую картину того полицейскаго гнета, который получается при послѣдовательномъ осуществленіи въ законодательствѣ перваго типа охраны религіи.

Она показываетъ, во-вторыхъ, что этотъ типъ охраны господствовалъ на Западѣ до конца XVIII в., т. е. до момента, когда рушился «старый порядокъ», съ которымъ онъ былъ неразрывно связанъ; выше

---

[1]) *Новикъ*, Современныя конституціи, стр. 408. *Гессенъ и Нольде*, у. с., стр. 354.

[2]) Art. 130, n. 2—4. См. нѣмецкій переводъ португальскаго уголовнаго кодекса въ приложеніи къ Zeitschrift fur die gesammte Strafrechtswissenschaft за 1904 годъ. См. также *Liszt*, La législation pénale comparée I, 204, 205.

[3]) Art. 135. Въ нѣмецкомъ переводѣ стоятъ слова: „öffentlich abtrunnig wird oder ihr entsagt". См. указ. приложеніе къ Zeitschrift fur d. ges Strafrechtswissenschaft. 1904. Стр. 30.

намѣчены также въ общихъ чертахъ нѣкоторые изъ важнѣйшихъ пунктовъ связи его со «старымъ порядкомъ».

Она показываетъ, въ-третьихъ, что въ настоящее время не во всѣхъ западныхъ государствахъ существуетъ исключительно второй видъ охраны религіи; иногда къ нему примѣшиваются элементы охраны перваго типа. Такимъ образомъ, кромѣ двухъ отмѣченныхъ типовъ. возможна еще уголовноправовая охрана религіи смѣшаннаго характера, представляющая собою извѣстное сочетаніе второго типа съ нѣкоторыми элементами перваго.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что вопросъ о томъ, какова должна быть уголовная охрана религіи, сводится къ слѣдующему: должна ли эта охрана носить описанный выше полицейскій характеръ, или она должна, напротивъ, строиться исключительно по второму изъ отмѣченныхъ типовъ, или же, наконецъ, она должна представлять собою извѣстное сочетаніе этихъ двухъ типовъ? Говоря иначе, должно ли государство своими карательными постановленіями только охранять религіозную свободу или должно при этомъ въ той или иной мѣрѣ и ограничивать эту свободу? Рѣшая этотъ вопросъ, мы будемъ основываться на выставленномъ выше общемъ принципѣ, согласно которому государственная власть должна ограничивать свободу гражданъ уголовными законами, лишь поскольку это необходимо въ цѣляхъ общаго прогресса гражданъ, т. е. въ цѣляхъ охраны ихъ наличнаго благосостоянія и его дальнѣйшаго накопленія. Необходимы ли въ этихъ цѣляхъ полицейская опека государства надъ религіозною жизнью гражданъ, въ родѣ описанной выше, или хотя бы нѣкоторыя ограниченія религіозной свободы, — вотъ вопросъ, которымъ мы теперь должны заняться.

Самъ по себѣ тотъ фактъ, что второй типъ охраны—позднѣйшій по происхожденію и смѣнилъ въ порядкѣ историческаго развитія первый, не служитъ еще достаточнымъ доказательствомъ, что онъ и долженъ исключительно господствовать въ современномъ государствѣ.

Рѣшая поставленный выше вопросъ, предварительно необходимо точно установить понятіе религіозной свободы. Въ литературѣ обыкновенно опредѣляются обнимаемые этимъ общимъ понятіемъ виды—свобода совѣсти, культа и т. д.,—но самое родовое понятіе религіозной свободы оставляется безъ опредѣленія. Благодаря этому, построенія, относящіяся къ отдѣльнымъ элементамъ этой свободы, лишены должной цѣльности и единства; кромѣ того, отсутствіе общей руководящей идеи затрудняетъ опредѣленіе границъ каждой изъ свободъ, входящихъ въ общее понятіе религіозной свободы.

Религіозная свобода заключается въ независимости проявленія въ государствѣ религіозныхъ міросозерцаній отъ какого-либо извнѣ исходящаго принужденія. Подъ извнѣ исходящимъ принужденіемъ я разумѣю принужденіе, имѣющее свои корни не въ самомъ данномъ міросозерцаніи, а или въ другихъ религіозныхъ міросозерцаніяхъ, или въ основаніяхъ, чуждыхъ религіи, носящихъ свѣтскій характеръ. Дисциплинарная власть, осуществляемая, въ законныхъ предѣлахъ, надъ отдѣльными членами всякой религіозной партіей, такимъ образомъ, отсюда исключается.

Понятію религіозной свободы противоположно такое состояніе религіозной жизни, при которомъ возникновеніе, распространеніе или воплощеніе въ жизни религіозныхъ міросозерцаній въ томъ или иномъ направленіи и объемѣ стѣсняется какимъ либо внѣшнимъ принужденіемъ.

Всякое религіозное міросозерцаніе содержитъ въ себѣ: во-первыхъ, извѣстное ученіе, объемлющее общіе вопросы о божествѣ, мірѣ и человѣкѣ, и составляющее, такъ-сказать, его философскую, основную часть. Во-вторыхъ, всякое религіозное міросозерцаніе, устанавливая живую связь между своими членами и божествомъ, содержитъ въ себѣ извѣстный порядокъ почитанія божества, общенія между нимъ и человѣкомъ, извѣстный и болѣе или менѣе сложный культъ. Въ формахъ этого культа и выражается то горячее религіозное чувство, которое соединяется съ религіозными воззрѣніями. Религіозное міросозерцаніе, въ-третьихъ, мыслитъ своихъ членовъ какъ одно извѣстнымъ образомъ организованное религіозное общество и содержитъ въ себѣ разныя правила, опредѣляющія организацію этого общества и распредѣляющія между его членами различныя функціи. Религіозное міросозерцаніе, наконецъ, всегда заключаетъ въ себѣ извѣстное этическое ученіе, опредѣляющее какъ должны жить и относиться другъ къ другу люди.

Проявляться религіозное міросозерцаніе, слѣдовательно, можетъ,—во-первыхъ, какъ извѣстное ученіе—въ изустномъ, письменномъ или печатномъ изложеніи, въ сочиненіяхъ, рѣчахъ, проповѣдяхъ и т. д.; во-вторыхъ, какъ культъ,—въ извѣстныхъ актахъ почитанія божества, въ молитвахъ; въ-третьихъ, какъ основанный на извѣстномъ религіозномъ ученіи религіозный союзъ, партія, церковь; въ-четвертыхъ, какъ реализирующееся этическое ученіе, какъ извѣстный порядокъ или образъ жизни.

Религіозная свобода, которая, какъ сказано, есть не что иное, какъ свободное проявленіе въ государствѣ религіозныхъ міросозерцаній, заключаетъ въ себѣ, слѣдовательно, во-первыхъ, свободу совѣсти или сво-

боду религіознаго убѣжденія, т. е. свободу присоединяться къ той церкви или религіозной партіи, вѣрованія которой кажутся субъекту истинными, выходить изъ этой партіи, какъ скоро ея вѣрованія утратили свою обаятельность для даннаго субъекта, вовсе не принадлежать ни къ какой церкви или религіозной партіи. Необходимымъ элементомъ этой свободы является свобода заявлять себя сторонникомъ или противникомъ любого изъ религіозныхъ вѣрованій, а также свобода заявлять о своемъ отрицательномъ отношеніи къ религіи вообще. Такимъ образомъ, свобода совѣсти обнимаетъ не только вѣру или невѣріе, какъ внутренніе духовные акты, но и свободу принадлежать къ той или иной религіозной партіи и заявлять о таковой принадлежности или о своемъ невѣріи [1]). Заявленіе это можетъ быть сдѣ-

---

[1]) Въ литературѣ понятію свободы совѣсти придается иногда болѣе узкій, а иногда болѣе широкій смыслъ, чѣмъ это указано нами. Такъ, напр., Блюнчли подъ свободой совѣсти (Gewissensfreiheit) разумѣетъ лишь свободу внутренняго религіознаго убѣжденія, свободу вѣры въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; основываясь на такомъ значеніи даннаго понятія, онъ утверждаетъ: die religiose Freiheit oder die Gewissensfreiheit ist somit nicht ein Erzeugniss der menschlichen Rechtsentwickelung und, wenn wir auf das Wesen sehen, uberall kein (menschlicher) Rechtsbegriff. Allgem. Staatsrecht. II, 378. Рядомъ съ этимъ узкимъ понятіемъ свободы совѣсти Блюнчли ставитъ понятіе свободы исповѣданія (d. Freiheit des Bekenntnisses) Другіе, наоборотъ, придаютъ понятію свободы совѣсти иной и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ слишкомъ широкій смыслъ, разумѣя подъ нимъ свободу отъ всякаго принужденія къ религіознымъ дѣйствіямъ, которыя человѣкъ порицаетъ по религіознымъ основаніямъ, и свободу жить по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, пока послѣднія не выражаются во внѣ въ какихъ-либо дѣяніяхъ (см. *Fürstenau*, у. с. стр. 2; ему слѣдуетъ *Рейснеръ*, Государство и вѣрующая личность, стр. 5). При первомъ взглядѣ понятіе свободы совѣсти опредѣляется слишкомъ узко; оно не обнимаетъ, напр., такихъ внѣшнихъ актовъ, какъ переходъ изъ одной церкви въ другую, заявленіе о своей принадлежности или непринадлежности къ какой-либо церкви и т. п.; отдѣлять же отъ свободы религіознаго убѣжденія, какъ особый видъ или элементъ религіозной сво-

лано въ устной, письменной или печатной формѣ— въ формѣ бесѣды, рѣчи, проповѣди, трактата и т. д.

Необходимымъ дополненіемъ свободы совѣсти является слѣдующій элементъ религіозной свободы— свобода распространять свое религіозное міросозерцаніе, привлекать къ своей вѣрѣ другихъ людей.

Третьимъ составнымъ элементомъ религіозной свободы является свобода культа.

Четвертый элементъ составляетъ свобода образовывать религіозные союзы или общества и организовывать ихъ согласно исповѣдуемому ученію.

Наконецъ, пятый элементъ составляетъ свобода проводить въ жизнь нравственное ученіе исповѣдуемой религіи.

Теперь возникаетъ вопросъ: какъ же должно относиться къ религіозной свободѣ государство? Должно ли оно какъ-либо ограничивать эту свободу или вполнѣ признавать ее? Въ современной литературѣ встрѣчаются весьма различные отвѣты на этотъ вопросъ. Лишь

боды, подъ именемъ свободы исповѣданія, свободу заявленія своего убѣжденія, на мой взглядъ, значитъ безъ пользы для изслѣдованія создавать довольно искусственныя построенія, излишне осложняющія выставленныя подраздѣленія. При другомъ взглядѣ, не говоря уже о совершенно неудобной двойственности приведеннаго выше опредѣленія сторонниковъ этого взгляда, понятіе свободы совѣсти слишкомъ расширяется; но такъ какъ при этомъ оно остается не вполнѣ равнозначнымъ съ понятіемъ религіозной свободы—послѣднее считается сторонниками данной точки зрѣнія болѣе широкимъ (*Furstenau*, у. с. стр. 3; *Рейснеръ*, у. с., стр. 6)—то границы его представляются не совсѣмъ ясными, а отграниченіе его отъ разныхъ смежныхъ понятій обѣщаетъ дать въ результатѣ искусственныя построенія, безъ всякой пользы осложняющія задачу изслѣдованія. Въ цѣляхъ избѣжанія всякой путаницы и возможно большей отчетливости и простоты я считаю необходимымъ ограничить понятіе свободы совѣсти указаннымъ въ текстѣ значеніемъ.

нѣкоторые писатели, какъ, напр., Маассенъ [1]), признаютъ полную религіозную свободу одинаково для всѣхъ исповѣданій. Большинство же ставитъ этой свободѣ болѣе или менѣе значительныя ограниченія. Ограниченія эти большею частью сводятся къ признанію за государствомъ права не допускать въ своей средѣ религіозныхъ ученій, противныхъ нравственности и опасныхъ для правопорядка, или публичной проповѣди атеизма. Первое ограниченіе отчетливо выставлено, напр., Молемъ, который считаетъ несомнѣннымъ, что религіозныя ученія, противорѣчащія нравственности и законамъ государства, не должны быть терпимы въ государствѣ, при чемъ подъ противорѣ-

---

[1]) Девять главъ о свободной церкви и свободѣ совѣсти, стр. 11 сл. Онъ исходитъ изъ существа христіанской религіи. Христіанская религія, говоритъ онъ, имѣетъ дѣло съ внутреннимъ міромъ человѣка. Передъ Богомъ имѣетъ цѣну только внутреннее настроеніе, вынуждено же можетъ быть лишь внѣшнее исповѣданіе (стр. 11, 12—13). „Какъ вода и огонь, ночь и день, смерть и жизнь противоположны одно другому, такъ точно принужденіе чуждо церкви“ (стр. 11). Никакія привилегіи одной церкви передъ другой не допустимы съ точки зрѣнія христіанскаго ученія (стр. 12, 13). Въ нашей литературѣ въ защиту полной религіозной свободы высказался еще проф. Спасовичъ—въ своемъ докладѣ С.-Петербургскому юридическому обществу въ 1881 г., какъ это можно видѣть изъ краткаго изложенія этого доклада въ № 5 Журнала гражд. и уголовн. права за 1882 г.,—и въ недавнее время проф. В. К. Соколовъ („Свобода совѣсти и вѣротерпимость“, Вѣстникъ Права 1905 г. № 5). Къ сожалѣнію, ни въ изложеніи доклада Спасовича, ни въ статьѣ г. Соколова нѣтъ ни обоснованія этого принципа, ни достаточно полнаго опредѣленія его содержанія и какой-либо точной его формулировки. Такой же неполнотой отличается и небольшая статья г. Котляревскаго въ сборникѣ „Свободная совѣсть“. Онъ настаиваетъ на полной религіозной свободѣ, причемъ понимаетъ послѣднюю даже слишкомъ широко: „границами для свободы исповѣданій, говоритъ онъ, должны сдѣлаться лишь требованія общественнаго и государственнаго самосохраненія, да и то понимаемыя въ буквальномъ, а не въ расширенномъ смыслѣ“ (стр. 193). Но сколько-нибудь точныхъ опредѣленій и принциповъ нѣтъ и въ этой статьѣ.

чіемъ нравственности Моль разумѣетъ противорѣчіе въ существенныхъ пунктахъ [1]).

Сходный взглядъ въ нашей литературѣ высказываетъ г. Арсеньевъ [2]). Онъ признаетъ за государствомъ право не допускать лишь такія вѣроученія, которыя явно и несомнѣнно противны вѣчнымъ, всюду и всегда неизмѣннымъ, а не мѣстнымъ и измѣнчивымъ требованіямъ нравственности. Проф. Бѣлогриць-Котляревскій также полагаетъ, что «все вообще право религіозной свободы не можетъ простираться за предѣлы ненарушимости общественнаго порядка и *принциповъ морали*» [3]). Нѣсколько выше онъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что свобода выраженія мнѣній въ области религіи не можетъ простираться до проповѣди противонравственныхъ принциповъ, публичнаго поношенія существующихъ культовъ и подстрекательства къ какому-либо преступлению [4]). При этомъ, считая недопустимыми ученія, противныя нравственности, онъ не требуетъ, чтобы это противорѣчіе касалось коренныхъ нравственныхъ началъ, и не проводитъ того различія между вѣчными и временными требованіями нравственности, о которомъ говоритъ г. Арсеньевъ.

Проф. Рейснеръ въ числѣ границъ свободы исповѣданія указываетъ, между прочимъ, на недопусти-

---

[1]) Staarsrecht, Völkerrecht und Politik. Bd. II, 210 сл. Praktisch ist es in der That keinem Zweifel unterworfen, dass eine kirchliche Lehre nicht geduldet werden kann, welche den Geboten der Sittlichkeit grundsätzlich zuwider ist, und welche ihren Anhängern nicht nur das Recht geben will, unsittich zu handeln, sondern ihnen sogar die Pflicht dazu auferlegt. Ibid., стр. 211.

[2]) См. выше стр. 2—3.

[3]) У. с., стр. 295. Курсивъ—мой.

[4]) Ibid., стр. 294.

мость публичной проповѣди атеизма и открытой безнравственности [1]).

Другіе писатели ставятъ религіозной свободѣ нѣсколько иныя ограниченія; они допускаютъ лишь такія выраженія религіознаго міросозерцанія, которыя не только не нарушаютъ правопорядка, но и вообще не вредятъ благосостоянію общества.

Такъ, напр., Блюнчли, хотя и признаетъ, что государство не только не должно принуждать къ исповѣданію какихъ-либо вѣрованій, но должно, напротивъ, устранять всякое принужденіе и препятствія для внѣшняго выраженія религіозныхъ вѣрованій, не дозволяя и церкви примѣнять въ данномъ случаѣ принужденіе [2]), однако полагаетъ, что государственная власть въ правѣ запретить и обложить наказаніями такія формы выраженія религіозныхъ вѣрованій (Form des freien Bekenntmisses), которыя вредятъ общественному благосостоянію (die öffettliche Wolfahrt schädigt) и. представляются опасными для общества (und als gemeingefährlich erscheint), напр., оно можетъ запрещать публичную проповѣдь атеизма народу и т. п. При этомъ опредѣленіе того, что представляется вреднымъ и опаснымъ въ указанномъ от-

---

[1]) Государство и вѣрующая личность, стр. 12. Нормальныя границы права свободы исповѣданія, по его мнѣнію, сводятся къ слѣдующему: съ формальной стороны онѣ заключаются въ томъ, что для пользованія этимъ правомъ нужно обладать достаточно созрѣвшимъ самосознаніемъ, со стороны же матеріальной это право терпитъ слѣд. ограниченія: 1) никто не долженъ подъ предлогомъ требованія совѣсти освобождать себя отъ повиновенія государству и его законамъ. 2) Никто подъ тѣмъ же предлогомъ не долженъ нарушать существующія права признанныхъ государствомъ корпорацій, а также и частныхъ лицъ. 3) Никому не можетъ быть дозволена публичная проповѣдь атеизма и открытой безнравственности. Ibid.

[2]) Der Staat darf daher keine Gesetze erlassen, durch welche geboten wird, einen bestimmten Glauben zu bekennen, keinen Kirchenbesuch, keine Beichte befehlen. Allgemeines Staatsrecht II, 381; см. также ibid., II, 379 f.

ношеніи, зависитъ исключительно отъ самого государства [1]). Далѣе, государство не можетъ допустить совершенно свободное образованіе въ немъ всякихъ религіозныхъ обществъ; оно въ правѣ слѣдить за ними, однимъ давать полное свое признаніе и разрѣшать публичное богослуженіе, другимъ—предоставить нѣсколько худшее положеніе диссидентскихъ церквей (Dissidenzkirchen), съ полной или неполной свободой отправленія культа, третьимъ — отводить положеніе сектъ, пользующихся терпимостью въ границахъ, допускаемыхъ государственными интересами. Эти секты могутъ быть взяты государствомъ подъ особый надзоръ или и вовсе не допущены, если они угрожаютъ существованію или спокойствію государства [2]).

Другой видный германскій ученый, проф. Гиншіусъ признаетъ за каждымъ право, безъ какихъ-либо невыгодныхъ для себя послѣдствій, исповѣдывать свою вѣру или заявлять о своемъ невѣріи, но полагаетъ при этомъ, что государство въ правѣ не допускать не только такія выраженія религіозныхъ мнѣній и такое отправленіе культа, съ которыми соединяются какія-либо преступныя дѣйствія (оскорбленіе, богохульство и т. п.), но и такія, которыя, хотя и не нарушаютъ уголовныхъ законовъ, но противны общественному благосостоянію и порядку (d. öffentliche Ordnung und öffentliche Wohlfahrt), какъ, напр., проповѣдь атеизма на улицѣ передъ толпой народа [3]).

---

[1]) Ibid. II, 397.

[2]) Ibid. II, 434 сл.; 438—439; 446—447, Къ этому взгляду Блюнчли примыкаетъ г. *Темниковскій*, Государственное положеніе религіи во Франціи, стр. 87—88.

[3]) *Hinschius*, Geschichtliche Uebersicht über d. Gestaltung d. Verhältnisses zwischen Staat und Kirche. *Marquardsen's*, Handbuch d. offentlichen Rechts d. Gegenwart. Bd. I (1883), 234.

Къ сказанному надо прибавить еще, что нѣкоторые писатели (напр.. Блюнчли [1]), Рейснеръ [2]) и др.) признаютъ, что государство въ правѣ запрещать нѣкоторымъ вѣроученіямъ публичное отправленіе ихъ культа. Такимъ образомъ, отдѣльныя права обнимаемыя общимъ понятіемъ религіозной свободы, подвергаются у писателей весьма разнообразнымъ ограниченіямъ, которыя намъ и предстоитъ оцѣнить. Такъ какъ въ изложенныхъ воззрѣніяхъ съ достаточной уже полнотой и ясностью обрисовываются тѣ спорные пункты, которые возникаютъ при рѣшеніи поставленнаго выше вопроса, то, не вдаваясь въ бо́льшія подробности относительно существующихъ въ литературѣ воззрѣній, я перейду теперь къ самостоятельному рѣшенію вопроса и попутно къ критикѣ приведенныхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Прежде всего, необходимо сдѣлать оговорку относительно исходной точки зрѣнія, на которой должно строиться рѣшеніе этого вопроса. Такою исходною точкой должны служить не Св. Писаніе или какое-либо религіозное ученіе, а лишь общія соображенія объ обязанностяхъ государства въ отношеніи составляющихъ его личностей. Эту оговорку необходимо сдѣлать въ виду того, что и въ старой, и въ новой литературѣ, при защитѣ религіозной свободы, иногда выдвигается на первый планъ противорѣчіе всякихъ вообще преслѣдованій за вѣру христіанскому ученію. «Не суровостью, а мягкостью, — пишетъ одинъ изъ выдающихся отцовъ церкви первыхъ вѣковъ, Лактанцій,—не насиліемъ, а вѣрою должна быть защищаема религія«. «Кто желаетъ защищать религію примѣненіемъ кроваваго насилія, тотъ не защищаетъ

[1]) См. выше.
[2]) У. с. стр. 15.

ее, а вредитъ ей, ибо нѣтъ ничего, что въ такой степени было бы дѣломъ свободной воли, какъ религія» [1]). «Какъ вода и огонь, ночь и день, смерть и жизнь противоположны одно другому такъ же точно принужденіе чуждо церкви» ,говоритъ Маассенъ. «Гдѣ Духъ Господень тамъ и свобода». «Истина не знаетъ никакого матеріальнаго оружія; оружіе, которымъ она борется и побѣждаетъ, имѣетъ духовную природу». «Это именно сказалъ Христосъ, отвѣчая Пилату на его вопросъ, царь ли Онъ іудейскій: «царствое Мое не отъ міра сего; если бы отъ міра сего было царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ іудеямъ; но нынѣ царство мое не отсюда» [2]).

Всѣ эти соображенія о несоотвѣтствіи принужденія въ дѣлахъ вѣры истинному духу христіанскаго ученія вполнѣ справедливы, но не имъ должно принадлежать первенствующее мѣсто въ рѣшеніи нашего вопроса. Во-первыхъ, вопросъ этотъ относится не только къ христіанскимъ государствамъ; онъ имѣетъ характеръ общаго вопроса, относящагося ко всѣмъ вообще государствамъ; необходимо, поэтому, и общее рѣшеніе его. Во-вторыхъ, однихъ соображеній, почерпнутыхъ изъ христіанскаго ученія, недостаточно, такъ какъ противъ нихъ можно возразить слѣдующее: дѣйствительно, съ христіанскимъ ученіемъ несогласно никакое принужденіе въ дѣлахъ вѣры, но вѣдь съ нимъ вообще несогласно никакое принужденіе однимъ человѣкомъ другого. Евангельскія запо-

---

[1]) Цитата взята у Маассена, у. с. стр. 42. Ср. Ruffini у. с. I, стр. 26.

[2]) *Маассенъ*, Девять главъ, стр. 11—12. Въ нашей литературѣ на вопросъ о несоотвѣтствіи христіанскому ученію какого-либо принужденія въ дѣлахъ вѣры подробно останавливаются *Тернеръ*, Свобода совѣсти и отношенія государства къ церкви. Сборникъ государственныхъ знаній. Т. III (1877), стр. 1 сл. *Кипарисовъ*, О свободѣ совѣсти. Б. I. М. 1883.

вѣди предписываютъ воздавать добромъ за зло, прощать врагамъ и молиться за нихъ, любить другихъ людей какъ самого себя и т. д. Но всѣ эти заповѣди относятся къ области нравственнаго совершенства, отъ котораго такъ далеки дѣйствительная жизнь и современный человѣкъ. Жизнь же и дѣятельность государства должны опредѣляться не съ точки зрѣнія тѣхъ правилъ поведенія, поступать согласно которымъ присуще нравственно-совершеннымъ существамъ, а съ точки зрѣнія существующихъ общественныхъ условій и наличныхъ жизненныхъ потребностей. Необходимо поэтому разсматривать и нашъ вопросъ съ точки зрѣнія тѣхъ жизненныхъ интересовъ, съ которыми имѣетъ дѣло государство. Въ-третьихъ, вообще всякій вопросъ объ отношеніи государства къ той или иной сторонѣ жизни его гражданъ долженъ быть, очевидно, рѣшаемъ съ точки зрѣнія общаго взгляда на обязанности государства.

Государство, какъ сказано выше [1]), обязано охранять своими уголовными законами нуждающіяся въ такой охранѣ условія благосостоянія гражданъ и его дальнѣйшаго развитія, между прочимъ, и условія духовнаго развитія личности. Для энергичнаго и быстраго духовнаго развитія гражданъ необходимы, прежде всего, свобода проявленія творческихъ силъ духа и свободная борьба идей. Слѣдовательно, государство должно дать этимъ условіямъ духовнаго развитія личности правовую охрану, поскольку послѣдняя для нихъ необходима.

Религіозная свобода обнимается болѣе общимъ понятіемъ свободы проявленія творческой дѣятельности духа. Религіозная свобода, поскольку она представляетъ собою свободу религіознаго мышленія, вхо-

[1]) См. введеніе, стр. 12 сл.

дитъ въ составъ свободы мысли и слова [1]). Религія есть особая форма мышленія о мірѣ и положеніи въ немъ человѣка, особая форма міропониманія. И подобно тому, какъ государство предоставляетъ полную свободу высказывать всѣ другія міросозерцанія, метафизическія системы, позитивизмъ, разныя скептическія ученія и т. д., оно должно предоставить такую же свободу высказывать и религіозныя воззрѣнія. Для иного отношенія нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

Религія, съ другой стороны, есть форма духовной культуры личности, способная развиваться посредствомъ критической работы духа, а эта послѣдняя возбуждается всего легче и сильнѣе при свободной борьбѣ мнѣній.

Изъ сказаннаго ясно, что государство не только не должно стѣснять религіозную свободу, но должно охранять послѣднюю, какъ одно изъ условій духовнаго благосостоянія и развитія гражданъ. Оно не должно стремиться измѣнить естественное теченіе религіозной жизни народа принудительными мѣрами, предписывая или запрещая какія-либо религіозныя вѣрованія. Подъ естественнымъ теченіемъ религіозной жизни я разумѣю свободное возникновеніе и распространеніе въ обществѣ тѣхъ религіозныхъ ученій,

---

[1]) Нѣкоторые писатели, напр. *Ruffini* (La Libertà religiosa I, 1—5) утверждаютъ, что религіозная свобода есть нѣчто совершенно отличное отъ свободы мысли, при чемъ Руффини указываетъ на то, что существовали и существуютъ лица, защищающія лишь одну изъ этихъ свободъ: ed è che ci sono stati dei ferventissimi credenti in tuttto e per tutto favorevoli alla libertà religiosa e dei liberi pensatori spregiudicatissimi ad essa assolutamente contrarii, говоритъ онъ, у. с. I, 3. Однако это обстоятельство, являясь однимъ изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ частой непослѣдовательности человѣческаго мышленія, не доказываетъ невозможности видѣть въ религіозной свободѣ необходимый составной элементъ свободы мысли.

которыя находятъ для себя достаточную почву въ психикѣ гражданъ. Пусть каждое изъ этихъ ученій имѣетъ то распространеніе, которое отвѣчаетъ умственному и нравственному состоянію гражданъ и признаваемымъ ими за этимъ ученіемъ достоинствамъ. Свободная критика и борьба съ этимъ ученіемъ другихъ ученій, развивая духъ и обогащая его указаніями на разныя стороны затронутыхъ вопросовъ, всего скорѣе и вѣрнѣе приведетъ къ прогрессу и въ состояніи психики гражданъ, и въ циркулирующихъ въ обществѣ міровоззрѣніяхъ. Перевести духъ къ иному воззрѣнію, чѣмъ усвоено имъ, нельзя иначе, какъ возбудивъ собственную критическую работу его. Государственная власть должна охранять свободу критики и борьбы религіозныхъ міросозерцаній отъ разнаго стѣсняющаго ихъ насилія, отнюдь не стараясь сама рѣшить извѣстные религіозные вопросы и обязать гражданъ къ принятію тѣхъ рѣшеній, которыя представляются ей наиболѣе правильными.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что описанный выше первый типъ государственной охраны религіи, какъ не только превышающій обязанности государства, но и прямо противорѣчащій тому, что государство дѣйствительно должно дѣлать въ цѣляхъ наибольшаго духовнаго развитія гражданъ, — долженъ быть признанъ рѣшительно несостоятельнымъ.

Несостоятельнымъ является онъ также и потому, что, какъ ясно изъ сдѣланной исторической справки, не соотвѣтствуетъ положенію личности въ современномъ культурномъ государствѣ. Предписывать или запрещать гражданамъ какія-либо вѣрованія можетъ лишь полицейское государство, и въ полицейскомъ государствѣ разсматриваемый типъ охраны является вполнѣ естественнымъ. Но онъ недопустимъ въ го-

сударствѣ правовомъ. Въ виду своего несоотвѣтствія общему строю жизни современныхъ западныхъ государствъ, онъ былъ бы въ послѣднихъ совершеннымъ анахронизмомъ. Анахронизмомъ былъ бы онъ и въ обновленной Россіи.

Но есть одно обстоятельство, которое заставляетъ, какъ мы видѣли, нѣкоторыхъ писателей желать частичнаго сохраненія этого типа уголовной охраны, именно сохраненія его въ отношеніи нѣкоторыхъ религіозныхъ ученій, ученій безнравственныхъ, опасныхъ для правопорядка, быть можетъ, даже отрицающихъ вовсе государство. Требуя недопущенія этихъ ученій или, по крайней мѣрѣ, публичнаго ихъ выраженія, эти писатели опираются уже не на тѣ основанія, на которыя опирались богословы и законодатели прежнихъ вѣковъ; они требуютъ запрещенія ихъ не потому, что эти ученія представляютъ оскорбляющія Бога и ведущія въ адъ ложныя вѣроученія, а въ виду ихъ опасности для государственнаго порядка, въ виду ихъ тлетворнаго, развращающаго вліянія на общественную жизнь. Государство, полагаютъ они, должно постараться посредствомъ принудительныхъ мѣръ предотвратить эту опасность, подавить эти вредоносныя ученія. Эта точка зрѣнія заслуживаетъ несомнѣнно внимательнаго обсужденія. Нельзя, разумѣется, отрицать, что отъ распространенія извѣстныхъ сектъ и ихъ подчасъ крайне грубыхъ и противообщественныхъ мнѣній можетъ проистекать серьезный вредъ для государства. Нельзя отрицать и того, что иногда наказаніями можно до извѣстной степени воспрепятствовать распространенію идей и вѣрованій, даже имѣющихъ за себя серьезныя гарантіи истинности [1]). Но

[1]) Справедливо замѣчаетъ Блюнчли: „die vielgehörte Meinung freilich,

такіе результаты достигаются далеко не всегда. А между тѣмъ разные вредные результаты отъ преслѣдованія и даже результаты прямо обратные тѣмъ, на которые разсчитывали, получаются гораздо легче и чаще. Многое говоритъ рѣшительно противъ борьбы съ религіозными вѣрованіями посредствомъ наказаній.

Во-первыхъ, наказанія могутъ лишь до нѣкоторой степени затормозить распространеніе религіи, которая находитъ достаточную для своего распространенія почву въ психикѣ гражданъ. Люди съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ не будутъ запуганы наказаніями, хотя бы послѣднія и были жестоки. Религія устанавливаетъ живую связь между человѣкомъ и высшею Волею, создаетъ въ душѣ вѣрующаго особое настроеніе, при которомъ человѣкъ главную цѣну своей жизни полагаетъ въ служеніи Божеству и нерѣдко съ пренебреженіемъ относится къ угрозамъ какимъ-либо зломъ за это служеніе. Согласіе съ божественной волей сулитъ ему такую награду, перевѣсить которую не сможетъ никакое наказаніе. И религія всегда найдетъ чѣмъ вознаградить своихъ вѣрныхъ сторонниковъ за тѣ невзгоды, которыя имъ приходится претерпѣвать за свои убѣжденія. Наказаніями можно отвратить нѣкоторыхъ лицъ отъ пропаганды ихъ религіозныхъ ученій, можно устранить

---

dass die Politik vollig ausser Stande sei, mit äusseren Zwangsmitteln die Religion der Massen zu bestimmen, wird durch die geschichtlichen Erfahrungen widerlegt. Die Ausbreitung des Christenthums und des Islam ist nicht immer durch geistige Lehre und Ermahnung, sondern grossen Theils meist mit Waffengewalt den Besiegten aufgenothigt worden. Philipp II hat in Spanien, Ferdinand III in Oesterreich, Ludwig XIV in Frankreich, italienische Fursten in Italien, deutsche Fürsten in ihren deutschen Ländern mit den äusseren Zwangsmitteln der Verfolgung, der Vermögensconfiscation, der Verbannung, der Einkerkerung. der Hinrichtung den Protestantismus unterdrükt und beinahe ausgerottet. *Bluntschli*, Politik als Wissenschaft, стр. 252—253.

публичное отправленіе культа и т. п., но наказанія будутъ дѣйствовать лишь на такихъ лицъ, у которыхъ данное религіозное ученіе не пустило глубокихъ корней, или которые вообще не способны къ сильному религіозному чувству. Лишеніе понимаго вѣроученія публичности, его, такъ сказать, «подпольность», можетъ быть, въ иныхъ случахъ задержитъ въ извѣстной мѣрѣ распространеніе этого ученія, но не дастъ сколько-нибудь важныхъ результатовъ, могущихъ оправдать наказаніе. А между тѣмъ невыгодныя послѣдствія отъ уголовнаго преслѣдованія религіозныхъ ученій велики и достигаются гораздо чаще и легче. Принужденіемъ нельзя изгнать изъ души извѣстныхъ вѣрованій. Отъ воли человѣка не зависитъ вѣрить или не вѣрить во что-либо, а потому принужденіемъ и нельзя измѣнить его вѣрованій, а можно лишь заставить лицемѣрить и наружно отказаться отъ нихъ. Вѣрованія всегда тѣсно связаны со всѣмъ строемъ душевной жизни человѣка и не поддаются сознательнымъ расчетамъ; въ выработкѣ ихъ принимаетъ участіе не только интеллектуальная, но и эмоціальная сторона человѣческой природы [1]).

Принужденіе, во-вторыхъ, дѣлая извѣстныя ученія подпольными, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ скрывать ихъ и отъ энергичной и гласной критики, и отъ суда общественнаго мнѣнія. Въ этомъ заключается вѣское соображеніе, говорящее противъ уголовнаго преслѣдованія какихъ бы то ни было ученій. Надо, наоборотъ, стараться, чтобы изувѣрныя, противообщественныя мнѣнія какъ можно легче и чаще подвергались публичному обнаруженію и гласному суду надъ ними критики; тогда ихъ сила будетъ значительно меньше,

---

[1]) См. *Джемсъ*, Зависимость вѣры отъ воли, стр. 5 сл.

и такъ какъ эти мнѣнія покоятся обыкновенно на невыдерживающихъ и слабой критики основаніяхъ, то въ гласной и свободной борьбѣ съ истиной они быстро погибнутъ. Никто не станетъ отрицать, что государство должно бороться съ разными безнравственными сектами, но борьба эта должна заключаться не въ наказаніяхъ, а въ содѣйствіи свободной и гласной критикѣ ученій этихъ сектъ и въ разныхъ мѣрахъ народнаго просвѣщенія. Оно должно вѣрить въ силу разума своихъ гражданъ, который лучше всякой тюрьмы справится съ нелѣпыми, на недостаточныхъ основаніяхъ построенными ученіями.

Далѣе, примѣненіе наказаній за религіозныя убѣжденія и простое внѣшнее выраженіе ихъ представляется еще и опаснымъ, такъ какъ легко можетъ вызвать обратный желаемому результатъ, создавая для гонимаго вѣроученія притягательные своей внутренней красотой образцы мученичества. Благодаря преслѣдованіямъ, кругъ сторонниковъ гонимой религіи образуется изъ людей съ сильнымъ религіознымъ чувствомъ, пожертвовавшихъ для своей религіи многими внѣшними благами. А это, въ свою очередь, сдѣлаетъ данную религію особенно обаятельной для многихъ предрасположенныхъ къ воспріятію даннаго ученія натуръ тѣми образцами жизни, проникнутой религіознымъ чувствомъ и преданностью требованіямъ исповѣдуемой религіи, которою будетъ жить большинство ея сторонниковъ. Опытъ даетъ цѣлый рядъ яркихъ примѣровъ того, что преслѣдованіе религіозныхъ ученій дѣйствительно часто не только не приносило желаемыхъ результатовъ, но и давало результаты прямо обратные тѣмъ, на которые разсчитывали. Какъ ни кровавы и жестоки были гоненія, напр. на христіанство, они не помѣшали распространенію этой религіи. «Убивая насъ, — справедливо говорилъ одинъ

изъ отцовъ церкви (II в.) Тертулліанъ, обращаясь къ римскимъ проконсуламъ,—вы способствуете нашей побѣдѣ». «Распинайте, пытайте, осуждайте, раздробляйте насъ: ваша несправедливость служитъ доказательствомъ нашей невинности». «Чѣмъ болѣе вы насъ подкашиваете, тѣмъ больше возрастаетъ наше число, потому что кровь христіанъ есть сѣмя» [1]). Мысль Тертулліана вполнѣ вѣрна не только въ отношеніи христіанства, но и вообще,—гоненія не могутъ уничтожить религіи, если послѣдняя обладаетъ извѣстной внутренней силой, дѣлающей ее способной въ данный историческій моментъ вліять на души людей. Цѣлые вѣка государство старалось самыми разнообразными принудительными мѣрами утвердить господство извѣстныхъ религій, охраняло ихъ отъ всякаго раскола, искореняло ереси... И что же? Ереси не переставали и не перестаютъ появляться, охраняемыя религіи пріобрѣли, быть можетъ, много номинальныхъ сторонниковъ, числящихся на бумагѣ ихъ адептами, но у нихъ не прибавилось живой силы, силы вліянія на души и жизнь людей. Съ другой стороны, никогда не горѣлъ такъ ярко священный огонь религіознаго чувства и истинно христіанскаго настроенія, какъ въ первые вѣка христіанства, отмѣченные кровавыми гоненіями.

Принужденіе, освобождая сторонниковъ покровительствуемой имъ религіи отъ необходимости духовными средствами поддерживать распространеніе и господство своей вѣры, легко усыпляетъ ихъ религіозное рвеніе и чувство, легко понижаетъ уровень проникновенія ихъ религіи въ жизнь. Приведенныя выше слова Монтескье о пользѣ для самихъ религій ихъ соперничества другъ съ другомъ вполнѣ справедливы.

---

[1]) *Маассенъ*, Девять главъ, стр. 30.

У насъ въ Россіи у всѣхъ передъ глазами яркій примѣръ недѣйствительности наказанія въ борьбѣ съ религіозными вѣрованіями. Многія десятилѣтія наши старообрядцы и разные сектанты подвергаются различнымъ гоненіямъ и стѣсненіямъ. А каковы результаты?

Но если бы даже наказаніями и можно было всегда съ успѣхомъ подавлять неугодныя ученія, государство не должно бы было такъ бороться съ ними. Въ интересахъ прогресса оно не должно стѣснять свободной борьбы идей, не должно предписывать или запрещать гражданамъ какія-либо воззрѣнія, не должно само выступать судьей истинности рѣшенія какихъ-либо религіозныхъ, нравственныхъ и др. проблемъ и принуждать къ принятію какого-либо рѣшенія ихъ. Какъ вѣрно замѣтилъ еще Бентамъ, такое принужденіе могло бы даже подавляющимъ образомъ дѣйствовать на умственную жизнь гражданъ, ослабляя въ нихъ любовь и стремленіе къ истинѣ. Наказаніе не должно быть употребляемо какъ орудіе борьбы съ какими-либо ученіями, каковы бы ни были эти ученія, хотя бы они были безнравственны, противорѣчили кореннымъ, вѣчнымъ началамъ нравственности, общественному благосостоянію и правовому порядку и т. п., ни для одного ученія нѣтъ основанія устанавливать исключеніе. Къ тому же признакъ противорѣчія благосостоянію, нравственности, вѣчнымъ началамъ нравственности и т. п. слишкомъ растяжимъ, понятія эти не имѣютъ какого-либо одного общепринятаго и общеобязательнаго значенія. Поэтому во всѣхъ вышеприведенныхъ мнѣніяхъ разныхъ писателей не выставлено въ сущности никакого опредѣленнаго критерія для различія ученій, которыя могутъ свободно распространяться въ государствѣ, отъ ученій, подлежащихъ преслѣдованію. Не существуетъ одного всѣми признаваемаго ко-

декса нравственности; субъективны, поэтому, мнѣнія о томъ, безнравственно ли то или иное ученіе. Безнравственно ли, напр., религіозное ученіе, отрицающее частную собственность на землю и т. п.? Очевидно, что точки зрѣнія по данному вопросу могутъ быть различны. Такъ же спорно и субъективно мнѣніе, отнести ли какое-нибудь правило нравственности къ числу вѣчныхъ или къ числу временныхъ, измѣнчивыхъ. Если подъ вѣчными разумѣть правила, которыя признавались всегда и всѣми народами, то такихъ правилъ нѣтъ. Если же подъ вѣчными разумѣть тѣ нравственныя правила, которыя лишь должны сохранить свое значеніе для всего безконечнаго будущаго человѣчества, то въ этомъ случаѣ, очевидно, открывается широкое поле для всякихъ споровъ и субъективныхъ воззрѣній. Широко и неопредѣленно и понятіе противорѣчія общественному благосостоянію, на которое указываютъ, какъ мы видѣли, Блюнчли, Гиншіусъ и др. Вопросъ, противно ли то или иное ученіе общественному благосостоянію, очевидно, будетъ рѣшаться весьма различно въ зависимости отъ того, въ чемъ будетъ полагать общественное благосостояніе данный писатель.

Наконецъ, есть и еще одно соображеніе, дополняющее сказанное нами выше и говорящее противъ уголовнаго преслѣдованія какихъ бы то ни было безнравственныхъ религіозныхъ ученій[1]). Соображеніе это слѣдующее. Безнравственныя, враждебныя государству и охраняемому имъ правопорядку ученія могутъ возникнуть и не на религіозной почвѣ. Требуя преслѣдованія безнравственныхъ религіозныхъ ученій и оставаясь послѣдовательными, мы должны бы требовать, чтобы государство вообще старалось принужденіемъ подавлять всякія безнравственныя ученія

[1]) См. также соображенія, приведенныя нами на стр. 20.

и распространять тѣмъ же способомъ ученія нравственныя. Противъ этого могутъ возразить, что безнравственныя секты могутъ воспользоваться для пропаганды внушаемыхъ ими безнравственныхъ дѣяній всѣмъ тѣмъ могучимъ вліяніемъ, которое религіозная санкція способна оказывать на душу людей. Но вѣдь и системы не религіознаго характера, напр. разныя соціалистическія ученія, съ точки зрѣнія иного государства вредныя и безнравственныя, могутъ обладать способностью сильнаго вліянія на душу людей. Что же, значитъ, государство должно преслѣдовать и эти ученія? Ясно, къ какому полицейскому гнету ведетъ послѣдовательное развитіе разсматриваемой точки зрѣнія. Преслѣдуемыми должны бы считаться всѣ имморалистическія ученія, всѣ вообще ученія противныя той морали, на которой стоитъ казенная печать и которая считается государствомъ истинной. Государственная власть тогда выступала бы въ роли строгаго цензора убѣжденій своихъ подданныхъ. Если же не допускать вообще подобной цензуры, то почему, спрашивается, сохранять ее для ученій религіознаго характера?

Наказаніе—плохое средство въ борьбѣ съ какими-либо вѣрованіями; оно не въ силахъ изгнать ихъ изъ души. Но оно можетъ и должно бороться съ проявленіями этихъ вѣрованій въ формѣ преступленій. Совершеніе или несовершеніе внушаемыхъ вѣрованіями дѣйствій лежитъ въ предѣлахъ воли, и если вообще люди могутъ быть удерживаемы отъ преступнаго поведенія уголовнымъ наказаніемъ, то, какъ правило, они могутъ быть удерживаемы послѣднимъ и отъ совершенія преступленій по мотивамъ религіознымъ, хотя, быть можетъ, въ этихъ случаяхъ особенно важно не полагаться исключительно на наказаніе, а видѣть въ немъ лишь необходимое дополненіе

широкихъ предупредительныхъ, просвѣтительныхъ мѣръ, и въ самомъ содержаніи наказанія слѣдуетъ отвести особенно видное мѣсто разнымъ мѣрамъ просвѣщенія. Въ данномъ случаѣ можетъ быть обезпечена и достаточная полнота практическаго примѣненія наказанія[1]). Не слѣдуетъ упускать изъ виду также того, что, не допуская преступныхъ формъ выраженія извѣстныхъ вѣрованій, государство будетъ требовать отъ сторонниковъ этихъ вѣрованій не полнаго отказа отъ нихъ; а отказа лишь отъ практическаго осуществленія нѣкоторой части ихъ ученія, лишь нѣкоторой непослѣдовательности съ ихъ точки зрѣнія. А съ нѣкоторой непослѣдовательностью и неполнотой осуществленія своихъ взглядовъ человѣкъ, какъ показываетъ опытъ, мирится легко. Указанное недопущеніе преступнаго практическаго осуществленія мнѣній, въ виду несомнѣнной способности религіозныхъ ученій съ теченіемъ времени въ большей или меньшей степени приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ жизни,—можетъ даже вызывать извѣстное, желательное, съ общественной точки зрѣнія, видоизмѣненіе или толкованіе антисоціальныхъ ученій. Во всякомъ случаѣ, какъ бы то ни было, государство не можетъ допустить безнаказанности преступленій, совершаемыхъ изъ-за религіозныхъ убѣжденій, такъ какъ это значило бы поощрять развитіе грубыхъ противообщественныхъ ученій, дѣлать изъ послѣднихъ удобныя ширмы для всякой разнузданности и злодѣйствъ, ширмы, скрывающія отъ государственной власти всякаго, кто захочетъ за нихъ спрятаться.

Изъ признанія полной свободы всякихъ религіозныхъ ученій вовсе не вытекаетъ, что, ссылаясь на религіозныя убѣжденія, граждане могутъ уклоняться отъ возлагаемыхъ на нихъ государствомъ обя-

[1]) См. стр. 20.

занностей и совершать преступленія. Полная свобода вовсе не равнозначна съ возможностью для каждой личности поступать по своему произволу, не стѣсняясь никакими границами и условіями, кромѣ своего усмотрѣнія и капризныхъ настроеній своей воли. Такой произволъ немыслимъ въ обществѣ. Всякая свобода имѣетъ свои естественныя границы; имѣетъ ихъ и религіозная свобода. Полная свобода есть не безграничный произволъ, а свобода въ ея естественныхъ границахъ. Границы эти вполнѣ выяснятся намъ изъ слѣдующихъ соображеній.

Изъ цѣли наибольшаго всеобщаго счастья, которой призвано посильно служить и государство [1]), вытекаетъ, между прочимъ, необходимость возможно большаго развитія духовныхъ силъ каждой личности. Высокое и быстрое духовное развитіе требуетъ, въ числѣ прочихъ необходимыхъ условій, свободы проявленія творческихъ силъ духа, при которой только и возможна энергичная и гласная критика и борьба продуктовъ творчества духа — идей, вѣрованій, ученій и т. д., — борьба, вызывающая напряженіе и развитіе духовныхъ силъ, разсѣивающая заблужденія, утверждающая и распространяющая господство истины. Такимъ образомъ, изъ цѣли наибольшаго всеобщаго счастья вытекаетъ идея наибольшей *всеобщей* свободы.

Но свобода должна быть не только наибольшей и всеобщей, но и равной для всѣхъ. Нравственность въ своихъ велѣніяхъ и запретахъ имѣетъ въ виду одинаково всѣхъ людей.

Наибольшее всеобщее счастье, далѣе, предполагаетъ высочайшее развитіе общежитія, наибольшую приспособленность его служить каждой изъ составляющихъ его личностей. Такъ какъ, само собою разумѣется, общежитіе можетъ развиваться лишь

[1]) Ср. выше, стр. 13, 14.

постепенно, и, притомъ, лишь въ формѣ государства, которое одно только обладаетъ способностью съ достаточной энергіей и полнотой развивать необходимое для развитія общественнаго порядка принужденіе,—то изъ цѣли наибольшаго всеобщаго счастья вытекаетъ нравственная необходимость прогресса государства и нравственная недопустимость такого поведенія личности, которое нарушаетъ условія этого прогресса; такое поведеніе вмѣстѣ съ тѣмъ противорѣчитъ и высшей нравственной цѣли.

Итакъ, естественныя границы всякой свободы личности слѣдующія:

Во-первыхъ, отдѣльнымъ личностямъ должна принадлежать въ общежитіи *равная* свобода; каждая личность должна считаться не болѣе и не менѣе какъ за единицу. Слѣдовательно, свобода каждой изъ нихъ должна ограничиваться правилами, вытекающими изъ ея всеобщности, т. е. изъ признанія ея общимъ достояніемъ всѣхъ въ равной мѣрѣ.

Во-вторыхъ, недопустимо, съ нравственной точки зрѣнія, такое поведеніе личностей, которое нарушаетъ условія существованія и прогресса государства.

Изъ сказаннаго вытекаютъ слѣдующія положенія относительно религіозной свободы:

1. Религіозная свобода должна быть возможно болѣе широкой въ государствѣ, наибольшей.

2. Она должна быть общей для всѣхъ религіозныхъ міросозерцаній и

3. равной для всѣхъ ихъ.

4. Изъ равенства свободы личностей вытекаетъ, далѣе, одинаковая свобода выражать и проявлять свои убѣжденія какъ для вѣрующихъ, такъ и для невѣрующихъ, равная вообще свобода проявленія всякихъ міросозерцаній какъ религіозныхъ, такъ и нерелигіозныхъ.

5. Изъ того же, что религіознымъ міросозерцані-

ямъ должна принадлежать такая же свобода, какъ и міросозерцаніямъ нерелигіознымъ, вытекаетъ, что внѣшнее проявленіе ихъ должно подчиняться тѣмъ общимъ ограниченіямъ, которымъ въ цѣляхъ прогресса должна подчиняться свобода дѣйствій личности въ государствѣ.

Развивая эти положенія, мы получаемъ слѣдующіе дополняющіе ихъ выводы:

1) Изъ равенства религіозной свободы для всѣхъ вытекаетъ нравственная недозволенность такихъ проявленій религіознаго міросозерцанія, которыя какъ-либо оскорбительно задѣваютъ чужія убѣжденія, содержатъ въ себѣ какое-либо принужденіе, стѣсняющее равную свободу дѣйствій другихъ людей вообще въ той или иной формѣ выражаютъ непризнаніе за другими людьми равной свободы.

2) Изъ недопустимости поведенія личности, противорѣчащаго прогрессу государства, вытекаетъ, между прочимъ, что для религіозныхъ партій, хотя бы и для всѣхъ въ равной мѣрѣ, т. е. съ соблюденіемъ только-что указаннаго выше требованія, не могутъ считаться нравственно дозволенными такія проявленія ихъ воззрѣній, которыя противорѣчатъ условіямъ корректной борьбы духовными средствами, искусственно стѣсняютъ критическую оцѣнку и обмѣнъ мнѣній. Прогрессъ государства заключается, прежде всего, въ духовномъ развитіи его гражданъ, для котораго необходимы свободная борьба и критика идей и вѣрованій.

3) Изъ равенства вообще свободы внѣшняго проявленія для религіозныхъ и нерелигіозныхъ міросозерцаній вытекаетъ, что правовые запреты и велѣнія, ставящіе извѣстныя границы свободѣ дѣйствій гражданъ въ государствѣ, должны имѣть одинаковое ограничивающее значеніе и для проявленія вовнѣ религіозныхъ убѣжденій.

Такимъ образомъ, недопустимы такія формы проявленія религіозныхъ убѣжденій, которыя заключаютъ въ себѣ какія-либо преступленія. Недопустимо, въ частности, и уклоненіе, во имя религіозныхъ убѣжденій, отъ выполненія обязанностей, въ общихъ интересахъ налагаемыхъ государствомъ на отдѣльныхъ лицъ, напр., отъ платежа налоговъ, воинской повинности и т. п. Государство должно предоставить каждому, несогласному съ его порядкомъ, право свободнаго выхода изъ него. Оно можетъ также допустить замѣну одного вида служенія индивида обществу другимъ равноцѣннымъ, если такая замѣна не сопряжена съ излишними тягостями для другихъ гражданъ. Но ни одно государство не можетъ поставить исполненіе въ общихъ интересахъ предъявляемыхъ имъ къ личности требованій въ зависимость отъ убѣжденій этой личности. Этимъ открывалась бы возможность всякому ссылкой на свои убѣжденія сбросить съ себя бремя общественныхъ повинностей. Религіозныя же убѣжденія, какъ было упомянуто, не могутъ разсчитывать на какія-либо привилегіи по сравненію съ убѣжденіями иного характера.

Религіозная свобода или свобода религіи, какъ мы опредѣлили ее выше, есть такое состояніе въ государствѣ религіозной жизни гражданъ, которое характеризуется отсутствіемъ извнѣ исходящаго принужденія, пока не нарушены указанныя естественныя границы самоопредѣленія. Изъ этой идеи религіозной свободы, какъ извѣстнаго состоянія религіозной жизни народа, вытекаетъ идея личной или индивидуальной религіозной свободы, т. е. свободы отдѣльныхъ лицъ, единолично или коллективно, выражать свои религіозныя убѣжденія въ какихъ угодно формахъ съ однимъ лишь условіемъ не нарушать указанныхъ естественныхъ границъ свободы. Эта ин-

дивидуальная свобода, въ свою очередь, представляется сложной, состоящей изъ цѣлаго ряда правъ. Руководствуясь выставленными общими положеніями, мы постараемся теперь опредѣлить естественныя границы каждаго изъ этихъ правъ. Начнемъ со свободы совѣсти. Она заключается въ правѣ принадлежать къ любой религіозной партіи, держаться отличнаго отъ всѣхъ существующихъ религіознаго міросозерцанія, или вовсе не принадлежать ни къ какой партіи, въ правѣ заявлять о своей принадлежности или непринадлежности къ какой-либо церкви, въ правѣ выражать въ устной, письменной или печатной формѣ любые религіозные взгляды или взгляды на религію. Естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ свободы вѣры является свобода невѣрія. Ни для какихъ религіозныхъ воззрѣній,—ни для папистовъ, язычниковъ, опасныхъ сектъ и т. п., ни для атеистовъ,—въ данномъ случаѣ нельзя сдѣлать никакихъ исключеній, подобныхъ тѣмъ, которыя мы встрѣчали выше у разныхъ старинныхъ и новѣйшихъ писателей; нельзя требовать наказуемости выраженія какихъ бы то ни было взглядовъ. Противъ примѣненія въ этихъ случаяхъ наказанія надо замѣтить еще, что простое высказываніе какихъ-либо вѣрованій и взглядовъ, и согласіе съ какой-либо религіозной партіей не заключаютъ въ себѣ тѣхъ признаковъ, которые характеризуютъ дѣянія, заслуживающія записи на страницы уголовнаго кодекса, т. е. не представляетъ собою такихъ отношеній къ другимъ людямъ, которыя причиняли бы *прямой* вредъ какимъ-либо ихъ благамъ и требовали бы для борьбы съ собою наказанія [1]).

---

[1]) См. выше, стр. 24. Во избѣжаніе всякихъ неясностей и недоразумѣній къ сказанному во введеніи, быть можетъ, не лишнее прибавить здѣсь нѣсколько разъясняющихъ замѣчаній. Понятію „прямого“ вреда я противополагаю указанные на стр. 24—25 виды „косвеннаго“ вреда. Этому понятію

Естественныя границы свободы совѣсти слѣдующія:

во-первыхъ, свобода выбора религіи, какъ и всякая вообще свобода, предполагаетъ достиженіе лицомъ извѣстнаго возраста и связанной съ нимъ душевной зрѣлости;

во-вторыхъ, устное, письменное или печатное выраженіе религіозныхъ мнѣній не должно оскорбительно задѣвать чужіе религіозные взгляды или чужую личность, т. е. не должно содержать въ себѣ поношенія какихъ-либо религіозныхъ вѣрованій или религіи вообще, преступленій противъ чьей-либо чести—обиды или опозоренія,—а также угрозъ;

я придаю, такимъ образомъ, весьма широкое значеніе; „прямой“ вредъ, въ означенномъ смыслѣ можетъ быть посредственнымъ и непосредственнымъ, т. е. дѣйствія субъекта могутъ или непосредственно причинять такой вредъ, или вызывать лишь такія событія, которыя непосредственно или посредственно его причиняютъ. Противъ выставленной во введеніи формулы неправильно было бы возражать, что существуютъ дѣянія, которыя наказываются и должны наказываться, хотя заключаютъ въ себѣ лишь „опасность“ вреда (напр. дуэль и т. п.). Этого я не упускаю изъ виду, но я полагаю, что поставленіе въ опасность есть одинъ изъ видовъ причиненія прямого вреда. Подъ причиненіемъ вреда слѣдуетъ разумѣть причиненіе такого внѣшняго измѣненія, т. е. измѣненія, имѣющаго мѣсто внѣ дѣйствующаго субъекта, въ сферѣ благъ другихъ людей, которое доставляетъ этимъ людямъ большее или меньшее страданіе, не окупаемое ихъ наслажденіемъ. Опасность есть болѣе или менѣе значительная вѣроятность разрушенія или поврежденія какого-либо блага, которая уже сама по себѣ влечетъ извѣстныя страданія (безпокойство, мучительное напряженное состояніе отъ неизвѣстности, послѣдуетъ ли нежелательное событіе или нѣтъ, испугъ и проч.) и обѣщаетъ причинить, въ случаѣ осуществленія грозящаго вреда, еще новыя. Причинить прямой вредъ другимъ людямъ можно, разрушая или какъ-либо повреждая ихъ блага, или поставляя эти блага въ опасное положеніе. „Прямой“ вредъ, такимъ образомъ, — это вредъ, причиняемый другимъ людямъ, если такъ можно выразиться, не черезъ посредство лишь вызываемаго съ ихъ стороны подражанія или лишь сожалѣнія о дѣйствующемъ субъектѣ, а также не черезъ воспрепятствованіе только самому дѣйствующему субъекту быть лучшимъ и болѣе полезнымъ для другихъ, а путемъ прямого воздѣйствія на блага этихъ людей въ той или иной изъ указанныхъ формъ.

въ-третьихъ, сообщеніе религіозныхъ воззрѣній не должно переходить въ подстрекательство къ какому-либо преступленію.

Здѣсь уже мы подходимъ къ другому элементу религіозной свободы—къ свободѣ пропаганды или распространенія религіозныхъ ученій. Право такого распространенія тѣсно связано со свободой совѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, съ правомъ заявлять о своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и излагать ихъ другимъ, разумѣется, неразрывно связано право приводить доказательства въ пользу истинности сообщаемаго, а въ этомъ и заключается важнѣйшее орудіе распространенія исповѣдуемаго ученія. Естественныя границы свободы распространенія или пропаганды сводятся къ слѣдующему:

во-первыхъ, не должны быть пропагандируемы среди дѣтей, вопреки волѣ родителей или лицъ, замѣняющихъ родителей (опекуновъ и проч.), взгляды, отличные отъ тѣхъ, въ которыхъ эти дѣти воспитываются;

во-вторыхъ, распространеніе не должно быть совершаемо посредствомъ какого-либо принужденія (физическаго или психическаго);

въ-третьихъ, нравственно недопустимо распространеніе религіозныхъ вѣрованій посредствомъ какихъ-либо обмановъ относительно распространяемаго ученія, или посредствомъ подкуповъ и обольщенія матеріальными выгодами, вообще иными способами, кромѣ свободнаго убѣжденія въ истинности распространяемыхъ взглядовъ и вѣрованій.

Наконецъ, какъ уже замѣчено только-что выше по поводу свободы совѣсти, пропаганда не должна заключать въ себѣ подстрекательства къ какимъ-либо преступленіямъ.

Съ соблюденіемъ указанныхъ естественныхъ гра-

ницъ могутъ быть высказываемы, распространяемы и проповѣдуемы всякія религіозныя мнѣнія и всякія мнѣнія о религіи. Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній вмѣстѣ съ Блюнчли, Гиншіусомъ, Рейснеромъ и др. не допускать и публичной проповѣди атеизма, разъ атеистъ не нарушаетъ должнаго уваженія къ религіи и не переходитъ прочихъ указанныхъ выше границъ.

Въ нашихъ разсужденіяхъ о естественныхъ границахъ свободы совѣсти и пропаганды встрѣчается одно понятіе, на которомъ намъ необходимо теперь же недолго остановиться, именно понятіе подстрекательства, Для устраненія всякой неясности и недоразумѣній необходимо съ возможной отчетливостью разграничить подстрекательство отъ сообщенія, сдѣланнаго хотя бы и съ большой горячностью, какихъ-либо взглядовъ относительно преступленій, ихъ дозволенности съ той или иной точки зрѣнія, лучшихъ способовъ совершенія и т. д. Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ здѣсь въ виду излагать сложное ученіе о подстрекательствѣ, а затронемъ лишь нѣкоторые изъ пунктовъ этого ученія и по возможности въ сжатой формѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что между сообщеніемъ плана какого-либо преступленія или взгляда, оправдывающаго извѣстныя преступленія, и подстрекательствомъ къ этому преступленію возможно большое сходство. Сходство это можетъ въ иныхъ случаяхъ достигать такой степени, подстрекательство можетъ быть замаскировано такъ ловко, что у суда возникнетъ вполнѣ основательное сомнѣніе въ наличности въ данномъ случаѣ подстрекательства. Въ этихъ случаяхъ судъ, разумѣется, долженъ руководиться гуманнымъ принципомъ in dubio mitius. Но эти случаи не устраняютъ возможности провести вполнѣ

точную границу между подстрекательствомъ и приведенными соприкасающимися съ нимъ случаями выраженія взглядовъ на разныя преступленія; они говорятъ лишь, что разграничивающій принципъ иногда очень трудно съ увѣренностью примѣнить къ конкретнымъ случаямъ, такъ какъ жизнь даетъ и такіе спутанные, неясные факты, вполнѣ разобрать которые судъ можетъ оказаться не въ силахъ.

Подстрекательство заключается въ сознательномъ возбужденіи кого-либо къ преступнымъ дѣйствіямъ. Отъ простой, хотя бы и горячей бесѣды, оправдывающей преступленіе или рисующей какой-либо планъ артистическаго совершенія его, подстрекательство отличается тѣмъ, что оно сознательно возбуждаетъ въ другомъ рѣшимость совершить извѣстныя дѣйствія. Дѣятельность подстрекателя можетъ одновременно направляться на нѣсколькихъ лицъ, даже на цѣлую толпу. Существеннымъ признакомъ подстрекательства является сознательность опредѣленія другого лица къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ; подстрекатель дѣйствуетъ или прямо съ намѣреніемъ опредѣлить другого къ извѣстнымъ дѣйствіямъ или, по крайней мѣрѣ, съ сознаніемъ значительной вѣроятности того, что даннымъ воздѣйствіемъ своимъ (словами, жестами и т. п.) онъ вызоветъ со стороны объекта воздѣйствія опредѣленную дѣятельность [1]).

---

[1]) Вопроса о неосторожномъ подстрекательствѣ, во всей его сложности, мы здѣсь касаться не будемъ. Замѣтимъ только, что, какъ бы то ни было, неосторожное подстрекательство можетъ быть признаваемо лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда субъектъ сознательно опредѣляетъ другого къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, но не сознаетъ связи этихъ дѣйствій съ преступнымъ результатомъ, хотя, при обязательной для каждаго предусмотрительности, могъ бы это предвидѣть. Что же касается тѣхъ случаевъ, когда субъектъ не сознаетъ, что его поведеніе опредѣляетъ другого къ извѣстнымъ обусловившимъ преступленіе дѣйствіямъ, воспитываетъ рѣшимость совершить ихъ, то возможность

Если субъектъ вовсе не сознавалъ, что онъ производитъ такое впечатлѣніе на другое лицо, или если онъ считалъ это впечатлѣніе мало вѣроятнымъ, то въ этихъ случаяхъ нѣтъ подстрекательства. Только разъ субъектъ сознаетъ значительную вѣроятность того, что его слова или дѣйствія вызовутъ въ другомъ рѣшимость совершить опредѣленныя дѣйствія, и это сознаніе не удержало его,—въ его настроеніи, есть достаточное основаніе для наказанія его за подстрекательство, какъ сознательнаго вкладчика въ общее преступное дѣло.

Подстрекательство, далѣе, есть возбужденіе къ опредѣленному, хотя бы лишь въ общихъ чертахъ, образу дѣйствій (дѣйствію или бездѣйствію). Но отвлеченныя разсужденія о нравственной дозволенности преступленій не составляютъ подстрекательства; для бытія послѣдняго необходимо возбужденіе къ дѣянію, объектъ котораго, лицо или лица, въ отношеніи которыхъ или надъ которыми оно должно быть совершено, были бы, хотя бы общимъ образомъ, опредѣлены (напр., подстрекательство къ сожженію помѣ-

---

подстрекательства въ этихъ случаяхъ должна быть рѣшительно отвергнута. Съ одной стороны, подводить какіе-либо изъ этихъ случаевъ подъ понятіе подстрекательства значило бы насиловать это послѣднее понятіе и нарушать тѣ предѣлы, которые оно логически имѣетъ. Съ другой стороны, это было бы неудобно и по чисто практическимъ соображеніямъ; судъ никогда не въ силахъ съ увѣренностью опредѣлить, зналъ ли данный субъектъ то лицо, которое безсознательно увлечено имъ на преступный путь, настолько хорошо, чтобы могъ предвидѣть данный результатъ своей бесѣды и не имѣлъ достаточныхъ основаній предполагать, что извѣстныя чувства или взгляды удержатъ его собесѣдника отъ преступленія. Судъ не можетъ такъ глубоко проникнуть въ психику другого лица, чтобы съ увѣренностью опредѣлить, какіе процессы въ этой психикѣ были возможны и лежали въ предѣлахъ возможнаго предвидѣнія даннаго, обвиняемаго въ подстрекательствѣ субъекта, а какіе—нѣтъ.

щичьихъ усадебъ, къ еврейскому погрому и т. п., хотя бы безъ указанія чьихъ именно усадебъ и кого именно изъ евреевъ).

Теперь, послѣ этого необходимаго отступленія, пойдемъ далѣе въ опредѣленіи естественныхъ границъ религіозной свободы. Слѣдующимъ составнымъ элементомъ этой свободы является свобода культа. Изъ выставленныхъ выше общихъ положеній вытекаютъ слѣдующія естественныя границы ея:

во-первыхъ, отправленіе культа не должно оскорбительно затрогивать ничьихъ религіозныхъ вѣрованій или невѣрія;

во-вторыхъ, оно не должно ставить препятствій отправленію другихъ религіозныхъ культовъ, вообще не должно содержать въ себѣ никакихъ стѣсненій для постороннихъ лицъ и должно подчиняться общимъ законамъ и распоряженіямъ относительно собраній, процессій и т. п., изданнымъ въ интересахъ общественнаго спокойствія и порядка;

въ-третьихъ, оно не должно содержать въ себѣ никакихъ преступленій (напр., посягательства на чью-либо честь, безстыдныхъ дѣйствій, угрозъ и т. п.).

Нѣкоторые (напр., Каль, Рейснеръ) полагаютъ, что свобода культа не заключаетъ въ себѣ необходимо права публичнаго богослуженія. Низшая форма ея, думаетъ Каль [1]) предполагаетъ лишь разрѣшеніе домашняго богослуженія. Такого же мнѣнія держится Рейснеръ [2]) и др. Но съ подобнымъ взглядомъ трудно согласиться. Свобода культа заключается въ независимости отправленія культа отъ стѣсненій и принудительныхъ ограниченій относительно времени, мѣста, порядка дѣятельности и т. д., въ правѣ, не выходя

---

[1]) *Kahl*, Lehrsystem des Kirchenrechts und Kirchenpolitik, стр. 290.

[2]) У. с. стр. 15.

за указанныя выше естественныя границы, отправлять культъ, какъ это находятъ нужнымъ завѣдующія этимъ отправленіемъ лица, а, слѣдовательно, при желаніи, и публично. Устанавливаемое указанными писателями ограниченіе понятія свободы культа совершенно произвольно. Это понятіе должно быть выводимо изъ общей руководящей идеи религіозной свободы; тогда отъ него сами собою отпадутъ всякія произвольныя ограниченія.

Слѣдующимъ элементомъ религіозной свободы является свобода общенія и единенія для религіозныхъ цѣлей, свобода религіозныхъ собраній и союзовъ. Естественныя границыэтой свободы указываются общими правилами относительно публичныхъ собраній и союзовъ, устанавливаемыми въ государствѣ въ общихъ интересахъ. Никакихъ особыхъ ограниченій для религіозныхъ собраній и союзовъ нѣтъ основаній устанавливать. Всѣ мѣры, установленныя для публичныхъ собраній въ интересахъ общественной безопасности и порядка обязательны и для религіозныхъ собраній. Но нѣтъ надобности требовать для религіозныхъ обществъ какого-либо особаго признанія или утвержденія со стороны государства, постановляемаго на основаніи предварительной оцѣнки государственною властью ученія даннаго общества и т. п. Само собою разумѣется, что недопустимы такіе союзы, которые въ сущности составляютъ преступныя сообщества съ религіозной окраской, т. е., общества, поставившія себѣ цѣлью или одною изъ цѣлей совершеніе извѣстныхъ преступленій или возбужденіе другихъ къ совершенію этихъ преступленій. Такія общества подлежатъ, конечно, уголовному преслѣдованію, но не какъ дурныя или ложныя религіозныя ученія или секты, а какъ преступныя сообщества, по общимъ правиламъ о послѣднихъ.

Наконецъ, послѣдній составной элементъ религіозной свободы—свобода осуществлять въ жизни этическое ученіе исповѣдуемой религіи имѣетъ, какъ ясно изъ всего сказаннаго выше, слѣдующія естественныя границы. Индивидъ въ данномъ случаѣ свободенъ, поскольку онъ вообще свободенъ устраивать свою жизнь по своему и слѣдовать тѣмъ этическимъ началамъ, которыя представляются ему истинными. Общество въ правѣ порицать его, если онъ дѣлаетъ что-либо противное той нравственности, которую признаетъ общество. Но отвѣтственнымъ юридически, передъ государствомъ, индивидъ становится лишь тогда, когда онъ совершаетъ что-либо не просто безнравственное, а недозволенное, притомъ, закономъ; тогда онъ долженъ отвѣчать наравнѣ съ прочими нарушителями закона; его особыя религіозныя воззрѣнія не могутъ снять съ него этой отвѣтственности.

Полная религіозная свобода есть свобода въ указанныхъ выше естественныхъ границахъ. Никакихъ дальнѣйшихъ, искусственныхъ ограниченій, которыя суживали бы ея объемъ, государство устанавливать не должно. Въ интересахъ духовнаго развитія гражданъ оно обязано лишь дать правовую охрану этой свободѣ, поскольку такая охрана необходима. Охрана эта должна строиться исключительно по второму изъ отмѣченныхъ въ этой главѣ типовъ въ его наиболѣе послѣдовательномъ развитіи. Общій принципъ ея слѣдующій: въ цѣляхъ прогресса государство обязано утверждать въ обществѣ религіозную свободу, облагая наказаніями тѣ нарушенія послѣдней, которыя, согласно установленному во введеніи критерію, заслуживаютъ записи на страницы уголовнаго кодекса.

Теперь намъ слѣдуетъ ближе опредѣлить, какія дѣйствія должны считаться религіозными преступленіями. Установленнымъ нравственнымъ понятіемъ

религіозной свободы опредѣляются лишь границы, которыхъ не должно переступать государство. Но остается еще опредѣлить, въ какой мѣрѣ государство должно охранять религіозную свободу посредствомъ уголовныхъ наказаній. Само собою разумѣется, что не всѣ дѣйствія, такъ или иначе нарушающія указанныя границы ея должны быть наказуемы, хотя всѣ онѣ, согласно сказанному выше, являются нравственно недозволенными. Въ какомъ же объемѣ религіозная свобода должна пользоваться уголовной охраной?

Первыя условія, которымъ должна удовлетворять уголовная охрана ея, слѣдующія: 1) эта охрана, не должна—ни по объему, ни по содержанію—выходить за предѣлы необходимаго, и 2) объемъ и характеръ ея должны опредѣляться не признаваемыми государствомъ различными достоинствами вѣроученій, а тѣмъ, что необходимо для обезпеченія этимъ вѣроученіямъ свободы проявляться, отстаивать себя и развиваться въ обществѣ, свободы гласной критики или борьбы ихъ съ другими ученіями. Первое изъ этихъ условій прямо указывается основнымъ принципомъ наказанія, второе — вытекаетъ изъ всеобщности и равенства религіозной свободы. Это послѣднее условіе получитъ должное развитіе ниже въ гл. 3, на развитіи же перваго мы должны остановиться сейчасъ.

Въ значительной мѣрѣ религіозная свобода охраняется законами, имѣющими въ виду защиту не ея, а иныхъ интересовъ и отношеній. Несомнѣнно, что она, вмѣстѣ съ другими благами, можетъ быть нарушена самыми разнообразными преступленіями, предусмотрѣнными различными частями уголовнаго законодательства. Однако несомнѣнно также, что существуютъ такія дѣянія, которыя не обнимаются понятіями другихъ, нерелигіозныхъ преступленій, но

грубо посягаютъ на религіозную свободу и вполнѣ заслуживаютъ записи на страницы уголовнаго кодекса. Существуютъ и такія дѣянія, которыя хотя и обнимаются понятіями разныхъ нерелигіозныхъ преступленій, такъ какъ вмѣстѣ съ религіозной свободой поражаютъ и другія блага, но получаютъ недостаточную или даже не совсѣмъ вѣрную обрисовку, будучи разсматриваемы лишь какъ отдѣльные случаи посягательствъ на эти блага, такъ какъ важнѣйшимъ поражаемымъ ими благомъ является религіозная свобода. Обѣ указанныя категоріи посягательствъ и образуютъ группу религіозныхъ преступленій (Religionsverbrechen, Religionsdelikte). Такимъ образомъ, въ эту группу должны быть относимы дѣянія, единственнымъ или, по крайней мѣрѣ, главнымъ основаніемъ наказуемости которыхъ является то обстоятельство, что они поражаютъ религіозную свободу.

Какія же это дѣянія? Согласно установленному во введеніи критерію, они должны обладать слѣдующими чертами:

1) Дѣяніе должно представлять собою извѣстное внѣшнее отношеніе къ религіознымъ вѣрованіямъ другихъ людей, къ объектамъ ихъ религіознаго почитанія или къ проявляющимъ ихъ религіозныя вѣрованія и воззрѣнія дѣйствіямъ.

2) Отношеніе это должно нарушать религіозную свободу.

3) Наконецъ, дѣяніе должно быть таково, чтобы, съ одной стороны, съ нимъ было возможно бороться посредствомъ наказанія, а съ другой стороны,—чтобы нельзя было съ достаточнымъ успѣхомъ бороться съ нимъ безъ наказанія, чтобы послѣднее было необходимо, какъ орудіе предупрежденія его. Дѣйствій, затрогивающихъ чужія религіозныя вѣрованія,—мас-

са. Ироническое замѣчаніе, усмѣшка съ оттѣнкомъ пренебреженія, отказъ въ знакомствѣ изъ-за религіозныхъ убѣжденій и масса другихъ подобныхъ дѣяній могутъ служить формами довольно рѣзкаго проявленія нетерпимости, чувствительно задѣвать религіозное чувство и, повторяясь часто во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ разномыслящихъ религіозныхъ партій, до извѣстной степени стѣснять свободное проявленіе религіозныхъ міровоззрѣній. Но они не причиняютъ столь значительнаго, прямого вреда, который оправдывалъ бы примѣненіе къ нимъ уголовной кары и въ достаточной мѣрѣ предупреждаются правилами вѣжливости и общественныхъ приличій вмѣстѣ съ сопровождающимъ ихъ нарушенія общественнымъ порицаніемъ. Съ другой стороны, они крайне близко подходятъ къ вполнѣ дозволеннымъ,— съ точки зрѣнія равной для всѣхъ религіозной свободы,—выраженіямъ религіозныхъ убѣжденій; разграничить ихъ отъ послѣднихъ и точно установить ихъ составъ представляется весьма труднымъ, а иногда и совершенно невозможнымъ. Крайне затруднительно во многихъ случаяхъ было бы и констатированіе ихъ на судѣ. Дѣянія же, слишкомъ легко ускользающія отъ рукъ правосудія и трудно распознаваемыя въ отдѣльныхъ случаяхъ, уже по одному этому не должны быть облагаемы наказаніями [1]).

Сводя наши соображенія къ одной общей формулѣ, мы можемъ выставить слѣдующій основной принципъ, опредѣляющій объемъ и направленіе уголовной охраны религіи: *въ цѣляхъ утвердить въ обществѣ религіозную свободу, государство должно наказывать такія отношенія къ чужимъ религіознымъ міросозерцаніямъ или къ внѣшнимъ проявленіямъ по-*

[1]) См. выше, стр. 27.

слѣднихъ, которыя нарушаютъ эту свободу и не могутъ быть въ достаточной мѣрѣ предупреждаемы безъ помощи наказанія; такія дѣянія, если они не нарушаютъ какого-либо блага, болѣе важнаго, чѣмъ религіозная свобода, должны быть относимы въ группу религіозныхъ деликтовъ.

Нашъ принципъ и общія соображенія, на которыхъ онъ основанъ, оставляютъ въ сторонѣ одинъ весьма важный и спорный вопросъ — вопросъ объ отношеніи государства къ церкви. Мы вполнѣ сознательно устранили этотъ вопросъ изъ нашего изложенія, такъ какъ внесеніе его только слишкомъ осложнило бы нашу задачу, безъ существенной пользы для ея рѣшенія. Замѣтимъ лишь, что нашъ принципъ сохраняетъ свою силу какъ при утвердительномъ, такъ и при отрицательномъ рѣшеніи вопроса объ отдѣленіи церкви отъ государства. Если рѣшить этотъ вопросъ отрицательно, то все-таки останется возможность утверждать, что государство, съ одной стороны, не должно ни одной религіи покровительствовать и, наоборотъ, ни одну религію не должно стѣснять посредствомъ уголовныхъ наказаній, а съ другой стороны,—всякую религію оно должно охранять отъ грубыхъ оскорбленій и насильственныхъ дѣйствій Далѣе, можно признавать невозможнымъ или неудобнымъ немедленное полное отдѣленіе церкви отъ государства, но можно при этомъ все-таки считать, что государство должно руководиться въ своихъ отношеніяхъ къ церкви идеей отдѣленія послѣдней и въ каждую данную эпоху осуществлять эту идею, поскольку при наличныхъ условіяхъ это возможно. Каждый, ставшій на эту точку зрѣнія, долженъ признать, что въ настоящее время всѣ современныя культурныя государства могутъ уже отказаться и, какъ показываетъ наблюденіе, почти всѣ уже отка-

зались отъ прежней полицейской опеки надъ религіозною жизнью гражданъ. И при утвердительномъ рѣшеніи вопроса о полномъ отдѣленіи церкви отъ государства выставленныя нами начала остаются неизмѣнными. Такимъ образомъ, какъ ни относиться къ этому вопросу, нельзя отсюда почерпнуть никакихъ серьезныхъ возраженій противъ выставленныхъ нами соображеній о спеціальной уголовной охранѣ религіи.

Бросая, въ заключеніе, взглядъ на изложенные выше старинныя и новѣйшія воззрѣнія на религіозную свободу и сопоставляя ихъ съ нашимъ взглядомъ, мы можемъ отмѣтить слѣдующія отличительныя черты послѣдняго:

1) Въ отличіе отъ многихъ другихъ взглядовъ нашъ взглядъ опирается не на соображенія, почерпнутыя изъ какой-либо религіи, а на соображенія государственнаго характера. Эта точка зрѣнія была намѣчена еще старинными изслѣдователями—Боденомъ, Томазіемъ и др. Но они имѣли въ виду въ данномъ случаѣ государственное спокойствіе, въ основѣ же нашего взгляда лежитъ идея охраны государствомъ, въ интересахъ прогресса, свободы проявленія творческихъ силъ личности.

2) Мы не признаемъ никакого суженія естественныхъ границъ религіозной свободы государствомъ. При этомъ мы не признаемъ никакихъ ограниченій, ни по предметамъ, такъ сказать, ни по лицамъ, т. е., мы, съ одной стороны, не допускаемъ описаннаго выше полицейскаго вмѣшательства государства ни въ какую область или сторону религіозной жизни гражданъ, а съ другой стороны,—не устанавливаемъ исключеній для сторонниковъ какихъ-либо религіозныхъ ученій или взглядовъ на религію. Какъ показано выше, многіе старинные и новѣйшіе писа-

тели позволяютъ государству ограничивать религіозную свободу, поскольку это необходимо для подавленія безнравственныхъ религіозныхъ ученій и открытой проповѣди безнравственности и т. п. Но всѣ подобныя ограниченія лишены твердыхъ основаній и весьма неопредѣленны; никакого сколько-нибудь точнаго руководящаго принципа въ нихъ не содержится. Неопредѣленна и граница, указанная Спинозой, который допускалъ вмѣшательство государства во внѣшній культъ и въ дѣла внѣшняго благочестія; провести точную границу, отдѣляющую внѣшній культъ отъ внутренняго содержанія религіи далеко не всегда возможно и вообще гораздо труднѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда; во всякомъ случаѣ въ данной области всегда найдется не мало спорныхъ пунктовъ и для произвола открывается широкій просторъ.

Далѣе, почти всѣ защитники религіозной свободы, отстаивая послѣднюю, допускаютъ исключенія для ненравящихся имъ религіозныхъ ученій,—для папистовъ, атеистовъ, безнравственныхъ сектъ и т. п. Эти исключенія вносятъ глубокія противорѣчія въ выставляющія ихъ доктрины. Нашъ взглядъ этихъ произвольныхъ исключеній не знаетъ.

3) Въ отличіе отъ нашего взгляда, другія воззрѣнія не содержатъ въ себѣ точно формулированной общей, руководящей идеи религіозной свободы, которой они могли бы подчинить все остальное свое содержаніе, и не выставляютъ въ руководство государству никакихъ точныхъ принциповъ.

4) Большинство ихъ, при этомъ, вовсе не разсматриваетъ или разсматриваетъ лишь вскользь вопросъ о спеціальной уголовной охранѣ религіозной свободы, придавая исключительное или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ преобладающее значеніе доказательству необхо-

димости признанія государствомъ, въ извѣстномъ объемѣ, религіозной свободы.

Теперь намъ слѣдуетъ продолжить наше разсмотрѣніе общаго характера и общихъ признаковъ тѣхъ дѣяній, которыя должны считаться религіозными преступленіями, и пойти далѣе въ развитіи выставленныхъ нами общихъ принциповъ. Это мы и сдѣлаемъ въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Общій характеръ религіозныхъ деликтовъ и ихъ мѣсто среди уголовнонаказуемыхъ дѣяній.

Взгляды на природу религіозныхъ преступленій,— какъ это отчасти уже видно изъ предшествующей главы,— могутъ быть очень различны. А въ зависимости отъ этого различно и мѣсто, отводимое имъ въ уголовныхъ законодательствахъ среди другихъ преступленій. Долгое время въ нихъ видѣли посягательства, непосредственно или посредственно направленныя противъ самого Бога и сонмъ ниже Его стоящихъ духовныхъ существъ, которымъ воздается религіозное поклоненіе, нарушенія Божьихъ велѣній, посредственныя или непосредственныя оскорбленія Божества. Смѣшеніе понятій грѣха и преступленія, проглядывавшее и въ другихъ отдѣлахъ законодательствъ, съ особенной отчетливостью проявлялось въ области религіозныхъ преступленій. Подъ вліяніемъ этихъ воззрѣній религіозныя преступленія, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, облагались жестокими наказаніями и помѣщались въ первыхъ главахъ или отдѣлахъ кодексовъ, среди самыхъ тяжкихъ преступленій. Въ тѣхъ законодательствахъ, въ которыхъ сохранились еще

отголоски этихъ воззрѣній, какъ, напр., въ нашихъ Уложеніяхъ, и въ старомъ и въ новомъ, — эти преступленія и теперь продолжаютъ занимать одно изъ первыхъ и наиболѣе видныхъ мѣстъ; и число ихъ въ нихъ обыкновенно чрезмѣрно велико. Но большинство законодательствъ давно уже совсѣмъ оставило данный взглядъ на религіозныя преступленія, и, соотвѣтственно новымъ воззрѣніямъ и конструкціямъ, измѣнились и число этихъ преступленій, и ихъ мѣсто въ системѣ уголовныхъ кодексовъ. Теперь уже всѣмъ ясно, что право имѣетъ своимъ назначеніемъ охранять лишь интересы и блага людей; Божество недоступно его охранѣ и не нуждается въ ней.

Въ концѣ XVIII вѣка возникъ новый взглядъ на религіозныя преступленія, видѣвшій въ нихъ, прежде всего, оскорбленія тѣхъ людей, чьи вѣрованія и религіозное чувство затронуты этими посягательствами. Этотъ взглядъ былъ выставленъ еще Штюбелемъ въ 1791 г. [1]) и затѣмъ развитъ Фейербахомъ. Церковь, говоритъ Фейербахъ, какъ моральное лицо, имѣетъ честь; тотъ, кто унижаетъ ея цѣль или поноситъ предметы религіознаго почитанія даннаго религіознаго общества, оскорбляетъ послѣднее. Богохуленіе есть не что иное, какъ обида, наносимая церковному обществу внѣшнимъ выраженіемъ презрѣнія къ предметамъ его почитанія [2]). Богохуленіе онъ относилъ въ одну группу съ простыми оскорбленіями церковнаго общества, не задѣвающими предметовъ религіознаго почитанія, и съ оскорбленіями духовныхъ лицъ во время исполненія ими ихъ церковныхъ долж-

---

[1]) См. *Бернеръ*, Учебникъ угол. права (перев. Неклюдова). Особенная часть, стр. 358, прим. 3.

[2]) Lehrbuch (14-е изд. Mittermaier'a. 1847), стр. 489 (§ 303).

ностей [1]). Изъ области обидъ онъ исключалъ разные случаи нарушенія богослуженія [2]). На той же точки зрѣнія, какъ и Фейербахъ, стояли нѣкоторые другіе старинные криминалисты, напр., Клейнъ [3]), Грольманъ [4]). Но этотъ взглядъ слишкомъ узокъ; онъ узокъ даже для богохуленія, относительно котораго, главнымъ образомъ, высказывался; возможны случаи грубаго поношенія Божества, которые нельзя подвести подъ понятіе обиды, потому, напр., что они имѣли мѣсто въ отсутствіе лицъ, раздѣляющихъ поносимыя вѣрованія или, по крайней мѣрѣ, при отсутствіи сознанія, что такія лица находятся вблизи и слышатъ богохульныя слова, при отсутствіи, значитъ, необходимаго для состава обиды признака и т. п. [5]).

---

[1]) Ibid., § 308.

[2]) Ibid., § 309.

[3]) Grundsätze d. gem. deutschen peinlichen Rechts, § 486.

[4]) Grundsätze d. Criminalwissenschaft. § 308.

[5]) Кромѣ того, взглядъ на богохуленіе, какъ на оскорбленіе религіозныхъ обществъ, несостоятеленъ еще по слѣдующему соображенію. Почитаніе Бога и вообще извѣстныя религіозныя вѣрованія возможны и у лицъ, не принадлежащихъ ни къ какому религіозному обществу; совершеніе богохуленія въ присутствіи подобныхъ лицъ ничѣмъ существенно не отличается отъ остальныхъ случаевъ богохуленія. См. Villnow, Vergehen, welche sich auf die Religion beziehen. Gerichtssaal. 1879 г. Стр. 509 сл. Приводились еще и другія возраженія противъ даннаго взгляда; такъ, возражали (см., напр., Таганцевъ, Изложеніе его доклада юридич. обществу, въ Журн. гражд. и угол. права. 1882, май, стр. 25; также Бѣлогриць-Котляревскій, у. с. стр. 301—302), что обида преслѣдуется лишь по частной жалобѣ, а религіозныя преступленія—ex officio, что наказаніе за обиду погашается при взаимности обидъ, что обида, наконецъ, допускаетъ гражданское взысканіе. Но за всѣми этими возраженіями врядъ ли можно признать силу, такъ какъ сторонники разсматриваемаго взгляда могли бы требовать, не отступая отъ своей принципіальной точки зрѣнія, исключенія для религіозныхъ преступленій. Не слѣдуетъ забывать также, что не всѣ посягательства на честь преслѣдуются по жалобѣ потерпѣвшаго и допускаютъ погашеніе наказанія при взаимности обидъ (оскорбленія должностныхъ лицъ).

Еще въ старинной литературѣ былъ намѣченъ и другой до сихъ поръ существующій взглядъ на религіозныя преступленія, взглядъ, видящій въ нихъ посягательства «на общія религіозныя основы государственнаго порядка» (gegen die allgemeinen religiosen Grundlagen der Staatsordnung [1]). Представителемъ такого взгляда можетъ считаться въ новой литературѣ нѣмецкій ученый проф. Вальбергъ [2]). Но онъ высказывался и задолго до Вальберга [3]). Сторонникамъ его религія кажется одной изъ необходимыхъ основъ государства; именно поэтому, полагаютъ они, послѣднее и должно охранять ее [4]). Но эта мысль

[1]) *Wahlberg*, Holtzendorff's Haudbuch des Strafrechts. II, 264.

[2]) Vergehen, welche sich auf die Religion beziehen. Holtzendorff's Handbuch des Strafrechts. II, 263 сл. Die Religions-Verbrechen in d. deutschen Strafgesetzbuchern. Gesammelte kleinere Schriften und Bruckstucke 1875. Bd. I, стр. 104 сл.; 110 сл.

[3]) Такъ, мы встрѣчаемъ его, напр., еще въ Abhandlung von der Criminal-Gesetzgebung *Globig'a* и *Huster'a* (Zurich. 1783). На стр. 23 этой книги читаемъ: ein jeder Staat hat seine Religion. Diejenigen, welche sie antasten, sind strafbar, nicht weil sie sundigen, oder weil sie falsche Meinungen hegen, sondern weil sie eine Stütze der burgerliche Gesellschaft untergraben. Въ итальянской литературѣ этотъ взглядъ отчетливо и полно выраженъ еще Карминьяни (Elementa juris criminalis. 1808). См. изложеніе и разборъ его взгляда у Каррара, Programma del corso di diritto criminale, VI, стр. 425 сл.

[4]) Интересно отмѣтить, что лежащую въ основѣ разсматриваемаго взгляда мысль, — будто религія является однимъ изъ необходимыхъ устоевъ государства, — настойчиво, проводилъ еще Ж. Ж. Руссо (Du contrat social, p. 221 s. Edition 1896. Par Edmond Dreyfus Brisac) и даже много раньше его извѣстный германскій ученый — Самуилъ Пуффендорфъ. У Руссо мы встрѣчаемъ идею гражданской религіи (une profession de foi purement civile), которой, какъ извѣстно, суждено было сыграть видную роль во Франціи въ эпоху революціи, когда былъ введенъ въ качествѣ государственной религіи культъ разума, когда соборъ Парижской Богоматери былъ переименованъ въ храмъ Разума и однажды конвентъ былъ приглашенъ присутствовать при импровизированномъ богослуженіи Разуму, на которомъ вмѣсто молитвъ пѣлись стихи А. Шенье. О культѣ Разума

невѣрна. Вполнѣ возможно государство, въ которомъ громаднѣйшее большинство населенія состоитъ изъ атеистовъ. Мнѣніе, что атеисты, не могутъ быть хорошими гражданами, что у нихъ нѣтъ такихъ сильныхъ импульсовъ исполнять обязанности гражданина, какъ у людей вѣрующихъ, такъ же, какъ и мнѣніе Локка,—будто для атеистовъ не обязательны обѣщанія, клятвы, добросовѣстность, составляющія главныя связи гражданскаго общества,— суть ни на чемъ не

см. *Debidour*, Histoire des rapports de l'église et de l'état en France de 1789 a 1870. Стр. 123 сл. *Темниковскій*, Государственное положеніе религіи во Франціи, ст. 18 сл.

Руссо находитъ, что христіанская религія неспособна содѣйствовать процвѣтанію государства. Le christianisme est une religion toute spirituelle, occupée uniquement des choses du ciel; la patrie du chrétien n'est pas de ce monde. Il fait son devoir, il est vrai, mais il fait avec une profonde indifférence sur le bon ou mauvais succés de ses soins. Pourvu qu'il n'ait rien à se reprocher, peu lui importe que tout aille bien ou mal ici-bas. Si l'État est florissant, à peine ose-t-il jouir de la félicité publique; il craint de s'enorguellir, de la gloire de son pays; si l'Etat dépérit, il bénit la main de Dieu qui s'appesantit sur son peuple. Du contrat social, p. 227. Les vrais chrétiens, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (ibid. p. 230), sont faits pour être esclaves, ils le savent et ne s'en émeuvent guère; cette courte vie a trop peu de prix à leurs yeux. Для государства очень важно, разсуждаетъ Руссо, чтобы каждый гражданинъ имѣлъ религію, которая учила бы его любить свои обязанности. Но религіозные догматы интересуютъ государство, лишь поскольку они касаются морали и обязанностей человѣка по отношенію къ другимъ людямъ (p. 231). Il y a donc une profession de foi purement civile dont il appartient au souverain de fixer les articles, non pas précisement comme dogmes de religion, mais comme sentiments de sociabilité sans lesquels il est impossible d'être bon citoyen ni sujet fidèle (p. 231 s.). Догматы гражданской религіи просты и немногочисленны: бытіе могущественнаго Божества, премудраго, благого, предвидящаго; загробная жизнь, блаженство справедливыхъ, наказаніе злыхъ; святость общественнаго договора и законовъ; терпимость. (ibid., 235). Не обязывая никого вѣрить въ эти догматы, государство можетъ изгонять тѣхъ, кто въ нихъ не вѣритъ, не какъ нечестивыхъ, а какъ антисоціальныхъ людей, неспособныхъ искренно любить за-

основанныя предубѣжденія. Кромѣ этическихъ воззрѣній, такъ или иначе связанныхъ съ религіей, существуютъ и этическія воззрѣнія, совершенно свободныя отъ всякой связи съ религіей, но глубоко проникающія въ души людей и съ не меньшей силой подвигающія ихъ къ добру.

Ближе къ истинѣ другіе взгляды, указывающіе на иныя основанія, по которымъ государство должно охранять религію, — на важное значеніе религіи въ жизни людей [1]); на то, что религія есть соціальное правовое благо и должна быть охранена, поскольку является таковымъ [2]); на то, что государство вообще должно, поскольку возможно, охранять уголовными законами отъ опасности и нарушеній всѣ существенныя блага общественной жизни [3]); или на то, нако-

---

коны и справедливость и жертвовать въ случаѣ нужды своею жизнью ради долга. Тотъ же, кто публично признавъ эти догматы, будетъ вести себя какъ невѣрующій, подлежитъ смертной казни (ibid., p. 233—234). Что касается терпимости въ отношеніи различныхъ религій въ государствѣ, то Руссо высказывается противъ исключительной національной религіи и требуетъ терпимости въ отношеніи всѣхъ тѣхъ религій, которыя сами терпимы въ отношеніи другихъ и не содержатъ въ себѣ догматовъ, противныхъ обязанностямъ гражданина (ibid., p. 237).

О взглядѣ Пуффендорфа на значеніе религіи для государства см. *Bluntschli*, Geschichte d. allgem. Staatsrechts und d. Politik., стр. 121 сл. Въ „естественной религіи“ (naturliche Religion), т. е. въ вѣрѣ въ единаго Бога. Творца и Промыслителя міра. Пуффендорфъ видѣлъ необходимую основу права и крѣпчайшую связь государства; она должна быть, по его мнѣнію, государственной религіей.

[1]) *Hugo Meyer*, Lehrbuch d. d. Strafrechts, стр. 753. Grund des Strafschutzes ist vielmehr der Wert, welcher den religiösen Einrichtungen und Anschauungen als solchen für das menschliche Leben zukommt.

[2]) *Rohland*, Historische Wandlungen der Religionsverbrechen, стр. 141. Die Religion ist nach moderner Auffassung ein sociales Rechtsgut und wird daher nur insoweit geschutzt als sie sich als ein solches darstellt.

[3]) *Hälschner*, D. gem. deutsche Strafrecht. II, 702—703. Ganz gewiss hat der Staat ein Interesse an der Wahrung des religiösen Lebens seines

нецъ, что государство обязано охранять культурные интересы (Kulturinteressen) людей, а религія принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ изъ этихъ интересовъ [1]). Но всѣ эти близкіе другъ къ другу взгляды представляютъ собою, въ сущности, широкія и довольно неопредѣленныя общія фразы, которыя при дальнѣйшемъ развитіи могутъ превратиться въ различныя доктрины; имъ несомнѣнно недостаетъ полнаго и отчетливаго обоснованія и развитія. Благодаря отчасти этому недоразвитію исходныхъ точекъ зрѣнія, криминалисты и не могли выставить точнаго общаго принципа, которымъ должно руководиться государство, давая религіи извѣстную спеціальную уголовную охрану.

Въ новѣйшей литературѣ намѣчается уже новый взглядъ на религіозныя преступленія, взглядъ, болѣе близкій къ истинѣ, хотя не совсѣмъ правильный и отчетливо развитый. Этотъ взглядъ видитъ въ религіозныхъ преступленіяхъ посягательства на религіозную свободу, но подъ религіозной свободой разумѣетъ личную религіозную свободу. Представителемъ его можетъ считаться проф. Листъ, который слѣдующимъ образомъ высказывается по поводу религіозныхъ преступленій въ своемъ учебникѣ уголовнаго права. «Правильный взглядъ, говоритъ онъ, покоится на признаніи, что задача государства должна ограничиться защитой свободы религіознаго убѣжденія отъ про-

---

Volkes, aber es ist dies kein anderes Interesse als dasjenige, von dem er bei allen seinen Strafsatzungen ausgeht, das Interesse alle wesentlichen Güter des socialen Lebens, soweit dies mittelst der Strafgesetze geschehen kann, gegen Gefährdungen und Verletzungen zu schützen.

[1]) *Kohler*, Studien I, 160 сл. Bei dem Schutze der Religion kann es sich nicht um bloss individuelle Recht handeln, es handelt sich um allgemeine Kulturinteressen, um Kulturinteressen höchster Art. Ibid., стр. 162.

тивоправнаго посягательства третьихъ лицъ» [1]). Немного ниже онъ выдвигаетъ уже на первый планъ идею религіознаго мира и подъ религіозной свободой разумѣетъ именно религіозный миръ, т. е. свободное проявленіе религіознаго убѣжденія въ предѣлахъ существующихъ религіозныхъ общинъ [2]). Религіозныя преступленія, подъ названіемъ «наказуемыя дѣянія противъ религіозной свободы *и религіознаго чувства*», помѣщаются имъ среди преступленій, направленныхъ противъ благъ отдѣльнаго лица. Но намѣчая новый болѣе правильный взглядъ на религіозныя преступленія, Листъ не пошелъ далѣе бѣглыхъ замѣтокъ. Прежде всего, онъ не установилъ отчетливой и достаточно широкой идеи религіозной свободы. Подъ послѣдней, какъ ясно изъ сказаннаго въ первой главѣ, нельзя разумѣть только свободу выраженія религіознаго убѣжденія въ предѣлахъ существующихъ религіозныхъ общинъ; такая идея несомнѣнно слишкомъ узка. Далѣе, въ религіозныхъ преступленіяхъ нашъ авторъ видитъ, какъ это ясно и изъ приведенныхъ его замѣтокъ, и изъ мѣста, отводимаго имъ этимъ преступленіямъ, — посягательства на личную религіозную свободу, т. е. на свободу какой-либо личности выражать въ означенныхъ предѣлахъ свои религіозныя убѣжденія. Но, какъ мы убѣдимся ниже, составъ этихъ преступленій не всегда предполагаетъ воздѣйствіе, направленное на какую-либо отдѣльную личность и нарушающее принадлежащую ей свободу. Благодаря узости взгляда Листа на религіозную свободу, идея послѣдней и не могла обнять у него всѣхъ религіозныхъ преступленій; рядомъ съ религіозной

---

[1]) Lehrbuch, (1903. Zwölfte und dreizehnte Auflage. Zweite Hälfte), стр. 397.

[2]) Ibid.

свободой, какъ объектомъ религіозныхъ преступленій, у него стоитъ еще религіозное чувство; такимъ образомъ, данная группа преступленій лишена у него должнаго единства. Благодаря той же узости взгляда, онъ невѣрно опредѣлилъ мѣсто религіозныхъ преступленій—среди посягательствъ на личность [1])—и не могъ выставить никакого общаго принципа, которымъ могъ бы въ данной области руководиться законодатель и на который могъ бы опереться критикъ при оцѣнкѣ продуктовъ творчества законодателя.

Религіозныя преступленія, дѣйствительно, составляютъ посягательства на религіозную свободу, но послѣдняя должна быть понимаема иначе, чѣмъ какъ то указываетъ Листъ. Необходимымъ основаніемъ личной или индивидуальной религіозной свободы является, какъ мы видѣли [2]), идея религіозной свободы, какъ извѣстнаго состоянія религіозной жизни народа въ государствѣ, требуемаго прогрессомъ. И вполнѣ возможно нарушеніе религіозной свободы въ этомъ послѣднемъ смыслѣ безъ нарушенія индивидуальной религіозной свободы другого лица. Религіозная свобода, въ указанномъ смыслѣ извѣстнаго общественнаго состоянія, вовсе не есть идея религіознаго мира, а, наоборотъ, идея неустанной борьбы, но борьбы исключительно средствами духовными и въ означенныхъ выше границахъ. Такъ какъ объектомъ преступленія должно вообще считаться то благо, которое въ той или иной степени поражается этимъ преступленіемъ и въ цѣляхъ охраны котораго данное дѣяніе и зано-

---

[1]) Притомъ, если видѣть въ религіозныхъ преступленіяхъ посягательства на религіозную свободу отдѣльныхъ лицъ, то нѣтъ основаній выдѣлять ихъ въ отдѣльный, самостоятельный отъ прочихъ преступленій противъ свободы видъ, а слѣдуетъ помѣстить среди послѣднихъ, въ качествѣ особаго ихъ вида.

[2]) См. предшествующую главу.

сится на страницы уголовнаго кодекса, то объектомъ религіозныхъ преступленій должна считаться не церковь [1]) и не религіозное чувство [2]), которое затрагивается религіозными преступленіями, лишь поскольку оно связано съ объектомъ этихъ преступленій, а исключительно религіозная свобода въ указанномъ смыслѣ.

Сказаннымъ опредѣляется и мѣсто, которое должно быть отведено религіознымъ преступленіямъ въ уголовномъ законодательствѣ: они должны быть помѣщены, въ качествѣ самостоятельной группы, среди посягательствъ на блага общественныя. Всѣ преступленія могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы: 1) на посягательства на частныя блага и 2) на посягательства на блага общественныя. Къ разряду общественныхъ относятся всѣ блага, заключающіяся въ разнообразныхъ союзахъ личностей, ихъ существованіи, условіяхъ правильнаго строенія и функціонированія, въ извѣстныхъ состояніяхъ отдѣльныхъ сторонъ ихъ жизни и т. д. [3]). Отличительную черту этихъ благъ составляетъ то, что по самой природѣ

---

[1]) Такой взглядъ высказанъ въ нашей литературѣ сен. Таганцевымъ, въ его докладѣ С.-Петербургскому юридическому обществу. См. Журн. гражд. и угол. права 1882. Май, стр. 22, 26. Объектомъ религіозныхъ преступленій онъ считаетъ церковь, какъ общество, охраняемое государствомъ, и притомъ или какъ цѣлое, или же въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ. Но возможны религіозныя преступленія, направленныя противъ лицъ, не принадлежащихъ ни къ какой церкви, даже вовсе невѣрующихъ.

[2]) Объектомъ нѣкоторыхъ религіозныхъ преступленій считаетъ религіозное чувство, какъ мы видѣли, Листъ. *Stoos*, Grundzuge, II. 182, прямо даже называетъ религіозныя преступленія: Delikte gegen das religiose Gefuhl. См. *Jauck*, Uber strafrechtlichen Schutz des religiosen Empfindens. Zeitschrift fur d. des. Strafrechtswissenschaft. 1904, стр. 349 сл. На стр. 352 онъ говоритъ: wirkliches Schutsobjekt bei den Religionsdelikten kann nur sein: die Einzelperson in ihrer religiosen Empfinden.

[3]) См. выше, стр. 26.

своей они не могутъ служить лишь отдѣльной личности; и нельзя мыслить ихъ находящимися въ обладаніи лишь одного лица [1]).

Субъектомъ религіозныхъ преступленій, какъ ясно изъ всего, сказаннаго выше, можетъ быть какъ вѣрующій, такъ и невѣрующій, какъ лицо, принадлежащее къ той церкви, вѣрованія или учрежденія которой затронуты даннымъ посягательствомъ, такъ и лицо, вышедшее изъ этой церкви, принадлежащее къ другой церкви, или вовсе не принадлежащее ни къ какой церкви. Точно такъ же, какъ уже замѣчено вскользь выше, преступленія эти могутъ быть совершены какъ противъ членовъ какой-либо церкви, такъ и противъ лицъ, не принадлежащихъ ни къ какой церкви.

Далѣе, такъ какъ религіозная свобода, по самому существу своему, можетъ быть нарушена лишь внѣшнимъ активнымъ поведеніемъ, то всѣ религіозныя преступленія суть delicta commissionis (содѣянія). При этомъ, нарушеніе религіозной свободы можетъ носить двоякій характеръ: во-первыхъ, субъектъ можетъ, не препятствуя другимъ, осуществлять вовнѣ ихъ религіозную свободу, дозволить себѣ такія проявленія своихъ убѣжденій или настроенія, которыя

---

[1]) Существуютъ матеріальные предметы (которые, по нашей классификаціи, всѣ относятся къ разряду благъ частныхъ), составляющіе предметы общаго пользованія цѣлаго ряда лицъ, напр., рѣки, моря и т. п. Отъ общественныхъ благъ эти предметы отличаются тѣмъ, что по природѣ своей они вовсе не исключаютъ возможности пользованія ими лишь отдѣльнаго лица. Если указанные предметы и являются предметами общаго пользованія, то причина этого заключается въ пребываніи, по близости отъ нихъ, массы людей, ихъ важности для всѣхъ этихъ людей и т. п. обстоятельствахъ, а не въ ихъ собственной природѣ; обладаніе этими благами отдѣльныхъ лицъ вполнѣ мыслимо.

выходятъ за предѣлы допустимой для личности свободы; во-вторыхъ, субъектъ можетъ позволить себѣ извѣстное насильственное вмѣшательство въ дѣло осуществленія религіозной свободы другимъ лицомъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣйствіе, направленное на отдѣльное лицо или группу лицъ, вторгающееся въ сферу чужой религіозной свободы; въ первомъ случаѣ—дѣйствіе можетъ и не быть направлено противъ какихъ-либо опредѣленныхъ лицъ.

Въ заключеніе нашего описанія общаго характера религіозныхъ преступленій намъ осталось остановиться еще на разсмотрѣніи вопроса, составляютъ ли эти посягательства преступленія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова или проступки, или, можетъ быть, частью принадлежатъ къ первымъ, а частью — ко вторымъ? Въ широкомъ смыслѣ слова преступленіемъ является всякое уголовно-наказуемое дѣяніе, всякая «уголовная неправда». Границы этого понятія, такимъ образомъ, совпадаютъ съ предѣлами уголовнаго наказанія [1]).

---

[1]) Въ литературѣ какъ старой, такъ и новой существуетъ не мало попытокъ опредѣлить, какія дѣянія являются преступленіями уже по самой своей природѣ, независимо отъ отношенія къ нимъ законодателя. Опредѣленія эти весьма разнообразны: одни изъ нихъ заключаютъ въ себѣ метафизическіе элементы, другія—возникли уже на почвѣ новѣйшихъ уголовно-антропологическихъ и соціологическихъ воззрѣній. Примѣры опредѣленій перваго рода приводились уже нами выше (стр. 8—9, примѣч.); въ дополненіе сказаннаго, какъ на новые яркіе примѣры такого искусственнаго построенія понятія преступленія, можно указать здѣсь еще на воззрѣнія Гегеля и Гельшнера; первый видѣлъ въ преступленіи,—въ противоположность другимъ видамъ неправды,—открытый и сознательный разладъ частной воли съ общей. (*Hegel*, Philosophie d. Recht s., §§ 90 f.; изложеніе и разборъ этого взгляда Гегеля см. въ моихъ *Основныхъ вопросахъ ученія о нак.*, стр. 138 сл.). Взглядъ, развиваемый Гельшнеромъ въ первомъ томѣ его D. gemeine deutsche Strafrecht, близокъ ко взгляду Гегеля и сложился подъ несомнѣннымъ вліяніемъ послѣдняго. Преступленіе въ отличіе отъ неправды гражданской, полагаетъ Гельшнеръ, есть такой разладъ воли съ правомъ,

Подъ него, разумѣется, подходятъ и всѣ безъ исключенія религіозныя преступленія, какъ это указывается уже самымъ названіемъ ихъ. Но, наряду съ этимъ широкимъ значеніемъ, и въ наукѣ, и въ за-

---

который носитъ активный харьтеръ; гражданская неправда есть пассивный разладъ съ правомъ, заключающійся въ умышленномъ или неосторожномъ неисполненіи требованій права; въ преступленіи воля активно выступаетъ противъ права, въ этомъ—его сущность (у. с. I, 26 сл.). Гельшнеръ вполнѣ сознаетъ, что выставляемое имъ понятіе преступленія не отвѣчаетъ положительнымъ законодательствамъ, такъ какъ не обнимаетъ преступнаго бездѣйствія, но это нисколько его не смущаетъ; не все, говоритъ онъ, что считаетъ преступленіемъ законодатель, и есть дѣйствительно преступленіе. Бездѣйствіе, по его мнѣнію, не составляетъ преступленія (ibid., I, 34 сл.).

Къ опредѣленіямъ второго рода принадлежитъ, напр., формула Макаревича: Das Verbrechen ist die vom Mitgliede einer gegebenen Association begangene Handlung, welche von den übrigen Mitgliedern derselben, als für dieselbe so schädlich betrachtet wird, dass sie gegen den Thäter öffentlich, äusserlich, gemeinschaftlich, reagiren, indem sie eines seiner Güter zu verkurzen suchen. D. Wesen des Verbrechens, стр. 51. Но такое опредѣленіе слишкомъ широко и непригодно ни для соціолога, ни для криминалиста, такъ какъ ведетъ къ смѣшенію въ одну группу самыхъ различныхъ дѣяній,—уголовныхъ преступленій съ неправдой гражданской, а также съ нарушеніями правилъ и уставовъ разныхъ компаній и обществъ и т. д.

Другимъ примѣромъ опредѣленій подобнаго рода можетъ служить опредѣленіе проф. Амона: „преступленіемъ называется всякій сознательный поступокъ, наносящій вредъ свободѣ дѣйствія индивидуума одного вида съ виновникомъ поступка“ (Детерминизмъ и вмѣняемость, стр. 99). Это опредѣленіе, съ одной стороны, слишкомъ широко, такъ какъ существуетъ не мало сознательныхъ поступковъ, которые стѣсняютъ чужую свободу, но не считаются и не должны считаться законодателями преступленіями. Съ другой стороны, не все то, что считается преступленіемъ во всѣхъ современныхъ законодательствахъ, можетъ быть подведено подъ понятіе нарушенія индивидуальной свободы. Подобное опредѣленіе не пригодно для той вѣтви науки уголовнаго права, которая имѣетъ своимъ предметомъ преступленіе, потому что, съ одной стороны, выходитъ за ея предѣлы, а съ другой стороны, — не обнимаетъ всего предмета ея изученія.

Не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и представляется слишкомъ узкимъ и опредѣленіе Колаяни: sono azioni punibili (delitti) quelle determinate da *moventi* individuali e anti-sociali che turbano le *condizioni di vita* e con-

конодательствахъ понятію преступленія придается и болѣе тѣсный смыслъ, при которомъ оно обнимаетъ лишь нѣкоторыя болѣе тяжкія изъ уголовно-наказуемыхъ дѣяній. Составляютъ ли религіозные деликты преступленія въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слова? Въ законодательствахъ этотъ вопросъ рѣшается весьма различно. Одни относятъ религіозныя преступленія къ преступленіямъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, другія—

---

travvengono alla *moralitá media* di un dato popolo, in un dato momento. La sociologia criminale. V. I, 64.

Къ опредѣленіямъ разсматриваемаго рода принадлежитъ и ученіе извѣстнаго итальянскаго криминалиста, барона Гарофало о „естественномъ преступленіи“. Разборъ этого ученія и подробное изложеніе его сдѣлано уже мною въ другомъ мѣстѣ (*Основные вопросы ученія о наказаніи,* стр. 287 сл.) въ связи съ уголовной теоріей Гарофало; здѣсь я скажу о немъ лишь два слова. Естественное преступленіе, по ученію Гарофало, представляетъ собою дѣяніе, вредное для общества и нарушающее основныя альтруистическія чувства гуманности и честности въ той средней мѣрѣ ихъ развитія, въ какой эти чувства присущи, за небольшими исключеніями, всѣмъ членамъ современныхъ цивилизованныхъ обществъ. *Garofalo,* Criminologie (1905). Ч. I, гл. I, стр. 36 сл. Несмотря на кажущуюся свою ясность и опредѣленность, это понятіе естественнаго преступленія, въ сущности, довольно неопредѣленно и слишкомъ широко. Дѣло въ томъ, что то обстоятельство, нарушаетъ ли дѣяніе чувства гуманности и честности въ средней мѣрѣ ихъ развитія, въ какой они существуютъ у всѣхъ культурныхъ народовъ, это обстоятельство зависитъ не только и иногда не столько отъ природы дѣянія, сколько отъ обстановки, при которой оно совершается, отъ мотивовъ, его вызвавшихъ и т. д. Значитъ, одно и тоже дѣяніе можетъ быть и естественнымъ преступленіемъ, въ смыслѣ теоріи Гарофало, и преступленіемъ, не заслуживающимъ этого эпитета, и даже дѣяніемъ, просто безнравственнымъ. Подъ понятіе естественнаго преступленіи, очевидно, могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, подойти и дѣянія, для борьбы съ которыми въ наказаніи нѣтъ необходимости и которыя не могутъ считаться преступленіями даже съ точки зрѣнія отвѣчающаго наличнымъ условіямъ уголовно-правоваго идеала. Самое выраженіе и самая идея „естественнаго преступленія“ не можетъ быть признана удачной и есть contradictio in adjecto; нѣтъ дѣйствій, которыя были бы преступны уже по самой своей природѣ; „преступность“ не есть какое-либо особое свойство, заключающееся въ самой природѣ дѣянія, а означаетъ лишь уголовную наказуемость послѣдняго.

къ проступкамъ, третьи — частью къ тѣмъ, частью къ другимъ. Такъ, напр., кодексъ французскій, до зак. 9 дек. 1905 г., помѣщалъ предусматриваемыя имъ религіозныя преступленія, подъ общимъ названіемъ «entraves au libre exercice des cultes», среди общественныхъ преступленій и проступковъ (crimes et délits contre la chose publique) [1]), большинство ихъ считалъ проступками, но въ одномъ случаѣ (побои, нанесенные священнику при отправленіи имъ обязанностей своего званія) видѣлъ уже преступленіе (crime) [2]). Германское Уложеніе помѣщаетъ религіозные деликты въ качествѣ особой группы, подъ названіемъ: Vergehen, welche sich auf die Religion beziehen [3]). Венгерское законодательство относитъ эти преступленія частью къ преступленіямъ и проступкамъ [4]), частью къ нарушеніямъ, которыя выдѣлены въ особый кодексъ (1879 г.) [5]). Нидерландское Уложеніе, которое дѣлитъ всѣ предусматриваемыя имъ уголовнонаказуемыя посягательства на преступленія и нарушенія, относитъ религіозные деликты къ преступленіямъ противъ общественнаго порядка [6]). Итальянское Уложеніе знаетъ тѣ же два разряда деликтовъ — преступленія и нарушенія; религіозныя преступленія, подъ названіемъ «преступленій противъ свободы вѣроисповѣданій» (Dei delitti contro la libertà dei culti), оно относитъ къ первому изъ этихъ раз-

---

[1]) Code pénal, Livre III, titre I, ch. III, sect. IV, § VIII. Въ 33-мъ изданіи Rivière (Paris. 1905), p. 55 s.

[2]) Ср. art 263 и art 8, 6, 1.

[3]) См. §§ 166 сл.

[4]) См. *Martinet* et *Darest*, Code pénal hongrois des crimes et des délits (1878) Art. 190 s. Стр. 83 сл.

[5]) *Martinet* et *Darest*, ibid, стр. 184—185.

[6]) Ст. 145 сл.

рядовъ и помѣщаетъ среди преступленій противъ свободы, въ качествѣ особаго вида послѣднихъ [1]).

Обращаясь теперь къ теоретическому рѣшенію поставленнаго выше вопроса, мы должны прежде всего установить самое понятіе преступленія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Вся пестрая масса уголовно-наказуемыхъ дѣяній, на мой взглядъ, распадается на двѣ группы—на преступленія и проступки. Основаніе этого дѣленія заключается въ слѣдующемъ. Въ каждомъ обществѣ, несмотря на разнообразіе свойствъ и развитія составляющихъ его личностей, существуетъ извѣстный средній уровень нравственнаго развитія, состоящій изъ извѣстныхъ нравственныхъ представленій и чувствованій, сознательныхъ и инстинктивныхъ влеченій или антипатій. Обладающій такимъ нравственнымъ развитіемъ — не герой, не передовой, выдающійся, а обыкновенный, какъ говорятъ, средній человѣкъ даннаго общества. Нравственное состояніе ниже этого средняго уровня составляетъ уже недоразвитіе или испорченность. Не всѣ дѣянія, которыя противорѣчатъ идеямъ и чувствованіямъ, входящимъ въ составъ средняго нравственнаго уровня, заносятся на страницы уголовнаго кодекса и заслуживаютъ такой записи. Но въ спискѣ преступленій всегда много дѣяній, которыя въ общемъ и среднемъ возникаютъ на почвѣ болѣе или менѣе глубокаго нравственнаго паденія или недоразвитія; только будучи совершены при особыхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ, которыя законодатель всегда можетъ отдѣльно оговорить, эти дѣянія не объективируютъ нравственной недоразвитости или испорченности, не доказываютъ отсутствія или слабаго развитія какого-либо чувствованія или инстинкта, входящаго въ со-

---

[1]) Articolo 140—144.

ставъ средняго нравственнаго уровня. Только подобныя дѣянія, на мой взглядъ, и заслуживаютъ названія преступленій въ собственномъ смыслѣ слова, остальныя же уголовнонаказуемыя посягательства должны считаться проступками. Но врядъ ли можно привести серьезныя основанія въ пользу дѣленія на большее число группъ, напр., на три, какъ это принято въ законодательствѣ французскомъ, бельгійскомъ, германскомъ и др. (crimes, délits, contraventions, Verbrechen, Vergehen, Uebertretungen). Не слѣдуетъ думать, что всѣ преступленія должны быть строже наказуемы, чѣмъ проступки. Данное подраздѣленіе важно съ точки зрѣнія принципа наказанія, главнымъ образомъ, потому, что для устанавливаемыхъ имъ группъ уголовнонаказуемыхъ дѣяній необходимы различныя по характеру карательныя мѣры [1]). Въ одномъ случаѣ почвой, на которой возникло преступленіе, является испорченность или недоразвитіе, и задача наказанія исправить преступника нравственно настолько, чтобы предупредить его повторную преступную дѣятельность; для этого необходимы такія карательныя мѣры, которыя позволяли бы подвергнуть субъекта извѣстному воспитательному воздѣйствію. Въ другомъ случаѣ задача наказанія лишь укрѣпить въ субъектѣ увѣренность въ неизбѣжной связи преступленія и

---

[1]) Поэтому вполнѣ правильно въ кодексѣ дѣлить дѣянія на группы, смотря потому, какими карательными мѣрами эти дѣянія обложены. Это вовсе не значитъ судить о дѣяніи по признаку чисто формальному и зависящему вполнѣ отъ законодателя, игнорируя нравственное значеніе дѣянія. Нѣтъ, послѣднее должно быть принято законодателемъ во вниманіе при опредѣленіи наказуемости дѣяній, но какъ скоро это сдѣлано, наказуемость можетъ быть принята, какъ легко распознаваемый внѣшній признакъ, въ основаніе выставляемаго кодексомъ дѣленія. Болѣе подробное обсужденіе вопроса о разграниченіи преступленій и проступковъ не входитъ въ наши задачи и слишкомъ отвлекло бы насъ въ сторону.

наказанія подтвержденіемъ на опытѣ дѣйствительности угрозы уголовнаго закона; это воздѣйствіе наказанія также можетъ быть названо исправленіемъ, но, въ отличіе отъ перваго, исправленіемъ въ юридическомъ смыслѣ слова или юридическимъ исправленіемъ [1]). Конечно, въ большинствѣ случаевъ преступленія должны быть строже наказуемы, чѣмъ проступки. Но этотъ признакъ необязательный и на немъ нельзя основывать разграниченія данныхъ группъ уголовнонаказуемыхъ дѣяній.

Провести болѣе точную разграничительную черту между преступленіями и проступками невозможно. Можно только добавить, что въ понятіе средняго нравственнаго уровня входитъ извѣстная степень уваженія къ человѣческой личности и состраданія къ людямъ, а также честности въ отношеніи имущественныхъ интересовъ другихъ людей и въ выполненіи своихъ обязанностей въ отношеніи государства или общества [2]). Для различныхъ эпохъ и народовъ ближайшее опредѣленіе этого понятія должно быть нѣсколько различно. Нельзя, поэтому, составить неизмѣннаго исчерпывающаго перечня дѣяній той и другой группы. По отношенію къ каждому уголовнонаказуемому дѣянію вопросъ о принадлежности его къ тому или другому разряду долженъ быть рѣшаемъ отдѣльно. Что касается религіозныхъ преступленій, то относительно ихъ также нельзя сказать напередъ, должны ли всѣ они считаться преступленіями или

---

[1]) Подробнѣе см. мои *Основные вопросы ученія о наказаніи*, стр. 381 сл.

[2]) Нашъ взглядъ замѣтно отличается отъ воззрѣнія итальянскаго криминалиста Гарофало уже тѣмъ, что мы не признаемъ всѣхъ дѣйствій, противорѣчащихъ указанному среднему уровню, преступными уже по самой своей природѣ и отвергаемъ самую идею „естественнаго преступленія“. Самое понятіе средняго нравственнаго уровня у насъ шире и иное, чѣмъ у итальянскаго ученаго.

проступками; по отношенію къ каждому изъ нихъ этотъ вопросъ будетъ нами обсуждаться отдѣльно. Но такъ какъ уваженіе къ чужимъ религіознымъ убѣжденіямъ, по крайней мѣрѣ, въ своихъ основныхъ, элементарныхъ формахъ, несомнѣнно входитъ въ понятіе средняго нравственнаго развитія у всѣхъ современныхъ культурныхъ народовъ, то мы можемъ предугадать, что большинство религіозныхъ преступленій, если не всѣ они, должны быть отнесены къ разряду преступленій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Виды религіозныхъ преступленій.

Опредѣливъ общія черты религіозныхъ преступленій, мы должны теперь установить ихъ виды и проанализировать каждый изъ этихъ видовъ. Задача, которую намъ предстоитъ рѣшить въ этой главѣ, сводится къ слѣдующему: какія отношенія однихъ людей къ религіозной свободѣ другихъ должны быть обложены въ законодательствѣ наказаніями, какъ религіозныя преступленія? Если, рѣшая этотъ вопросъ, мы обратимся къ современнымъ законодательствамъ, то увидимъ въ нихъ удивительное разнообразіе. Законодательства, сохраняющія въ себѣ элементы полицейской опеки надъ религіозной жизнью гражданъ и не перешедшія еще исключительно ко второму типу уголовной охраны религіи, въ родѣ, напримѣръ, португальскаго [1]) и австрійскаго Уложеній [2]), мы оставимъ

---

[1]) Въ ст. 130 португальскій кодексъ предусматриваетъ слѣдующія проявленія неуваженія къ римско-католической религіи:

1) публичное поношеніе (beschimpft) словами, дѣйствіями или въ какихъ-либо сочиненіяхъ, подлежащихъ публичному распространенію, вѣрованій, обрядовъ или предметовъ, употребляемыхъ при богослуженіи;

въ сторонѣ, такъ какъ обзоръ ихъ былъ бы мало полезенъ намъ при опредѣленіи, какіе виды религіозныхъ преступленій должны быть различаемы въ кодексѣ. Но на законодательствахъ, въ которыхъ уже вполнѣ совершился переходъ ко второму типу охраны религіи, намъ слѣдуетъ остановиться; само собою разумѣется, мы ограничимъ свой обзоръ нѣкоторыми, важнѣйшими изъ нихъ.

---

2) распространеніе тѣми же средствами ученій, противныхъ вѣрованіямъ католической церкви;

3) совращеніе или покушеніе совратить какими-либо средствами кого-либо въ религію, уклоняющуюся отъ католической, или въ общество, отвергаемое католическою церковью;

4) публичное совершеніе не католическаго богослуженія.

Слѣдующія статьи (ст. 131 сл.) прибавляютъ къ перечисленнымъ преступленіямъ:

1) воспрепятствованіе или нарушеніе насильственными дѣйствіями отправленія публичнаго богослуженія государственной (католической) церкви;

2) воспрепятствованіе или затрудненіе такими дѣйствіями или угрозами кому-либо отправлять богослуженіе (133);

3) публичное отпаденіе или отреченіе португальца отъ католической вѣры (135);

4) поношеніе и оскорбленіе священнослужителя, при исполненіи или по поводу исполненія имъ обязанностей своего званія (132);

5) совершеніе частнымъ лицомъ, выдавшимъ себя за священнослужителя, такого обряда, который можетъ быть совершенъ только духовнымъ лицомъ (134). См. нѣмецкій переводъ португальскаго кодекса *Zander*'а въ прил, къ Zeitschrift fur d. ges. Strafrechtswissenschaft. 1904; также *Liszt,* La législation penale comparée I, 204—205.

[2]) Австрійское Уложеніе 1852 г. предусматриваетъ слѣдующія религіозныя преступленія:

a) богохуленіе (Gotteslästerung. § 122 St. G.), т.-е. поношеніе Бога въ томъ смыслѣ, какой придается этому понятію религіями, допускаемыми законами государства (онѣ перечислены у Janka, у. с. стр. 296—297, и Finger'a, у. с. стр. 330; также у Eisenmann, Étude sur le regime des cultes en Autriche, p. 93), поношеніе словами, дѣйствіями, въ печатныхъ или, хотя и не печатныхъ, но распространенныхъ сочиненіяхъ;

b) умышленное нарушеніе отправленія культа допускаемыхъ законами исповѣданій (§ 122, St. G.). Подъ отправленіемъ культа разумѣется обще-

Прежде всего я остановлюсь на законодательствахъ которыя даже не отводятъ разсматриваемымъ преступленіямъ особаго отдѣла въ своей особенной части, но въ разныхъ мѣстахъ содержатъ въ себѣ — обыкновенно скудныя—постановленія о нѣкоторыхъ изъ этихъ преступленій. Къ числу такихъ законодательствъ принадлежатъ, напр., новое норвежское Уложеніе 22-го мая 1902 г. (Allgemeines bürgerliches Strafgesetz für das Königreich Norwegen von 22 Mai 1902) и нидерландское Уложеніе 1881 г.

Норвежское Уложеніе, въ § 138, въ числѣ разныхъ преступленій противъ общественнаго порядка и мира упоминаетъ, между прочимъ, о противозаконномъ препятствованіи или прерваніи публичнаго религіознаго собранія, какой-либо церковной церемоніи, а также о содѣйствіи подобному прерванію или препятствованію. Въ этой же статьѣ, наряду съ публичнымъ религіознымъ собраніемъ и церковными церемоніями,

---

ственное отправленіе культа; сюда не подойдетъ богомоленіе отдѣльнаго лица (Finger, y. c. стр. 331);

c) публичное выраженіе презрѣнія къ допускаемой законами религіи словами, дѣйствіями, въ печатныхъ и не печатныхъ, но распространенныхъ сочиненіяхъ, а также посредствомъ надругательства надъ предметами употребляемыми при богослуженіи (§ 122, b. St. G.);

d) поношеніе ученія, обрядовъ или учрежденій какой-либо изъ допускаемыхъ законами церкви или религіознаго общества;

e) оскорбленіе священно-служителя допускаемой законами религіи при отправленіи имъ богослуженія (§ 303 St. G.);

f) непристойное, способное произвести соблазнъ поведеніе во время публичнаго богослуженія дозволенной законами религіи;

g) разныя дѣйствія, направленныя къ основанію или распространенію секты, признанной правительствомъ недозволенной, устройство собраній подобнаго общества, проповѣданіе или опубликованіе его ученія, привлеченіе новыхъ членовъ. Изложеніе постановленій австрійскаго Уложенія о религіозныхъ преступленіяхъ см. у Finger'a, y. c. II, 327—336; Janka, y. c. стр. 295—298.

упоминается о публичномъ засѣданіи суда, публичномъ преподаваніи, публичномъ торгѣ и проч.

Въ § 142 предусматривается публичное глумленіе и поношеніе дозволеннаго въ королевствѣ исповѣданія и содѣйствіе подобнымъ дѣяніямъ.

Указанные деликты относятся къ числу преступленій въ тѣсномъ смыслѣ слова (Verbrechen) и помѣщены среди разнообразныхъ посягательствъ на общественный порядокъ и миръ [1]). Среди проступковъ противъ общественнаго порядка и мира, между прочимъ, упоминается (§ 348) о нарушеніи постановленій о воскресномъ днѣ.

Нидерландское Уложеніе среди «преступленій противъ общественнаго порядка» предусматриваетъ, между прочимъ, слѣдующія посягательства на религіозную свободу:

1) Надругательство надъ предметами культа въ мѣстѣ и во время отправленія богослуженія (ст. 147, ч. 2).

2) Насмѣшки надъ служителемъ извѣстнаго культа во премя исполненія имъ обязанностей службы (ст. 147, ч. 1).

3) Воспрепятствованіе силою или угрозою насиліемъ дозволеннымъ публичному богослуженію, религіозному торжеству или погребальной процессіи (ст. 145).

4) Нарушеніе порядка дозволенныхъ: публичнаго богослуженія, религіознаго торжества или погребальной процессіи умышленнымъ произведеніемъ замѣшательства или шума (ст. 146) [2]).

---

[1]) Въ этомъ же отдѣлѣ (гл. 13), въ § 143, Уложеніе предусматриваетъ разныя дѣйствія надъ трупами (надругательство, похищеніе, вырываніе изъ могилъ и проч.).

[2]) Ср. переводъ Нидерландскаго Уложенія *Лицкого*, стр. 38—39; см. также *Кистяковскій*, О преступленіямъ противъ вѣры, стр. 118. Рядомъ съ указанными преступленіями Нидерландское Уложеніе предусматриваетъ (ст.

Французскій кодексъ, подъ общимъ заглавіемъ «entraves au libre éxercice des cultes», до закона 9 декабря 1905 г. объ отдѣленіи церкви отъ государства, предусматривалъ слѣдующія преступныя дѣянія:

1) оскорбленіе словами или дѣйствіями (par paroles ou gestes) предметовъ культа (les objets d'un culte) въ мѣстѣ, предназначенномъ или фактически служащемъ для отправленія этого культа (art. 262);

2) оскорбленіе словами или дѣйствіями служителя какой-либо религіи при исполненіи имъ обязанностей его званія (art. 262).

Особо предусматривалось закономъ нанесеніе побоевъ священнику при исполненіи имъ обязанностей его званія (art. 263).

Хотя въ поименованныхъ статьяхъ—262 и 263—законъ говорилъ «о культѣ» (d'un culte), однако, по толкованію французскихъ комментаторовъ (напр., Эли [1]), Гарро) [2]) эти слова закона должны быть понимаемы въ смыслѣ лишь разрѣшенныхъ исповѣданій (des cultes autorisés).

3) Art. 260 наказывалъ всякое частное лицо, которое, путемъ насилія или угрозъ, принудитъ или воспрепятствуетъ отправленію культа какого-либо изъ признанныхъ исповѣданій, принудитъ или воспрепятствуетъ присутствовать при богослуженіи такого исповѣданія, праздновать извѣстные праздники,

---

148 сл.) прегражденіе пути къ кладбищу, осквернение могилъ, разныя дѣйствія надъ трупами, поврежденіе памятниковъ и нѣкот. др.

[1]) *Helie*, Theorie, III, 274—275. Въ пользу такого толкованія онъ ссылается на общій духъ законодательства, ясно выраженный въ art. 260, гдѣ идетъ рѣчь о признанныхъ культахъ; общій принципъ закона, говоритъ онъ заключается, въ терпимости ко всѣмъ культамъ, но въ покровительствѣ лишь тѣмъ изъ нихъ, которые признаны государствомъ. Нѣкоторое подтвержденіе своего толкованія Эли находитъ и въ объясненіяхъ редакторовъ къ art. 261.

[2]) Traité, IV, стр. 352.

соблюдать извѣстные дни отдыха и, сообразно съ этимъ, открывать или закрывать свои мастерскія, лавки или магазины и выполнять или прекращать извѣстныя работы.

Слова «les cultes autorisés» должны быть толкуемы, по справедливому замѣчанію Гарро [1]), въ самомъ широкомъ смыслѣ не только признанныхъ (reconnus), но вообще разрѣшенныхъ культовъ.

4) Прерваніе. препятствованіе или задержка (retardé) отправленія культа посредствомъ смятенія или безпорядка (par des troubles ou desordres), произведенныхъ въ храмѣ или въ другомъ мѣстѣ, предназначенномъ или, по крайней мѣрѣ, фактически служащемъ для отправленія культа (art. 261) [2]).

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что по закону 1-го іюля 1901 года объ ассоціаціяхъ, ассоціаціи вообще могутъ образовываться свободно, безъ предварительнаго разрѣшенія ихъ (Art. 2) [3]). Но если ассоціація желаетъ пользоваться перечисленными въ art. 5 правами юридическаго лица (имѣть недвижимость необходимую для ея цѣли, пріобрѣсти и управлять мѣстомъ, предназначеннымъ для ея собраній и для ея правленія и нѣк. др.), она должна заявить правительству о своемъ назначеніи, о мѣстонахожде-

---

[1]) Ibid., IV, № 1415.

[2]) Не необходимо, полагаетъ Гарро (у. с. IV, 355), чтобы самыя дѣйствія, вызвавшія смятеніе или безпорядокъ, произошли въ храмѣ или вообще въ мѣстѣ отправленія культа. Le but du législateur, говоритъ онъ, ne serait pas atteint si les troubles ou désordres, causés dans l'interieur des églises demeuraient impunis, toutes les fois que les agents de ces causes de désordre seraient parvenus à les produire en se tenant personnellement à l'exterieur (Ibid.).

[3]) Этотъ законъ опредѣляетъ ассоціацію такъ: l'association est la convention par laquelle deux ou plusieurs personnes mettent en commun d'une façon permanente leurs connaissances ou leur activité dans un but autre que de partager des bénéfices (art. 1).

ніи своихъ учрежденій, объ именахъ, профессіяхъ и мѣстожительствѣ лицъ, принадлежащихъ къ ея правленію, и представить 2 экземпляра своего устава, а также (въ теченіе трехъ мѣсяцевъ) извѣщать о перемѣнахъ въ ея правленіи и уставѣ (art. 5). Ассоціаціи, преслѣдующія цѣли, противныя законамъ или добрымъ нравамъ, а также поставившія себѣ цѣлью нарушеніе цѣлости національной территоріи или разрушеніе республиканской формы правленія, считаются ничтожными и не допускаются (est nulle et de nul effet. art. 3). Основатели, директора, вообще стоящія во главѣ такой ассоціаціи лица подлежатъ извѣстной отвѣтственности; подлежатъ отвѣтственности, хотя и меньшей, и члены такой ассоціаціи (art. 8). Что же касается религіозныхъ конгрегацій, то таковыя разрѣшаются лишь законодательнымъ порядкомъ съ указаніемъ условій ихъ дѣятельности (art. 13) [1]). Toute congregation formée sans autorisation sera déclarée illicite (art. 16).

Съ изложенными выше постановленіями о религіозныхъ преступленіяхъ французскаго кодекса въ главномъ сходны постановленія кодекса бельгійскаго (art. 142 s).

Новый французскій законъ 9—11 декабря 1905 г. объ отдѣленіи церкви отъ государства отмѣнилъ art 260—264 du code pénal. Уничтожено и прежнее подраздѣленіе культовъ. Изъ предусматривавшихся ранѣе этотъ законъ сохраняетъ, съ нѣкоторыми измѣненіями въ обрисовкѣ, слѣдующіе религіозные деликты: 1) принужденіе кого-либо—дѣйствіями, насиліемъ надъ

---

[1]) Порядокъ полученія конгрегаціями разрѣшенія опредѣляется декретомъ 16-го августа 1901 г. (ст. 16). Текстъ декрета вмѣстѣ съ текстомъ закона 1-го іюля 1901 г. см. въ Journal du ministère public et du droit criminel. 1901, Octobre—Novembre, p. 326 s.; 332 s.

личностью, угрозами, внушеніемъ боязни потерять мѣсто или нанести какой-либо вредъ себѣ, своей семьѣ или своему состоянію (sa fortune),—отправлять какой-либо культъ или воздержаться отъ этого, принимать участіе въ какой-либо вѣроисповѣдной ассоціаціи или выйти изъ послѣдней, участвовать или не участвовать въ расходахъ по содержанію какого-либо культа (art 31); 2) препятствованіе, задержка (refardé) или прерваніе отправленія какого-либо культа посредствомъ смятенія или безпорядка (par des troubles ou dèsord res), произведенныхъ въ мѣстѣ отправленія этого культа (art 32). Законъ 1 іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ и конгрегаціяхъ оставленъ закономъ 9 декабря 1905 г. въ силѣ, но дополненъ нѣкоторыми новыми постановленіями (art 18 сл.) [1]).

Итальянское Уложеніе 1890 года помѣщаетъ религіозныя преступленія (подъ заглавіемъ: dei Delitti contro la libertà dei culti) среди преступленій противъ свободы, непосредственно за посягательствами на политическую свободу. Оно предусматриваетъ:

1) Воспрепятствованіе или прерваніе,—съ цѣлью оскорбить какой-либо изъ допущенныхъ въ государствѣ культовъ,—религіозныхъ дѣйствій (funzioni) или церемоніи. Необходимыми условіями этого преступленія являются: 1) намѣреніе воспрепятствовать или прервать богомоленіе, 2) цѣль оскорбить извѣстное исповѣданіе, 3) фактъ воспрепятствованія или прерванія [2]). Если дѣяніе сопровождалось насиліемъ, угрозами или оскорбленіями (contumelia), оно наказывается строже по 2 ч. ст. 140.

---

[1]) Еще раньше законъ 1 іюля 1901 г. былъ дополненъ нѣсколькими законами (4 декабря 1902 г. 7 іюля 1904 г. и нѣк. др.). Текстъ закона 9—11 дек. 1905 г. см. у *Dalloz*, Iurisprudence générale. 1905. 21-e Cahier, appendice a la quatrieme partie.

[2]) Ср. *Puglia*, Manuale teorico-pratico di Diritto penale. II, 59.

2) Публичное, съ намѣреніемъ оскорбить какое-либо изъ допущенныхъ въ государствѣ исповѣданій, выраженіе презрѣнія къ лицу, его исповѣдующему (art. 141).

3) поврежденіе, разрушеніе или иное выраженіе неуваженія къ предметамъ, предназначеннымъ для культа (destinate al culto), совершенное въ публичномъ мѣстѣ, изъ презрѣнія къ допущенному въ государствѣ исповѣданію, а также выраженіе презрѣнія или насиліе надъ служителемъ подобнаго исповѣданія (art. 142) [1]).

4) Разрушеніе или обезображеніе монументовъ. статуй, надписей, гробницъ и тому подобныхъ предметовъ, находящихся въ мѣстахъ, предназначенныхъ для отправленія культа, или на кладбищѣ.

5) Затѣмъ, въ послѣдней (144) статьѣ главы, посвященной религіознымъ преступленіямъ, предусматриваются разные случаи надругательства надъ трупомъ или его пепломъ, похищеніе трупа или его части и др., а также поврежденіе могилъ. Но останавливаться на подробностяхъ этой статьи для насъ не представляетъ интереса.

Къ сказанному о религіозныхъ преступленіяхъ по итальянскому Уложенію не лишнее добавить, что по 1 ст. основного статута итальянскаго королевства римско-католическая религія является единственной государственной религіей; остальныя, въ настоящее время существующія вѣроисповѣданія, терпимы [2]).

---

[1]) Для состава этого постѣдняго преступленія, какъ на это указывалъ и кассаціонный судъ, законъ не требуетъ, чтобы насиліе надъ священнослужителемъ или неуваженіе къ нему имѣли мѣсто во время или по поводу исполненія имъ обязанностей его званія. См. *Puglia*, у. с. II, 61.

[2]) *Геффкенъ и Нольде.* Современныя конституціи I, 265; *Новикъ*, у. с. стр. 360.

Всѣмъ приведеннымъ выше кодексамъ обще, между прочимъ, то, что они не предусматриваютъ въ числѣ религіозныхъ преступленій богохуленія. То же самое встрѣчаемъ мы и въ нѣкоторыхъ другихъ законодательствахъ, напр. въ кодексѣ Нью-Іорка 1881 г.[1])

Но существуютъ и законодательства, въ которыхъ нѣтъ этого пробѣла и въ ряду религіозныхъ преступленій предусматривается, между прочимъ, и богохуленіе (Gotteslasterung). Къ числу такихъ кодексовъ принадлежатъ, прежде всего, венгерскій и германскій [2]). Венгерскій кодексъ (1879 г.) подъ рубрикой

---

[1]) См. нѣмецкій переводъ этого кодекса въ Zeitschrift fur d. ges. Strafrechts-Wissenschaft. 1884. Beilage. Стр. 53 сл.

[2]) Богохуленіе предусматривается и нѣкоторыми швейцарскими законодательствами (Graubünden, Luzern, Obwalden, Schwyz, Basselland). Существенными признаками этого преступленія въ нихъ считаются умышленность и публичность поношенія и произведеніе соблазна. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ (Luzern, Obwalden) рядомъ съ богохуленіемъ предусматривается еще надругательство изъ презрѣнія или ненависти къ религіи надъ просфорой. Далѣе, многія законодательства предусматриваютъ поношеніе или выраженіе презрѣнія къ ученіямъ, учрежденіямъ и обрядамъ религіозныхъ обществъ, а также къ предметамъ ихъ религіознаго почитанія. Въ обрисовкѣ этихъ дѣяній между отдѣльными законодательствами наблюдается цѣлый рядъ различій. Нѣкоторыя законодательства (напр. Freiburg, Basselland) предусматриваютъ вообще поношеніе религіозныхъ обществъ какъ отдѣльный деликтъ. Затѣмъ, предусматривается прерваніе и нарушеніе богослуженія, при чемъ одни законодательства (напр. Wallis, Luzern) говорятъ о богослуженіи безъ особыхъ ограниченій, другія (напр. Woodt, Schaffhausen, Bern)—о публичномъ богослуженіи, третьи (напр. Graubünden, St. Gallen)—о богослуженіи признанныхъ государствомъ исповѣданій, четвертые (напр. Zurich, Solothurn)—о богослуженіи терпимыхъ въ государствѣ вѣроисповѣданій. Въ законодательствѣ Graubunden'a предусматривается основаніе и привлеченіе членовъ къ сектѣ противной нравственности и общественному спокойствію, а также участіе въ такой сектѣ. Весьма интересное постановленіе, ограничивающее пропаганду, встрѣчаемъ въ законодательствѣ Neuenburg'a: Les actes de prosélytisme religieux, exercés par des tiers contre la volonté du chef de famille envers ses enfants, ses pupilles, ses commensaux, agés de moins de

«преступленій и проступковъ противъ религіи и свободы исповѣданія религіи» предусматриваетъ слѣдующія дѣянія:

1) произведеніе общественнаго соблазна относящимися къ Богу оскорбительными, публично произнесенными словами, распространенными или публично выставленными сочиненіями или изображеніями (ст. 190; 171) [1]);

---

16 ans, seront punis d'une amende n'excédant pas 1000 francs. La poursuite n'a lieu que sur la plainte du chef de famille (Stooss D. Grundzuge. II, стр. 193).

Кромѣ перечисленныхъ дѣяній, въ нѣкоторыхъ законодательствахъ предусматриваются разныя оскорбительныя и насильственныя дѣйствія надъ священнослужителями, разныя безчинства въ мѣстахъ, предназначенныхъ для отправленія богослуженія и надъ предметами, употребляемыми при богослуженіи, а также надъ трупами. Постановленія законодательствъ относительно этихъ дѣяній такъ же, какъ и относительно прочихъ, отличаются довольно значительной пестротой.

О постановленіяхъ швейцарскихъ законодательствъ см. подробныя данныя у *Stooss*'а, Die schweizerischen Strafgesetzbucher, стр. 413—419; также его Grnndzüge des schweizerischen Strafrechts II, 184—194; *Muller*, D. Religionsverbrechen im Entwurfe zu einem schweiz. Strafgesetzbuche. Schweizerische Zeitschrift fur Strafrecht. 1904. 1 und 2 Heft, s. 12 f.; Villiger, у. с. стр. 19 л.

Проектъ общешвейцарскаго Уложенія не предусматриваетъ богохуленія. См. Schweizerisches Strafrecht. Verhandlungen der Expertkommission uber d. Vorentwurf zu einem schweizerischen Stratgesetzbuch II, 33—39; *Muller*, ук. ст. стр. 17 сл.; *Stooss*, D. Religionsdelikte im schweizerischen Strafgesetzentwurf. Schweizerische Zeitschrift fùr Strafrecht. 1904, 3 Heft, s. 163 f.

Проектъ предусматриваетъ: умышленное препятствованіе или прерваніе богослуженія или какихъ-либо богослужебныхъ дѣйствій и надругательство надъ предметомъ, предназначеннымъ для богослуженія или какихъ-либо богослужебныхъ дѣйствій во время, когда этотъ предметъ выполнялъ свое назначеніе или въ мѣстѣ этого выполненія. Art. 102 проекта охраняетъ еще трупы и гробницы. См. Schweizerisches Strafrecht. Verhandlungen etc. II, стр. 570; также указанныя статьи Muller'а и Stoss'а.

[1]) См. французскій переводъ венгерскаго кодекса Martinet et Dareste. Paris. 1885, стр. 83.

2) препятствованіе или прерваніе путемъ насилія (par violence) отправленія культа какой-либо признанной въ государствѣ религіи (ст. 190). Къ признаннымъ въ Венгріи относятся: римско-католическая, православная (греко-восточная), евангелическо-лютеранская, кальвинистская и іудейская.

Въ обоихъ приведенныхъ выше случаяхъ (sub 1 и 2) наказуемо и покушеніе.

3) Учиненіе производящаго публичный соблазнъ безчинства въ мѣстѣ, предназначенномъ для отправленія культа какой-либо изъ признанныхъ въ государствѣ религій, а также

4) надругательство способными произвести соблазнъ словами или дѣйствіями надъ объектомъ культа или надъ объектомъ, предназначеннымъ для употребленія при богослуженіи, въ мѣстѣ предназначенномъ для богослуженія или, хотя бы и внѣ его, но во время богомоленія (ст. 191).

5) Публичное оскорбленіе словами, дѣйствіями или угрозами, а также насильственныя дѣйствія надъ священнослужителемъ признаннаго государствомъ исповѣданія во время совершенія имъ богослуженія (ст. 199).

Кромѣ того, въ числѣ нарушеній предусматриваются: 1) глумленіе надъ предметомъ религіознаго почитанія какого-либо признаннаго въ государствѣ исповѣданія, не въ мѣстѣ отправленія культа и не во время такового (Code penal hongrois des contraventions, art 51); 2) совращеніе недостигшаго 18 лѣтъ въ какое-либо религіозное ученіе (art 53). Согласно закону 1868 г. лица, достигшія 18 лѣтъ, а женщины и раньше, если онѣ вышли замужъ, свободны перемѣнить свою религію [1]). 3) Нарушеніе постановленій закона 1868 г. относительно воскреснаго дня и празд-

[1]) См. Martinet et Dareste, Code pénal hongrois, стр. 184, прим.

никовъ [1]); 4) препятствованіе насиліемъ или угрозами погребенію покойника (art 54).

Германское Уложеніе посвящаетъ разсматриваемымъ преступленіямъ 11-е отдѣленіе второй части, состоящее всего изъ трехъ параграфовъ (§§ 166—168), и озаглавленное такъ: «проступки, относящіеся къ области религіи» (Vergehen, welche sich auf die Religion beziehen).

Первое мѣсто среди этихъ проступковъ занимаетъ *богохуленіе* (Gotteslästerung), подъ которымъ Уложеніе разумѣетъ публичное, соединенное съ соблазномъ поношеніе Бога (§ 166). Законъ говоритъ о данномъ преступленіи всего въ двухъ строкахъ, повидимому вполнѣ ясныхъ, однако на самомъ дѣлѣ вызывающихъ оживленные споры и разногласія среди комментаторовъ. Прежде всего вызываетъ сомнѣніе, въ какомъ смыслѣ употреблено въ § 166 слово «Богъ». Одни полагаютъ, что законъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду не то понятіе о Богѣ, которое признается въ какомъ-либо отдѣльномъ религіозномъ ученіи, а то представленіе о Немъ, которое принадлежитъ всѣмъ монотеистическимъ религіямъ и лежитъ въ ихъ основѣ. Такое толкованіе защищаютъ напр. Binding [2]), Kohler [3]), H. Meyer [4]), Hälschner [5]), Merkel [6]), Villnow [7]) и др. Другіе, какъ напр. Liszt [8]),

---

[1]) См. у Martinet et Dareste, ibid.

[2]) Grundriss II, 82.

[3]) Studien aus d. Strafrecht I. 165 f.

[4]) Lehrbuch d. d. Strafrechts (1895) s. 754.

[5]) D. gem. d. Strafrecht II, 704.

[6]) Lehrbuch d. d. Strafrechts, s. 371.

[7]) Vergehen, welche sich auf die Religion beziehen. Gerichtssaal Bd. XXXI (1879), стр, 527 сл.

[8]) Lehrbuch II, 398.

Geyer [1]), Blumensath [2]), Meves [3]), Frank [4]), Schütze [5]), Wach [6]), полагаютъ, что подъ Богомъ въ § 166 разумѣется то представленіе о Богѣ, которое существуетъ у того или иного изъ признанныхъ религіозныхъ обществъ [7]), а не общая монотеистическимъ религіямъ идея личнаго Бога. Этого взгляда держится и Reichsgericht (рѣш. 3 марта 1882 г.) [8]). Сторонники разсматриваемаго толкованія признаютъ, что, напр., и поношеніе І. Христа или Св. Духа подойдетъ подъ понятіе богохуленія [9]). Представители же перваго взгляда или совсѣмъ не считаютъ поношеніе Христа богохуленіемъ на томъ основаніи, что вѣра въ Христа, какъ Богочеловѣка, не принадлежитъ къ сущности монотеизма (напримѣръ, Биндингъ [10]) и др.), или дѣлаютъ въ данномъ случаѣ разныя оговорки, призна-

[1]) Grundriss II, 90.

[2]) D. Religion und ihr strafrechtlicher Schutz nach deutschem Reichsrecht, стр. 11.

[3]) D. Reichsstrafgesetzbuch in seinem Verhältniss zur Religion. Gerichtssaal. Bd. XXVII (1875), стр. 333 сл.

[4]) D. Strafgesetzbuch, § 166, прим. 1 (стр. 226).

[5]) Lehrbuch d. d. Strafrechts, стр. 345.

[6]) Wach, D. Bechimpfung von Religionsgesellschaffen. Deutsche Zeitschrift fur Kirchenrecht. 1892, стр. 169.

[7]) При этомъ спорно, слѣдуетъ ли въ данномъ случаѣ имѣть въ виду всякія религіозныя общества, какъ пользующіяся корпоративными правами, такъ и ими не пользующіяся, какъ полагаетъ Листъ (Lehrbnch II, 414), или лишь первыя, какъ это полагаетъ большинство сторонниковъ даннаго взгляда. Точка зрѣнія Листа болѣе правильна, такъ какъ вноситъ это ограниченіе, упоминаемое закономъ лишь во второй части § 166, въ первую часть закона нѣтъ основаній. См. также *Meves* D. Reichsstrafgesetzbuch in seinem Verhältniss zur Religion. Gerichtssaal 1875, стр. 334.

[8]) *Frank*, у. с. стр. 226; *Kohler*, у. с. стр. 167, прим.

[9]) Этотъ взглядъ признанъ и Reichsgericht'омъ въ рѣшеніи 13 декабря 1879 г. См. Frank у. с. стр. 226.

[10]) Binding, Grundriss II, 82.

вая такое поношеніе богохуленіемъ лишь при извѣстныхъ условіяхъ; такъ, напр., Колеръ признаетъ, что поношеніе Христа, какъ сына Божія, составляетъ богохуленіе, поношеніе же, имѣющее предметомъ историческую личность Христа (die historische Personlichkeit Christi), не можетъ считаться богохуленіемъ въ смыслѣ § 166 Уложенія [1]).

Изъ изложенныхъ выше толкованій болѣе правильнымъ мнѣ представляется второе, признающее предметомъ богохуленія не общую идею Бога, а Бога въ смыслѣ какого-либо отдѣльнаго вѣроученія. Противъ перваго толкованія, на мой взглядъ, говоритъ невозможность установить такое отчетливое представленіе о Богѣ, которое было бы общимъ всѣмъ монотеистическимъ религіямъ. Съ другой стороны, разсматриваемое толкованіе приводитъ, какъ показано, къ довольно странному выводу, что поношеніе Христа не составляетъ богохуленія, или къ тому неопредѣленному подраздѣленію случаевъ поношенія Христа, которое выставлено Колеромъ. Нѣкоторые криминасты, впрочемъ, полагаютъ, что разногласіе нѣмецкихъ комментаторовъ въ данномъ пунктѣ лишено практическаго значенія, такъ какъ въ одномъ параграфѣ съ богохуленіемъ германское Уложеніе предусматриваетъ и тѣмъ же наказаніемъ (тюремное заключеніе до 3-хъ лѣтъ) облагаетъ поношеніе христіанскихъ церквей или иныхъ религіозныхъ обществъ, пользующихся корпоративными правами, ихъ учрежденій или обрядовъ; подъ эту вторую часть § 166 и можетъ быть подведено поношеніе Христа тѣми, кто ограничиваетъ понятіе богохуленія поношеніемъ общей монотеистическимъ религіямъ идеи Бога [2]).

---

[1]) Studien I, 167.

[2]) См., напр., *Kohler*, у. с. I, 180. *Villnow*, у. ст. стр. 534.

По содержанію своему богохуленіе состоитъ въ поношеніи, in beschimpfenden Aeusserungen, т. е. въ грубо выраженномъ неуваженіи. въ выраженіяхъ грубыхъ по формѣ и оскорбительныхъ, ругательныхъ по содержанію. Легкая насмѣшка, иронія. не въ поносительныхъ выраженіяхъ заявленное порицаніе или отрицаніе не подходятъ поэтому подъ понятіе богохуленія [1]). Способы совершенія даннаго преступленія могутъ быть различны: слово, письмо, изображеніе [2])

---

[1]) Понятія Lästerung и Beschimpfung различно опредѣляются криминалистами. По мнѣнію *Колера*, напримѣръ, eine Gotteslästerung in beschimpfenden Ausdrucken liegt nur dann vor, wenn sich der Thäter solcher Ausdrucke bedient, welche die Gottesidee ausserhalb der Sphäre des philosophischen Ideenkreises stellen und in das Gebiet der unwürdigen Trivialität herabziehen. Der Staub des Trivialen ist es, welcher von jeden Aeusserung uber die Gottheit fern bleiben soll. Studien I, 168.

Binding говоритъ: lästern heisst ubel reden, insbesondere in schmächender Weise Gottes Vollkommenheit verkleinern. Grundriss II, 82. Ср. *Listz*, Lehrbuch II, стр. 398; *Meves*, Gerichtssaal, стр. 335—336; *Hadger*, Beiträge zur Lehre von den Religionsvergehen, стр. 21; *H. Meyer*, Lehrbuch, 755 (Unter Beschimpfung ferner wird eine gröbere Art der Beleidigung verstanden...); *Merkel*, Lehrbuch, 372; *Geyer*, Grundriss II, 90; *Frank*, Strafgesetzbuch, 226; *Villnow*, Gerichtssaal, 530. Послѣдній на стр. 529 говоритъ: Lästern ist eine Aeusserung, welche die Gottlosigkeit, also das Aufhoren der Frommigkeit zum Ausdzuck bringt. Ibid., стр. 530: Beschimpfen ist also nicht dasselbe, wie tadeln; denn was man tadelt, hat doch noch immer einen Werth. Was man aber wegwirft oder beschimpft, d. h. wenn das Wegwerfen in Worten also im ubertragenen Sinn geschiegt, das wird fur gar nichts gehalten.

Wach говоритъ: Ein objektives Merkmal, nach welchem das Beschimpfende vom nicht Beschimpfenden geschiehen werden könnte, ist unerfindlich. Die Gesinnung, der Wille herabzuwürdigen, schnode Verrachtung zu bezeigen, das, was anderen hoch und heilig ist, ins Gemeine herabzuziehen, druckt der Aeusserung den Stempel der Beschimpfung auf. У. ст. стр. 171. См. также понятіе Beschimpfung *Stenglein*, Lexikon d. deutschen Strafrechts, (1900), стр. 328; 333.

[2]) Такъ думаютъ, напр., *Berner* Lehrbuch, стр. 442; *Meves*, у. с. стр. 336; *Kohler*, Studien I, 169; *Wahlberg*, Holtzendorff's Handbuch d. deutschen

Существенными признаками богохуленія являются, далѣе, публичность, умышленность и причиненіе соблазна. Для богохуленія на письмѣ необходимо не только составленіе богохульнаго письма, но и его распространеніе [1]).

Подъ публичностью разумѣется совершеніе дѣянія въ такомъ мѣстѣ, доступъ въ которое былъ для третьихъ лицъ свободенъ, вообще въ такой обстановкѣ, при которой это дѣяніе могло быть воспринято неопредѣленнымъ числомъ людей, а не только извѣстными лицами, стоящими въ тѣхъ или иныхъ личныхъ отношеніямъ къ совершающему [2]). Дѣяніе является публичнымъ, хотя бы оно было совершено въ присутствіи лишь одного лица, если оно совершено при такой обстановкѣ, что къ этому единственному зрителю могло присоединиться неопредѣленное число другихъ лицъ. Существеннымъ признакомъ богохуленія является, далѣе, причиненіе соблазна; требуется не простая возможность соблазна, способность дѣянія его причинить, а дѣйствительное причиненіе соблазна, какъ это прямо выражено въ законѣ (... ein Aergerniss gibt...) [3]).

Strafrechts III, 267. Нѣкоторые нѣмецкіе криминалисты полагаютъ, что способами дѣйствія при богохуленіи могутъ быть только слово и письмо, а не изображенія и символическія дѣйствія. Frank, Strafgesetzbuch, стр. 226. Liszt, Lehrbuch II, 398. Но какихъ-либо убѣдительныхъ соображеній въ пользу такого толкованія никто изъ этихъ писателей не выставилъ.

[1]) *Wahlberg*, Holtzendorff's Handbuch d. d. Strafrechts, III, 267.

[2]) Ср. напр. *Листъ*, Lehrbuch II, 398; 383; *H. Meyer*, Lehrbuch, стр. 755, 747; *Binding* (Grundriss II, 73) подъ публичностью разумѣетъ совершеніе дѣянія при условіяхъ, когда оно могло быть воспринято не только индивидуально опредѣленными лицами (individuell bestimmter Personen).

[3]) Нѣкоторые криминалисты, напр. *Wahlberg* (Holltzendorff's Handbuch, III, 266) полагаютъ, что для состава богохуленія достаточно, чтобы дѣяніе виновнаго *было способно* причинить соблазнъ, хотя бы послѣдняго на самомъ

II. Вторымъ религіознымъ проступкомъ, по германскому уложенію, является публичное поношеніе какой-либо христіанской церкви или другого религіознаго общества, пользующаго въ Германіи корпоративными правами, поношеніе этихъ церквей или обществъ, какъ таковыхъ, или ихъ учрежденій и обрядовъ. Подъ христіанскими церквами законъ, какъ прямо видно изъ его текста [1]), разумѣетъ всѣ исторически сложившіяся христіанскія вѣроисповѣданія, а не только тѣ, которыя пользуются въ Германіи корпоративными правами, какъ это полагаютъ Листъ [2]), Meves [3]), Haager [4]), Wahlberg [5]), Frank [6]) и др.[7]). Иначе, какъ вѣрно замѣтилъ Villnow [8]), закону не зачѣмъ было бы упоминать о христіанскихъ церквахъ, достаточно было бы упомянуть объ однихъ религіозныхъ обществахъ, пользующихся корпоративными правами [9]).

Кромѣ христіанскихъ церквей, законъ охраняетъ и другія религіозныя общества, но лишь пользующіяся

дѣлѣ не причинило. Но такой взглядъ противорѣчитъ прямому смыслу закона. Большинство криминалистовъ и Reichsgericht требуютъ наличности дѣйствительнаго соблазна. См. *Frank*, Strafgesetzbuch. стр. 226.

[1]) ...wer offentlich eine der christlichen Kirchen oder eine andere mit Korporationsrechten innerhalb des Bundesgebietes bestehende Religionsgesellschaft... beschimpft... § 166.

[2]) Lerbuch, II, 398 и прим. 4.

[3]) Die Reichsstrafgesetzbuch in seinem Verhältniss zur Religion. Gerichtssaal 1875, стр. 345.

[4]) Beitrag zur Lehre von den Religions-vergehen, стр. 20.

[5]) Holtzendorff's Handbuch d. d. Strafrechts III, 267—268.

[6]) У. с. стр. 226.

[7]) Сторонники этого толкованія утверждаютъ, что англиканская и грекокаѳолическая церкви, какъ не пользующіяся корпоративными правами, не пользуются и особой охраной.

[8]) Ibid, стр. 529.

[9]) Ср. Kohler, Studien I, 173, 174.

въ Германіи корпоративными правами. Для пріобрѣтенія корпоративныхъ правъ общества должны представить правительству свѣдѣнія о своихъ цѣляхъ, устройствѣ, членахъ и имуществѣ и быть признаны государственной властью [1]). Религіозныя общества, не пользующіяся корпоративными правами, не пользуются и особой охраной закона, какъ религіозныя общества, а въ случаяхъ оскорбленій охраняются лишь общими постановленіями объ обидахъ.

Предметомъ разсматриваемаго преступленія явля-

---

[1]) Порядокъ пріобрѣтенія корпоративныхъ правъ нѣсколько различенъ въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ; въ Пруссіи, напр., эти права могутъ быть пріобрѣтены лишь законодательнымъ порядкомъ (см. § 13 Прусской конституціи. Гессенъ и Нольде, у. с. стр. 392). Общества, обладающія корпоративными правами. кромѣ особой уголовной охраны, пользуются еще цѣлымъ рядомъ другихъ правъ, которыми не обладаютъ остальныя общества. См. объ этомъ: *Hinschius,* у. с., стр. 359 сл.; *Kahl,* Lehrsystem, стр. 329 сл.; *Бердниковъ.* Новое государство въ его отношеніи къ религіи (2 изд. 1904). стр. 29 сл.; также *Zorn* въ Stengel's, Wörterbuch des deutschen Verwaltungsrechts. Religionsgesellschaften. Bd. II, 376 f. Образованіе религіозныхъ союзовъ въ Германіи свободно; лишь въ Саксоніи и въ Баваріи требуется предварительное разрѣшеніе правительства (*Бердниковъ*, у. с. стр. 28; *Kahl,* у. с. стр. 343, 345; *Stengel's*, Wörterbuch. II, стр. 377; текстъ саксонскаго закона 20 іюня 1870 г. см. у *Fürstenau,* у. с, стр. 339). Но возникшій такимъ образомъ религіозный союзъ не имѣетъ правъ юридическаго лица; для того, чтобы пріобрѣсти гражданскую правоспособность юридическаго лица, онъ долженъ обратиться къ правительству. Порядокъ, которымъ получаются права юридическаго лица въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ территоріяхъ различенъ. При этомъ признанія отъ правительства можетъ ждать лишь такое религіозное общество, которое не заключаетъ въ себѣ ничего, противорѣчащаго чувству благоговѣнія къ Богу, повиновенію законамъ государства и нравственности, какъ указываетъ, напр., саксонскій законъ 20 іюня 1870 г,, ничего противнаго требованіямъ нравственности и законамъ страны, а также никакой тенденціи нарушать политическія, гражданскія и религіозныя права другихъ религіозныхъ обществъ, какъ указываютъ законы Гессенскій 23 апр. 1875 г., Баденскій 3 окт. 1860 г., Виртембергскій 9 апр. 1872 г. См. Бердниковъ, у. с. стр. 29 (тексты упомянутыхъ законовъ см. у Fürstenau, у. с. стр. 337, 338, 339, 342).

ются, далѣе, *учрежденія* (Einrichtungen) и *обряды* (Gebräuche)), отъ которыхъ надо отличать ученія и предметы почитанія [1]). Поношеніе этихъ послѣднихъ, по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ комментаторовъ, можетъ, впрочемъ, разсматриваться какъ косвенное оскорбленіе церкви [2]). Судебная практика относитъ къ такимъ оскорбленіямъ, напр., поношеніе библіи, десяти заповѣдей, символа вѣры и т. п.

По содержанію своему данное преступленіе заключается въ *умышленномъ поношеніи;* легкой насмѣшки или ироніи недостаточно [3]). Особаго намѣренія оскорбить не требуется; достаточно сознанія оскорбительности произносимыхъ словъ или совершаемыхъ дѣйствій.

III. Третій религіозный проступокъ — осквернеіе церкви или другого мѣста религіозныхъ собраній какимъ-либо поносительнымъ безчинствомъ (beschimpfende Unfug). Для состава этого преступленія необходимо, чтобы мѣсто было *предназначено* для религіозныхъ собраній, но не необходимо, чтобы оно предназначалось именно для богослуженія, и недостаточно, чтобы оно лишь фактически въ данномъ случаѣ было мѣстомъ религіознаго собранія [4]). Безчинство должно

---

[1]) Въ проектѣ германскаго уложенія рядомъ со словами „учрежденія“ и „обряды“, были поставлены также слова: *ученія* и *предметы почитанія,* но при окончательномъ обсужденіи проекта въ рейхстагѣ они были вычеркнуты изъ опасенія, чтобы такимъ образомъ не были слишкомъ ограничены научныя изслѣдованія и критика. См. *Wach,* Die Beschimpfung von Religionsgesellschaften, стр. 163 сл.; см. также *Meves,* у. ст. стр. 347 сл.; *Wahlberg,* Holtzendorff's Hanbuch d. d. Strafrechts. III, 268.

[2]) См. напр. Листъ, Lehrbuch, II, стр. 399.

[3]) Въ законѣ употреблено слово „beschimpft“, смыслъ котораго былъ уже указанъ выше.

[4]) *Liszt,* Lehrbuch, II, 399; *Stenglein,* Lexikon I, 329; *Villnow,* у. ст, стр. 536 сл.; *Frank,* у. с. стр. 228.

быть совершено умышленно, т. е. съ сознаніемъ оскорбительности его для религіознаго чувства членовъ даннаго религіознаго общества, и въ какомъ-либо огороженномъ пространствѣ (in... Orte...). Но для состава даннаго преступленія не требуется, чтобы оно было совершено публично.

Подъ понятіе поносительнаго безчинства, по словамъ Листа [1]), подходитъ всякое грубое, противорѣчащее назначенію даннаго мѣста поведеніе.

IV. Слѣдующій религіозный проступокъ есть *нарушеніе богослуженія*. Сюда относятся:

а) препятствованіе другому лицу дѣйствіями или угрозами въ отправленіи богослуженія по обрядамъ какого-либо изъ существующихъ въ государствѣ религіозныхъ обществъ. Подъ отправленіемъ богослуженія въ данномъ случаѣ разумѣется не только активное отправленіе его, активное совершеніе богослужебныхъ дѣйствій, а и пассивное участіе въ богослуженіи[2]). Принужденіе къ совершенію извѣстнаго богослуженія особо закономъ не предусматривается; оно обнимается общимъ понятіемъ преступнаго принужденія (Nötigung).

b) Умышленное прерваніе или препятствованіе богослуженію или отдѣльнымъ религіознымъ дѣйствіямъ религіозныхъ обществъ крикомъ или какимъ-либо безпорядкомъ въ церкви или иномъ мѣстѣ, предназначенномъ для религіозныхъ собраній (§ 167). Въ пер-

---

[1]) Lehrbuch II, 399. См. также *Binding*, Grundriss, II, 86; *Frank*, у. с. стр. 228. Нѣсколько иначе думаетъ *Meves*; онъ говоритъ: ... der im § 166 bedrohte, beschimpfende Unfug nur eine solche Handlung sein kann, deren Endzweck eine in beschimpfender Form auftretende Beleidigung der gesammten Religionsgesellschaft, eine Verletzung des religiösen Gefuhls sämmticher Mitglieder ohne Rucksicht auf die Person eines Einzelnen ist. У. ст. стр. 350—351.

[2]) *Frank*, у. с. стр. 229.

вомъ случаѣ деликтъ можетъ быть направленъ и противъ отдѣльнаго лица, во второмъ онъ направляется противъ общества. Подъ богослуженіемъ въ § 167 разумѣется совмѣстное богомоленіе нѣсколькихъ единовѣрцевъ по обрядамъ ихъ вѣроисповѣданія [1]).

V. Посягательства на трупы и гробницы (§ 168). Къ этому виду религіозныхъ проступковъ относятся: a) неправомѣрное изъятіе трупа изъ подъ охраны лица, имѣющаго на то право [2]); b) разрушеніе могилъ, а также c) оскверненіе могилъ оскорбительнымъ безчинствомъ.

Въ заключеніе этого очерка законодательствъ приведу вкратцѣ постановленія еще одного кодекса, болгарскаго уложенія 2 февраля 1896 г. [3]). Оно такъ же, какъ и уложенія германское и венгерское, въ числѣ религіозныхъ преступленій предусматриваетъ и богохуленіе, подъ которымъ разумѣетъ публичное, передъ собраніемъ, а также въ распространенныхъ или выставленныхъ публично изображеніяхъ или произведеніяхъ печати поношеніе Бога [4]).

Затѣмъ оно предусматриваетъ надругательство надъ предметами культа въ мѣстѣ и во время богослуженія или церковнаго торжества, уничтоженіе

---

[1]) *Frank*, у. с. стр. 228; *Stenglein*, Lexikon, I, 805; *Liszt*, Lehrbuch, II, 400.

[2]) Составъ этого проступка предполагаетъ, 1) что трупъ былъ подъ охраной извѣстнаго лица, и 2) что онъ не находился въ такомъ состояніи и условіяхъ, при которыхъ онъ входитъ уже въ имущественный оборотъ (муміи, анатомическіе препараты) и можетъ быть уже объектомъ разныхъ имущественныхъ преступленій.

[3]) Французскій переводъ этого кодекса см. у van Schwinderen, Esquise du droit pénal actuel dans les Pays-Bas et à l'etranger, T. IV. 347 s. Нѣмецкій переводъ см. Zeitschrift für die ges. Strafrechtswissenschaft XVIII (1898), приложеніе.

[4]) См. art. 204 въ связи съ 172.

этихъ предметовъ или поврежденіе ихъ съ цѣлью уничтоженія (art. 206, 1).

3) Въ той же статьѣ, въ пунктѣ 3, предусматривается публичное поношеніе какимъ-либо изъ способовъ, указанныхъ выше, когда шла рѣчь о богохуленіи, дозволеннаго въ государствѣ вѣроисповѣданія, въ мѣстѣ и во время богослуженія или церковнаго торжества.

4) Учиненіе въ мѣстѣ и во время богослуженія или религіознаго торжества публичнаго скандала непристойнымъ поведеніемъ [1]).

5) Воспрепятствованіе или прерваніе насиліемъ или угрозами отправленія культа, религіозной церемоніи или торжества (art. 205).

Всѣ указанныя выше дѣянія отнесены Уложеніемъ къ числу преступленій; какъ о преступленіяхъ, упоминаетъ оно въ art. 207 о разныхъ посягательствахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ трупы и гробницы; и ихъ оно относитъ «къ преступленіямъ противъ религіи». Среди нарушеній, — contraventions relatives au service religieux pendant le culte, — предусматриваются: нарушеніе богослуженія въ церкви, монастырѣ или молитвенномъ домѣ крикомъ и вообще непристойнымъ поведеніемъ (art. 481) и нарушеніе богослуженія, происходящаго внѣ предназначенныхъ для отправленія культа зданій, или религіозной церемоніи народными забавами или какимъ-либо безчинствомъ (art. 482).

Приведенный нами пестрый законодательный матеріалъ содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ цѣнныхъ указаній на правильную обрисовку отдѣльныхъ религіозныхъ преступленій; этими указаніями мы, конечно, и воспользуемся въ свое время. Но онъ можетъ

---

[1]) Ст. 206, п. 2.

оказать намъ мало помощи при установленіи правильнаго подраздѣленія религіозныхъ преступленій на виды. Никакого подраздѣленія, которое вполнѣ отвѣчало бы установленнымъ нами принципамъ, въ законодательствахъ нѣтъ. Далѣе, никакого подраздѣленія, которое было бы обще изложеннымъ законодательствамъ, изъ ихъ пестрыхъ постановленій извлечь также нельзя. Эти постановленія, очевидно, слагались подъ вліяніемъ соображеній частнаго характера, а не общаго принципіальнаго свойства, не путемъ послѣдовательнаго развитія какого-либо общаго руководящаго принципа. Вотъ почему въ большинствѣ случаевъ они и отличаются разрозненностью и крупными пробѣлами. Такъ, во многихъ законодательствахъ совсѣмъ не предусмотрѣны случаи даже очень грубаго поношенія объектовъ религіознаго поклоненія, хотя послѣдніе, конечно, не въ меньшей степени заслуживаютъ охраны, въ виду большой цѣнности своей для массы людей, чѣмъ многія блага, охраняемыя всѣми законодательствами. Въ другихъ законодательствахъ предусматривается богохуленіе, т.-е., поношеніе Бога, но не предусматривается поношеніе другихъ высшихъ существъ, которымъ воздается религіозное поклоненіе (напр., ангеловъ, Богоматери). А между тѣмъ въ глазахъ вѣрующихъ, по своему впечатлѣнію на послѣднихъ, эти случаи поношенія нерѣдко имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ богохуленіе. Не предусматриваются обыкновенно особо и нѣкоторые случаи принужденія, заслуживающіе, однако, уголовной кары не въ меньшей степени, чѣмъ предусмотрѣнные случаи принужденія, напр., насильственное обращеніе въ какую-либо вѣру.

Съ другой стороны, приведенныя выше постановленія захватываютъ иногда и нѣкоторыя такія дѣянія, которыя совсѣмъ не относятся къ религіознымъ

преступленіямъ и должны быть выдѣлены въ другіе отдѣлы особенной части; таковы разныя посягательства, имѣющія своимъ объектомъ трупы и гробницы. Многія законодательства говорятъ о нихъ рядомъ съ религіозными преступленіями, а нѣкоторыя, какъ напр. кодексъ германскій, прямо относятъ ихъ къ числу религіозныхъ проступковъ [1]). Но съ такимъ взглядомъ согласиться невозможно. Конечно, эти посягательства могутъ затрогивать и религіозныя вѣрованія и чувства, но затрогиваютъ ихъ далеко не всегда, да и не все, что затрогиваетъ послѣднія, составляетъ религіозное преступленіе. Оскверненіе трупа или гробницы, какое-либо надругательство надъ ними, и безотносительно къ какимъ-либо религіознымъ міросозерцаніямъ, оскорбляетъ чувство близкихъ покойнику лицъ и чувство уваженія къ человѣческой личности, хотя бы и къ ея останкамъ. Это чувство не зависитъ отъ религіозныхъ вѣрованій, оно существуетъ и у атеистовъ [2]). Въ посягательствахъ, имѣющихъ своими предметами трупы или гробницы, нельзя, поэтому, видѣть религіозныхъ преступленій.

Изъ другихъ недостатковъ, общихъ почти всѣмъ указаннымъ выше законодательствамъ, нельзя не отмѣтить еще, что спеціальная уголовная охрана является въ нихъ привилегіей лишь религіозныхъ ученій, прошедшихъ черезъ извѣстный контроль государственной власти, разрѣшенныхъ, признанныхъ или допущенныхъ государствомъ. Но это противорѣчитъ выставленнымъ нами выше принципамъ.

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія о постановленіяхъ законодательствъ по данному предмету см. у *Crusen*, Der strafrechtliche Schutz des Rechtsguts der Pietät. стр. 80 сл.; о партикулярныхъ нѣмецкихъ кодексахъ см ibid, стр. 13 сл.

[2]) Ср. *Crusen* у. с. стр. 5, 6.

Изъ сказаннаго ясно, что при отысканіи правильнаго и полнаго дѣленія религіозныхъ преступленій на виды мы можемъ извлечь себѣ въ подспорье изъ критической оцѣнки и сопоставленія изложенныхъ законодательныхъ постановленій лишь немногія полезныя указанія, и то большею частью отрицательнаго характера. Главнымъ же образомъ намъ необходимо итти путемъ независимаго отъ оцѣнки этихъ постановленій логическаго развитія выставленной выше идеи религіозной свободы.

Религіозная свобода, какъ сказано выше, есть такое состояніе религіозной жизни народа, при которомъ проявленіе религіознаго міросозерцанія каждаго въ равной мѣрѣ пользуется независимостью отъ какого-либо стѣсняющаго его принужденія, пока оно не выходитъ за указанныя выше естественныя границы. Изъ самой идеи этой свободы ясно, что нарушеніе ея можетъ носить двоякій характеръ:

1) Во-первыхъ, она нарушается всякимъ препятствованіемъ другому лицу или лицамъ осуществлять ихъ религіозную свободу, совершать или не совершать какія-либо дѣйствія, осуществляющія эту свободу и не выходящія за ея естественныя границы.

2) Во-вторыхъ, она нарушается и такими словами или дѣйствіями, которыя, хотя и не ставятъ указанныхъ препятствій религіозной свободѣ отдѣльныхъ лицъ, но представляютъ собою въ такой формѣ выраженное отрицательное отношеніе къ религіи вообще, къ какимъ-либо религіознымъ вѣрованіямъ или къ объектамъ религіознаго почитанія другихъ людей, которое противорѣчитъ требуемому идеей всеобщей и равной религіозной свободы уваженію каждымъ гражданиномъ чужихъ религіозныхъ убѣжденій. Такія оскорбленія, оставаясь безнаказанными и повторяясь

во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ разныхъ религіозныхъ партій, повлекли бы серьезное стѣсненіе свободнаго выраженія вовнѣ и обмѣна религіозныхъ воззрѣній, той свободной борьбы религіозныхъ идей, о благотворности и необходимости которой мы говорили выше.

Изъ указанныхъ двухъ разрядовъ дѣйствій, мы и постараемся теперь выбрать тѣ, которыя должны считаться преступленіями противъ религіозной свободы (религіозными преступленіями [1]). Остановлюсь сначала на посягательствахъ перваго рода.

Относительно ихъ надо замѣтить, прежде всего. слѣдующее. Дѣйствія, въ которыхъ проявляется религіозная свобода, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: 1) къ первой должны быть отнесены всѣ тѣ, въ которыхъ заключается или которыми устанавливается, въ глазахъ вѣрующихъ, какое-либо прямое отношеніе человѣка къ Богу и другимъ высшимъ существамъ, которымъ воздается поклоненіе; 2) ко второй—тѣ, посредствомъ которыхъ человѣкъ лишь входитъ въ общеніе съ другими людьми ради какихъ-либо религіозныхъ цѣлей, не становясь при этомъ въ означенное выше отношеніе къ Богу. Къ дѣйствіямъ перваго рода принадлежатъ. разныя дѣйствія, входя-

---

[1]) Послѣ всего, сказаннаго выше, ясно, что терминъ „религіозныя преступленія“ не совсѣмъ точенъ; разсматриваемыя преступленія правильнѣе было бы называть „преступленіями противъ религіозной свободы“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и будемъ часто пользоваться этимъ новымъ названіемъ, но замѣнить имъ съ самаго начала старый терминъ намъ казалось неудобнымъ, такъ какъ основанія такой замѣны могли выясниться лишь позднѣе. Не отказываясь совсѣмъ отъ стараго укоренившагося термина, мы придаемъ ему новое значеніе: подъ „религіозными преступленіями“ мы разумѣемъ „преступленія противъ религіозной свободы“, и въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ употреблять оба эти названія, не дѣлая между ними различія.

щія въ составъ богомоленія (таинства, богослуженіе, молитвы и проч.), принятіе какихъ-либо религіозныхъ вѣрованій или отреченіе отъ таковыхъ, а также разныя благочестивыя дѣйствія, которыми вѣрующій угождаетъ Богу и которыя онъ считаетъ нужнымъ совершать въ честь Божества или въ память какихъ-либо религіозныхъ событій. Всѣ эти дѣйствія для краткости могутъ быть названы религіозными въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Къ дѣйствіямъ второго рода относятся: составленіе религіознаго союза, собранія и засѣданія религіознаго общества, не представляющія собою богослуженія, собесѣдованія, проповѣди, рѣчи, написаніе и изданіе различныхъ сочиненій религіознаго содержанія и т. п. Только посягательства, касающіяся дѣйствій перваго рода, заключающіяся въ принужденіи совершить или, напротивъ, не совершать какое-либо изъ этихъ дѣйствій, могутъ считаться религіозными преступленіями. Основаніе такого ограниченія заключается въ слѣдующемъ. Только въ этихъ посягательствахъ важнѣйшимъ элементомъ является насиліе надъ религіозною совѣстью и убѣжденіями лица, нарушеніе именно религіозной свободы. Тѣ дѣйствія, которыхъ касаются эти посягательства, тѣсно связаны съ самымъ существомъ религіи, — съ тѣми отношеніями, которыя эта религія устанавливаетъ между человѣкомъ и Богомъ. У вѣрующихъ съ этими дѣйствіями соединяется или въ нихъ выражается чувство благоговѣнія, которое болѣе или менѣе тяжко оскорбляется указанными видами принужденія. И если мысленно исключить изъ этихъ посягательствъ противорѣчіе того, къ чему принуждаютъ, религіознымъ вѣрованіямъ принуждаемаго, то они превратятся или вовсе въ ненаказуемыя дѣя-

нія, или въ совершенно неважные проступки. Центръ тяжести лежитъ именно въ этомъ противорѣчіи.

Иное слѣдуетъ сказать относительно дѣйствій второго рода. Конечно, нерѣдко и съ этими дѣйствіями въ той или иной мѣрѣ связывается религіозное чувство; конечно, и принужденіе, касающееся ихъ, нарушаетъ религіозную свободу. Но оно нарушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе элементы гражданской свободы, т.-е. той свободы, которую каждый гражданинъ, какъ таковой, долженъ имѣть въ государствѣ. И это нарушеніе, въ разсматриваемыхъ посягательствахъ, имѣетъ первостепенное значеніе; напротивъ, моментъ противорѣчія того, къ чему принуждаютъ, религіознымъ вѣрованіямъ принуждаемаго играетъ уже сравнительно второстепенную роль. Если изъ этихъ посягательствъ мы выдернемъ мысленно всякую религіозную окраску, они останутся все-таки довольно тяжкими нарушеніями разныхъ правъ гражданина—свободы союзовъ и собраній, свободы устнаго и печатнаго слова и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, напр., что кому-нибудь воспрепятствовали сказать проповѣдь, или что религіозное общество, собравшееся не для богомоленія, а для обсужденія какихъ-либо церковно-хозяйственныхъ или даже богословскихъ вопросовъ, было разогнано и т. п. Всѣ эти дѣйствія, особенно если они совершены съ намѣреніемъ выразить пренебреженіе къ данному религіозному обществу, затрогиваютъ, разумѣется, религіозную свободу, но, такъ сказать, въ той ея части, которою она совпадаетъ съ другими элементами гражданской свободы. Деликтъ въ этихъ случаяхъ нарушаетъ болѣе, чѣмъ религіозную свободу, онъ нарушаетъ свободу личностей соединяться въ союзы и обсуждать на собраніяхъ разныя свои общія нужды и интересы, свободу слова

и т. д. И если отъ указанныхъ раньше посягательствъ первой группы, съ устраненіемъ изъ нихъ религіозной окраски, не остается ничего въ уголовноправовомъ смыслѣ или остается очень мало, то разсматриваемыя посягательства, съ устраненіемъ изъ нихъ религіозной окраски, сохранятъ въ неприкосновенности свои существенныя черты.

Установивъ общія границы разсматриваемой группы преступленій, перейду къ изслѣдованію отдѣльныхъ ихъ видовъ. Я расположу ихъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ расположены выше права, входящія въ составъ религіозной свободы.

1) Первое мѣсто принадлежитъ умышленному принужденію, — посредствомъ физическаго насилія или угрозы противозаконнымъ дѣяніемъ, — къ принятію, не принятію или отреченію отъ какихъ-либо религіозныхъ вѣрованій.

Подъ понятіе даннаго деликта подойдетъ и принужденіе, означенными средствами, выйти или вступить въ какой-либо религіозный союзъ, какъ скоро съ такимъ выходомъ или вступленіемъ связывается принятіе какихъ-либо религіозныхъ вѣрованій или отреченіе отъ таковыхъ. Разсматриваемый видъ принужденія представляетъ собою такое грубое отношеніе къ личности и убѣжденіямъ другого лица, что есть полное основаніе считать его преступленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Для состава этого преступленія необходимо, чтобы средствомъ принужденія были: физическое насиліе или угроза противозаконнымъ дѣяніемъ. Общее понятіе принужденія слишкомъ широко, оно захватываетъ и многіе такіе случаи, которые не заслуживаютъ записи на страницы уголовнаго кодекса. Въ широкомъ смыслѣ слова принужденіемъ можетъ считаться всякое воздѣйствіе на другого

субъекта, противное волѣ послѣдняго и направленное къ тому, чтобы побудить его что-либо совершить или, наоборотъ, чего-нибудь не совершать. Но такъ какъ государство должно возможно экономизировать свою карательную дѣятельность, упрощать задачи суда и проводить возможно отчетливыя грани между дозволеннымъ и недозволеннымъ, то оно, разумѣется, не можетъ облагать наказаніями всѣ дѣйствія, которыя обнимаются этимъ широкимъ общимъ понятіемъ. Такъ, если угрожаютъ совершеніемъ или несовершеніемъ такихъ дѣйствій, совершать которыя вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія угрожаюшаго, напр. отказомъ въ знакомствѣ, невыходомъ замужъ и т. п., то, хотя подобныя угрозы, при извѣстныхъ условіяхъ, являются безнравственными и могутъ производить даже болѣе сильное давленіе на психику угрожаемаго, чѣмъ угрозы какими-либо преступленіями, онѣ не могутъ считаться преступными. Разъ субъектъ въ правѣ совершать или не совершать что-либо по своему усмотрѣнію, онъ не можетъ быть наказуемъ за принужденіе угрозою тѣмъ, что онъ поступитъ при извѣстныхъ условіяхъ такъ, а не иначе, если только такими угрозами другой не опредѣляется умышленно къ какому-либо преступленію, и эти угрозы не составляютъ, такимъ образомъ, подстрекательства. Но такъ какъ въ разсматриваемомъ случаѣ то, что совершаетъ принуждаемый,—выходъ или вступленіе въ религіозный союзъ, принятіе или отреченіе отъ извѣстныхъ вѣрованій и т. п.,—не есть преступленіе, то и принужденіе къ этому посредствомъ означенныхъ угрозъ не наказуемо.

Далѣе, для состава разсматриваемаго преступленія необходимо, чтобы угроза была: 1) умышленной, т.-е. угрожающій долженъ дѣйствовать съ умысломъ вы-

звать у угрожаемаго опасеніе, что угроза будетъ осуществлена; 2) серьезной, т.-е., способной вызвать у угрожаемаго опасеніе ея осуществимости; 3) наконецъ, она должна заключать въ себѣ указаніе на опредѣленное и значительное, въ глазахъ угрожаемаго, зло, имѣющее послѣдовать въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Только при подобныхъ условіяхъ государство можетъ видѣть въ угрозѣ такое серьезное психическое воздѣйствіе на другое лицо, съ которымъ есть достаточное основаніе бороться посредствомъ уголовной кары. Особо оговаривать въ законѣ признаки серьезности угрозы, опредѣленности и значительности того зла, которымъ угрожаютъ.— нѣтъ надобности, такъ какъ эти признаки мыслятся уже въ понятіи *принужденія* посредствомъ угрозы.

2) Къ разсмотрѣнному преступленію тѣсно примыкаетъ другой видъ нарушенія религіозной свободы, представляющій нарушеніе границъ допустимой пропаганды религіозныхъ вѣрованій, — совращеніе въ какое-либо религіозное ученіе лицъ, не достигшихъ возраста религіознаго самоопредѣленія и воспитываемыхъ въ иной вѣрѣ. Хотя государству нѣтъ основаній карать вообще совращеніе въ какое-либо міросозерцаніе, однако для случаевъ совращенія въ религіозное ученіе подростковъ, воспитываемыхъ въ иной вѣрѣ, оно должно установить исключеніе въ виду того особаго горячаго чувства, которое соединяется съ религіозными вѣрованіями. Религія обнимаетъ не только здѣшнюю, но и признаваемую ею обыкновенно, вѣчную, будущую жизнь людей. Съ исповѣданіемъ правой или неправой вѣры, въ глазахъ вѣрующихъ, связывается обыкновенно различная судьба человѣка за гробомъ; отсюда страстное желаніе отвлечь отъ неправой вѣры и отчаяніе, когда близкій человѣкъ впадетъ въ нежелательное,

еретическое ученіе. Религія. быть можетъ, сильнѣе чѣмъ что-либо можетъ связывать людей, но она также глубоко и рѣзко можетъ ихъ разъединять. Переходъ ребенка въ другую вѣру, вопреки волѣ родителей. легко можетъ породить сильное отчужденіе между нимъ и родителями. создать для него тяжкое положеніе въ семьѣ. Государство должно охранить семью отъ такого опаснаго вторженія въ нее.

Совращеніе представляется серьезнымъ нарушеніемъ религіозной свободы тѣхъ лицъ, которые по праву руководятъ воспитаніемъ и духовною жизнью даннаго юнаго субъекта. Слѣдуетъ, однако, различать, совершено ли оно съ сознаніемъ того, что переходъ малолѣтняго въ иную вѣру вызоветъ разладъ въ семьѣ и разрушитъ прежнія отношенія между нимъ и родителями. Если оно совершено съ этимъ сознаніемъ или прямо даже съ намѣреніемъ вызвать такой разладъ, то оно должно считаться преступленіемъ. Если же оно совершено безъ такого сознанія, то врядъ ли есть основаніе считать его преступленіемъ. а не проступкомъ. Уваженіе къ личности и религіозной свободѣ другого лица не такъ еще развито въ современномъ обществѣ, чтобы простое нарушеніе ея этимъ дѣяніемъ, не осложненное указаннымъ сознаніемъ, могло свидѣтельствовать о нравственной грубости, низшей, чѣмъ средній нравственный уровень.

Само собою разумѣется, что подъ совращеніемъ нельзя разумѣть простое сообщеніе ребенку своихъ религіозныхъ вѣрованій; необходимо привитіе ему рѣшимости оставить прежнюю вѣру и перейти въ новую; въ этомъ отношеніи дѣятельность совратителя вполнѣ сходна съ дѣятельностью подстрекателя.

3) Третье преступленіе данной группы нарушаетъ свободу культа.

Оно заключается въ намѣренномъ воспрепят-

ствованіи—насиліемъ или угрозою противозаконнымъ дѣяніемъ—отправленію общественнаго богослуженія. въ намѣренномъ прерваніи таковаго какимъ-либо безчинствомъ. Неправильно поступаютъ тѣ законодательства, которыя говорятъ о воспрепятствованіи или прерваніи религіозныхъ собраній вообще, не выдѣляя отсюда общественнаго богослуженія (напр. норвежское, § 138). Религіозныя собранія могутъ происходить по очень различнымъ поводамъ и носить разнообразный характеръ: по основаніямъ, которыя приведены нами выше при дѣленіи относящихся къ области религіи дѣйствій на 2 разряда, общественное богомоленіе должно быть выдѣлено изъ всѣхъ другихъ собраній и засѣданій религіознаго общества.

Отъ указаннаго выше деликта надо отличать случаи, когда виновный въ непристойномъ поведеніи или безчинствѣ, нарушившемъ порядокъ общественнаго богослуженія, не имѣлъ намѣренія прервать послѣднее или воспрепятствовать его совершенію. Эти случаи образуютъ особое менѣе наказуемое дѣяніе.

4) Слѣдующій видъ составляетъ принужденіе, означеннымп выше средствами [1]), совершить или несовершать какое-либо дѣйствіе, относящееся къ культу, участвовать или не участвовать въ совершеніи таковаго. Къ данному виду относится масса разнообразныхъ дѣйствій, между прочимъ, принужденіе кого-либо молиться, участвовать въ отправленіи культа какой-либо религіи, исполнять какое-либо дѣйствіе, предписываемое послѣдней въ честь или въ память какихъ-либо религіозныхъ событій и т. д. При этомъ субъектъ можетъ быть принужденъ къ дѣйствіямъ,

---

[1]) Т.-е. насиліемъ или угрозою противозаконнымъ дѣяніемъ.

предписываемымъ чуждой ему религіей, или, наоборотъ, его могутъ принудить означенными средствами, къ исполненію религіозныхъ дѣйствій, предписываемыхъ его религіей, а также къ несовершенію такихъ дѣйствій или къ непринятію участія въ богомоленіи по обрядамъ его религіи. Совершенно неправильно поступаютъ тѣ законодательства, которыя предусматриваютъ лишь извѣстные случаи воспрепятствованія общественному богослуженію и не предусматриваютъ аналогичныхъ случаевъ воспрепятствованія частному богомоленію отдѣльныхъ лицъ. Между тѣмъ врядъ ли можно сомнѣваться, что государство не должно оставаться равнодушнымъ къ случаямъ грубаго, принудительнаго вмѣшательства въ религіозную жизнь отдѣльныхъ лицъ, къ принужденію ихъ не молиться по обрядамъ ихъ вѣры, не участвовать въ общественномъ богомоленіи ихъ единовѣрцевъ, не совершать тѣхъ благочестивыхъ дѣйствій, которыя они желаютъ совершить въ честь Бога, и т. д. Но, конечно, тяжесть указанныхъ выше случаевъ принужденія можетъ быть различна. Такъ, вполнѣ очевидно, что заставить человѣка совершить противное его убѣжденіямъ религіозное дѣйствіе, такъ сказать, насильственно пріобщить его къ чуждой, быть можетъ, противной ему религіи, и принудить его молиться по обрядамъ его религіи,—вещи очень различныя.

Поэтому законодателю слѣдуетъ особо оговорить, какъ болѣе наказуемые, тѣ случаи, въ которыхъ принужденіе касается такихъ дѣйствій, несовершеніе или совершеніе которыхъ является, завѣдомо для виновнаго, большимъ грѣхомъ въ глазахъ принуждаемаго.

Перечисленными видами исчерпывается, на нашъ взглядъ, первая группа преступленій противъ религіозной свободы. Сомнѣваться въ необходимости на-

казывать всѣ эти дѣянія невозможно. Законодательство не можетъ наказывать, конечно, всякое принужденіе къ религіознымъ дѣйствіямъ, какъ оно не наказываетъ принужденіе вообще, взятое въ его широкомъ смыслѣ. Но тѣ грубыя, по своимъ средствамъ, формы принужденія, которыя указаны выше, именно принужденіе посредствомъ угрозы противозаконнымъ дѣяніемъ и насилія оно не можетъ оставлять безъ наказанія. И если оно караетъ подобное принужденіе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднее касается гораздо менѣе важныхъ сторонъ жизни и дѣйствій принуждаемаго, напр., незначительныхъ имущественныхъ интересовъ, то тѣмъ болѣе должно оно карать это принужденіе, когда оно касается самыхъ глубинъ внутренней жизни личности, такихъ дорогихъ для нея интересовъ, какъ интересы религіозной жизни. Если уголовное законодателььетво вообще должно охранять личность отъ грубаго насилія надъ ней другихъ личностей, то оно должно, несомнѣнно, защитить ее уголовной карой и отъ проявленій грубости въ означенныхъ выше формахъ.

Но можно, повидимому, сомнѣваться въ необходимости выдѣлять указанные случаи принужденія изъ общаго понятія преступнаго принужденія (Nothigung) и предусматривать отдѣльно, какъ религіозныя преступленія. Однако это сомнѣніе разсѣется, если обратить вниманіе на слѣдующее. Даже если законодательство будетъ наказывать принужденіе угрозами и насиліемъ, ко всякому вообще дѣйствію, бездѣйствію или претерпѣнію чего-либо [1]), у него будутъ вѣскія основанія выдѣлить указанные выше случаи принужденія къ религіознымъ дѣйствіямъ, какъ оно выдѣляетъ

---

[1]) Приблизительно такое широкое понятіе принужденія (Notigung) знаетъ, напр., кодексъ германскій: въ 240 § онъ предусматриваетъ принужде-

и многіе другіе случаи принужденія (напр., изнасилованіе, вымогательство и т. п.), въ виду особенности того блага, котораго касается въ этихъ случаяхъ посягательство. Принужденіе къ религіознымъ дѣйствіямъ на этомъ основаніи заслуживаетъ выдѣленія, быть можетъ, даже болѣе, чѣмъ большинство другихъ выдѣляемыхъ въ особые разряды видовъ принужденія; это совершенно необходимо въ цѣляхъ правильной обрисовки и правильнаго опредѣленія наказуемости его видовъ. Надо при этомъ добавить, что принужденіе вообще, въ томъ широкомъ значеніи, которое указано выше, можетъ считаться въ законодательствѣ лишь проступкомъ; среди перечисленныхъ же выше религіозныхъ деликтовъ есть и преступленія. Если же законодательство установитъ для общаго понятія преступнаго принужденія болѣе тѣсные предѣлы, чѣмъ указанные выше, если оно, напр., подобно нашему Уголовному Уложенію, будетъ карать лишь принужденіе, означенными въ ст. 507 средствами, выполнить или допустить что-либо, нарушающее право или обязанность принуждаемаго, то для выдѣленія приведенныхъ выше случаевъ принужденія къ религіознымъ дѣйствіямъ или бездѣйствію прибавится лишь новое основаніе: такое общее понятіе принужденія не обнимаетъ всѣхъ ихъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ ко второй группѣ религіозныхъ преступленій, состоящей изъ разнообразныхъ дѣйствій, выражающихъ несовмѣстимое со всеобщей равной религіозной свободой неуваженіе къ религіознымъ вѣрованіямъ или объектамъ религіознаго почитанія другихъ людей.

ние другого, насиліемъ или угрозою преступленіемъ или проступкомъ, къ совершенію какого-либо дѣянія, къ претерпѣнію чего-либо (Duldung) или къ бездѣйствію.

Дѣйствій, задѣвающихъ религіозныя вѣрованія другихъ людей, выражающихъ отрицательное отношеніе къ этимъ вѣрованіямъ, недостатокъ терпимости и уваженія къ нимъ,—масса; таковы не только прямо оскорбительныя слова и дѣйствія, но и разныя ироническія усмѣшки и замѣчанія, отзывы съ оттѣнками пренебреженія и т. д. Но, какъ приходилось уже замѣчать выше [1]), конечно, не всѣ эти слова и дѣйствія должны преслѣдоваться уголовными законами уже въ виду трудности опредѣленія ихъ состава, незамѣтнаго перехода ихъ въ дѣйствія дозволенныя, а также въ виду обязательности для государства возможно экономизировать свою карательную дѣятельность. Да государство и не могло бы добиться посредствомъ наказаній такого широкаго развитія терпимости у своихъ гражданъ, при которомъ они въ высшей степени деликатно относились бы къ чужимъ мнѣніямъ, отличнымъ отъ ихъ собственныхъ. Его задача гораздо скромнѣе—по возможности устранить лишь наиболѣе грубыя выраженія нетерпимости и такимъ образомъ утвердить религіозную свободу.

Прежде всего преступленіями противъ религіозной свободы могутъ считаться лишь слова и дѣйствія, заключающіяся не въ пассивномъ неоказаніи уваженія (напр., неснятіе шапки при встрѣчѣ съ религіозной процессіей), а въ активномъ проявленіи неуваженія. Послѣднее при этомъ должно быть выражено въ грубой формѣ, въ формѣ поношенія или поруганія дѣйствіемъ, т. е. въ словахъ, сочиненіяхъ, изображеніяхъ или дѣйствіяхъ не просто непріятныхъ или непочтительныхъ, а прямо оскорбительныхъ, хотя бы и безъ употребленія бранныхъ словъ.

---

[1]) См. стр. 130.

Само собою разумѣется, что такія оскорбительныя слова или дѣйствія только тогда могутъ составлять религіозное преступленіе, когда они сказаны или сдѣланы умышленно, т. е. или прямо съ намѣреніемъ выразить неуваженіе, или по крайней мѣрѣ съ сознаніемъ ихъ оскорбительности.

Затѣмъ, необходимымъ признакомъ деликтовъ, заключающихся въ поношеніи или поруганіи дѣйствіемъ является публичность. Подъ публичностью я разумѣю совершеніе ихъ въ распространенныхъ или публично выставленныхъ сочиненіяхъ или изображеніяхъ, а также въ публичномъ собраніи, или, хотя бы и не въ собраніи, но въ публичномъ мѣстѣ, т. е. въ такомъ мѣстѣ, доступъ въ которое свободенъ не для знакомыхъ только хозяевъ помѣщенія. по выбору и приглашенію послѣднихъ, а для неопредѣленнаго числа лицъ въ зависимости лишь отъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій (величины помѣщенія, числа билетовъ, уплаты извѣстной суммы за билетъ, рекомендаціи двухъ членовъ [1]) и др.). Необходимо при этомъ, чтобы дѣяніе было совершено предъ находящимися въ данномъ мѣстѣ лицами такъ, что одновременно было воспринято нѣсколькими изъ нихъ, хотя нѣтъ надобности, чтобы воспринявшіе относились къ тому именно религіозному обществу или церкви, чьи вѣрованія затронуты даннымъ дѣяніемъ. Если дѣяніе заключается въ приведеніи вещей въ опредѣленное состояніе, оскорбительное для чувства людей, къ религіи которыхъ относятся эти вещи, то нѣтъ надобности, чтобы оно было воспринято въ моментъ его совершенія; достаточно, если оно было воспринято и послѣ совершенія. Совершеніе же разсматриваемыхъ дѣяній

[1]) Предлагаемое пониманіе даннаго признака, какъ легко убѣдиться изъ сравненія, близко къ тому значенію, которое придаетъ этому слову германскій кодексъ.

въ частныхъ помѣщеніяхъ, при отсутствіи тамъ какого-либо публичнаго собранія, на мой взглядъ, не составляетъ религіознаго деликта. Государству нѣтъ необходимости проникать съ своей охраной въ кружки частныхъ лицъ. Оно можетъ ставить себѣ задачей защищать религіозныя міросозерцанія лишь отъ публичныхъ оскорбленій, обезпечить имъ свободу публичнаго выраженія въ обществѣ. Охрана порядка и корректности во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ частныхъ кружковъ лежитъ на хозяевахъ и достаточно регулируется правилами приличій и вѣжливости. Но требовать для состава данныхъ дѣяній еще произведенія соблазна, о которомъ говоритъ, напр., германское уложеніе, я не вижу основаній. Самое понятіе соблазна представляется довольно неопредѣленнымъ и можетъ только вызывать недоразумѣнія на практикѣ. Только въ томъ случаѣ, если бы государство могло ставить себѣ задачей поддержаніе распространенія какой-либо религіи, требованіе соблазна имѣло бы основаніе.

По объектамъ разсматриваемая группа преступленій распадается на слѣдующіе виды:

1) Умышленное публичное поношеніе или поруганіе дѣйствіями объектовъ религіознаго поклоненія, религіозныхъ вѣрованій, имѣющихъ своимъ предметомъ эти объекты, религіозныхъ дѣйствій, въ коихъ признается участіе самого Божества, или религіи въ ея цѣломъ.

Подъ понятіе объектовъ поклоненія подойдутъ всѣ вообще высшія существа, которымъ воздается поклоненіе, не только Богъ въ смыслѣ монотеистическихъ религій. но и божества языческія, не только Богъ, но и Богоматерь, ангелы, вообще всѣ высшія существа, къ которымъ обращаются съ молитвой. Къ данной группѣ слѣдуетъ отнести и тѣ священные пред-

меты, которые являются или символами Божества или отмѣчены, по ученію какой-либо религіи, особымъ знакомъ Божества и, притомъ, въ силу этого служатъ объектами религіознаго поклоненія (мощи, кресты, св. дары, уже освященныя иконы и пр.). Какіе предметы должны считаться такими—это questio facti и въ законодательствѣ напередъ опредѣлено быть не должно. Въ каждой религіи кругъ этихъ предметовъ—свой собственный; установить въ законодательствѣ списки ихъ для всѣхъ религій—явно немыслимо, да было бы и безцѣльно. Законодательство вообще должно избѣгать исчерпывающихъ перечней, въ которыхъ, какъ показываетъ опытъ, легко возможны пробѣлы и которые только стѣсняютъ практику. Для состава разсматриваемаго преступленія необходимо только, чтобы виновный зналъ о священномъ характерѣ предмета и это обстоятельство должно быть твердо установлено на судѣ.

Наконецъ, возможно, что поношеніе будетъ относиться непосредственно къ извѣстнымъ вѣрованіямъ, которыя въ весьма грубой формѣ будутъ подвергаться поруганію; такое поношеніе есть полное основаніе отнести къ разсматриваемому виду надругательства, разъ вѣрованія, которыхъ оно касается, занимаютъ въ религіи первостепенное мѣсто, составляютъ ея сущность; таковы вѣрованія, касающіяся указанныхъ выше священныхъ объектовъ. Но кромѣ нихъ въ религіи есть обыкновенно и много другихъ вѣрованій, имѣющихъ сравнительно второстепенное значеніе. Поношеніе ихъ я отношу уже къ слѣдующему виду.

2) Умышленное публичное поношеніе или поруганіе дѣйствіемъ другихъ предметовъ, употребляемыхъ при богослуженіи и, притомъ, завѣдомо для виновнаго, вслѣдствіе связи ихъ съ объектами поклоненія, чтимыхъ вѣрующими, а также религіоз-

ныхъ обрядовъ, вѣрованій или установленій, кромѣ означенныхъ выше (sub. 1). Эти предметы, въ глазахъ вѣрующихъ, выдѣляются изъ обыкновенныхъ вещей въ особый разрядъ и требуютъ особаго почтительнаго отношенія. Публичное надругательство надъ ними сильно задѣваетъ религіозное чувство вѣрующихъ, съ чѣмъ не можетъ не считаться государство. Но, разсматриваемыя дѣянія и дѣянія, указанныя выше въ 1 пунктѣ, нельзя смѣшивать въ одну группу. Въ этомъ отношеніи кодексы, которые говорятъ общимъ образомъ о предметахъ культа, не различая указываемыхъ нами двухъ разрядовъ, поступаютъ совершенно неправильно. Основаніе, заставляющее различать эти два вида религіозныхъ посягательствъ, сводится къ слѣдующему. Человѣкъ, въ той или иной формѣ посягающій на объекты, поименованные въ 1 пунктѣ, проявляетъ, ceteris paribus, гораздо большее неуваженіе къ убѣжденіямъ и личности другихъ людей, такъ какъ онъ совершаетъ надругательство надъ тѣмъ, что составляетъ святыню для другихъ, къ чему другіе относятся съ особымъ благоговѣніемъ. Религіозное чувство, такъ сказать, всего болѣе сосредоточивается на этихъ объектахъ и особенно тяжко поражается поношеніемъ ихъ. И всякій, кто поноситъ или поругиваетъ ихъ дѣйствіями, зная о томъ, какое значеніе имъ приписываютъ другіе люди, проявляетъ особую нравственную грубость. Хотя уваженіе къ личности, къ чувствамъ и убѣжденіямъ другихъ людей не особенно еще развито въ современномъ человѣчествѣ, взятомъ въ его цѣломъ, однако поруганіе того, что является святыней для другихъ людей,—является несомнѣнно показателемъ низшаго нравственнаго уровня, нравственной недоразвитости или огрубѣлости. Иное значеніе имѣетъ большинство случаевъ, относящихся ко второму виду

посягательствъ. Конечно, учрежденія и ученія, а также обряды религіи дороги вѣрующимъ, иногда даже обрядовая сторона религіи имѣетъ въ ихъ глазахъ чрезмѣрное, преувеличенное значеніе. Но все же каждый понимаетъ и согласится съ тѣмъ, что поношеніе обрядовъ не то, что поношеніе святыни—Божества или вѣрованій, образующихъ самую сущность религіи и относящихся къ предметамъ, къ которымъ вѣрующій относится съ наибольшимъ благоговѣніемъ. И всякій, совершающій такое поношеніе, знаетъ, что онъ касается не самой святыни другого человѣка и не тѣхъ вѣрованій или религіозныхъ дѣйствій, которыя непосредственно къ ней относятся и носятъ особый священный характеръ въ глазахъ другихъ людей; какъ правило, поэтому, онъ не проявлятъ такой же нравственной грубости, какъ въ первомъ случаѣ. И если первый видъ есть полное основаніе считать преступленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то второй можетъ быть и преступленіемъ, и проступкомъ, именно преступленіями должны считаться лишь тѣ изъ обнимаемыхъ имъ дѣяній, которыя совершены при особыхъ условіяхъ, увеличивающихъ ихъ грубость, именно—во время богослуженія, или, хотя и не во время такового, но при свидѣтеляхъ въ церкви или молитвенномъ домѣ.

Что касается оскорбленій духовныхъ лицъ, то предусматривать ихъ отдѣльно, какъ особый видъ, по моему мнѣнію, нѣтъ основаній. Если такое оскорбленіе нанесено священнослужителю во время отправленія богослуженія, то оно представляетъ собою идеальную совокупность нарушенія порядка, прерванія или препятствованія богослуженію съ обидой. Если оно явилось средствомъ публичнаго глумленія или поношенія какого-либо религіознаго вѣрованія или учрежденія, то подобные случаи можно разсматри-

вать опять какъ идеальную совокупность второго вида религіозныхъ преступленій съ обидой. Остальные случаи оскорбленія, т. е. не во время богослуженія и безъ поношенія того религіознаго вѣрованія или учрежденія, представителемъ котораго является данное духовное лицо, достаточно предусматриваются общими законами объ обидахъ.

3) Къ только что указанному второму виду надругательства примыкаетъ умышленное оскверненіе церкви и вообще мѣстъ, предназначенныхъ для богослуженія, какимъ-либо оскорбительнымъ безчинствомъ. Это дѣяніе также, выражаетъ въ весьма грубой формѣ неуваженіе къ личности и религіозному чувству другихъ людей и должно признаваться преступленіемъ.

Сказаннымъ исчерпывается общее подраздѣленіе религіозныхъ преступленій. Разсмотрѣнію дальнѣйшихъ вопросовъ о нихъ, вопроса о наказуемости ихъ, о покушеніи и др. посвящена слѣдующая глава.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Наказуемость преступленій и проступковъ противъ религіозной свободы.

Въ старые годы, когда государство стремилось своими законами охранять отъ оскорбленій самого Бога и утверждать въ народѣ господство правой вѣры, оно облагало многія религіозныя преступленія жестокими наказаніями, до изувѣчивающихъ тѣлесныхъ наказаній и квалифицированной смертной казни включительно. Но послѣ того коренного измѣненія въ его отношеніяхъ къ религіи, которое произошло въ концѣ XVIII вѣка и описано нами выше [1]), нака-

[1]) См. гл. I.

суемость этихъ преступленій повсюду значительно смягчилась, не говоря уже о томъ, что многіе виды ихъ исчезли совсѣмъ. Въ настоящее время религіозныя преступленія принадлежатъ по наказуемости частью къ преступленіямъ средней тяжести, а частью къ неважнымъ проступкамъ, караемымъ краткосрочнымъ арестомъ и денежной пеней. Вотъ въ видѣ таблицы нѣсколько данныхъ, наглядно рисующихъ положеніе разсматриваемаго вопроса въ положительныхъ законодательствахъ (см. таблицу).

Разсмотрѣніе этой таблицы приводитъ насъ къ постановкѣ слѣдующихъ вопросовъ:

1) Пригодны ли для борьбы съ преступленіями противъ религіозной свободы денежныя наказанія?

2) Пригодны ли для этой цѣли арестъ и тюремное заключеніе?

3) Не слѣдуетъ ли присоединить къ послѣднимъ, въ качествѣ орудій борьбы, еще какія-либо другія карательныя средства?

На первый изъ этихъ вопросовъ, по нашему мнѣнію, можно отвѣтить лишь отрицательно. Преступленія противъ религіозной свободы проистекаютъ, главнымъ образомъ, изъ недостаточнаго уваженія къ человѣческой личности. Нѣкоторыя изъ нихъ свидѣтельствуютъ о значительной недоразвитости у субъекта этого чувства, о значительной нравственной грубости; другія объективируютъ меньшую слабость этого чувства, однако указываютъ на способность человѣка легко переходить указываемыя этимъ чувствомъ границы, на пренебреженіе запретомъ уголовнаго закона и на вытекающую отсюда необходимость укрѣпить и усилить въ душѣ субъекта убѣжденіе въ дѣйствительности угрозы уголовнаго закона. Въ первомъ случаѣ необходимо подвергнуть виновнаго серьезному воспитательному воздѣйствію, кото-

Религіозные деликты и назначаемыя за нихъ наказанія [1]).

Германія.	Венгрія.	Болгарія.	Италія.	Франція.	Голландія.	Норвегія.
Богохуленіе наказывается тюрьмою до 3 лѣтъ.	Богохуленіе — тюрьмою до 1 года и штрафомъ до 1000 флориновъ.	Богохуленіе — тюрьмою до 1 года.	—	—	—	—
Публичное поношеніе христіанской церкви или другого религіозн. общества, пользующагося корпоративными правами, ихъ учрежденій или обрядовъ —тюрьмою до 3 лѣтъ.	—	Публичное поношеніе дозволеннаго вѣроисповѣданія въ мѣстѣ и во время богослуженія или религіознаго торжества тюрьмою до 1 года.	Публичное, съ намѣреніемъ оскорбить какое-либо изъ допущенныхъ въ государствѣ исповѣданій, выраженіе презрѣнія къ лицу, его исповѣдующему — тюрьмою (detenzione) до 1 года и штрафомъ отъ 100 до 3000 лиръ.	—	—	Публичное глумленіе или поношеніе дозволеннаго исповѣданія— штрафомъ [2]), арестомъ или тюрьмою до 6 мѣс.
Осквернеиіе церкви или другого мѣста религіозныхъ собраній оскорбительнымъ безчинствомъ — тюрьмою до 3 лѣтъ.	Производящее публичный соблазнъ безчинство въ мѣстѣ, предназначенномъ для отправленія культа—тюрьмою до 6 мѣс. и штрафомъ до 200 флориновъ.	—	—	—	—	—
Умышленное прерваніе или препятствованіе богослуженію или отдѣльнымъ религіознымъ дѣйствіямъ крикомъ или какимъ-либо безпорядкомъ въ церкви или иномъ мѣстѣ, предназначенномъ для религіозныхъ собраній—тюрьмою до 3 лѣтъ.	Препятствованіе или прерваніе, путемъ насилія, отправленія культа какой - либо признанной въ государствѣ религіи — тюрьмою до 1 года и штрафомъ до 1000 флорин.	Воспрепятствованіе или прерваніе насиліемъ или угрозами отправленія культа, религіозной церемоніи или торжества — тюрьмою до 1 года.	Воспрепятствованіе или прерваніе религіозныхъ дѣйствій (funzioni) или церемоніи, съ цѣлью оскорбить какой-либо изъ допущенныхъ въ государствѣ культовъ — тюрьмою (detenzione) до 3 мѣс. и штрафомъ отъ 50 до 500 лиръ; при указанныхъ въ законѣ (art. 140) увеличивающихъ обстоятельствахъ —тюрьмою (detenzione) отъ 3 до 30 мѣсяцевъ и штрафомъ отъ 100 до 1500 лиръ.	Препятствованіе, задержка или прерваніе отправленія какого-либо культа посредствомъ смятенія или безпорядка, произведенныхъ въ мѣстѣ отправленія этого культа, — тюремнымъ заключеніемъ (emprisonnement) отъ 6 дней до 2 мѣс. и штрафомъ отъ 16 до 200 франковъ, или однимъ изъ этихъ наказаній.	Воспрепятствованіе силою или угрозой насиліемъ дозволенному публичному богослуженію, церковному торжеству или похоронной процессіи—тюрьмою до 1 года.	Препятствованіе или прерваніе публичнаго религіознаго собранія или какой - либо церковной церемоніи, а также содѣйствіе подобнымъ дѣяніямъ— —штрафомъ или тюрьмою до 2 мѣс.
Препятствованіе другому лицу дѣйствіями или угрозами отправлять богослуженіе по обрядамъ какого-либо изъ существующихъ въ государствѣ религіозныхъ обществъ—тюрьмою до 3 лѣтъ.		Учиненіе въ мѣстѣ и во время богослуженія или религіознаго торжества публичнаго скандала непристойнымъ поведеніемъ—тюрьмою до 1 года.			Нарушеніе порядка публичнаго богослуженія, религіознаго торжества или похоронной процессіи шумомъ и т. п.— тюрьмою до 1 мѣс. или штрафомъ до 120 гульденовъ.	
—	Способное произвести соблазнъ надругательство надъ объектомъ культа или надъ объектомъ, предназначеннымъ для употребленія при богослуженіи, въ мѣстѣ, предназначенномъ для богослуженія, или хотя бы и внѣ его, но во время богомоленія — тюрьмою до 6 мѣс. и штрафомъ до 200 флориновъ. Надругательство надъ предметомъ религіоз. почитанія какого-либо признаннаго вѣроисповѣданія не въ мѣстѣ отправленія культа и не во время таковаго — арестъ до 8 дней. Совращеніе не достигшаго 18 л. —арестъ до 2 мѣс. и штрафъ до 300 фл.	Надругательство надъ предметами культа въ мѣстѣ и во время богослуженія или церковнаго торжества, уничтоженіе этихъ предметовъ или поврежденіе ихъ съ цѣлью уничтоженія—тюрьмою до 1 года.	Поврежденіе, разрушеніе или иное выраженіе неуваженія къ предметамъ, предназначеннымъ для культа, совершенное въ публичномъ мѣстѣ изъ презрѣнія къ допущенному въ государствахъ исповѣданію — тюрьмою (detenzione) отъ 3 до 30 мѣс. и штрафомъ отъ 50 до 1500 лиръ.	Принужденіе кого-либо — дѣйствіями, (voies de fait) насиліемъ надъ личностью, угрозами, внушеніемъ боязни потерять мѣсто или нанести какой - либо вредъ себѣ, своей семьѣ или своему состоянію, — отправлять какой - либо культъ или воздержаться отъ этого, принимать участіе въ какой-либо вѣроисповѣдной ассоціаціи или выйти изъ послѣдней, участвовать или не участвовать въ расходахъ по содержанію какого-либо культа—штрафомъ отъ 16 до 200 фр. и тюрьмою отъ 6 дней до 2 мѣс., или однимъ изъ этихъ наказаній.	Надругательство надъ предметами культа въ мѣстѣ и во время богослуженія — тюрьмою до 3 мѣс. или штрафомъ до 120 гульденовъ.	

[1]) Въ эту таблицу внесены только тѣ изъ предусматриваемыхъ кодексами религіозныхъ деликтовъ, которые послѣ всего, сказаннаго въ предшествующей главѣ, представляютъ для насъ интересъ. Разныя посягательства, имѣющія своими объектами трупы и гробницы, и т. п. мы оставляетъ въ сторонѣ.

[2]) Размѣръ взысканія въ данномъ случаѣ не опредѣленъ. Согласно § 27 общей части, при преступленіяхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, онъ равняется отъ 3 до 10000 кронъ.

рое смягчило бы его грубость и внесло бы въ его нравственную личность недостающія ей черты. Во второмъ случаѣ необходимо достаточно энергичнымъ репрессивнымъ воздѣйствіемъ поддержать или создать у субъекта тотъ удерживающій отъ преступленія эгоистическій мотивъ, который содержится въ сознаніи неизбѣжной связи даннаго поведенія съ уголовной карой. И для той и для другой изъ этихъ задачъ денежныя наказанія совершенно непригодны. Что касается первой, то непригодность ихъ очевидна сама собою. Но не трудно показать, что они непригодны и во второмъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы пеня была достаточно респрессивнымъ наказаніемъ, необходимо установить высокій размѣръ ея, но послѣдній дѣлаетъ ее весьма неравномѣрной, недостаточно чувствительной для богатыхъ и непосильной для бѣдныхъ. Да и не соотвѣтствуетъ высокому значенію, обыкновенно придаваемому объектамъ религіозныхъ преступленій, предоставленіе какъ бы возможности откупаться деньгами за эти преступленія Денежныя наказанія являются дѣйствительнымъ орудіемъ борьбы съ тѣми проступками, которые можно съ успѣхомъ предупреждать, поражая корыстныя стремленія человѣка; особенно пригодны они для борьбы съ тѣми проступками, главнымъ источникомъ которыхъ является корысть. Но они совершенно не соотвѣтствуютъ природѣ и значенію разсматриваемыхъ преступленій. Притомъ, легко представить себѣ, что за бѣдныхъ членовъ даннаго религіознаго общества, совершившихъ извѣстныя посягательства на объекты поклоненія враждебной имъ религіозной партіи, будутъ уплачивать штрафы богатые члены этого общества. Что же касается совмѣстнаго примѣненія пени вмѣстѣ съ арестомъ, то въ такомъ примѣненіи нѣтъ необходимости; арестъ и

одинъ является вполнѣ достаточнымъ карательнымъ средствомъ. По всѣмъ указаннымъ основаніямъ нельзя не прійти къ заключенію, что денежныя наказанія ни альтернативно, ни въ соединеніи съ лишеніемъ свободы не должны быть назначаемы за преступленія противъ религіозной свободы.

Наиболѣе подходящимъ для этихъ преступленій наказаніемъ является несомнѣнно лишеніе свободы; только оно можетъ съ успѣхомъ осуществлять указанныя задачи и оказывать на наказуемыхъ должное морализующее дѣйствіе. Соотвѣтственно указаннымъ двумъ задачамъ для борьбы съ данными преступленіями нужны двѣ формы лишенія свободы: вопервыхъ, заключеніе, которое располагало бы необходимыми для нравственнаго исправленія средствами, и, вовторыхъ, такое заключеніе, которое, не преслѣдуя цѣли нравственнаго исправленія, обладало бы достаточной репрессивной силой и было бы способно внушить человѣку убѣжденіе въ неизбѣжной наказуемости извѣстнаго поведенія; это убѣжденіе и послужитъ удерживающимъ отъ преступленія эгоистическимъ мотивомъ, способнымъ поддержать мотивы, берущіе начало изъ разныхъ альтруистическихъ чувствованій.

Опредѣлить ближе условія организаціи и отбытія тѣхъ формъ лишенія свободы, которыми должны быть обложены религіозные деликты, можно лишь для каждаго государства въ отдѣльности, въ соотношеніи съ его карательной системой и съ обрисовкой въ немъ отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ, обыкновенно нѣсколько различными въ зависимости отъ разнообразія мѣстныхъ условій. Лишь въ соотношеніи съ тѣмъ, какіе типы заключенія существуютъ въ данномъ государствѣ, каковы ихъ сроки и организація, можно опредѣлить, должны ли назначаться за преступленія

противъ религіозной свободы исправительный домъ, тюрьма, арестъ, всѣ или нѣкоторые изъ этихъ видовъ заключенія, или какіе-либо иные. Для борьбы съ данными преступленіями должны примѣняться тѣ же виды заключенія, посредствомъ которыхъ государство борется съ другими преступленіями соотвѣтствующей тяжести; ни въ какихъ особыхъ видахъ заключенія для нихъ нѣтъ нужды. Надо замѣтить только, что въ отношеніи тѣхъ совершителей деликтовъ противъ религіозной свободы, которые должны подлежать въ заключеніи нравственному исправленію, особенное значеніе имѣютъ разныя мѣры просвѣщенія. Самыя тяжкія преступленія противъ религіозной свободы возникаютъ обыкновенно на почвѣ крайняго невѣжества и фанатизма; и лучшее средство уничтожить фанатизмъ и предотвратить эти преступленія — это повысить уровень умственнаго развитія субъекта. Еще Вольтеръ справедливо замѣтилъ, что лучшее лѣкарство противъ фанатизма— это предоставить его дѣйствію разума, который просвѣщаетъ, внушаетъ всепрощеніе и тушитъ распри [1]). Путемъ разныхъ мѣръ просвѣщенія слѣдуетъ внушать преступникамъ данной категоріи убѣжденіе, что насилія не могутъ быть угодны Богу и что если извѣстная религія и представляется ложной или даже нелѣпой, то грубымъ выраженіемъ презрѣнія къ ней и разными насильственными дѣйствіями нельзя никого убѣдить въ ея ложности и побудить отказаться отъ нея и искренно принять правую вѣру. Режимъ заключенія этихъ преступниковъ во всѣхъ своихъ частяхъ долженъ быть проникнутъ тенденціей упражнять и развивать въ нихъ уваженіе къ человѣческой личности. Нѣсколько развить ихъ умъ и внушить

---

[1]) См. выше, стр. 85—86.

имъ убѣжденіе въ недопустимости принужденія въ дѣлахъ вѣры,—вотъ къ чему сводится та задача нравственнаго исправленія, о которой мы говорили выше. Въ заключеніи второй группы совершителей деликтовъ противъ религіозной свободы мѣры интеллектуальнаго развитія, хотя и желательны, но могутъ занимать лишь второстепенное мѣсто.

Что касается сроковъ заключенія, то заключеніе перваго рода, по моему мнѣнію, не должно превышать по продолжительности 2-хъ лѣтъ; лишь въ видѣ исключенія, для рецидивистовъ, которые уже не менѣе двухъ разъ подвергались заключенію за извѣстныя религіозныя преступленія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, можно допустить право суда продлить новое заключеніе до 3-хъ лѣтъ. Этого срока, по моему убѣжденію, достаточно для нравственнаго исправленія субъекта въ указанномъ отношеніи даже въ случаяхъ наиболѣе тяжкихъ. Но въ большинствѣ случаевъ будетъ достаточенъ и гораздо меньшій срокъ. Что касается заключенія второго рода, то по самымъ свойствамъ его задачи ему нѣтъ необходимости быть продолжительнымъ и превышать допускаемый кодексомъ предѣльный срокъ соотвѣтствующаго низшаго вида лишенія свободы.

Считая наиболѣе пригодными карательными мѣрами въ борьбѣ съ преступленіями противъ религіозной свободы разные виды заключенія, довольно непродолжительные по сроку, мы сталкиваемся съ широко распространеннымъ въ литературѣ мнѣніемъ о вредѣ и негодности краткосрочнаго лишенія свободы. Не имѣя возможности подробно останавливаться на этомъ мнѣніи, я замѣчу лишь, что оно представляется мнѣ чрезмѣрно преувеличеннымъ и отнюдь не оправдывающимъ отрицательнаго отношенія къ краткосрочному заключенію. Послѣднее можетъ приносить зна-

чительный вредъ, но лишь при плохой организаціи и при злоупотребленіи его дѣлимостью и минимальнымъ срокомъ. Конечно, если допускать заключеніе на нѣсколько часовъ и практиковать такое заключеніе въ массѣ случаевъ, то ожидать отъ этого хорошихъ результатовъ нельзя. Но при недопущеніи совершенно ничтожнаго минимальнаго срока его, при достаточной обезпеченности заключенныхъ какими-либо простыми занятіями, а, главное, при достаточномъ разобщеніи заключенныхъ и краткосрочное лишеніе свободы можетъ быть полезнымъ карательнымъ средствомъ. Каждый легко можетъ представить себѣ, насколько репрессивнымъ было бы это заключеніе для массы его знакомыхъ: свобода настолько цѣнное благо для каждаго человѣка, что лишеніе ея, хотя бы на короткій срокъ, не можетъ не быть чувствительнымъ для громаднѣйшаго большинства людей; и если есть люди, на которыхъ оно не можетъ оказать желательнаго вліянія, то отсюда вовсе еще не слѣдуетъ выводъ о недопустимости этого лишенія свободы. Государство должно лишь, поскольку оно можетъ, устранять и предупреждать такія исключительныя положенія личностей, при которыхъ они уже не дорожатъ свободой и не чувствуютъ лишенія ея. Если статистика показываетъ, что краткосрочное заключеніе даетъ большой $^0/_0$ рецидива, то это указываетъ на серьезные недостатки въ организаціи этого заключенія, но не даетъ еще основанія совершенно отвергать его, при отсутствіи надежныхъ мѣръ, которыя могли бы его замѣнить. Во всякомъ случаѣ, въ виду малочисленности карательныхъ средствъ, ни одно государство не можетъ обойтись совсѣмъ безъ краткосрочнаго лишенія свободы. Надо замѣтить также, что если въ отношеніи нѣкоторыхъ деликтовъ и могутъ возникать серьезныя сомнѣнія о пригодно-

сти для борьбы съ ними разныхъ видовъ заключенія, то относительно деликтовъ противъ религіозной свободы никакихъ сомнѣній не возникаетъ. Лучшихъ средствъ борьбы съ этими преступленіями не существуетъ; постоянно повторяющаяся въ конкретныхъ случаяхъ связь ихъ съ этими деликтами несомнѣнно сможетъ воспитать въ обществѣ сознаніе недопустимости грубаго отношенія къ чужимъ религіознымъ убѣжденіямъ и утвердить религіозную свободу.

Для духовныхъ лицъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма полезнымъ можетъ быть присоединеніе къ лишенію свободы лишенія на извѣстный срокъ права занимать ихъ настоящую или высокую духовную должность. При этомъ, если судъ, не найдетъ основанія отнестись къ нимъ строже, онъ можетъ соотвѣтственно уменьшить для нихъ срокъ заключенія. Такое лишеніе, по нашему мнѣнію, не должно быть по сроку менѣе одного мѣсяца и болѣе 3 лѣтъ, и назначеніе его не должно быть обязательно для суда. Съ тѣмъ положеніемъ, которое занимаютъ духовныя лица, связывается способность ихъ оказывать особенное вліяніе на другихъ, что въ свою очередь обязываетъ ихъ быть особенно корректными въ своихъ отношеніяхъ къ религіозной свободѣ другихъ людей. Къ нимъ судъ въ правѣ во многихъ случаяхъ отнестись болѣе строго. Съ другой стороны, было бы рискованно тѣмъ изъ духовныхъ лицъ, которыя совершили преступленія противъ религіозной свободы — и, быть можетъ, даже не въ первый разъ, — предоставить возможность тотчасъ по отбытіи заключенія приступить къ отправленію обязанностей своего званія. Суду, несомнѣнно, слѣдуетъ предоставить право, если онъ по обстоятельствамъ дѣла признаетъ необходимымъ, лишать на извѣстный срокъ

подобныхъ лицъ возможности занять прежнее вліятельное положеніе въ религіозномъ союзѣ.

Указанныя выше карательныя мѣры должны быть пополнены еще одной, предназначенной для случаевъ надругательства надъ объектами религіознаго почитанія, требующихъ особаго смягченія наказанія, именно — выговоромъ. Бываютъ случаи, когда подобное преступленіе противъ религіозной свободы совершается въ порывѣ горя. Конечно, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ судъ могъ бы признавать субъекта невиновнымъ. Но иногда такое признаніе противорѣчило бы дѣйствительности и было бы явной натяжкой въ отношеніи закона. Иногда суду можетъ быть вполнѣ ясно, что вина есть, но она выросла при особыхъ условіяхъ, такъ что примѣненіе нормальнаго наказанія было бы чрезмѣрнымъ; содѣянное не имѣетъ устойчивыхъ корней въ психикѣ субъекта и на другихъ не производитъ обычнаго впечатлѣнія, такъ какъ въ значительной мѣрѣ извиняется въ ихъ глазахъ горемъ виновнаго. Законодательство, по нашему мнѣнію, должно постановить, что въ случаѣ, если извѣстныя дѣянія, нарушающія религіозную свободу совершены въ порывѣ горя, суду предоставляется, если онъ признаетъ дѣйствующаго виновнымъ, или подвергнуть его аресту на срокъ не свыше 3 недѣль или ограничиться назначеніемъ ему выговора. Нѣкоторые криминалисты весьма скептически относятся къ выговору, какъ карательному средству, и отвергаютъ его въ виду его малой репрессивной силы [1]). Соображеніе о малой репрес-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, изъ нашихъ криминалистовъ отвергаетъ выговоръ, какъ мѣру карательную. сен. Таганцевъ; «выговоръ, говоритъ онъ, какъ мѣра дисциплинарно-воспитательная, можетъ имѣть несомнѣнное значеніе, указывая учинившему всю неправильность его дѣйствія, внушая ему необхо-

сивной силѣ выговора въ общемъ справедливо, но его не слѣдуетъ преувеличивать. Изъ него вытекаетъ лишь, что выговоръ можетъ быть назначаемъ только въ видѣ исключенія, въ такихъ случаяхъ, когда малая репрессивная сила наказанія не только не представляется вредной, но требуется особыми обстоятельствами дѣла, когда надо элементъ репрессіи въ наказаніи довести до его минимума. Но зачѣмъ же въ этихъ исключительныхъ случаяхъ выговоръ? Не лучше ли прямо оставлять ихъ безъ наказанія? Преимущество выговора предъ безнаказанностью заключается въ его, хотя и слабомъ, репрессивномъ воздѣйствіи на виновнаго, а главное, въ томъ, что онъ даетъ возможность использовать то нравственное значеніе, которое имѣетъ фактъ осужденія судомъ даннаго дѣянія, признаніе неправоты совершившаго его. Это осужденіе и неправота и заявляются въ торжественной формѣ выговора. Въ дѣлахъ, касающихся религіи, это заявленіе нерѣдко является особенно важнымъ въ виду той страстности, съ которою къ нимъ относятся сторонники и противники затронутой религіи.

Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ вопросу, какъ должна опредѣляться уголовная отвѣтствен-

---

димость устраненія такихъ поступковъ въ будущемъ; но выговоръ, какъ наказаніе, лишенъ всякаго репрессивнаго значенія прежде всего по своей формальности". „Какое значеніе можетъ имѣть для преступника то, что судъ опредѣлилъ примѣнить къ нему выговоръ, нерѣдко даже заочно, и во всякомъ случаѣ не непосредственно послѣ разбора дѣла, а по вступленіи приговора въ законную силу". (Таганцевъ, Русское уголовное право II, стр. 1260). Однако, то же значеніе, которое выговоръ имѣетъ какъ мѣра дисциплинарная, онъ сохраняетъ и примѣняемый въ качествѣ наказанія: онъ указываетъ учинившему на неправильность и предосудительность его поступка и на необходимость избѣгать такихъ поступковъ въ будущемъ и выражаетъ осужденіе этого поступка, недозволенность его, что уже имѣетъ моральное значеніе для всего общества.

ность за покушеніе на религіозные деликты. Рѣшеніе этого вопроса потребуетъ довольно пространнаго отступленія въ область ученія о покушеніи. Съ возможной краткостью мы коснемся нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктовъ этого ученія. Намъ надо послѣдовательно рѣшить, когда вообще покушеніе имѣетъ мѣсто и чѣмъ отличается оно отъ дѣйствій приготовительныхъ, на всѣ ли деликты противъ религіозной свободы покушеніе возможно и какова должна быть уголовная отвѣтственность за покушеніе на нихъ?

Прежде всего, мы должны коснуться общаго вопроса о томъ, съ какого момента начинается покушеніе, гдѣ лежитъ граница, отдѣляющая его отъ дѣйствій приготовительныхъ. Вопросъ этотъ продолжаетъ оставаться весьма спорнымъ въ литературѣ. Нѣкоторые криминалисты (напр., Листъ [1]). Сергѣевскій [2])) полагаютъ даже, что установить въ данномъ случаѣ какую-либо общую принципіальную границу

---

[1]) Lehrbuch d. deutschen Strafrechts. 12-е изд. 1903 г. § 46, стр. 204. Понятіе покушенія получаетъ у Листа чрезвычайно широкій смыслъ; оно обнимаетъ собою и тѣ начальные моменты дѣятельности, предпринятой для осуществленія преступнаго умысла, которые носятъ обыкновенно названіе приготовленія (delictum praeparatum). Наказуемость покушенія, по взгляду Листа, покоится на двухъ основаніяхъ; она обусловливается: 1) опасностью дѣятеля, и 2) опасностью дѣянія, дѣлающаго возможнымъ возникновеніе преступнаго результата (стр. 202—203). Но для наказуемости покушенія необходимо, по мнѣнію автора, чтобы означенныя черты были ясно распознаваемы въ дѣйствіяхъ даннаго субъекта. Случаи покушенія же, но наиболѣе отдаленные отъ преднамѣреннаго оконченнаго деликта (entfernter Versuch) Листъ соглашается называть приготовленіемъ и считать ненаказуемымъ. Никакой опредѣленной границы между покушеніемъ отдаленнымъ и покушеніемъ въ собственномъ смыслѣ Листъ не указываетъ; цѣлесообразнѣе всего, говоритъ онъ, предоставить суду, смотря по обстоятельствамъ даннаго случая, относить этотъ случай въ область приготовленія или покушенія.

[2]) Русское уголовное право (6 изд. 1905 г.), стр. 285; 281 сл.

совершенно невозможно, что наука не въ силахъ дать практикѣ въ руководство какой-либо достаточно точный общій критерій. По мнѣнію этихъ ученыхъ, законодатель долженъ отказаться отъ всякой попытки дать въ законѣ общія опредѣленія покушенія и приготовленія; онъ долженъ просто установить редуцированное наказаніе за предварительную дѣятельность вообще, а затѣмъ предоставить суду право не примѣнять кары въ случаяхъ такой дѣятельности, которая остановилась на ступеняхъ слишкомъ отдаленныхъ отъ преступленія оконченнаго. Но съ подобнымъ взглядомъ согласиться невозможно. Вѣдь для того, чтобы рѣшить относительно даннаго частнаго случая, представляетъ ли онъ собою покушеніе или лишь приготовленіе, необходимъ извѣстный общій принципъ, общій критерій. Вѣдь объ отдаленности или близости даннаго случая отъ преднамѣреннаго оконченнаго деликта судъ можетъ судить лишь по тѣмъ или инымъ объективнымъ или субъективнымъ признакамъ, которые онъ изберетъ себѣ въ руководство въ качествѣ общаго критерія; въ каждомъ данномъ случаѣ судъ неизбѣжно будетъ опираться на то или иное общее начало. Но будь приведенный взглядъ усвоенъ законодательствомъ и судебной практикой, онъ привелъ бы послѣднюю лишь къ крайне нежелательной пестротѣ и шаткости. Такимъ образомъ, общій критерій для разграниченія покушенія отъ приготовленія, критерій точный и ясный необходимъ и долженъ быть найденъ. Въ чемъ же заключается этотъ критерій? По моему мнѣнію, покушеніе начинается лишь съ момента начала нападенія на намѣченный преступникомъ объектъ. Совершеніе преступленія по содержанію своему представляетъ извѣстное воздѣйствіе на намѣченный преступникомъ объектъ, нападеніе на этотъ объектъ; съ началомъ этого на-

паденія и начинается покушеніе. Такимъ образомъ, напр., какъ скоро субъектъ уже цѣлится изъ засады въ приближающуюся жертву, замахивается ножемъ, направляетъ руку въ чужой карманъ съ цѣлью похитить содержимое—во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ случаяхъ мы имѣемъ уже покушеніе. Но почему именно моментъ начала нападенія на объектъ долженъ быть признанъ за начало покушенія? Потому, что лишь достигнувъ этого момента въ своемъ развитіи, дѣятельность можетъ уже считаться надежнымъ фактическимъ доказательствомъ опасности субъекта, недостаточности въ его душѣ противодѣйствующихъ преступленію мотивовъ. Почему такъ? Я опираюсь на слѣдующія соображенія. Уже ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ, что между словомъ и дѣломъ, между приготовленіемъ и приступомъ къ тому дѣлу, къ которому готовишься,—большая разница. Можно готовиться, пользуясь удобнымъ случаемъ, и въ то время, когда самъ еще не знаешь, рѣшишься ли приступить къ совершенію того, къ чему готовишься. Приготовительныя дѣйствія отнюдь не доказываютъ еще, что преступное хотѣніе не находитъ себѣ достаточнаго противодѣйствія въ психикѣ субъекта. Пока человѣкъ не приступалъ еще къ совершенію деликта, къ нападенію на объектъ преднамѣреннаго дѣянія, для насъ не можетъ быть несомнѣннымъ, что онъ рѣшится совершить преступленіе. Каково бы ни было прошлое этого человѣка, у насъ всегда останется сомнѣніе, да можетъ быть, онъ и не пошелъ бы дальше простого приготовленія. Тѣ нравственныя чувствованія и представленія, которыя могутъ не препятствовать человѣку совершать различныя подготовительныя операціи, могутъ не допустить его до рѣшимости совершить преступленіе. Конечно, въ извѣстныхъ случаяхъ мы можемъ догады-

ваться, что субъектъ не поколебался бы отъ приготовленія перейти къ совершенію, что у него не дрогнула бы рука и преступное хотѣніе не встрѣтило бы достаточнаго противодѣйствія въ его душѣ. Но это—догадка, предположеніе, которыхъ недостаточно для того, чтобы подвергнуть человѣка отвѣтственности. Моментъ начала нападенія на объектъ весьма важенъ въ психологическомъ отношеніи; это—моментъ приступа къ самому дѣлу, моментъ начала объективаціи рѣшимости совершить преступленіе [1]). Разъ субъектъ перешелъ къ самому нападенію на объектъ, мы имѣемъ уже несомнѣнное фактическое доказательство, что преступное хотѣніе не встрѣтило себѣ достаточнаго противодѣйствія въ его душѣ, что онъ *рѣшился* уже совершить данное преступленіе. Но, быть можетъ, сложившаяся рѣшимость поколебалась бы, быть можетъ какое-нибудь мгновенно возникшее чувствованіе или представленіе заставило бы его отказаться отъ дальнѣйшей дѣятельности? Можетъ быть, мы этого не знаемъ. Но во всякомъ случаѣ онъ зашелъ уже слишкомъ далеко; онъ не только мечталъ и готовился къ совершенію деликта, но выростилъ въ себѣ преступную рѣшимость, рѣшился совершить преднамѣренное дѣяніе; это даетъ намъ основаніе

---

[1]) Стать исключительно на субъективную точку зрѣнія и видѣть отличительный признакъ покушенія въ извѣстномъ состояніи воли дѣйствующаго, безъ указанія объективныхъ признаковъ, по которымъ можно съ увѣренностью заключать о существованіи этого состоянія воли, о ея твердости, энергіи и т. д., значило бы, на нашъ взглядъ, не дать достаточно точнаго отвѣта на вопросъ. О состояніи воли субъекта, не по догадкамъ, а съ увѣренностью мы можемъ судить лишь по воплощенію ея вовнѣ, по дѣйствіямъ; и необходимо указать, какого рода дѣятельность долженъ развить виновный, чтобы мы могли съ увѣренностью заключить о твердости его преступной воли, о преступной рѣшимости и т. д.; необходимъ извѣстный объективный признакъ.

считать его опаснымъ. Мы не знаемъ, преодолѣла ли бы его воля всѣ тѣ препятствія, которыя представились бы при дальнѣйшей дѣятельности, мы и не допускаемъ никакихъ предположеній во вредъ его, мы и будемъ считать, что имѣемъ дѣло съ преступной волей менѣе энергичной и опасной, чѣмъ воля лица, совершившаго оконченное дѣяніе, а потому для борьбы съ ней примѣнимъ меньшее наказаніе. Другое основаніе наказуемости покушенія сводится къ слѣдующему: съ цѣлью утвердить въ обществѣ ясное сознаніе недозволенности посягательствъ на извѣстныя блага и неизбѣжной наказуемости такихъ посягательствъ государство должно карать и недоконченныя попытки ихъ. Но, очевидно, что въ силу этого основанія оно должно облагать наказаніями лишь такую недовершенную дѣятельность, которая заключаетъ въ себѣ по крайней мѣрѣ начавшееся нападеніе на эти блага; только безнаказанность подобной дѣятельности могла бы заключать въ себѣ нѣкоторый элементъ соблазна и до извѣстной степени стушевывать рѣзкость границы между дозволеннымъ и запрещеннымъ [1]).

---

[1]) Изложенный взглядъ на покушеніе сходенъ со взглядомъ Баумгартена (Die Lehre vom Versuche der Verbrechen 1888), но не совпадаетъ съ нимъ. Баумгартенъ также полагаетъ, что покушеніе начинается съ момента нападенія на намѣченный объектъ (стр. 431; 387 сл.). Но, принимая за рѣшающій данный моментъ, онъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, то, что съ этого момента возникаетъ опасность для правоваго блага. Эта опасность для правоваго блага есть, по его взгляду, существенный элементъ покушенія; именно вслѣдствіе ея покушеніе и не безразлично для правопорядка, именно въ этомъ и заключается основаніе его наказуемости (стр. 419 сл.). Изложенный въ текстѣ взглядъ опирается, какъ указано, на совершенно иныя основанія.

Критерій опасности мнѣ представляется совершенно непригоднымъ. Опасность есть большая или меньшая вѣроятность разрушенія или поврежденія блага. Но эта вѣроятность, хотя бы и меньшая, существуетъ уже и въ

Теперь возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: нельзя ли, спрашивается, ближе опредѣлить начало исполненія преступленія, нельзя ли опредѣлить, когда же именно начинается нападеніе на объектъ преднамѣреннаго дѣянія? Отвѣтить на этотъ вопросъ какой-либо общей формулой невозможно вотъ почему: подъ понятіе преступленія подходитъ цѣлый рядъ дѣятельностей, безконечно разнообразныхъ по содержанію, глубоко различныхъ по цѣлямъ и объектамъ, на которые онѣ отправляются. Моментъ начала нападенія на объектъ можетъ быть опредѣленъ ближе лишь особо для каждаго вида преступленій, допускающихъ примѣненіе понятія покушенія. Законодатель долженъ установить лишь общій руководящій принципъ; примѣненіе же послѣдняго къ отдѣльнымъ видамъ преступныхъ дѣяній есть дѣло доктрины и судебной практики.

Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ указаннымъ выше деликтамъ противъ религіозной свободы, я долженъ замѣтить, что логически всѣ они допускаютъ покушеніе. Сомнѣніе возбуждаетъ лишь, возможно ли покушеніе на тѣ изъ этихъ преступленій, которыя могутъ заключаться въ произнесеніи одного оскорбительнаго слова или одной оскорбительной фразы. Субъектъ могъ начать произносить это слово или фразу, но его прервали, едва онъ произнесъ первый слогъ или начало фразы. Какъ, спрашивается, отнестись къ подобнымъ случаямъ? Если

стадіи приготовительныхъ дѣйствій. Притомъ, нельзя утверждать, что въ покушеніи заключается всегда бо́льшая объективная опасность поврежденія извѣстнаго блага, чѣмъ въ приготовленіи; многое зависитъ отъ свойствъ покушающагося или приготовляющагося лица и обстоятельствъ, при которыхъ ему приходится дѣйствовать. Въ современной нашей литературѣ критерій объективной опасности покушенія отстаиваетъ проф. Мокринскій. Наказаніе, его цѣли и предположенія. Ч. III, 432 сл.

изъ произнесенныхъ слоговъ или словъ ясенъ уже оскорбительный смыслъ этого слова или фразы, то налицо не покушеніе только, а оконченное дѣяніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ случаяхъ поношенія такъ же, какъ и въ случаяхъ личной обиды, для оконченнаго дѣянія не требуется отчетливаго произненія, написанія или напечатанія всѣхъ словъ, слоговъ, буквъ... Если слова сказаны скороговоркой, если ихъ концы не произнесены, все-таки слѣдуетъ признать дѣяніе оконченнымъ, разъ ясно, какое слово или фраза произнесены. Но если изъ произнесенныхъ слоговъ или словъ еще не ясно, какому оскорбительному слову или фразѣ они принадлежатъ, то признать дѣйствіе субъекта оконченнымъ дѣяніемъ, разумѣется, нельзя. Логически въ этихъ случаяхъ можно видѣть покушеніе, но по соображеніямъ практическимъ слѣдуетъ признать это покушеніе ненаказуемымъ, въ виду того, что обвиняемый всегда могъ бы сказать,—даже если бы было доказано его намѣреніе произнести въ данный моментъ нѣчто оскорбительное,—что онъ еще не приступалъ къ произнесенію оскорбительнаго слова или фразы, то же слово, на которомъ онъ былъ прерванъ, не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго. Законодатель долженъ освободить судъ отъ разбора случаевъ, въ которыхъ такъ трудно констатировать преступное дѣяніе и такъ легко ускользнуть отъ рукъ правосудія, тѣмъ болѣе, что и впечатлѣніе, производимое такими неясными случаями на другихъ людей не таково, чтобы могло оправдать примѣненіе уголовной кары. Такимъ образомъ, въ тѣхъ религіозныхъ преступленіяхъ, содержаніе которыхъ заключается въ оскорбительныхъ словахъ, наказуемо только оконченное дѣяніе [1]).

---

[1]) Нѣкоторые криминалисты, напр. сенаторъ Таганцевъ, Русское уг.

Что касается остальныхъ деликтовъ противъ религіозной свободы, то они являются оконченными при слѣдующихъ условіяхъ:

деликты, заключающіеся въ поруганіи дѣйствіемъ, какъ скоро соотвѣтствующее дѣйствіе выполнено;

совращеніе не достигшаго возраста религіознаго самоопредѣленія,—когда совершился фактъ перехода въ ту религію, въ которую совращаютъ;

деликты, заключающіеся въ принужденіи,— когда принуждаемымъ выполнены тѣ дѣйствія, къ которымъ его принуждаютъ, а деликты, заключающіеся въ воспрепятствованіи, когда дѣйствительно удалось не допустить то событіе, которое субъектъ имѣлъ въ виду предотвратить.

Покушеніе на всѣ означенные деликты, соотвѣтственно сказанному, имѣетъ мѣсто съ момента, когда субъектъ приступилъ къ поругивающимъ оскорбительнымъ дѣйствіямъ (напр. замахнулся); началъ свою дѣятельность подстрекателя къ переходу въ другую религію малолѣтняго; началъ физическое или психическое воздѣйствіе на личность другого человѣка, предназначенное принудить послѣдняго къ чему-либо, или отъ чего-либо устранить.

Что касается наказуемости, то, прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что покушеніе на тѣ деликты, которые должны считаться не преступленіями, а про-

---

пр. I, 704—705, совсѣмъ не допускаютъ въ этихъ случаяхъ покушенія. Другіе полагаютъ, что покушеніе невозможно вообще при такъ называемыхъ формальныхъ преступленіяхъ (напр., Колоколовъ. Къ ученію о покушеніи, стр. 223). Но это мнѣніе, на мой взглядъ, лишено достаточныхъ основаній. Въ пользу его указываютъ лишь на природу этихъ преступленій, легальное понятіе которыхъ не требуетъ наступленія какого-либо результата. Но изъ этого послѣдняго признака данныхъ преступленій никакъ не слѣдуетъ невозможность посредствующей между delictum consummatum и delictum praeparatum ступени въ дѣятельности субъекта.

ступками, вовсе не должно быть наказуемо. Основаніе такой безнаказанности я вижу въ сравнительной маловажности этихъ дѣяній и въ обязанности государства возможно ограничивать объемъ своей карательной дѣятельности. Покушеніе же на преступленія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, должно быть наказуемо. Но никакихъ особыхъ карательныхъ мѣръ для него законодателю нѣтъ надобности устанавливать.

Этими—по необходимости нѣсколько затянувшимися—замѣчаніями мы можемъ закончить наши разсужденія о покушеніи на религіозные деликты [1]).

Намъ осталось еще въ немногихъ словахъ упомянуть о другихъ обстоятельствахъ, могущихъ оказывать особенное вліяніе на отвѣтственность. Къ числу этихъ обстоятельствъ принадлежатъ: совершеніе религіознаго деликта въ церкви или молитвенномъ домѣ, а также совершеніе его во время общественнаго богослуженія Во всѣхъ этихъ случаяхъ обнаруживается особое неуваженіе къ религіозной свободѣ, особая огрубѣлость субъекта въ данномъ отношеніи и требуется карательное воздѣйствіе особенно интенсивное, способное побороть эту огрубѣлость.

Теперь возникаетъ вопросъ: подлежатъ ли деликты противъ религіозной свободы исключительно публичному преслѣдованію, или нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть преслѣдуемы только по жалобѣ потерпѣв-

---

[1]) Остальные вопросы—о видахъ покушенія и, въ частности, о добровольно оставленномъ покушеніи, о покушеніи съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ такъ же, какъ и разные вопросы о соучастіи, о повтореніи и др.,—мы оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ по отношенію къ этимъ вопросамъ преступленія противъ религіозной свободы не представляютъ ничего особеннаго и мы не могли настолько расширить рамки нашего изслѣдованія, чтобы включить всѣ эти и другіе, неразрывно съ ними связанные вопросы общей части.

шаго? Итальянское уложеніе, напр., допускаетъ преслѣдованіе публичнаго выраженія презрѣнія къ лицу, исповѣдующему извѣстную религію, съ намѣреніемъ оскорбить послѣднюю, лишь по жалобѣ оскорбленнаго (art. 141) [1]). Заслуживаетъ ли это постановленіе подражанія? На нашъ взглядъ лишь нѣкоторыя преступленія противъ религіозной свободы должны быть преслѣдуемы ex officio, остальныя должны быть отнесены къ числу преступленій, преслѣдуемыхъ лишь по жалобѣ потерпѣвшаго; таковы: совращеніе лицъ, не достигшихъ возраста религіознаго самоопредѣленія, а также принужденіе отдѣльнаго лица совершать или не совершать какія-либо религіозныя дѣйствія, участвовать или не участвовать въ общественномъ богослуженіи, принять какое-нибудь вѣроисповѣданіе или отказаться отъ него. Но препятствованіе публичному богослуженію, прерваніе послѣдняго и всѣ остальные деликты противъ религіозной свободы должны подлежать публичному преслѣдованію. Основаніе такого рѣшенія поставленнаго вопроса сводится къ слѣдующему. Говоря вообще, преступленія противъ религіозной свободы представляютъ собою факты, имѣющіе довольно важное общественное значеніе; передъ послѣднимъ отступаетъ на задній планъ то воздѣйствіе на отдѣльное лицо, которое они въ себѣ содержатъ. Но въ указанныхъ выше случаяхъ, напротивъ, воздѣйствіе на отдѣльныхъ лицъ является самымъ существеннымъ моментомъ дѣянія. Если родители совращеннаго или лица, заступающія мѣсто родителей, не считаютъ, что ихъ права нарушены и ничего не имѣютъ противъ перехода ихъ питомца въ новую вѣру, то государству нѣтъ никакого интереса увеличивать работу судовъ преслѣдованіемъ подобныхъ случаевъ совра-

---

[1]) Ср. выше, стр. 160.

щенія. Точно также, если принужденный совершить какое-либо религіозное дѣйствіе, не считаетъ, что его права нарушены, то государству нѣтъ основанія преслѣдовать эти нарушенія, такъ какъ сущность послѣднихъ въ томъ тягостномъ состояніи, которое причиняется ими принужденному. Совершеніе или несовершеніе тѣхъ дѣйствій, которыя въ этихъ случаяхъ вынуждаются, есть право лица, отъ котораго оно можетъ отказаться; и если субъектъ не хочетъ защищать это право судебнымъ порядкомъ, то государству нѣтъ никакихъ основаній навязывать ему эту защиту. За малолѣтнихъ право иска въ данныхъ случаяхъ принадлежитъ ихъ родителямъ или лицамъ, заступающимъ мѣсто послѣднихъ.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Изслѣдованія психіатровъ все болѣе убѣждаютъ, что совершаемыя по религіознымъ мотивамъ общія и религіозныя преступленія весьма нерѣдко стоятъ въ связи съ болѣе или менѣе тяжкимъ разстройствомъ душевной жизни, принимающимъ иногда эпидемическій характеръ [1]). И въ курсахъ психіатріи отводится извѣстное мѣсто такъ наз. религіозному помѣшательству (paranoia religiosa), которое, очевидно, представляетъ особенно благопріятную почву для наиболѣе тяжкихъ и упорно повторяемыхъ религіозныхъ посягательствъ [2]). У насъ въ Россіи, вслѣдствіе невѣжества нашего народа, его тяжкихъ экономическихъ условій, широко распространеннаго алкоголизма и цѣлаго ряда другихъ темныхъ

---

[1]) Интересны работы по данному вопросу нашихъ психіатровъ—проф. Сикорскаго („Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ терновскихъ хуторахъ“. Кіевъ. 1897. „Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Кіевской губ.“ Сборникъ научно-популярныхъ статей, кн. 5) и д-ра Якобія (Религіозно-психическія эпидеміи. „Вѣстникъ Европы“. 1903 г. октябрь, стр. 732 сл.; ноябрь, стр. 117 сл.).

[2]) См. напр., Курсъ психіатріи проф. С. С. Корсакова, т. II (изд. 2), 896.

сторонъ и тягостей народной жизни, душевное разстройство, повидимому, особенно легко соединяется съ разными извращеніями и уродливостями въ сферѣ религіозной жизни и изъ этого источника проистекаютъ разныя преступленія [1]). Сказанное приводитъ къ одному выводу: что если вообще желательно правильно поставленное психіатрическое наблюденіе надъ заключенными, то особенно желательно такое наблюденіе надъ совершителями религіозныхъ деликтовъ: для этой категоріи преступниковъ оно нужнѣе, чѣмъ для многихъ другихъ. Желательно также, чтобы въ процессахъ объ этихъ преступленіяхъ суды въ возможно широкой мѣрѣ пользовались помощью спеціалистовъ-психіатровъ, при которой они всего лучше могутъ избѣгнуть примѣненія наказанія къ людямъ больнымъ.

Этими замѣчаніями мы и заканчиваемъ настоящую главу; главныя черты наказуемости религіозныхъ деликтовъ достаточно уже обрисовались, детали же могутъ быть опредѣлены лишь для каждаго государства отдѣльно, въ соотношеніи съ его особыми условіями.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Русское законодательство о религіозныхъ преступленіяхъ и желательныя въ немъ измѣненія.

Установивъ систему общихъ началъ относительно религіозныхъ преступленій, перейдемъ къ разбору нашего права и къ указаніямъ желательныхъ въ

---

[1]) Статистика показываетъ, что религіозныя преступленія у насъ по преимуществу, такъ сказать, сельскія, крестьянскія; почти $^9/_{10}$ ихъ (86%) совершаются въ деревнѣ, въ городахъ только 13%, тогда какъ изъ числа всѣхъ преступленій вообще около 26% происходятъ въ городахъ. *Тарновскій*, Религіозныя преступленія въ Россіи. В. Пр. 1899, № 4, стр. 20.

немъ измѣненій. До сихъ поръ мы оставляли въ сторонѣ отечественное законодательство, потому что изслѣдованіе его могло бы дать для нашихъ построеній указанія лишь отрицательнаго характера; и такія указанія имѣютъ свою цѣнность, но ихъ достаточно дала уже намъ сдѣланная въ первой главѣ историческая справка.

Въ Россіи до сихъ поръ нѣтъ религіозной свободы въ истинномъ смыслѣ этого слова. Правда, ст. 44 и 45 основныхъ законовъ торжественно объявляютъ, что «всѣ не принадлежащіе къ господствующей Церкви подданные Россійскаго государства, природные и въ подданство принятые, также иностранцы, состоящіе въ Россійской службѣ или временно въ Россіи пребывающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной» (ст. 44). «Свобода вѣры присвояется не токмо христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ: да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ, и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силы Имперіи» (ст. 45) [1]). Но всякому, кто изучалъ наше законодательство, извѣстно, что та «свобода вѣры», о которой говорятъ приведенныя статьи, въ различныхъ частяхъ его подвергается большимъ или меньшимъ ограниченіямъ. Законодательство наше до сихъ поръ еще стоитъ на точкѣ зрѣнія полицейской опеки надъ религіозной жизнью народа. Оно расцѣниваетъ религіи по достоинствамъ и соотвѣтственно

---

[1]) Приблизительно то же говорятъ ст. 1 и 2 Уст. дух. дѣлъ иностр. испов. и ст. 65 Уст. о пред. и прес. преступ.

этому однѣ охраняетъ, а другія запрещаетъ, однѣ охраняетъ болѣе интенсивно и въ большемъ числѣ случаевъ, другія—съ меньшей энергіей. Наиболѣе достойной охраны оно считаетъ христіанскую православную вѣру восточнаго исповѣданія. Основные законы объявляютъ послѣднюю первенствующей и господствующей (ст. 40) [1]). Заботу о ея чистотѣ и господствѣ они считаютъ одной изъ функцій верховной власти [2]).

Другія вѣроисповѣданія раздѣляются на терпимыя и нетерпимыя. Къ терпимымъ, кромѣ католическаго, лютеранскаго, армяно-грегоріанскаго исповѣданій и нѣк. др. [3]) относятся, между прочимъ, старообрядчество и (неизувѣрныя) секты, а также разныя нехристіанскія исповѣданія: исповѣданіе караимовъ.

---

[1]) Въ нашей юридической литературѣ есть и защитники привилегій православной церкви, отстаивающіе ея первенство и господство. См. напр., *Красножена*, О свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости. 1905; также *его* Иновѣрцы на Руси, особ. стр. 188 сл.

[2]) Ст. 42 Основныхъ Законовъ гласитъ: „Императоръ, яко христіанскій Государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры, и блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія“.

[3]) Къ числу терпимыхъ, какъ видно изъ Уставовъ духовн. дѣлъ иностран. исповѣд. относятся: римско-католическое, армяно-католическое, армяно-грегоріанское, евангелическо-лютеранское, евангелическо - аугсбургское (законъ. ст. 1087 сл. Уст. дух. д. иностр. испов., упоминаетъ особо объ евангелическихъ братскихъ обществахъ аугсбургскаго исповѣданія въ Сарептѣ и Прибалтійскихъ губерніяхъ); евангелическо - реформатское, архангельскаго евангелическаго прихода, шотландскихъ колонистовъ въ Каррасѣ, базельскихъ колонистовъ въ гор. Шушѣ, колоніи Гнаденбургъ, въ Терской области, меннонитовъ и баптистовъ. Всѣ эти исповѣданія и разумѣются подъ словами „*иностранныя* исповѣданія“. (См. Уставы дух. дѣлъ иностр. испов. Изд. 1896 г. Св. З. т. XI, ч. 1. Ср. *Красноженъ*, Иновѣрцы на Руси, стр. 149. прим.). Терминъ „*иностранныя* исповѣданія“. однако, въ данномъ случаѣ совершенно непригоденъ, такъ какъ русскіе подданные католики, лютеране и др. исповѣданій, конечно. не являются „иностранцами“. Ср. *Суворовъ*, Учеб. церк. пр., стр. 520.

еврейское, магометанское, ламаитовъ и язычниковъ. Къ нетерпимымъ принадлежатъ разныя изувѣрныя ученія, то-есть такія, принадлежность къ коимъ соединена съ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, или съ оскопленіемъ себя или другихъ, или съ явно безнравственными дѣйствіями [1]). Этимъ ученіямъ вовсе не предоставлено религіозной свободы: самая принадлежность къ нимъ наказывается. Терпимыя религіи пользуются религіозной свободой, но далеко не полной. Такъ, онѣ лишены права привлекать къ себѣ православныхъ и вступать съ православіемъ въ открытую устную или печатную борьбу. Переходъ изъ православія въ другія исповѣданія до самаго недавняго времени вовсе не допускался. Человѣкъ, котораго окрестили по православному обряду и зачислили въ православные, вынужденъ былъ навсегда числиться православнымъ, какое бы отношеніе къ этой религіи у него ни сложилось впослѣдствіи, какъ бы ни измѣнялась его внутренняя жизнь. Новѣйшіе законы,—указъ 17-го Апрѣля 1905 г. и зак. 14-го Марта 1906 г.—устранили это полицейское прикрѣпленіе личности къ православію и вычеркнули вѣроотступничество изъ числа преступленій [2]). Однако, со-

---

[1]) См. ст. 84 Угол. Улож.

[2]) Не лишено интереса отмѣтить, что указъ 17 Апрѣля объявилъ ненаказуемымъ отпаденіе отъ православія лишь въ другое *христіанское* вѣроученіе или исповѣданіе. Для такого ограниченія, конечно, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній; и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ журнала комитета министровъ никакихъ убѣдительныхъ мотивовъ въ пользу его не приводится. Тамъ говорится только, что прямое разрѣшеніе въ законѣ принятія православными нехристіанскихъ исповѣданій не соотвѣтствовало бы глубокому сознанію истинности высокихъ началъ, лежащихъ въ основѣ вѣры Христовой, и едва ли вызывается надобностью, въ виду несомнѣнной исключительности подобныхъ случаевъ. Но почему же? Скорѣе наоборотъ, глубокая вѣра въ истинность христіанства приводитъ къ сознанію непужности для

вращеніе православныхъ и даже возбужденіе ихъ рѣчами, проповѣдями, сочиненіями и т. д. къ переходу въ другое исповѣданіе составляетъ преступленіе. Только за одной православною церковью признается право пропаганды. Въ ст. 4 Устав. духовныхъ дѣлъ иностран. исповѣд. говорится: «Въ предѣлахъ государства одна господствующая православная церковь имѣетъ право убѣждать послѣдователей иныхъ христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцевъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ». «Духовныя же и свѣтскія лица прочихъ христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцы строжайше обязаны не прикасаться къ убѣжденію совѣсти не принадлежащихъ къ ихъ религіи; въ противномъ случаѣ они подвергаются взысканіямъ, въ уголовныхъ законахъ опредѣленнымъ [1])». Въ связи съ правомъ пропаганды и съ запретомъ для другихъ вѣроисповѣданій какъ-либо отвлекать отъ православія стоитъ исключительное право православной духовной литературы печатно и вполнѣ свободно критиковать, опровергать и осуждать несогласныя съ православіемъ религіозныя ученія. Затѣмъ, хотя терпимымъ исповѣданіямъ и предоставлено право общественнаго богослуженія,

---

него подобной уголовной охраны. Въ данномъ случаѣ указъ 17-го Апрѣля не только не пошелъ далѣе новаго Уложенія, но и сдѣлалъ было шагъ назадъ, такъ какъ въ новомъ Уложеніи не признается преступленіемъ и отпаденіе отъ православія въ нехристіанскую вѣру (соображенія редакторовъ по данному вопросу см. *Объясненія*, IV, 104). Къ счастью, при согласованіи указа 17 Апрѣля съ прежнимъ законодательствомъ, глава 2-я новаго Уложенія замѣнила большую часть постановленій Уложенія о нак., статьи 185 и 188 послѣдняго показаны отмѣненными и никакихъ новыхъ постановленій объ отпаденіи въ нехристіанское вѣроисповѣданіе не сдѣлано. Такимъ образомъ, по дѣйствующему праву оно не наказуемо.

[1]) См. также ст. 70 Уст. о предуп. и пресѣч. прест. О разныхъ преимуществахъ, въ которыхъ выражается первенство и господство у насъ православной церкви см. у *Суворова*, у. с. стр. 519 сл.; *Павлова*, Курсъ, стр. 538—539, *Красножена*, у. с. стр. 149 сл.

однако публичность культа предоставлена имъ не въ одинаковой мѣрѣ и далеко не абсолютная; установлены различныя ограниченія относительно процессій, крестныхъ ходовъ и т. п. Если сложить всѣ эти ограниченія, то станетъ ясно, что отъ признанія дѣйствительной и полной религіозной свободы наше законодательство довольно еще далеко. Полицейскій характеръ его выступитъ предъ нами съ особой яркостью, если мы заглянемъ еще на минуту въ Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій: тамъ мы найдемъ массу предписаній чисто полицейскаго характера, представляющихъ совершенно излишнія въ законодательствѣ совѣты или поученія. Такъ, напр., законодатель предписываетъ, чтобы въ храмъ Божій граждане входили съ благовѣніемъ и безъ усилія (ст. 3), чтобы передъ иконами они стояли «какъ благопристойность и святость мѣста требуютъ» (ст. 6), чтобы во время богослуженія не переходили съ мѣста на мѣсто и не разговаривали, пребывали со страхомъ и въ молчаніи (ст. 7), чтобы къ иконамъ и чудотворнымъ мѣстамъ прикладывались передъ начатіемъ или по окончаніи службы, а не во время послѣдней (ст. 8), чтобы не дѣлали никакихъ лжепредсказаній (ст. 30), чтобы православные ходили, хотя бы однажды въ годъ на исповѣдь и пріобщиться св. таинъ въ постъ или иное время и водили бы на исповѣдь своихъ дѣтей, начиная съ семилѣтняго возраста (ст. 18, 19), и т. д. Во всѣхъ подобныхъ предписаніяхъ нельзя видѣть невинныхъ поученій, которыя только безполезны; при произволѣ нашей администраціи они легко могутъ превращаться въ довольно стѣснительныя правила.

Наши уголовные законы о религіозныхъ преступленіяхъ находятся въ переходномъ состояніи. Съ одной стороны, въ нихъ не мало постановленій враж-

дебныхъ религіозной свободѣ, проникнутыхъ началами полицейской опеки надъ религіозной жизнью народа. Съ другой стороны, въ движеніи нашего законодательства, особенно за послѣдніе годы, наблюдаются все большіе проблески религіозной свободы, и можно надѣяться, что недалекъ тотъ моментъ, когда послѣдняя получитъ въ немъ должное признаніе.

Оба наши Уложенія—и старое, и новое—въ общемъ стоятъ на точкѣ зрѣнія перваго, полицейскаго типа охраны религіи. Указъ 17 апрѣля 1905 года также не выразилъ съ достаточной полнотой и отчетливостью началъ религіозной свободы. По изданіи этого указа возникъ вопросъ о согласованіи его съ разными частями законодательства. Задача эта, довольно простая, если за нее взяться съ искреннимъ и серьезнымъ намѣреніемъ не затемнить, а дѣйствительно укрѣпить начала вѣротерпимости, въ нашихъ комиссіяхъ рѣшалась цѣлый годъ. Въ результатѣ этого годового «согласованія» получилась довольно пестрая масса законовъ, изъ которыхъ многіе въ ближайшемъ же будущемъ должны быть вычеркнуты совершенно, а другіе существенно измѣнены.

Указъ 17 апрѣля составляетъ лишь нѣкоторый шагъ впередъ по сравненію съ дѣйствовавшимъ законодательствомъ. Но, какъ вполнѣ выяснитъ дальнѣйшее изложеніе, онъ внесъ въ него только частичныя улучшенія; ему чуждъ радикальный характеръ. Между тѣмъ необходима именно радикальная реформа, которая измѣнила бы общія руководящія идеи нашего законодательства о религіозныхъ преступленіяхъ, коснулась бы самыхъ основаній его, его общаго взгляда на эти преступленія. Настоящая реформа, такимъ образомъ, еще впереди и составляетъ одну изъ серьезныхъ, хотя и сравнительно простыхъ за-

дачъ, которыя предстоитъ рѣшить законодательному творчеству народныхъ представителей.

Дѣйствующее законодательство о религіозныхъ преступленіяхъ представляетъ массу различныхъ законовъ, оставшихся отъ разныхъ временъ и не всегда вполнѣ гармонирующихъ другъ съ другомъ. Главное мѣсто среди этихъ законовъ принадлежитъ второй главѣ новаго Уголовнаго Уложенія. Затѣмъ, продолжаютъ еще дѣйствовать остатки постановленій стараго Уложенія о наказаніяхъ. Наконецъ, всѣ эти законы дополняются, а отчасти и видоизмѣнены Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 14 марта 1906 г. (опубликованнымъ 31 марта) о согласованіи прежняго уголовнаго законодательства съ указомъ 17 апрѣля 1905 г. и о введеніи въ дѣйствіе второй главы новаго Уголовнаго Уложенія. Центральное мѣсто въ нашемъ изложеніи и разборѣ дѣйствующаго права, такимъ образомъ, должны занять постановленія Уголовнаго Уложенія въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они являются въ настоящее время, послѣ измѣненій, внесенныхъ въ нихъ упомянутымъ выше Высочайшимъ повелѣніемъ.

Общій взглядъ новаго Уложенія на религіозныя преступленія близокъ ко взгляду стараго Уложенія; и мѣсто ихъ въ обоихъ кодексахъ одно и тоже: ими начинается особенная часть Уложеній, а непосредственно за ними помѣщены преступленія государственныя [1]). Составители стараго Уложенія исходили изъ той точки зрѣнія, что религія есть одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ государства; въ преступленіяхъ противъ вѣры они видѣли «возстаніе противъ власти и притомъ высшей власти въ обществѣ, коей права,

---

[1]) Новое Уголовное Уложеніе отводитъ имъ свою вторую главу, старое Уложеніе—второй раздѣлъ.

особенно у насъ, столь тѣсно соединены съ правами верховной власти». Составители новаго Уложенія не согласились съ этимъ послѣднимъ взглядомъ, подчеркнули отдѣльность и самостоятельность религіозныхъ преступленій отъ преступленій государственныхъ, но также видѣли въ религіи одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ государства и полагали, что именно поэтому она и заслуживаетъ охраны; въ этомъ отношеніи ихъ взглядъ совпалъ съ воззрѣніемъ составителей стараго Уложенія [1]). «Съ своей стороны, читаемъ мы въ объяснительной запискѣ, редакціонная комиссія полагаетъ соотвѣтственнымъ въ составляемомъ ею проектѣ уголовнаго уложенія придержаться въ постановкѣ религіозныхъ посягательствъ,—по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ—воззрѣній нашего дѣйствующаго законодательства». «Религія и церковь являются однимъ изъ важнѣйшихъ, основныхъ, государственныхъ и общественныхъ устоевъ, охрана котораго отъ злоумышленныхъ на оный посягательствъ должна быть признана одною изъ наиболѣе важныхъ задачъ карательной дѣятельности». «Особенно же важно это въ Россіи, гдѣ начала христіанской вѣры и православная церковь, представляясь соединительнымъ звеномъ, сплачивающимъ воедино ея многочисленное и многообразное населеніе, придали нашему отечеству ту мощь, въ силу которой оно занимаетъ столь выдающееся въ средѣ современныхъ государствъ положеніе». «Сообразно такому значенію христіанства и православія въ Россіи, охрана ихъ въ уголовномъ законодательствѣ имѣетъ особую важность, существенно отличную отъ другихъ государствъ». «Понятно, поэтому, что редакціон-

---

[1]) Уголовное Уложеніе. Объясненія къ проекту редакціонной комиссіи. Т. IV, 48 сл.

ная комиссія съ особою заботливостью отнеслась къ надлежащему охраненію въ ея проектѣ религіозныхъ вѣрованій, свободы вѣроисповѣданія и присвоеннаго нашими законами положенія въ государствѣ православной церкви» [1])... «Оберегаемые государствомъ религіозные интересы, читаемъ ниже, составляютъ отдѣльное цѣлое; церковь, наряду съ семьею, составляетъ основу государственнаго общежитія; поэтому посягательства на религію и церковь должны быть поставлены отдѣльно отъ посягательствъ на государство и его учрежденія» [2]).

Эта исходная точка зрѣнія новаго Уложенія вызываетъ слѣдующія возраженія. Во-первыхъ, мысль, что религія является одной изъ необходимыхъ основъ государства или даже вообще общежитія, какъ мы говорили выше, по существу невѣрна [3]). Во-вторыхъ, Уложеніе не провело послѣдовательно своей исходной точки зрѣнія. Въ постановленіяхъ своихъ оно въ дѣйствительности руководилось не идеей, что религія вообще есть необходимая основа государства или общежитія, а болѣе узкой мыслью, что лишь христіанство и даже лишь нѣкоторыя христіанскія вѣроисповѣданія, покровительствуемыя у насъ, суть необходимая основа государственнаго порядка. Въ нѣкоторыхъ же постановленіяхъ указанная идея является даже въ еще болѣе урѣзанномъ видѣ и

---

[1]) Объясненія, IV, 50.

[2]) Объясненія, IV, 51. Но вопросъ о мѣстѣ, которое эти деликты должны занять въ кодексѣ, комиссія признала несущественнымъ. Въ проектѣ имъ была отведена 17-я глава. См. Проектъ редакц. ком. Приложеніе къ журн. мин. юстиц. 1895. Сентябрь, стр. 91 сл. Но при обсужденіи проекта въ совѣщаніи при министерствѣ юстиціи они были перенесены въ начало особенной части. См. *Таганцевъ*, Уголовное Уложеніе 22 марта 1903 года. Стр. 150.

[3]) См. выше, стр. 137 сл.

превращается въ идею, что собственно православіе, а не какая-либо другая христіанская религія есть необходимая основа государства. Вслѣдствіе этой непослѣдовательности и получилось, какъ увидимъ. что, съ одной стороны, нехристіанскія религіи и непривилегированныя христіанскія вѣроученія недостаточно охранены Уложеніемъ и отъ грубѣйшихъ оскорбленій, а съ другой стороны,—православіе охраняется съ особой и излишней ревностью. Конечно. православная вѣра играетъ въ жизни нашего народа огромную роль. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что она должна пользоваться какой-то особенно интенсивной и широкой охраной и полицейскимъ поддержаніемъ ея господства. Если эта религія имѣетъ глубокіе корни въ исторіи и духѣ нашего народа, если она составляетъ одно изъ благъ, которымъ онъ особенно дорожитъ, то тѣмъ вѣрнѣе и легче отстоитъ она себя своей внутренней силой въ борьбѣ съ враждебными ей вѣрованіями. Всякая полицейская поддержка и опека должны отпасть отъ ея господства. Эта опека можетъ имѣть, хотя лишь кажущійся смыслъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду остановить или какъ-либо отклонить естественное теченіе религіозной жизни народа. А поддерживать принужденіемъ господство религіи, къ которой народъ сильно привязанъ, не имѣетъ смысла, не говоря уже о вредѣ такой поддержки.

Постановленія новаго Уложенія представляютъ собою, въ сущности, видоизмѣненныя постановленія стараго Уложенія. Нѣкоторыя изъ этихъ видоизмѣненій значительны, другія носятъ характеръ частичныхъ поправокъ. Составители новаго Уложенія, съ одной стороны, не желали совсѣмъ покидать ту почву, на которой стояло Уложеніе о наказаніяхъ, а, съ другой стороны,—стремились, хотя бы нѣсколько,

согласовать постановленія послѣдняго съ нѣкоторыми безспорными требованіями доктрины [1]). Таковъ общій характеръ даннаго отдѣла Угол. Уложенія и его общая точка зрѣнія. Перехожу теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ его постановленій.

Терминъ «религіозныя преступленія» не употребляется въ немъ вовсе [2]). Эти преступленія предусматриваются имъ во второй главѣ подъ названіемъ нарушеній ограждающихъ вѣру постановленій. Глава эта такъ и озаглавлена: «о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій». Но, какъ установлено выше, религіозныя преступленія, подъ заглавіемъ «преступленія и проступки противъ религіозной свободы» должны бы быть выдѣлены отсюда въ особую группу. Я послѣдовательно разсмотрю всю вторую главу Уложенія, чтобы опредѣлить, какія дѣянія должны быть выдѣлены въ эту особую группу и какимъ измѣненіямъ должны подвергнуться существующія о нихъ постановленія. На тѣхъ посягательствахъ, помѣщенныхъ во второй главѣ, которыя не составляютъ религіозныхъ преступленій, я, разумѣется, постараюсь останавливаться какъ можно менѣе.

Всѣ преступныя посягательства на ограждающія вѣру постановленія подраздѣлены составителями Уголовнаго Уложенія на слѣдующіе виды:

1) надругательства и осмѣяніе церкви, религіоз-

---

[1]) Какъ справедливо выразился о проектѣ новаго Уложенія одинъ изслѣдователь, этотъ проектъ „какъ бы балансируетъ между двумя полюсами—выводами юриспруденціи съ одной стороны, а съ другой—данными дѣйствующаго Уложенія". *Поповъ*, Судъ и наказаніе за преступленія противъ вѣры и нравственности по русскому праву, стр. 492.

[2]) Но онъ употребляется въ объяснительной запискѣ. Второй раздѣлъ стараго Уложенія, который и замѣнила 2 глава Угол. Уложенія, былъ озаглавленъ такъ: „о преступленіяхъ противъ вѣры и о нарушеніи ограждающихъ оную постановленій".

ныхъ вѣрованій, включая сюда и самое возложеніе хулы на Господа Бога;

2) неисполненіе церковныхъ требованій, признаваемыхъ со стороны государства имѣющими и общегражданское значеніе, а именно о погребеніи христіанъ съ соблюденіемъ церковнаго обряда;

3) нарушеніе уваженія къ усопшимъ;

4) нарушеніе свободы отправленія вѣры, выражающееся въ принужденіи къ выполненію какого-либо религіознаго дѣйствія или въ воспрепятствованіи выполненію таковаго;

5) совращеніе, при указанныхъ въ законѣ условіяхъ;

6) проповѣдь нѣкоторыхъ лжеученій;

7) принадлежность къ вѣроученіямъ, признаваемымъ нетерпимыми въ государствѣ;

и 8) нарушеніе нѣкоторыхъ особыхъ постановленій нашего закона въ огражденіе православной вѣры отъ отвлеченія православныхъ въ другія вѣроисповѣданія [1]).

Сравнивая этотъ перечень съ видами религіозныхъ преступленій, существовавшими въ старомъ Уложеніи [2]), нельзя не признать, что новое Уложеніе

---

[1]) См. Объясненія, IV, стр. 54.

[2]) Въ старомъ Уложеніи религіозныя преступленія распадались на слѣдующія группы: 1) богохуленіе, порицаніе вѣры и церкви и кощунство (гл. I), 2) отпаденіе и отвлеченіе отъ вѣры (гл. II, отд. 1), ереси и расколы (гл. II, отд. 2); 3) уклоненіе отъ исполненія постановленій церкви (гл. II, отд. 3); 4) оскорбленіе святыни и нарушеніе церковнаго благочинія (гл. III); 5) святотатство, разрытіе могилъ и ограбленіе мертвыхъ тѣлъ (гл. IV); 6) лжеприсяга (гл. V). Изложеніе и разборъ постановленій стараго Уложенія о религіозныхъ деликтахъ см. въ моемъ очеркѣ „*Особенная часть русскаго уголовнаго права*“ отд. III, гл. I, стр. 305 сл.; также *Дохвицкій*, Курсъ, гл. XIII; *Бѣлогрицъ-Котляревскій*, Учебникъ, стр. 486 сл.; *Есиповъ*, Преступленія противъ гос. и общ. 1902 (2 изд. 1906).

сдѣлало значительный шагъ впередъ. Наиболѣе крупныя улучшенія, внесенныя имъ, сводятся къ слѣдующему:

Во-первыхъ, оно вычеркнуло изъ списка преступленій вѣроотступничество.

Во-вторыхъ, оно вычеркнуло изъ списка религіозныхъ преступленій святотатство [1]). Къ сожалѣнію, постановленія стараго Уложенія о святотатствѣ не показаны отмѣненными въ Высочайшемъ повелѣніи 14-го Марта 1906 г. и, значитъ, будутъ еще дѣйствовать вмѣстѣ со второй главой новаго Уложенія. Этотъ фактъ заслуживаетъ тѣмъ болѣе сожалѣнія, что влечетъ за собою цѣлый рядъ несообразностей въ наказуемости. Такъ, напр. за похищеніе со взломомъ изъ церкви, положимъ, дарохранительницы или копія, человѣкъ подлежитъ (по ст. 221 Улож. о нак.) наказанію каторгой на время отъ 10 до 12 лѣтъ. А за поруганіе дѣйствіемъ въ часовнѣ не во время общественнаго богослуженія, но публично, напр. мощей, хотя бы и въ самыхъ грубыхъ формахъ, онъ можетъ подвергнуться, въ самомъ крайнемъ случаѣ, ссылкѣ на поселеніе по ст. 73 новаго Уголовнаго Уложенія. Указываемая несообразность еще болѣе возрастетъ, если представить себѣ, напр., случай, обнимаемый ст. 225 Улож. о нак., похищеніе со взломомъ изъ

Пусторослевъ, Конспектъ лекцій по особ части. Учен. зап. юрьевск. ун. 1902. № 2—3.

[1]) Новое Уложеніе вовсе не знаетъ термина „святотатство“. Но въ главѣ 32-й, среди видовъ воровства, оно упоминаетъ (въ ст. 588) о воровствѣ священныхъ и освященныхъ предметовъ. (О несостоятельности постановленій о святотатствѣ стараго Уложенія, а также объ указанномъ сейчасъ видѣ воровства новаго Уложенія см. въ моемъ очеркѣ „*Особенная часть рус. уг. права*“ 1905, § 85.) О соображеніяхъ, которыя руководили редакторами новаго Уложенія при устраненіи изъ числа религіозныхъ преступленій святотатства см. Объясненія, IV, 52.

церковной ризницы денегъ или еще непоставленныхъ къ образамъ свѣчей; за такое похищеніе назначены каторжныя работы на время отъ 4 до 6 лѣтъ. Далѣе, статьи о святотатствѣ стараго Уложенія еще болѣе увеличиваютъ неравномѣрность даваемой религіямъ уголовной охраны, такъ какъ защищаютъ имущество лишь нѣкоторыхъ «покровительствуемыхъ законами Имперіи христіанскихъ вѣроисповѣданій»,—православной церкви и церквей, перечисленныхъ въ ст. 230 о нак. (католической, армяно-грегоріанской, евангелическо-протестанскихъ) [1]).

Въ третьихъ, новое Уложеніе справедливо вычеркнуло изъ числа религіозныхъ преступленій лжеприсягу. «Ложное подтвержденіе своего свидѣтельскаго показанія ссылкою на имя Божіе, принятіе присяги, говорятъ составители новаго Уложенія, можетъ служить обстоятельствомъ, увеличивающимъ отвѣтственность за преступное искаженіе истины, но само по себѣ, оно, подобно инымъ случаямъ призыванія имени Божія всуе, не служитъ въ современномъ уголовномъ правѣ моментомъ, создающимъ преступность дѣянія, возводящимъ дѣяніе изъ безразличнаго на степень преступнаго.» [2])

Цѣлый рядъ улучшеній внесено новымъ Уложеніемъ и въ обрисовку отдѣльныхъ видовъ религіозныхъ преступленій. Съ этими улучшеніями мы познакомимся ниже. Я послѣдовательно разсмотрю всѣ указанные въ приведенномъ выше перечнѣ виды преступленій.

---

[1]) Надо замѣтить, что эта спеціальная охрана не распространена законами 17-го Апрѣля 1905 г. и 14-го Марта 1906 г. на имущество старообрядческихъ церквей, хотя по другимъ постановленіямъ этихъ законовъ, старообрядчеству предоставлены многія привилегіи, которыми пользуются „покровительствуемыя“ инославныя исповѣданія.

[2]) Объясненія IV стр. 52. Но ст. 236 сл. стараго Уложенія о лжеприсягѣ еще не отмѣнены и продолжаютъ дѣйствовать.

I. Первое мѣсто въ этомъ перечнѣ занимаетъ надругательство надъ религіозными вѣрованіями и церковью. Составители Уг. Уложенія различали два вида такого надругательства: 1) надругательство надъ религіей и 2) оказаніе неуваженія къ вѣрѣ—кощунство. [1]) Первый видъ они, въ свою очередь, разбили на 2: на богохуленіе въ тѣсномъ смыслѣ слова и оскорбленіе святыни.

Богохуленіе. О богохуленіи Уложеніе говоритъ въ одной статьѣ съ оскорбленіемъ святыни. [2]) (ст. 73) Богохуленіе опредѣляется въ этой статьѣ почти такъ же, какъ и въ Уложеніи о нак., именно, *какъ возложеніе хулы на славимаго во единосущной Троицѣ Бога, Богородицу, безплотныя небесныя силы и св. угодниковъ.* Насколько можно заключитьизъ объясненій составителей новаго Уложенія и изъ ихъ толкованія на ст. 176—177 стараго Улож. о нак., богохуленію они придаютъ неисключительно «православный» характеръ, такъ что подъ угодниками въ ст. 73 надо разумѣть не только угодниковъ, чтимыхъ православною церковью, но и угодниковъ, признаваемыхъ другими христіанскими исповѣданіями. [3]) Но подъ иными христіанскими исповѣданіями слѣдуетъ разумѣть лишь покровительствуемыя христіанскія церкви, какъ это можно заключить изъ общаго духа статьи 73. Точно также только возложеніе хулы на Бога въ смыслѣ признающихъ

---

[1]) Объясненія IV, 69.

[2]) Ст. 73 изложена такъ, что при прочтеніи можетъ показаться, будто она говоритъ объ одномъ преступленіи, которому присваиваетъ лишь два наименованія: богохуленіе и оскорбленіе святыни. На самомъ дѣлѣ Уложеніе видитъ здѣсь 2 соприкасающіяся преступленія. Въ объяснительной запискѣ прямо говорится объ этихъ преступленіяхъ, какъ о двухъ видахъ надругательства надъ религіей. Объясненія, IV, 69 сл.

[3]) Объясненій, IV, 60 сл. Въ проектѣ прямо говорилось объ угодникахъ, „чтимыхъ православною или иною христіанскою церковью“ (ст. 328 п. 2 проекта).

Св. Троицу христіанскихъ вѣроученій подойдетъ подъ ст. 73. [1]) Въ объяснительной запискѣ мы читаемъ, что подъ богохуленіемъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, [2]) редакціонная комиссія разумѣетъ «возложеніе хулы на Верховнаго Владыку, Творца и Зиждителя міра, вѣра въ Котораго составляетъ основу всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и основу строя всѣхъ христіанскихъ государствъ». «Для означенія объекта сего вида богохуленія редакціонная комиссія сохранила выраженія нашего дѣйствующаго права: «возложеніе хулы на славимаго во единосущной Троицѣ Бога», разумѣя подъ этимъ выраженіемъ не отвлеченное понятіе монотеистическаго Бога, а догматическое понятіе о Немъ христіанской религіи и подводя подъ данное постановленіе также поруганіе каждой изъ Ипостасей въ отдѣльности: Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого». [3]) Такимъ образомъ, если какое-нибудь христіанское вѣроученіе усвоитъ понятію Бога смыслъ, не обнимающій напр. Бога Сына, Іисуса Христа, вообще отличный отъ понятія св. Троицы, усвоеннаго признанными закономъ христіанскими исповѣданіями, то и грубѣйшая хула Бога въ этомъ смыслѣ не будетъ богохуленіемъ, а будетъ или совершенно ненаказуемымъ дѣяніемъ, или подойдетъ подъ ст. 75 при наличности указываемыхъ въ ней условій [4]). Точно также пу-

---

[1]) Ibid. IV, 69—70.

[2]) Отсюда видно, что въ мысли составителей новаго Уложенія понятію богохуленія присваивался и какой-то еще широкій смыслъ, но послѣдній не выясненъ въ объяснит. запискѣ.

[3]) Объясненія, IV стр. 69—70.

[4]) Ст. 75 предусматриваетъ произведеніе непристойнаго крика, шума или иного безчинства, препятствующаго отправленію общественнаго христіанскаго богослуженія, или учиненнаго въ церкви, часовнѣ, или христіанскомъ молитвенномъ домѣ.

бличное хуленіе Аллаха или Іеговы, въ смыслѣ, придаваемомъ послѣднему понятію іудейской религіей, не подойдетъ подъ понятіе богохуленія. Такое дѣяніе ненаказуемо за исключеніемъ случаевъ, когда оно совершено въ молитвенномъ домѣ нехристіанскаго вѣроисповѣданія или при публичномъ совершеніи установленнаго этимъ вѣроисповѣданіемъ общественнаго религіознаго служенія; въ этихъ послѣднихъ случаяхъ оно можетъ быть подведено подъ ст. 76, предусматривающую поношеніе признаннаго въ Россіи нехристіанскаго вѣроисповѣданія и поруганіе дѣйствіемъ, или поношеніе предмета религіознаго чествованія этого вѣроисповѣданія. Таковъ объемъ понятія богохуленія, разсматриваемый со стороны его объекта.

Въ отличіе отъ стараго Уложенія, Уголовное Уложеніе, говоря о богохуленіи, не упоминаетъ о крестѣ. Въ поношеніи или поруганіи креста оно видитъ уже смежное съ богохуленіемъ преступленіе—оскорбленіе святыни.

Сравнивая постановленія о богохуленіи нашего Уложенія и западныхъ кодексовъ, знающихъ это преступленіе, нельзя не замѣтить существеннаго различія между ними въ томъ отношеніи, что въ нашемъ законѣ это понятіе обнимаетъ хуленіе не только Бога, но и Богоматери, безплотныхъ небесныхъ силъ и св. угодниковъ. Съ этой стороны оно шире постановленій западныхъ кодексовъ и выходитъ за логическіе предѣлы этого понятія. [1])

Субъектомъ богохуленія можетъ быть всякое лицо, способное вообще нести уголовную отвѣтственность,— какъ духовное лицо, такъ и міряннинъ, какъ вѣрующій,

[1]) Проектъ разумѣлъ подъ богохуленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ лишь возложеніе хулы на Бога; поношеніе Богородицы и св. угодниковъ онъ относилъ къ оскорбленію святыни, (ст. 328, п. 1 и 2; ср. Объясненія, IV, 69 – 70; 71).

такъ и невѣрующій, какъ иновѣрецъ, такъ и лицо, принадлежащее къ тому вѣроисповѣданію, которое затронуто его преступленіемъ.

Самое дѣйствіе богохуленія, согласно объяснительной запискѣ, «можетъ заключаться въ оскорбленіи на словахъ или на письмѣ (объемля этимъ выраженіемъ всѣ механическіе способы воспроизведенія мысли), или въ изображеніи; при этомъ предполагается во всякомъ случаѣ, что въ нихъ (т.-е. въ словахъ, изображеніяхъ и пр.) заключается такого рода отзывъ, который по содержанію или формѣ, составляетъ не только неуваженіе или насмѣшку, но явное издѣвательство, служащее прямымъ выраженіемъ отсутствія у виновнаго всякаго религіознаго чувства и пристойности; отзывъ этотъ, оскорбляя всякаго вѣрующаго, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ произвести соблазнъ». Согласно этому разъясненію редакторовъ, слова «хула», «поношеніе» и «поруганіе», употребляемыя ст. 73 и сл., должны быть толкуемы въ самомъ тѣсномъ смыслѣ.

Съ внутренней стороны, богохуленіе предполагаетъ не только умыселъ, но и намѣреніе оскорбить религіозное чувство вѣрующихъ. [1])

Наказуемость богохуленія различна, смотря по условіямъ, при которыхъ оно произошло. Уголовное Уложеніе различаетъ по наказуемости слѣдующіе виды этого преступленія:

1) Наиболѣе наказуемо богохуленіе, совершенное въ церкви, или, хотя бы не въ церкви, но при отправленіи общественнаго богослуженія. Наказаніе— срочная каторга или поселеніе.

[1]) Составители новаго Уложенія въ объяснительной запискѣ (IV, 73) говорятъ о намѣреніи „оскорбить вѣрованіе“, какъ существенномъ признакѣ богохуленія и оскорбленія святыни; но правильнѣе, разумѣется, было бы говорить объ оскорбленіи чувства вѣрующихъ.

2) Слѣдующимъ по наказуемости видомъ является богохуленіе: a) въ часовнѣ, или въ христіанскомъ молитвенномъ домѣ [1]), или b) публично, или c) въ распространенныхъ или публично выставленныхъ произведеніи печати, письмѣ или изображеніи. Наказаніе—ссылка на поселеніе.

3) Наконецъ, сравнительно менѣе наказуемымъ является богохуленіе, совершенное, хотя и не публично [2]) и не въ какихъ-либо особо оговоренныхъ закономъ мѣстахъ, но при свидѣтеляхъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ это дѣяніе наказывается лишь при условіи, если оно совершено «съ цѣлью произвести соблазнъ между присутствовавшими». Наказаніе—исправительный домъ или крѣпость на срокъ не свыше 3 лѣтъ. Слѣдовательно, богохуленіе, совершенное при одномъ лицѣ, или при нѣсколькихъ иновѣрцахъ, или, хотя и при свидѣтеляхъ не иновѣрцахъ, но безъ означенной цѣли ненаказуемо.

Интересно отмѣтить, что въ новомъ Уложеніи, въ отличіе отъ стараго, на отвѣтственность не вліяютъ ни то обстоятельство, совершено ли богохуленіе въ публичномъ или непубличномъ мѣстѣ, ни то, было ли въ мѣстѣ его совершенія многолюдное собраніе или нѣтъ; особо оговорены закономъ лишь церковь, часовня и христіанскій молитвенный домъ. Слово «публично» въ Уг. Уложеніи, по объясненію составителей, значитъ «въ присутствіи болѣе или менѣе значительнаго числа присутствующихъ, при чемъ безразлично, было ли это въ публичномъ или не въ публичномъ мѣстѣ» [3]).

Изъ сопоставленія пунктовъ 2 и 3 ст. 73, мы мо-

---

[1]) При этомъ Уложеніе не требуетъ, чтобы въ моментъ совершенія преступленія въ этихъ мѣстахъ была публика.

[2]) Въ смыслѣ Угол. Уложенія. См. ниже.

[3]) Объясненія, IV, 72.

жемъ заключить, что свидѣтелей во всякомъ случаѣ должно быть болѣе двухъ.

Если богохуленіе совершено, хотя и при какихъ-либо изъ перечисленныхъ условій, но по неразумію, невѣжеству или въ состояніи опьяненія, то оно наказывается арестомъ.

Оскорбленіе святыни. Всѣ тѣ условія, которыхъ законъ требуетъ для состава богохуленія и съ которыми онъ соразмѣряетъ наказуемость послѣдняго, требуются имъ и для оскорбленія святыни, о которомъ говорится вмѣстѣ съ богохуленіемъ въ ст. 73. Такимъ образомъ, то, что мы сказали выше о субъектѣ богохуленія, объ умыслѣ и намѣреніи, о наказуемости и видахъ богохуленія,—все это цѣликомъ примѣняется и къ оскорбленію святыни. Отличіе послѣдняго отъ богохуленія заключается въ нѣкоторыхъ особенностяхъ объекта и преступнаго дѣйствія. Подъ оскорбленіемъ святыни ст. 73 разумѣетъ *поношеніе или поруганіе дѣйствіемъ св. таинствъ, креста, мощей, иконъ или другихъ предметовъ, почитаемыхъ православною или иною христіанскою церковью священными, а также поношеніе св. Писанія, церкви православной и ея догматовъ, или вообще вѣры христіанской.* Въ этомъ опредѣленіи объединены нѣсколько преступленій стараго Уложенія, для которыхъ въ послѣднемъ существовали отдѣльныя постановленія. Вопервыхъ, сюда вошло порицаніе вѣры христіанской или церкви православной, а также надругательство надъ св. Писаніемъ и св. Таинствами, о которыхъ говорила ст. 178 Улож. о нак. Вовторыхъ, сюда же вошло частью и «оскорбленіе святыни», о которомъ говорила ст. 210 Улож. о нак.; она постановляла: «если кто-либо... придетъ или же насильно ворвется въ церковь и будетъ ругаться надъ священными или освященными черезъ употребленіе въ

богослуженіи предметами, тотъ за сіе . . . . . .» и т. д. Надругательство надъ освященными предметами новое Уложеніе выдѣлило изъ области оскорбленія святыни и отнесло къ кощунству. Въ третьихъ, сюда отнесены поношеніе и поруганіе дѣйствіемъ креста, изъ которыхъ первое въ старомъ Уложеніи относилось къ богохуленію [1]).

Внимательное разсмотрѣніе приведеннаго выше опредѣленія приводитъ къ слѣдующему недоумѣнію.

Возникаетъ вопросъ: придаетъ ли ст. 73 оскорбленію святыни общехристіанскій характеръ, или распространяетъ свою спеціальную охрану лишь на нѣкоторыя христіанскія вѣроисповѣданія? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что отвѣтить на этотъ вопросъ несомнѣнно надо въ первомъ смыслѣ, то-есть въ смыслѣ признанія за даннымъ постановленіемъ общехристіанскаго значенія.

Такое пониманіе подсказывается нѣкоторыми словами ст. 73, которая въ первой части своего опредѣленія оскорбленія святыни говоритъ о предметахъ, признаваемыхъ священными православною *или иною христіанскою церковью*. Широкое толкованіе, однако, встрѣчаетъ въ данномъ случаѣ серьезныя возраженія. Вопервыхъ, ст. 73, говоря о поруганіи священныхъ предметовъ, отсылаетъ за опредѣленіемъ, какіе предметы должны считаться таковыми, къ приложенію I. Точно также ст. 74, когда говоритъ объ освященныхъ предметахъ, отсылаетъ къ приложенію II. Въ приложеніяхъ же этихъ указаны: въ первомъ лишь 3 церкви—православная, католическая и армяно-грегоріанская, а во второмъ четыре церкви—православная, католическая, армяно-грегоріанская и евангелическо-протестантская. Перечнямъ этимъ Уг. Улож. придаетъ исчерпывающее значеніе [2]).

[1]) Ст. 176 Улож. о нак.

[2]) И особое совѣщаніе при Государственномъ Совѣтѣ для предварител-

Далѣе, Уложеніе говоритъ объ «иныхъ христіанскихъ *церквахъ*». Но церквами наше законодательство называетъ не всѣ христіанскія вѣроисповѣданія, а нѣкоторыя, имъ указанныя и покровительствуемыя. Указъ 17 апрѣля, говоря о старообрядцахъ и сектантахъ, употребляетъ слова «согласіе», «община», а не «церковь».

Изъ изложенныхъ соображеній вытекаетъ, что, въ той части своей, въ которой онѣ говорятъ о поруганіи дѣйствіемъ или поношеніи разныхъ предметовъ, статьи 73 и 74 имѣютъ не общехристіанскій смыслъ, а охраняютъ лишь указанныя выше покровительствуемыя христіанскія церкви. Значитъ, поруганіе священныхъ предметовъ, напр. старообрядческихъ, ненаказуемо [1]). Старообрядчество въ данномъ случаѣ оказывается поставленнымъ ниже даже признаваемыхъ закономъ нехристіанскихъ исповѣданій, защищаемыхъ статьей 76 Уголовнаго Уложенія [2]).

Конечно, это противорѣчитъ духу новѣйшихъ законовъ о старообрядцахъ и сектантахъ, во многихъ отношеніяхъ сравнявшихъ ихъ съ покровительствуемыми христіанскими церквами. Оставленіе статей 73 и 74 безъ всякихъ измѣненій только еще разъ показываетъ, какъ хорошо совершалось «согласованіе»

наго разсмотрѣнія проекта Уг. Улож. указывало, что признаніе тѣхъ или иныхъ предметовъ священными не предоставлено усмотрѣнію суда, а понятіе таковыхъ опредѣлено самимъ закономъ, въ особомъ приложеніи къ ст. 73. См. Таганцевъ, Уг. Улож., стр. 151.

[1]) Высочайшее повелѣніе 14-го Марта 1906 года, сравнивая старообрядчество во многихъ другихъ менѣе важныхъ отношеніяхъ съ покровительствуемыми инославными христіанскими исповѣданіями и съ православіемъ, не содержитъ въ себѣ никакихъ указаній на то, что даваемая ст. 73 Уг. Улож. спеціальная охрана распространяется и на старообрядцевъ.

[2]) По приведеннымъ же выше соображеніямъ и слова: „таинства“. „крестъ“. „иконы“ и др., въ связи съ остальными словами пункта 2-го, должны быть понимаемы ограничительно въ указанномъ смыслѣ.

указа 17 Апрѣля съ новымъ Уложеніемъ. Распространять же дѣйствіе ст. 73, согласно духу новѣйшихъ законовъ, на старообрядцевъ и сектантовъ, безъ прямыхъ указаній на это закона, было бы совершенно произвольно; приложеніе къ ст. 73, происхожденіе послѣдней изъ стараго Уложенія, то обстоятельство, что во время составленія этой статьи законодательство такъ еще относилось къ старообрядцамъ и сектантамъ, что послѣдніе не могли подразумѣваться подъ его общими выраженіями («иныя христіанскія церкви») не позволяютъ такимъ образомъ толковать данную статью [1]).

Возбуждаютъ сомнѣніе и дальнѣйшія слова ст. 73 о поношеніи «св. Писанія или церкви православной и ея догматовъ *или вообще вѣры христіанской*». Спрашивается, какъ понимать эти послѣднія слова, въ смыслѣ ли поношенія не отдѣльныхъ христіанскихъ вѣроученій, а христіанства въ его цѣломъ, и не догматовъ отдѣльныхъ исповѣданій, а догматовъ общихъ всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ, или разумѣть подъ поношеніемъ въ данномъ случаѣ и поношеніе какого-либо отдѣльнаго христіанскаго исповѣданія и его догматовъ, и въ послѣднемъ случаѣ,—всѣхъ ли христіанскихъ исповѣданій или лишь покровительствуемыхъ церквей. Въ проектѣ эта часть статьи (по проекту ст. 328, п. 2) была выражена иначе и лучше; тамъ говорилось «о поношеніи вѣры православной или иной христіанской, ея догматовъ, Пресвятой Богородицы» и т. д. Соотвѣтственно этому, въ объяснительной запискѣ

---

[1]) И въ объяснительной запискѣ, когда говорится „о вообще христіанскихъ вѣроученіяхъ“, „о всѣхъ христіанскихъ вѣроученіяхъ“ (напр. IV, 57; 70) какъ можно убѣдиться и изъ общаго смысла разсужденій редакторовъ, и изъ приводимыхъ ими примѣровъ, разумѣются лишь покровительствуемыя христіанскія церкви, а не всѣ безусловно христіанскія вѣроученія.

также читаемъ, что «поруганіе можетъ относиться или къ христіанству вообще, или къ отдѣльному христіанскому вѣроученію въ его цѣлости, являясь поруганіемъ православія, католицизма, лютеранства, или же къ отдѣльнымъ основнымъ началамъ, догматамъ, *и притомъ общимъ всѣмъ христіанскимъ вѣроученіямъ, или исповѣдуемымъ нѣкоторыми изъ нихъ*, напр. таинство пресуществленія, божественность св. Троицы, и т. п., или къ установленіямъ, признаваемымъ церковью божественными, каково установленіе священства» [1]). Въ соотвѣтствіи съ только что сказаннымъ о предшествующемъ пунктѣ ст. 73. данныя слова закона должны быть понимаемы какъ въ смыслѣ общихъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ догматовъ, догматовъ христіанства въ его цѣломъ, такъ и въ смыслѣ догматовъ нѣкоторыхъ покровительствуемыхъ законодательствомъ иновѣрныхъ церквей, указанныхъ въ Уставѣ иностр. исповѣд. Подробное толкованіе ставитъ, конечно, въ странное положеніе сектантство и старообрядчество, но вина въ этомъ—закона и неудовлетворительнаго согласованія съ Угол. Уложеніемъ новѣйшихъ законовъ о старообрядцахъ и сектантахъ.

По содержанію своему оскорбленіе святыни можетъ заключаться въ поношеніи или поруганіи дѣйствіемъ; согласно объяснительной запискѣ, «когда это надругательство учинено на словахъ, оно должно

---

[1]) Объясненія IV, 70. Съ этимъ положеніемъ согласилось и совѣщаніе при министерствѣ юстиціи. См. Таганцевъ, Уголовное Уложеніе, стр. 151. Особое совѣщаніе при Государственномъ Совѣтѣ, измѣняя формулировку этого мѣста статьи, какъ можно видѣть изъ его разсужденій, приводимыхъ въ изд. Уг. Улож. Таганцева (стр. 151), желало лишь выдѣлить, по примѣру стараго Уложенія, православную церковь и ея догматы изъ другихъ христіанскихъ исповѣданій и съ этою цѣлью приняло приведенную неудачную редакцію.

быть совершено публично, т.-е., при свидѣтеляхъ, а если оно учинено дѣйствіемъ, то и не публично» [1]).

Кощунство. Въ старомъ Уложеніи подъ кощунствомъ разумѣлись язвительныя насмѣшки, доказывающія явное неуваженіе къ правиламъ или обрядамъ православной церкви или вообще христіанства [2]). Въ новомъ Уложеніи это понятіе получило несравненно болѣе широкій смыслъ. Согласно ст. 74 Угол. Улож. къ кощунству относятся: 1) поношеніе установленій или обрядовъ церкви православной или вообще христіанства;

2) поруганіе дѣйствіемъ или поношеніе предметовъ, употребленіемъ при православномъ или иномъ христіанскомъ богослуженіи освященныхъ;

3) непристойная насмѣшка надъ священными предметами или предметами вѣрованій, поношеніе или поруганіе которыхъ составляютъ разсмотрѣнныя выше богохуленіе и оскорбленіе святыни.

Разсматривая эти три пункта ст. 74, мы встрѣчаемся опять съ цѣлымъ рядомъ недоумѣній и неясностей. Прежде всего, Уложеніе относитъ къ кощунству довольно разнообразныя дѣйствія, благодаря чему дать общее опредѣленіе этого понятія представляется невозможнымъ и самое понятіе это является весьма искусственнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, кощунство нельзя уже, подобно старому Уложенію, опредѣлять какъ язвительную насмѣшку, такъ какъ насмѣшка, напр., надъ обрядами, хотя бы и православной церкви, не подходитъ подъ ст. 74. Уголовное Уложеніе различаетъ насмѣшку отъ поношенія, какъ это легко убѣдиться изъ сопоставленія ст. 74 и 73. Послѣдняя предусматриваетъ поношеніе и поруганіе дѣйствіемъ священ-

---

[1]) Объясненія, IV, 72.

[2]) Ст. 182 Улож. о нак.

ныхъ предметовъ, первая—насмѣшку надъ ними. Съ одной стороны, подъ понятіе кощунства подходятъ не только насмѣшка, но и нѣкоторые случаи поношенія и поруганія дѣйствіемъ, указанные въ п. 1 и 2 статьи 74. Съ другой же стороны, сюда подходитъ не всякая насмѣшка, а лишь насмѣшка надъ священными предметами или предметами вѣрованій, въ статьѣ 73 указанными. Всматриваясь, въ отдѣльные пункты 74-й статьи, мы встрѣчаемся съ тѣми же неясностями, какъ и въ ст. 73. Въ первомъ пунктѣ говорится о поношеніи установленій или обрядовъ православія или «вообще христіанства». Подъ установленіями какъ видно изъ объяснительной записки, [1]) въ отличіе отъ догматовъ, разумѣются посты, богослужебный порядокъ или чинъ отдѣльныхъ богослуженій, а также отдѣльныя молитвословія; подъ обрядами въ ст. 74 разумѣются обряды, не составляющіе таинствъ. Спрашивается теперь, подъ установленіями и обрядами въ 74 ст. надо ли разумѣть установленія и обряды только покровительствуемыхъ христіанскихъ церквей, перечисленныхъ въ приложеніяхъ къ ст. 73 и 74, или вообще христіанскихъ исповѣданій? Слова «вообще христіанства» говорятъ, повидимому, въ пользу послѣдняго рѣшенія, позволяя подводить подъ этотъ пунктъ ст. 74 и поношеніе молоканскихъ, старообрядческихъ и т. п. установленій и обрядовъ. Но общій духъ ст. 74, ясно сквозящій чрезъ ея на видъ широкія опредѣленія и сопоставленіе со ст. 73 говорятъ въ пользу ограниченія круга охраняемыхъ этимъ закономъ исповѣданій лишь перечисленными въ указанныхъ приложеніяхъ. Ни въ текстѣ закона, ни въ объясненіяхъ редакторовъ нѣтъ никакихъ ясныхъ указаній, которыя могли бы положить конецъ данному недоумѣнію [2]).

---

[1]) Объясненія, IV, 71.

[2]) Въ проектѣ (ст. 329, п. 1) говорилось о поношеніи „установленій

Второй пунктъ говоритъ о поношеніи или поруганіи предметовъ, освященныхъ употребленіемъ при православномъ или «иномъ христіанскомъ» богослуженіи, при чемъ въ скобкахъ дѣлаетъ ссылку на приложеніе II. Очевидно, здѣсь возникаетъ тотъ же вопросъ, на который мы указывали выше, когда говорили объ оскорбленіи святыни. Этотъ же вопросъ возникаетъ и при разсмотрѣніи 3-го пункта 74 ст., говорящаго о непристойной насмѣшкѣ надъ «священными» предметами или предметами вѣрованій. И рѣшать его надо такъ же, какъ мы рѣшили его выше.

Подъ непристойной насмѣшкой въ ст. 74 разумѣется насмѣшка, доказывающая неуваженіе къ вѣрѣ и церкви, но не заключающая прямого оскорбленія или поруганія [1]). Что касается другихъ признаковъ кощунства, то они—тѣ же, что и указанные выше признаки богохуленія и оскорбленія святыни. По наказуемости кощунство также раздѣляется на три вида по тѣмъ же признакамъ, какъ богохуленіе и оскорбленіе святыни. Наказаніе—заключеніе въ тюрьмѣ, въ первомъ изъ трехъ случаевъ—на срокъ не ниже 6 мѣс., а въ послѣднемъ—на срокъ не свыше 6 мѣс. Неразуміе, невѣжество и пьянство имѣютъ также смягчающее вліяніе на наказуемость кощунства; при нихъ наказаніе—арестъ не свыше 3 мѣс.

Поношеніе признаннаго нехристіанскаго вѣроисповѣданія. Въ отличіе отъ стараго Уложенія, новое Уложеніе не лишаетъ своей охраны отъ богохуленія,

---

или обрядовъ православной или иной христіанской вѣры". Какой смыслъ въ разсужденіяхъ редакторовъ имѣли выраженія „иныя христіанскія вѣроученія", и т. п., указано выше (стр. 239 и прим.). Слово „вѣра" употреблено ими вмѣсто слова „церковь" для того, чтобы устранить недоразумѣнія, возникавшія на практикѣ отъ того, что „церковь" понималась не въ смыслѣ общества вѣрующихъ, а въ смыслѣ храма, мѣста собранія вѣрующихъ. Объясненія IV, 70.

[1]) Объясненія, IV, 68.

оскорбленія и кощунства и нехристіанскія исповѣданія, но при этомъ законъ не проводитъ указаннаго различія между богохуленіемъ, оскорбленіемъ святыни и кощунствомъ, соединяя всѣ эти дѣянія въ одно преступленіе, заключающееся: 1) въ поношеніи признаннаго въ Россіи нехристіанскаго исповѣданія, т.-е. самого его вѣроученія въ цѣломъ или отдѣльныхъ, входящихъ въ него вѣрованій; [1]) 2) въ поруганіи дѣйствіемъ или поношеніи предмета религіознаго чествованія этого исповѣданія [2]). При этомъ такое дѣяніе признается наказуемымъ лишь при условіи, если оно совершено въ молитвенномъ домѣ даннаго вѣроисповѣданія, или при публичномъ совершеніи установленнаго этимъ вѣроисповѣданіемъ общественнаго религіознаго служенія. Наказаніе—арестъ, если же дѣяніе совершено безъ намѣренія оказать неуваженіе къ данному исповѣданію, [3]) по неразумію, невѣжеству, или въ состояніи опьяненія,—то арестъ на срокъ не свыше одного мѣсяца, или пеня не свыше 100 р. (ст. 76). Нельзя не видѣть, что даваемая новымъ Уложеніемъ нехристіанскимъ вѣроисповѣданіямъ охрана, вслѣдствіе указанныхъ ограниченій относительно мѣста и времени деликта, чрезвычайно недостаточна. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же признать нормальнымъ,

---

[1]) Въ проектѣ (ст. 331) говорилось о „поношеніи религіи или религіознаго вѣрованія признаннаго въ Россіи нехристіанскаго вѣроисповѣданія". Редакція измѣнена особымъ совѣщаніемъ при Государственномъ Совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія проекта Уголов. Уложенія. *Таганцевъ*, Уголовное Уложеніе, стр. 157.

[2]) Въ проектѣ говорилось: „предмета религіознаго чествованія такого вѣроисповѣданія, или *предмета, имѣющаго религіозное значеніе черезъ употребленіе при совершеніи религіознаго служенія сего вѣроисповѣданія*"... Послѣднія слова были исключены особымъ совѣщаніемъ при Государственномъ Совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія проекта Уголовнаге Уложенія.

[3]) Объясненія, IV, 91.

что грубое публичное поношеніе нехристіанскаго исповѣданія внѣ молитвеннаго дома ненаказуемо.

Указанными 4 видами исчерпывается выдѣленная составителями новаго Уложенія первая группа религіозныхъ деликтовъ: «надругательства и осмѣяніе церкви и религіозныхъ вѣрованій, включая сюда и самое возложеніе хулы на Господа Бога».

Бросая общій взглядъ на эту группу въ ея цѣломъ, нельзя не видѣть, что изложенныя статьи Уголовнаго Уложенія страдаютъ слѣдующими коренными недостатками.

Во-первыхъ, даваемая Уложеніемъ охрана крайне неравномѣрна; она слишкомъ мала для нехристіанскихъ исповѣданій и чрезмѣрна для нѣкоторыхъ покровительствуемыхъ христіанскихъ исповѣданій. Въ этихъ постановленіяхъ сквозитъ полицейское отношеніе къ религіи, при которомъ государство даетъ расцѣнку стоимости религій, однѣ признаетъ лучшими, другія—худшими, менѣе спасительными, на третьи—вовсе ставитъ штемпель съ указаніемъ ихъ негодности. Такъ и Уложеніе признаетъ нехристіанскія религіи худшими и даетъ имъ меньшую и недостаточную охрану. Ни одно изъ изложенныхъ нами выше западныхъ законодательствъ такого различія не знаетъ.

Во-вторыхъ, давая преимущественную охрану христіанскимъ исповѣданіямъ, Уложеніе стремится даже ограничить сферу ея дѣйствія лишь покровительствуемыми церквами. Такимъ образомъ, и въ охранѣ христіанскихъ исповѣданій можно подмѣтить слѣды полицейскаго отношенія къ религіи, расцѣнки исповѣданій на доброкачественныя и недоброкачественныя или менѣе доброкачественныя.

Въ третьихъ, говоря о христіанскихъ исповѣданіяхъ, Уложеніе различаетъ 3 вида поношенія и по-

руганія дѣйствіемъ: богохуленіе, оскорбленіе святыни и кощунство. Понятія эти совершенно искусственны. Такъ, напримѣръ, почему богохуленіе выдѣлено изъ понятія оскорбленія святыни? Логически оно обнимается послѣднимъ, и въ Уложеніи отдѣляется отъ него формальнымъ признакомъ. Выдѣлять его нѣтъ никакихъ основаній. Далѣе, границы, отдѣляющія оскорбленіе святыни отъ кощунства,—извилисты и искусственны. Въ основѣ этого разграниченія лежитъ, повидимому, правильная мысль,—сознаніе необходимости отдѣлить предметы, которые составляютъ предметы поклоненія для другихъ людей, отъ остальныхъ предметовъ, которые употребляются при богослуженіи и къ которымъ люди относятся съ особымъ почтеніемъ. Но мысль эта получила совершенно неудачное выраженіе.

Изъ всего сказаннаго выше вполнѣ ясенъ и характеръ тѣхъ измѣненій, которымъ должны подвергнуться разсматриваемыя постановленія Угол. Уложенія:

1) Во-первыхъ, статьи 73, 74 и 76 не могутъ быть исправлены никакими частичными измѣненіями; онѣ должны быть исключены вовсе.

2) Ихъ мѣсто должны занять постановленія болѣе общаго характера, которыя предусматривали бы надругательство надъ объектами религіознаго поклоненія и надъ предметами, которые употребляются при богослуженіи и къ которымъ вѣрующіе относятся съ особымъ почтеніемъ, а также поношеніе религіозныхъ вѣрованій. При этомъ поношеніе и поруганіе объектовъ религіознаго поклоненія, религіозныхъ дѣйствій, въ которыхъ признается то или иное участіе Божества, религіозныхъ вѣрованій, относящихся какъ къ первымъ, такъ и къ послѣднимъ, или религіи въ ея цѣломъ, должны быть выдѣлены въ

болѣе наказуемый видъ. Основанія для такого выдѣленія указаны нами выше [1]).

3) Понятіе богохуленія, должно уступить мѣсто болѣе широкому и общему понятію, которое обнимало бы его, какъ свою составную часть.

4) Термины «оскорбленіе святыни» и «кощунство», въ случаѣ признанія необходимости сохранить за указанными двумя видами надругательства [2]) особыя названія, могли бы быть сохранены, одно—для перваго изъ этихъ видовъ, другое—для второго. Но значеніе ихъ должно измѣниться соотвѣтственно сказанному (п. 2). Тогда составъ ихъ упростится и граница между ними будетъ ясна.

5) Подъ понятіе поношенія подходитъ и непристойная насмѣшка. Это понятіе не предполагаетъ непремѣнно произнесеніе субъектомъ какихъ-нибудь ругательныхъ, бранныхъ словъ. Не всякая насмѣшка, конечно, подходитъ подъ него, но насмѣшка *непристойная*, т. е. оскорбительная обнимается имъ и упоминать о ней въ законѣ отдѣльно нѣтъ нужды. Насмѣшки же, не подходящія подъ понятіе надругательства, нѣтъ основаній облагать наказаніями и считать преступленіями [3]).

Теперь намъ слѣдуетъ обсудить наказуемость указанныхъ преступленій. Уголовное Уложеніе назначаетъ за богохуленіе и оскорбленіе святыни слѣдующія карательныя мѣры: исправительный домъ на срокъ не свыше 3 л. и крѣпость на срокъ также не свыше 3 лѣтъ, а въ случаяхъ болѣе важныхъ—ссылку на поселеніе и срочную каторгу. Кощунство карается тюрьмою на срокъ не свыше 6 мѣс., а въ случаяхъ

---

[1]) См. выше, стр. 193.

[2]) Понятія „поношеніе“ и „поруганіе дѣйствіемъ“ обнимаются болѣе широкимъ и общимъ понятіемъ „надругательства“.

[3]) Ср. стр. 189.

болѣе тяжкихъ—тюрьмою безъ только что указаннаго ограниченія, или тюрьмою на срокъ не ниже 6 мѣс. Просматривая эту наказуемость, ее нельзя не признать чрезмѣрно суровою. Такъ, назначеніе срочной каторги, т. е. значитъ, каторги на срокъ отъ 4 до 15 лѣтъ (ст. 16) представляется чрезмѣрнымъ и въ тягчайшихъ случаяхъ богохуленія и оскорбленія святыни. По идеѣ своей это наказаніе предназначено для случаевъ глубокаго нравственнаго паденія [1]). Но неуваженіе къ религіознымъ убѣжденіямъ и свободѣ, даже въ случаяхъ наиболѣе рѣзкихъ, при современномъ среднемъ уровнѣ нравственнаго развитія, не можетъ считаться такимъ паденіемъ. Непригодной карательной мѣрой является и ссылка на поселеніе. Она вообще принципіально негодна, какъ карательное средство, а для религіозныхъ деликтовъ, притомъ, чрезмѣрна, такъ какъ достаточнаго предупрежденія этихъ преступленій можно достигнуть средствами менѣе сложными, менѣе тяжкими для преступниковъ и менѣе дорогими для государства. Ни одно изъ перечисленныхъ выше западныхъ законодательствъ не назначаетъ этого наказанія за религіозные деликты, и поступаетъ вполнѣ правильно [2]). Принципіальную негодность этой мѣры не трудно доказать слѣдующими соображеніями [3]). Ссылка

---

[1]) Наша каторга никакого исправительнаго значенія не имѣетъ, но мы при обсужденіи нашего вопроса имѣемъ въ виду правильную обрисовку и организацію этого карательнаго средства. Если исходить отъ современнаго состоянія нашихъ мѣстъ заключенія, то придется, пожалуй, отвергнуть всѣ существующіе у насъ виды лишенія свободы. Но мы признаемъ и настоятельную потребность, и возможность улучшенія, и обсуждаемъ нашъ вопросъ съ надеждой на коренную реформу нашей карательной системы.

[2]) См. выше въ гл. 4 таблицу.

[3]) Входить въ подробное обсужденіе вопроса о ссылкѣ мы здѣсь, разумѣется, не можемъ.

въ смыслѣ простого удаленія человѣка въ опредѣленную мѣстность безъ какихъ-либо другихъ обязательствъ для него, кромѣ безотлучнаго пребыванія въ этой мѣстности, не можетъ считаться цѣлесообразнымъ карательнымъ средствомъ уже потому, что, перенося человѣка въ новую и обыкновенно болѣе суровую мѣстность, въ новыя условія жизни, она только создаетъ для него новые поводы къ преступной дѣятельности, увеличивая тягость его положенія еще перспективой долгихъ лѣтъ ссыльной жизни. Ссылка на поселеніе, т. е. съ обязательствомъ обзавестись хозяйствомъ въ мѣстѣ ссылки, поселиться на опредѣленной территоріи и съ извѣстнымъ содѣйствіемъ этому домообзаводству, поглощаетъ обыкновенно много средствъ, но не приноситъ желаемыхъ результатовъ [1]), такъ какъ уже по существу своему идея принудительнаго водворенія на землѣ совершенно несостоятельна. Не всякій, совершившій извѣстное преступленіе, обладаетъ стремленіемъ и способностью заниматься земледѣльческимъ трудомъ. Домообзаводство въ новомъ мѣстѣ, при новыхъ климатическихъ условіяхъ, предполагаетъ сильное желаніе «сѣсть на землю», большой запасъ энергіи и навыкъ въ земледѣльческомъ трудѣ. Допустить же примѣненіе этого наказанія лишь къ тѣмъ, кого судъ признаетъ пригоднымъ для поселенія, значило бы чрезмѣрно усложнять задачи суда и создавать значительную неравномѣрность уголовной отвѣтственности. Затѣмъ, поселеніе для того, чтобы достигать своей цѣли, должно быть пожизненнымъ. Пожизненныя

---

[1]) Это прекрасно подтверждается многочисленными нашими опытами ссыльныхъ поселеній. Описаніе этихъ опытовъ см. въ книгѣ *Ссылка въ Сибирь*, Очеркъ ея исторіи и современнаго положенія С.-ПБ. 1900 г. Для Высочайше учрежденной коммиссіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки.

же наказанія, какъ противорѣчащія всегда допустимой возможности исправленія преступника и принципу минимальности зла въ наказаніи, не должны быть вообще допускаемы. Противъ ссылки, наконецъ, говоритъ и крайняя трудность раціонально организовать это наказаніе, подтверждаемая исторіей его и на Западѣ и у насъ [1]).

Изъ указываемыхъ Уложеніемъ карательныхъ мѣръ, такимъ образомъ, остаются: исправительный домъ, крѣпость и тюрьма. Исправительный домъ въ той обрисовкѣ, которую даетъ этому наказанію ст. 18 Угол. Уложенія, долженъ служить мѣрой довольно продолжительнаго нравственнаго исправленія; minimum его—1 годъ 6 мѣс., maximum—6 лѣтъ. Наказаніе это распадается на нѣсколько ступеней. Первую ступень образуетъ одиночное заключеніе, срокъ котораго отъ 3 до 6 мѣсяцевъ. Отбывшій эту стадію наказанія переводится въ общее заключеніе. Наказаніе это въ Уложеніи строится, такимъ образомъ, по прогрессивной системѣ, но законъ намѣчаетъ лишь нѣкоторыя основныя черты этой системы, предоставляя дальнѣйшему законодательству дополнить этотъ общій абрисъ подробностями. Тюрьма въ Угол. Уложеніи является краткосрочнымъ наказаніемъ, она назначается на срокъ отъ 2 недѣль до 1 года. Приговоренные къ этому наказанію должны содержаться въ одиночномъ заключеніи и только при неимѣніи или недостаткѣ въ тюрьмѣ одиночныхъ камеръ содержатся совмѣстно съ другими заключенными (ст. 20). Крѣпость назначается на срокъ отъ 2-хъ недѣль до 6 лѣтъ; приговоренные къ этому наказанію содержатся въ общемъ заключеніи (ст. 19

---

[1]) См. объ этомъ у проф. *Фойницкаго*, Ссылка на Западѣ, стр. 327 сл.; *его же*, Ученіе о нак., стр. 302 сл.

Угол. Улож.). Первые два вида заключенія—тюрьма и исправительный домъ могутъ служить цѣли нравственнаго исправленія, исправительный домъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется болѣе интенсивное и продолжительное нравственно-воспитательное воздѣйствіе, тюрьма—въ случаяхъ менѣе интенсивнаго воздѣйствія. Но крѣпость есть наказаніе, по природѣ своей вовсе не предназначенное служить нравственному исправленію арестантовъ; такъ же, какъ и арестъ, она можетъ служить лишь задачѣ юридическаго исправленія. Поэтому она и не должна быть назначаема за разсматриваемыя преступленія. Притомъ, вслѣдствіе обнаруживаемой преступниками данной категоріи нравственной грубости, custodia honesta во всякомъ случаѣ ими не заслужена [1]). Что касается тюрьмы и исправительнаго дома, то каждая изъ этихъ мѣръ представляетъ серьезныя неудобства. Неудобство тюрьмы заключается въ системѣ одиночнаго заключенія. Совершителей религіозныхъ деликтовъ нѣтъ никакихъ основаній содержать въ одиночномъ заключеніи. Послѣднее ставитъ человѣка въ искусственныя условія и если не устраняетъ вовсе, то по крайней мѣрѣ крайне сокращаетъ его общеніе съ другими людьми. А между тѣмъ задача тюрьмы въ отношеніи данной категоріи преступниковъ—развивать и укрѣплять въ нихъ уваженіе къ человѣческой личности; эта задача только тогда будетъ выполнена достаточно успѣшно, когда субъектъ будетъ введенъ въ среду товарищей и здѣсь, въ атмосферѣ постояннаго и разнообразнаго общенія съ ними, научится дѣятельно уважать чужую личность и убѣжденія. Исправительный домъ представляется неудобнымъ съ другой стороны. Это на-

[1]) Для второго вида разсматриваемаго надругательства (стр. 192) достаточенъ арестъ, за исключеніемъ особо оговоренныхъ на стр. 194 случаевъ.

казаніе даже въ своемъ минимальномъ размѣрѣ— $1^1/_2$ года—слишкомъ велико для разсматриваемыхъ религіозныхъ деликтовъ, Какъ нормальное же наказаніе для нихъ приходится избрать тюрьму. Эта мѣра, на мой взглядъ, должна быть назначаема на срокъ не свыше одного года, а въ случаяхъ болѣе важныхъ при наличности особыхъ, увеличивающихъ вину обстоятельствъ—до 1 г. 6 мѣс. Разсматриваемыя преступленія, я полагаю, не проявляютъ такой глубокой нравственной испорченности или недоразвитости, которая требовала бы болѣе продолжительнаго карательнаго воздѣйствія; въ указанные сроки можно нормальному взрослому человѣку привить чувство уваженія къ личности другого настолько, чтобы онъ не поносилъ чужихъ убѣжденій. Суду слѣдуетъ предоставить право продолжить тюремное заключеніе до 1 г. 6 м., какъ указывалось выше, при совершеніи деликта въ церкви или молитвенномъ домѣ, или во время общественнаго богослуженія [1]). Что касается внутренняго быта содержащихся въ тюрьмѣ, то они должны находиться въ общемъ заключеніи съ ночнымъ разъединеніемъ по кельямъ.

Въ дѣйствующемъ законодательствѣ выдѣлены, какъ наказуемые лишь арестомъ, иногда на срокъ не свыше 3-хъ мѣсяцевъ (ст. 74), случаи богохуленія, оскорбленія святыни и кощунства, совершенныхъ по неразумѣнію, невѣжеству или въ состояніи опьяненія [2]). Эти случаи подлежали смягченной отвѣтственности и въ старомъ Уложеніи [3]). Но я не вижу основаній особо оговаривать ихъ въ законодательствѣ. Конечно, преступленія, возникшія на подобной почвѣ, могутъ требовать меньшей отвѣтственности.

---

[1]) Ср. стр. 213.

[2]) Послѣднія части статей 73, 74, 76.

[3]) Ст. 180 Улож. о нак.

Но они не непремѣнно требуютъ смягченія. Съ другой стороны, при достаточно большомъ разстояніи между minimum'омъ и maximum'омъ наказанія судъ всегда сможетъ найти отвѣчающую конкретнымъ условіямъ мѣру наказанія.

II. Перехожу къ деликтамъ, которые составители Уг. Уложенія отнесли ко второму и третьему видамъ. Второй видъ озаглавленъ такъ: «неисполненіе церковныхъ требованій, признаваемыхъ со стороны государства имѣющими и общегражданское значеніе, а именно о погребеніи христіанъ съ соблюденіемъ церковнаго обряда»; къ третьему виду отнесено «нарушеніе уваженія къ усопшимъ».

Подъ «неисполненіемъ церковныхъ требованій, признаваемыхъ со стороны государства имѣющими общегражданское значеніе»,—въ Уложеніи разумѣется погребеніе христіанина безъ христіанскаго обряда, если для исполненія этого обряда приглашеніе духовнаго лица подлежащаго вѣроисповѣданія не представляло особаго затрудненія. Дѣяніе это, которое нѣтъ основаній заносить на страницы уголовныхъ законовъ, предусматривается ст. 78 и наказывается арестомъ на срокъ не свыше 3 мѣсяцевъ [1]). Субъектомъ его можетъ быть лишь то лицо, «на которомъ по его семейному положенію, по особымъ отношеніямъ къ покойному, а иногда и по служебному положенію лежала обязанность распоряжаться похоронами» [2]). «Покойный долженъ быть лишенъ христіанскаго погребенія, то-есть долженъ быть похороненъ безъ тѣхъ обрядовъ, въ которыхъ выражается сущность погребенія, напримѣръ, безъ отпѣванія; поэтому неисполненіе погребальныхъ молитвословій, предшествующихъ погребенію, напримѣръ, пани-

[1]) Въ старомъ Улож. статьѣ 78 соотвѣтствовала ст. 209[1].

[2]) Объясненія, IV, 92.

хидъ, чтенія надъ покойнымъ псалтыря, и т. п. не подойдетъ подъ дѣйствіе ст. 332 (78)» [1]). Погребеніе должно быть совершено безъ исполненія христіанскихъ обрядовъ; поэтому погребеніе по обряду иновѣрнаго христіанскаго исповѣданія не подойдетъ подъ ст. 78 [2]).

Подъ «нарушеніемъ уваженія къ усопшимъ» разумѣются разныя посягательства, имѣющія своимъ объектомъ трупы: похищеніе или поруганіе дѣйствіемъ умершаго, преданнаго или не преданнаго землѣ и совершеніе надъ умершимъ оскорбляющихъ нравственность дѣйствій (ст. 79). Первыя два дѣянія наказываются исправительнымъ домомъ на срокъ не свыше 3-хъ лѣтъ, а послѣднее—тѣмъ же наказаніемъ, но на срокъ не ниже 3-хъ лѣтъ. Въ случаѣ, если означенныя дѣянія учинены по суевѣрію, неразумію, невѣжеству или въ состояніи опьяненія, они наказываются тюрьмою на срокъ не свыше 6 мѣс.

Для состава похищенія необходимо: 1) чтобы дѣйствіе было похищеніемъ въ томъ значеніи, которое придается этому слову въ отдѣлѣ объ имущественныхъ преступленіяхъ [3]), и 2) чтобы трупъ находился въ какомъ-либо хранилищѣ, подъ чьей-либо охраной. «Такою охраной можетъ быть кладбище, какъ мѣсто упокоенія усопшаго; общественныя учрежденія, въ коихъ скончался похищенный или гдѣ оставался его трупъ, все равно будетъ ли это особое помѣщеніе, предназначенное исключительно для помѣщенія покойника до его погребенія, или же общія помѣщенія; наконецъ, частныя помѣщенія, въ коихъ находился умершій до его погребенія» [4]).

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) Объясненія, IV, 95.

[4]) Объясненія, IV, 95—96.

Относительно изложенныхъ постановленій я долженъ замѣтить, что, какъ указано выше, всѣ эти деликты не составляютъ посягательствъ на религіозную свободу. Ст. 79 должна быть несомнѣнно выдѣлена изъ даннаго отдѣла; необходимо также значительно смягчить наказуемость означенныхъ дѣяній. Уложеніе должно бы, по моему мнѣнію, всѣ посягательства, имѣющія своимъ объектомъ трупы соединить въ одну отдѣльную группу.

Ш. Четвертый видъ въ классификаціи составителей новаго Уложенія носитъ слѣдующее названіе: «нарушеніе свободы отправленія вѣры, выражающееся въ принужденіи къ выполненію какого-либо религіознаго дѣйствія или въ воспрепятствованіи выполненію таковаго». Къ этому виду принадлежатъ, прежде всего, дѣянія, о которыхъ говоритъ ст. 75. Она предусматриваетъ: непристойный крикъ, шумъ или иное безчинство, препятствующіе отправленію общественнаго христіанскаго богослуженія, *или* учиненные въ церкви, часовнѣ, или христіанскомъ молитвенномъ домѣ. Наказаніе за такое дѣяніе—арестъ на срокъ не свыше 3-хъ мѣс., а если такое безчинство прервало богослуженіе или учинено толпою,— то арестъ безъ указаннаго ограниченія срока. Въ случаѣ же, если такое безчинство учинено съ цѣлью помѣшать богослуженію, то—тюрьма, при наличности же, кромѣ того, какого-либо изъ указанныхъ обстоятельствъ—учиненія безчинства толпою, или прерванія такимъ путемъ богослуженія — тюрьма на срокъ не ниже 6 мѣс. Составители Угол. Уложенія видѣли въ разсматриваемыхъ преступныхъ дѣяніяхъ даже «отдѣльный видъ кощунства» [1]), а потому и помѣстили постановленіе о нихъ рядомъ съ общимъ

[1]) Объясненія, IV, 78. Но намъ казалось болѣе удобнымъ разсмотрѣть это дѣяніе здѣсь, въ связи съ наиболѣе родственными ему деликтами.

постановленіемъ о кощунствѣ,—со статьей 74 [1]). Но такая точка зрѣнія совершенно неправильна, и надо слишкомъ широко раздвинуть предѣлы области кощунства, чтобы отнести къ ней и эти дѣянія. Сущность послѣднихъ въ томъ, что они препятствуютъ отправленію богослуженія; они и должны быть разсматриваемы какъ виды такого препятствованія.

Не всякое дѣяніе, недозволенное въ церкви, подойдетъ подъ понятіе преступнаго безчинства, а лишь такое, которое заключаетъ въ себѣ прямое выраженіе непочтенія къ религіи; напримѣръ, разговоры во время службы, переходъ съ мѣста на мѣсто, не составляютъ еще сами по себѣ такого безчинства [2]). Если безчинство совершено внѣ церкви или молитвеннаго дома, то оно можетъ быть подведено подъ ст. 75 лишь при условіи, если препятствовало отправленію *общественнаго христіанскаго богослуженія* [3]). Соотвѣтствующее статьѣ 75 поетановленіе, охраняющее нехристіанскія исповѣданія, заключается въ ст. 77 [4]). Послѣдняя гласитъ: «Виновный въ непристойномъ крикѣ, шумѣ или иномъ безчинствѣ, вслѣдствіе учиненія коего прервалось общественное

---

[1]) Надо замѣтить, однако, что на стр. 88 (т. IV) объяснительной записки редакторы говорятъ, что подъ ст. 330 проекта (соотвѣтствующую ст. 75 Уг. Ул.) подходитъ совершеніе чего-либо, „хотя и не подходящаго подъ понятіе оскорбленія святыни, богохуленія, *или даже кощунства*, но не соотвѣтствующаго должному почтенію къ святости того мѣста, гдѣ находился виновный...“ и т. д.

[2]) Объясненія, IV, 88.

[3]) Совершенно справедливо составители Уложенія отдѣлили отъ разсматриваемаго безчинства случаи открытія увеселеній или торговыхъ заведеній во время совершенія богослуженія, отнеся таковыя къ нарушеніямъ общихъ правилъ объ открытіи торговыхъ или промышленныхъ заведеній или увеселеній въ недозволенное время или безъ надлежащаго разрѣшенія. Объясненія, IV, 87.

[4]) Эта статья внесена Государственнымъ Совѣтомъ.

религіозное служеніе признаннаго въ Россіи нехристіанскаго вѣроисповѣданія, если сіе безчинство учинено публично или въ молитвенномъ домѣ такого вѣроисповѣданія, наказывается арестомъ на срокъ не свыше 3-хъ мѣсяцевъ». При сопоставленіи этой статьи съ аналогичнымъ постановленіемъ относительно христіанскихъ вѣроисповѣданій не можетъ опять не броситься въ глаза то громадное предпочтеніе, которое законъ оказываетъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Препятствованіе отправленію культа нехристіанскаго исповѣданія карается, когда препятствующее безчинство учинено публично или въ молитвенномъ домѣ и когда, притомъ, оно прервало общественное богослуженіе; и при этихъ условіяхъ оно карается лишь арестомъ на срокъ не свыше 3 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, если учинено безчинство, прервавшее нехристіанское богослуженіе, но за дверями молитвеннаго дома и не публично, то оно не подойдетъ подъ ст. 77. Если это безчинство, хотя и учинено въ молитвенномъ домѣ, хотя и сильно мѣшало богослуженію, но послѣднее не прервалось, оно опять не подойдетъ подъ эту статью. Такое различіе въ охранѣ исповѣданій противорѣчитъ установленнымъ нами принципамъ. Не дѣло уголовнаго законодателя устанавливать какіе-то ранги для религій по ихъ достоинствамъ и съ этимъ соразмѣрять свою охрану. Всякое богослуженіе должно быть одинаково охранено отъ нарушающаго его безчинства.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что ст. 75 и 77 должны быть соединены въ одно постановленіе, имѣющее общій характеръ. Кромѣ безчинства, въ немъ должно быть оговорено воспрепятствованіе богослуженію насиліемъ и угрозою противозаконнымъ дѣяніемъ. Затѣмъ, вмѣсто указанныхъ въ ст. 75 сложныхъ подраздѣленій, законодатель при обрисовкѣ даннаго де-

ликта долженъ, по нашему мнѣнію, различать лишь два случая: когда дѣяніе совершено съ намѣреніемъ прервать или воспрепятствовать богослуженію и когда оно было совершено безъ этого намѣренія, предоставивъ уже суду дальнѣйшее соразмѣреніе наказанія съ особенностями конкретныхъ случаевъ.

Теперь перехожу къ тѣмъ видамъ принужденія, въ которыхъ дѣйствіе направляется не противъ общественнаго богослуженія, а противъ отдѣльныхъ лицъ и касается ихъ религіозной жизни. Первое мѣсто среди нихъ несомнѣнно принадлежитъ принужденію физическимъ насиліемъ или угрозою противозаконнымъ дѣяніемъ перейти въ какую-либо вѣру, или отречься отъ своей вѣры, т.-е.—насильственному обращенію. Какъ же относится къ этому деликту наше законодательство? Ему неизвѣстно насильственное обращеніе, какъ отдѣльный самостоятельный видъ. Оно говоритъ о немъ вмѣстѣ съ совращеніемъ и видитъ въ немъ лишь одинъ изъ случаевъ совращенія. Въ этомъ случаѣ новое Уложеніе повторило ошибку стараго, въ которомъ также насильственное обращеніе не выдѣлялось изъ понятія совращенія [1]). Слѣдуя своей точкѣ зрѣнія, составители новаго Уложенія въ своей классификаціи отнесли насильственное обращеніе не къ IV, а къ V разряду деликтовъ. Но такой взглядъ совершенно неправиленъ, совращеніе предполагаетъ, съ одной стороны, такое воздѣйствіе, которое побудило бы другого оставить одну вѣру и перейти въ другую, а, съ другой стороны,—добровольный (т.-е. не насильственный) переходъ совращеннаго вслѣдствіе этого уговора. Совратить—значитъ тѣми или иными средствами соблазнить, подстрекнуть перейти въ новую вѣру. Въ тѣхъ случаяхъ, когда употребляется насиліе, нельзя говорить о «соблазненіи»;

[1]) См. ст. 184 и 187 Улож. о нак.

въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ видѣть уже не совращеніе, а обращеніе. Выдѣлить насильственное обращеніе изъ понятія совращенія заставляютъ также слѣдующія обстоятельства: совращеніе лица, обладающаго уже религіознымъ самоопредѣленіемъ, ненаказуемо, но насильственное обращеніе, конечно, наказуемо. Далѣе, насильственное обращеніе есть преступленіе въ тѣсномъ смыслѣ слова, совращеніе же лица, не достигшаго еще возраста религіознаго самоопредѣленія, есть проступокъ.

Но какъ бы то ни было, разъ данный деликтъ совершенно смѣшивается и предусматривается въ однѣхъ и тѣхъ же статьяхъ съ совращеніемъ, то удобнѣе будетъ и намъ разсмотрѣть его ниже въ отдѣлѣ о совращеніи, въ связи съ другими видами послѣдняго. Теперь же, минуя этотъ видъ, обратимся къ другому, къ принужденію совершить или, напротивъ, не совершать какое-либо религіозное дѣйствіе. О немъ говоритъ ст. 80 Угол. Улож., гласящая: «Виновный: 1) въ принужденіи, посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, къ совершенію богослуженія или обряда, воспрещенныхъ или недозволенныхъ правилами вѣроисповѣданія, къ коему принадлежитъ принуждаемый, или къ участію въ такомъ богослуженіи или обрядѣ; 2) въ воспрепятствованіи, посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, совершенію богослуженія или обряда, установленныхъ правилами признаннаго въ Россіи вѣроисповѣданія, къ коему принадлежитъ принуждаемый, или къ участію въ такомъ богослуженіи или обрядѣ, наказывается: заключеніемъ въ тюрьмѣ». «Если сіе принужденіе или воспрепятствованіе учинено по отношенію къ духовному лицу христіанскаго вѣроисповѣданія, состоящему въ санѣ священнослужителя или въ званіи настоятеля или наставника ста-

рообрядческаго согласія или сектанской общины, а также духовному лицу нехристіанскаго вѣроисповѣданія, то виновный наказывается: заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не ниже 3-хъ мѣсяцевъ».

Приведенная статья, по нашему убѣжденію, должна подвергнуться серьезнымъ измѣненіямъ и сокращенію. Прежде всего, изъ нея должно быть выдѣлено препятствованіе общественному богослуженію, а подраздѣленіе принужденія на два вида упразднено; въ виду одинаковой наказуемости нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній сохранять это многословное подраздѣленіе. Въ болѣе общей формѣ законъ долженъ запрещать принуждать кого-либо, извѣстными средствами, совершить или не совершать какое-либо религіозное дѣйствіе, а также участвовать или не участвовать въ совершеніи таковаго. Конечно, въ большинствѣ случаевъ принужденіе человѣка совершить какое-либо религіозное дѣйствіе согласно предписаніямъ и обрядамъ чуждой ему религіи должно влечь за собою бо́льшую отвѣтственность, чѣмъ такое же принужденіе совершить или не совершить какое-либо религіозное дѣйствіе по обрядамъ религіи принуждаемаго. Но нельзя утверждать, чтобы первые случаи требовали *всегда* бо́льшаго наказанія, чѣмъ вторые,—это въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, какъ и къ чему принуждаютъ. Слѣдуетъ, поэтому, предоставить суду наказывать тѣ и другіе, смотря по обстоятельствамъ конкретныхъ случаевъ.

Не совсѣмъ удачны, на нашъ взглядъ, и употребленныя въ ст. 80 выраженія: «богослуженіе или обрядъ» [1]). Возможно принужденіе и къ такимъ ре-

---

[1]) Въ проектѣ, вмѣсто этихъ словъ, были употреблены болѣе удачныя выраженія: „богомоленія или религіозныхъ обряда или служенія“. Измѣненіе внесено Государственнымъ Совѣтомъ.

лигіознымъ дѣйствіямъ, которыя не составляютъ ни богослуженія, ни обряда въ томъ значеніи, которое обыкновенно придается этимъ словамъ; такъ, послѣднія не вполнѣ обнимаютъ частное богомоленіе отдѣльныхъ лицъ, такъ какъ такое богомоленіе можетъ заключаться и не въ обрядахъ только, если слову обрядъ не придавать не подобающаго ему чрезмѣрно широкаго значенія. Правильнѣе, поэтому, употребить болѣе широкія и общія выраженія, указать, что въ данномъ случаѣ разумѣются, съ одной стороны, всѣ вообще молитвенныя дѣйствія, а съ другой—и другія дѣйствія, совершаемыя вѣрующими въ память какихъ-либо событій, имѣющихъ религіозное значеніе.

Послѣдняя часть статьи, говорящая о случаяхъ, когда принужденіе было направлено противъ разныхъ духовныхъ лицъ, на нашъ взглядъ, безъ ущерба для дѣла могла бы быть выпущена; судъ самъ сумѣетъ избѣжать чрезмѣрной снисходительности; законодателю не за чѣмъ въ данномъ случаѣ его отъ этого предохранять.

Списокъ средствъ принужденія въ обѣихъ частяхъ ст. 80 долженъ быть измѣненъ слѣдующимъ образомъ. Вмѣсто словъ «насиліе надъ личностью», на нашъ взглядъ, удобнѣе употребить болѣе точное выраженіе «физическое насиліе», такъ какъ первый терминъ слишкомъ широкъ; подъ общее понятіе насилія надъ личностью подходитъ и насиліе психическое, угроза. Подъ физическимъ насиліемъ слѣдуетъ разумѣть какъ непосредственное, такъ и посредственное [1]) противо-

---

[1]) Подъ посредственнымъ насиліемъ мы разумѣемъ то же, что и редакторы новаго Уложенія (Объясненія, VI, 486 сл.), т.-е., насиліе, такъ сказать, черезъ вещи, съ одной стороны, и насиліе надъ лицомъ, настолько связаннымъ съ принуждаемымъ, что посягательство на него является посредственнымъ посягательствомъ на принуждаемаго.

законное примѣненіе къ другому человѣку, вопреки его волѣ, физической силы.

Далѣе, въ числѣ средствъ принужденія, Угол. Уложеніе говоритъ о «наказуемой» угрозѣ, т.-е. объ угрозѣ, которая сама по себѣ уже составляетъ уголовно—наказуемое дѣяніе. Объ угрозѣ, какъ delictum sui generis, говоритъ ст. 510. Она предусматриваетъ умышленную угрозу лишить жизни или свободы угрожаемое лицо или члена его семьи, или учинить насильственное на ихъ личность посягательство, или произвести поджогъ, или взрывъ или потопленіе ихъ имущества, если такая угроза могла вызвать у угрожаемаго опасеніе ея осуществимости. Хотя ст. 510 довольно широка, однако она все-таки не обнимаетъ всѣхъ случаевъ, когда угроза является средствомъ разсматриваемаго принужденія. Легко представить случай, когда виновный будетъ угрожать не поджогомъ, взрывомъ или потопленіемъ, а другимъ преступленіемъ, напр. опозореніемъ и т. п. Вотъ почему правильнѣе употребить болѣе широкое и общее выраженіе: угроза противозаконнымъ дѣяніемъ.

Что касается наказуемости, то на нашъ взглядъ, достаточнымъ наказаніемъ за данное преступленіе было бы тюремное заключеніе на срокъ не свыше 6 мѣс. [1]). Болѣе наказуемыми должны считаться случаи, когда то, къ чему субъектъ принужденъ, завѣдомо для виновнаго, составляетъ, въ глазахъ принуждаемаго, тяжкое нарушеніе правилъ исповѣдуемаго имъ вѣроученія; въ этихъ случаяхъ суду слѣдуетъ предоставить право назначать тюремное за-

---

[1]) Предлагаемая наказуемость нѣсколько ниже установленной въ ст. 507 за принужденіе вообще (тюремное заключеніе до 1 года). Эта послѣдняя представляется слишкомъ высокой и заслуживала бы нѣкотораго смягченія.

ключеніе на срокъ до 1 года. При раціональной организаціи тюремнаго заключенія, въ указанные сроки можно, по нашему мнѣнію, внушить человѣку убѣжденіе въ недопустимости подобнаго отношенія къ внутренней жизни другихъ людей, до извѣстной степени привить ему уваженіе къ человѣческой личности, ослабить его фанатизмъ....

Изъ установленныхъ нами (гл. 3) общихъ началъ вытекаютъ еще двѣ поправки разсматриваемыхъ постановленій: 1) во-первыхъ, необходимо оговорить наказуемость данныхъ дѣяній лишь по жалобѣ потерпѣвшаго; 2) во-вторыхъ, слѣдовало бы оговорить наказуемость покушенія; наказуемость покушенія оговорена подъ ст. 507 и почему-то не оговорена подъ ст. 80.

Въ Уголовномъ Уложеніи есть еще одна статья, относящаяся къ разсматриваемому виду принужденія—это ст. 81. Она гласитъ: «Лицо нехристіанскаго вѣроисповѣданія, воспрепятствовавшее, хотя и безъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, христіанину, находящемуся у него въ услуженіи, въ обученіи ремеслу или на работѣ, исполнить религіозную обязанность его вѣроисповѣданія или участвовать въ установленномъ симъ вѣроисповѣданіемъ чествованіи воскреснаго или иного праздничнаго дня, наказывается денежною пенею не свыше пятидесяти рублей [1])». Статья эта весьма неудовлетворительна и излишня. Ее необходимо совершенно исключить. Неудовлетворительна и диспозитивная, и санкціонирующая части ея. Во-первыхъ, ненормально то, что

---

[1]) Въ проектѣ эта статья имѣла еще худшій видъ, она начиналась такъ: „Еврей, воспрепятствовавшій, хотя и безъ учиненія для сего насилія и т. д...“ (ст. 335). Статья эта повторяетъ ст. 48 Устава о нак., налагаемыхъ мировыми судьями съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями.

данное дѣяніе наказывается, если оно совершено нехристіаниномъ по отношенію къ христіанину, и не наказывается, если оно совершено христіаниномъ по отношенію къ нехристіанину, или христіаниномъ по отношенію къ христіанину. Во-вторыхъ, вообще нѣтъ никакихъ основаній предусматривать въ кодексѣ подобное ненасильственное препятствованіе; и никакихъ мотивовъ, по которымъ составители Уложенія внесли это постановленіе, въ объяснительной запискѣ нѣтъ [1]). Въ-третьихъ, денежная пеня, по основаніямъ, изложеннымъ выше, представляется совершенно непригодной карательной мѣрой за данное преступленіе.

IV. *Совращеніе и примыкающіе къ нему деликты.* Пятое мѣсто въ своей классификаціи составители новаго Уложенія отвели совращенію, а шестое—«проповѣди нѣкоторыхъ лжеученій», дѣянію, очевидно, близкому къ совращенію. Къ этимъ двумъ разрядамъ примыкаютъ дѣянія, помѣщенныя въ восьмой разрядъ, озаглавленный такъ: «нарушеніе нѣкоторыхъ особыхъ постановленій нашего закона въ огражденіе православной вѣры отъ отвлеченія православныхъ въ другія вѣроисповѣданія». Всѣ эти родственныя другъ другу деликты мы и разсмотримъ въ настоящемъ отдѣлѣ.

Сначала остановлюсь на совращеніи, которое занимаетъ среди нихъ центральное мѣсто. Выше уже замѣчено, что понятіе совращенія имѣетъ въ нашемъ Уложеніи очень широкій объемъ. Уложеніе различаетъ совращеніе насильственное и ненасильственное [2]). Подъ первымъ оно разумѣетъ совращеніе посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы,

---

[1]) Объясненія IV, 100.

[2]) Объясненія, IV, 107.

т. е. то, что, какъ мы говорили, составляетъ насильственное обращеніе и должно бы быть выключено изъ понятія совращенія. Къ ненасильственному совращенію Уложеніе относитъ совращеніе посредствомъ злоупотребленія властью, принужденія, обольщенія обѣщаніемъ выгодъ или посредствомъ обмана. Существенные признаки совращенія, по указанію объяснительной записки, слѣдующіе:

1) наличность со стороны виновнаго активнаго участія въ совращеніи, наличность какихъ-либо мѣръ, имѣющихъ характеръ подстрекательства путемъ нравственнаго воздѣйствія, обольщенія, обѣщанія выгодъ и т. п. Одно принятіе духовнымъ лицомъ въ свое вѣроисповѣданіе другого и учиненіе надъ нимъ какого-либо обряда присоединенія подъ понятіе совращенія не подходитъ;

2) дѣйствительное отпаденіе того, кого совращали. Одно прекращеніе посѣщать церковь, небытіе у исповѣди, посѣщеніе иновѣрныхъ молитвенныхъ домовъ и собраній и т. п. не составляетъ еще достаточнаго доказательства отпаденія;

3) между отпаденіемъ и воздѣйствіемъ совратителя должна существовать причинная связь, которую судъ и долженъ установить;

4) умышленность. Совращеніе по существу можетъ быть только умышленнымъ и, притомъ, съ намѣреніемъ вызвать отпаденіе лица отъ той религіи, къ которой оно принадлежитъ [1]).

Покушеніе на ненасильственное совращеніе ненаказуемо [2]), на насильственное—наказуемо:

---

[1]) Объясненія, IV, 114.

[2]) Въ данномъ случаѣ составители опирались на практическія соображенія, на то, „что такое распространеніе наказуемости на всѣ попытки совращенія привело бы къ послѣдствіямъ едва ли желательнымъ, и крайне затруднило бы судебную практику“. Объясненія, IV. 115.

Постановленія Уложенія о совращеніи чрезвычайно сложны и запутаны. Въ значительной степени эта сложность объясняется отмѣченнымъ уже смѣшеніемъ понятій насильственнаго обращенія и совращенія. Съ другой стороны, казуистичность Уложенія имѣетъ однимъ изъ своихъ источниковъ желаніе подчеркнуть преимущество православія предъ другими вѣроисповѣданіями и вѣроисповѣданій христіанскихъ передъ нехристіанскими.

Прежде всего, что касается насильственнаго совращенія, то общее постановленіе о немъ содержится въ ст. 87. Она гласитъ: «Виновный въ томъ, что, посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, совратилъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, если не подлежитъ наказанію по статьямъ 82—84, наказывается: заключеніемъ въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше 3-хъ лѣтъ».

Затѣмъ, Уложеніе предусматриваетъ нѣсколько особыхъ видовъ насильственнаго совращенія, о которыхъ говоритъ въ однѣхъ статьяхъ съ соотвѣтствующими видами совращенія ненасильственнаго. Виды эти слѣдующіе:

1) Совращеніе христіанина въ нехристіанскую вѣру. Если такое совращеніе совершено посредствомъ злоупотребленія властью, принужденія, обольщенія обѣщаніемъ выгодъ или обмана, то за него назначается заключеніе въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше 3-хъ лѣтъ или заключеніе въ крѣпость также на срокъ не свыше 3-хъ лѣтъ, а если такое совращеніе совершено посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы,—то каторга на срокъ не свыше 6 лѣтъ или ссылка на поселеніе (ст. 82).

2) Совращеніе, посредствомъ злоупотребленія властью, принужденія, обольщенія обѣщаніемъ выгодъ или

обмана, православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе; оно карается крѣпостью на срокъ не свыше 3-хъ лѣтъ, а если было совершено посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы,—то ссылкою на поселеніе (ст. 83).

3) Совращеніе, посредствомъ злоупотребленія властью, принужденія, обольщенія обѣщаніемъ выгодъ или обмана, православнаго въ скопчество или другое изувѣрное ученіе карается ссылкою на поселеніе въ особо предназначенныя для сихъ осужденныхъ мѣстности, а если такое совращеніе совершено посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы,—то каторгой на срокъ не свыше 8 лѣтъ. (ст. 84).

Совращеніе, означенными средствами, скопцомъ или послѣдователемъ иного изувѣрнаго ученія лица инославнаго христіанскаго или нехристіанскаго вѣроисповѣданія въ свое ученіе карается такъ же, какъ и въ предшествующемъ случаѣ (послѣдняя часть ст. 84).

4) Оскопленіе съ согласія оскопляемаго какъ принадлежащаго къ скопческой ереси, такъ хотя и непринадлежащаго къ ней, но съ цѣлью совратить въ нее, наказывается каторгой на срокъ не свыше 6 л., а оскопленіе, посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы,—карается каторгой на срокъ не свыше 10 лѣтъ (ст. 85).

5) Совращеніе, посредствомъ злоупотребленія властью, принужденія, обольщенія обѣщаніемъ выгодъ или обмана нехристіаниномъ нехристіанина русскаго подданнаго, изъ одного нехристіанскаго вѣроисповѣданія въ другое карается заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не свыше 3-хъ мѣсяцевъ (ст. 86).

Обращаясь къ критикѣ изложенныхъ постановленій, остановлюсь сначала на «ненасильственномъ» совращеніи. Обрисовку, данную закономъ этому

дѣянію, нельзя, конечно, признать удачной. Такъ, слово «принужденіе», очевидно, по недоразумѣнію попало въ характеристику *ненасильственнаго* совращенія. Затѣмъ, какъ установлено выше, совращеніе лица, достигшаго уже возраста религіознаго самоопредѣленія, не должно считаться преступленіемъ. Возрастомъ религіознаго самоопредѣленія, намъ кажется, у насъ слѣдовало бы признать 17 лѣтъ. Нѣкоторыя законодательства, напр., венгерское [1]), указываютъ болѣе высокій возрастъ—18 лѣтъ, но для такой цифры не существуетъ достаточныхъ основаній. Достигшихъ 17 лѣтъ наше законодательство признаетъ уже способными, хотя и съ ограниченіями, и подъ руководствомъ попечителей, распоряжается своими дѣлами и имуществомъ. Относительно ихъ уже не ставится на уголовномъ судѣ вопросъ о разумѣніи и они несутъ, хотя и смягченную, но по роду карательныхъ мѣръ ту же отвѣтственность, что и взрослые [2]). Достигнувъ этого возраста, человѣкъ пріобрѣтаетъ уже способность связывать свои идеи въ одно цѣльное міровоззрѣніе и критически относиться къ представляющимся ему различнымъ міросозерцаніямъ. Правда, мышленіе юноши этого возраста не отличается такой же устойчивостью, какъ мышленіе взрослаго, но оно уже вышло изъ младенческаго состоянія и пріобрѣло способность критической работы. Къ этому времени у человѣка накопляется уже достаточный для такой критической работы матеріалъ и запасъ знаній. Съ этого возраста обыкновенно начинается и болѣе серьезное и сознательное чтеніе. Въ пользу предлагаемаго возраста говорятъ также

---

[1]) *Martinet* et *Dareste*, Code pénal hongrois, стр. 184, примѣч. 2.

[2]) За исключеніемъ смертной казни (ст. 57 Угол. Улож.), къ нимъ примѣняются тѣ же карательныя мѣры, какъ и ко взрослымъ.

слѣдующія соображенія. Съ достиженіемъ его у юноши настолько уже созрѣваетъ работоспособность, что онъ можетъ самъ себѣ добывать средства къ жизни. Разрывъ съ родителями или съ лицами, заступающими мѣсто родителей, въ случаѣ перехода противъ ихъ воли въ другую вѣру, не создаетъ для него столь же безвыходнаго тягостнаго положенія, какъ для лица, вынужденнаго, вслѣдствіе своей зависимости въ матеріальномъ отношеніи, оставаться въ домѣ родителей или воспитателей. Такимъ образомъ, возрастомъ религіознаго самоопредѣленія слѣдуетъ признать уже извѣстный различнымъ отдѣламъ нашего законодательства и вполнѣ отвѣчающій условіямъ нашей жизни возрастъ 17-лѣтній. Конечно, какъ и всякая цифровая граница, онъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторый элементъ произвольности. Почему, спрашивается, именно 17 лѣтъ, а не $17^1/_2$ или 17 съ мѣсяцемъ, или не 16 лѣтъ и т. д.? Но такая произвольность—неизбѣжное свойство всякой цифровой границы и съ нею приходится мириться. Слѣдуетъ лишь стараться избрать такую цифру, которая въ общемъ и среднемъ всего болѣе отвѣчала бы мѣстнымъ условіямъ. Такою, на нашъ взглядъ, и является цифра—17 лѣтъ.

Изъ сказаннаго, однако, не слѣдуетъ, что не достигнувъ 17 лѣтъ, юноша ни въ какомъ случаѣ не можетъ перемѣнить своей вѣры. Но руководство его религіозною жизнью въ это время принадлежитъ родителямъ или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто, и перемѣна религіи возможна лишь съ ихъ согласія. Достигнувъ же 17 лѣтъ, юноша становится полновластнымъ распорядителемъ своей религіозной жизни и можетъ перемѣнить свою вѣру и вопреки волѣ родителей. Однако не слѣдуетъ думать, что, пока юноша не достигъ 17 лѣтъ, родители или заступающіе ихъ мѣсто лица могутъ переводить его по

усмотрѣнію изъ одной вѣры въ другую. Нѣтъ, такое полновластное распоряженіе можно предоставить родителямъ лишь въ отношеніи дѣтей, недостигшихъ извѣстнаго возраста. Указъ 17 Апрѣля 1905 г. такимъ возрастомъ признаетъ 14 лѣтъ; онъ постановляетъ, «что при переходѣ одного изъ исповѣдующихъ ту же самую христіанскую вѣру супруговъ въ другое вѣроисповѣданіе, всѣ недостигшія совершеннолѣтія дѣти остаются въ прежней вѣрѣ, исповѣдуемой другимъ супругомъ, а при таковомъ же переходѣ обоихъ супруговъ дѣти ихъ до 14 лѣтъ слѣдуютъ вѣрѣ родителей, достигшія же сего возраста остаются въ прежней своей религіи» (п. 2). Въ этомъ постановленіи многое можетъ дать основаніе для критики, но возрастъ 14 лѣтъ, на нашъ взглядъ, долженъ быть сохраненъ, съ оговоркой что по достиженіи этого возраста дѣти могутъ принимать новую вѣру своихъ родителей лишь по своему желанію. Конечно, между родителями, перемѣнившими свою вѣру, и ребенкомъ, оставшимся въ прежней вѣрѣ, возможенъ серьезный разладъ. Но острота положенія въ значительной степени будетъ смягчаться сознаніемъ того, что настоящая вѣра ребенка привита ему самими же родителями и что принудительный переводъ ребенка въ другую вѣру врядъ ли принесъ бы желательный результатъ, такъ какъ черезъ 2—3 года обращенный можетъ снова вернуться къ той религіи, къ которой онъ привязанъ. Принужденіе могло бы только обострить и усилить духовный разрывъ, который въ этихъ случаяхъ неизбѣженъ и никакими законами устраненъ быть не можетъ. За родителями въ разсматриваемомъ случаѣ можно признать лишь право убѣждать дѣтей присоединиться къ ихъ новой вѣрѣ.

Сказаннымъ точно опредѣляются предѣлы пре-

ступнаго совращенія. Теперь намъ слѣдуетъ обсудить его наказуемость. Прежде всего, несомнѣнно, что это дѣяніе должно наказываться лишь по жалобѣ родителей или лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто и воспитывающихъ даннаго юнаго субъекта. Далѣе, ни крѣпость, ни поселеніе, по изложеннымъ выше основаніямъ, непригодны въ качествѣ наказаній за него. Если совратитель не сознавалъ, что своимъ совращеніемъ онъ создаетъ для своей жертвы тяжелое положеніе въ семьѣ, то, какъ проступокъ, совращеніе должно быть караемо арестомъ; если же виновный дѣйствовалъ съ этимъ сознаніемъ, онъ долженъ быть наказанъ тюремнымъ заключеніемъ на срокъ до 6 мѣс. При этомъ, въ послѣднемъ случаѣ духовныя лица могутъ быть удаляемы судомъ отъ ихъ должности на срокъ отъ 1 до 6 мѣсяцевъ.

Что касается «насильственнаго» совращенія, то первая реформа постановленій о немъ должна заключаться въ выдѣленіи его, по изложеннымъ раньше основаніямъ, изъ области совращенія. Затѣмъ, всѣ сложныя и искусственныя подраздѣленія его на виды, съ явнымъ предпочтеніемъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и православію должны быть уничтожены. Законодатель не долженъ въ данномъ случаѣ соразмѣрять свою охрану со степенью кажущейся ему доброкачественности религіи. Онъ долженъ одинаково охранять всѣхъ гражданъ отъ насилій, безъ различія вѣроисповѣданій, изъ которыхъ или въ которыя насильственно обращаются Для него должно быть важно въ этихъ случаяхъ не качество религіи, а страданіе насилуемаго. Нехристіанинъ можетъ такъ же глубоко страдать отъ обращенія его въ христіанство, какъ христіанинъ при обращеніи его въ нехристіанскую вѣру и страданіе перваго не должно значить для законодателя менѣе, чѣмъ страданіе второго. Съ другой сто-

роны, государство одинаково заинтересовано въ томъ, чтобы не попиралась личность и свобода и его не христіанскаго населенія. Я рѣшительно не вижу основаній для какого-либо принципіальнаго различія въ данномъ случаѣ, если рѣшать вопросъ не съ какой—либо односторонней религіозной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ.

Нѣтъ никакихъ основаній создавать какія-либо особыя постановленія и относительно скопцовъ. Насильственное оскопленіе есть весьма тяжкое тѣлесное поврежденіе и должно разсматриваться какъ таковое. Съ нимъ можетъ соединяться принужденіе къ принятію скопческаго ученія, но можетъ и не соединяться; въ первомъ случаѣ будетъ идеальная совокупность двухъ преступленій. Что касается оскопленія съ согласія на то оскопляемаго, то такъ же, какъ и самооскопленіе, оно вовсе не должно считаться преступленіемъ, при условіяхъ, разумѣется, что потерпѣвшій былъ совершеннолѣтнимъ, находился въ состояніи вмѣняемости, и согласіе его не было мимолетнымъ, случайнымъ заявленіемъ; иначе виновный долженъ отвѣчать какъ за оскопленіе безъ согласія. Высказывая подобный взлядъ, мы опираемся на то общее соображеніе, что согласіе пострадавшаго устраняетъ, при указанныхъ сейчасъ условіяхъ, отвѣтственность за тѣлесное поврежденіе. Соображеніе это принято было и составителями Уголовнаго Уложенія [1]), и въ проектѣ 1895 года не было нынѣшней 85 статьи; она внесена особымъ совѣщаніемъ при государственномъ совѣтѣ, разсматривавшимъ проектъ.

Вторая часть статьи 96 Угол. Улож., караетъ за оскопленіе себя по заблужденію фанатизма, какъ

---

[1]) Объясненія, VI, 189.

за принадлежность къ изувѣрному ученію; она, очевидно, должна быть отмѣнена.

Устанавливать для оскопленія и самооскопленія [1]) какое нибудь исключеніе по сравненію съ другими видами тѣлесныхъ поврежденій нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

Опираясь на изложенныя соображенія, я полагалъ бы, что статьи 82, 83, 84, 85 и 86 должны быть отмѣнены. Оставлена должна быть одна 87 статья, которую, на мой взглядъ, слѣдовало бы подвергнуть слѣдующимъ редакціоннымъ измѣненіямъ.

Вопервыхъ, конечно, изъ нея слѣдуетъ исключить указаніе на ст. 82—84.

Вовторыхъ, слово «совратилъ» надо замѣнить выраженіемъ, болѣе отвѣчающимъ природѣ даннаго деликта.

Въ третьихъ, слова «посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы», по вышеуказаннымъ основаніямъ, слѣдуетъ замѣнить словами: посредствомъ физическаго насилія или угрозы противозаконнымъ дѣяніемъ.

Въ четвертыхъ, наказуемость покушенія въ ст. 87 не оговорена. А такъ какъ безъ спеціальныхъ оговорокъ въ законѣ наказуемо лишь покушеніе на тяжкія преступленія, къ каковымъ разсматриваемое дѣяніе не принадлежитъ, то, значитъ, покушеніе на это дѣяніе ненаказуемо [2]). Но такая безнаказанность

---

[1]) См. стр. 27, п. III.

[2]) См. ст. 49 и ст. 3 Уголовнаго Уложенія. Но въ нѣкоторыхъ особо предусмотрѣнныхъ видахъ насильственнаго обращенія покушеніе, согласно 2 ч. ст. 49, наказывается, именно: въ случаѣ совращенія, посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, христіанина въ нехристіанскую вѣру (ст. 82), въ случаѣ совращенія тѣми же средствами православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе (ст. 83), въ случаяхъ совра-

лишена всякаго основанія. Данное дѣяніе, какъ видно изъ его наказуемости, признается довольно серьезнымъ преступленіемъ. Нѣтъ основанія не карать такое грубое отношеніе къ другому человѣку и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не увѣнчалось успѣхомъ. Между тѣмъ, если признать покушеніе на данное преступленіе ненаказуемымъ, то не будутъ наказуемы (если не составятъ del. sui. generis) всѣ тѣ случаи, когда субъектъ совершилъ насильственныя дѣйствія, но принуждаемый не перешелъ въ требуемую вѣру, такъ какъ оконченнымъ данное дѣяніе можетъ считаться лишь съ момента совершенія принуждаемымъ того, къ чему его принуждаютъ [1]). Поэтому необходимо особо оговорить наказуемость покушенія на разсматриваемое преступленіе [2]).

Въ пятыхъ, что касается наказанія, которымъ должно быть обложено это преступленіе, то я считаю возможнымъ и въ данномъ случаѣ смягчить наказуемость, установленную Уголовнымъ Уложеніемъ, и назначить за данное дѣяніе тюремное заключеніе на срокъ не свыше 2 лѣтъ, а исправительный домъ, на срокъ не свыше 3-хъ лѣтъ, сохранить лишь для случаевъ третьяго и послѣдующаго рецидива, требующихъ болѣе энергичнаго исправительнаго воздѣйствія, чѣмъ даетъ тюрьма. По основаніямъ, изло-

---

щенія кого-либо въ изувѣрное ученіе или скопчество (ст. 84), наконецъ, въ случаяхъ оскопленія (ст. 85).

[1]) И составители Уголовнаго Уложенія въ своихъ объясненіяхъ указываютъ, что для полнаго состава совращенія необходимо, между прочими условіями, дѣйствительное отпаденіе совращеннаго. Объясненія IV, 114.

[2]) Въ проектѣ, въ ст. 336 наказуемость покушенія была оговорена. Ст. 336 гласила: „виновный въ совращеніи, посредствомъ учиненныхъ для сего насилія или наказуемой угрозы, изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, буде онъ не подлежитъ наказанію по ст. 337—339, наказывается: исправительнымъ домомъ на срокъ не свыше 3-хъ лѣтъ. Покушеніе наказуемо“.

женнымъ выше, ни крѣпость, ни поселен е, о которыхъ говорятъ ст. 82, 83 и 84, въ случаяхъ разсматриваемаго деликта не пригодны. Допускать болѣе строгую отвѣтственность, чѣмъ исправительный домъ, напр., каторгу, какъ это дѣлаетъ Уголовное Уложеніе (ст. 82 и 84), я не нахожу достаточныхъ основаній.

Для духовныхъ лицъ, какъ указывалось въ предшествующей главѣ, было бы полезно въ данномъ случаѣ допустить, если судъ признаетъ необходимымъ, удаленіе отъ должности на срокъ отъ 1 м. до 3-хъ лѣтъ.

Близко къ совращенію стоитъ то возбужденіе православныхъ къ переходу въ иное вѣроисповѣданіе, о которомъ говоритъ ст. 90. Она гласитъ: «виновный въ произнесеніи или чтеніи, публично, проповѣди, рѣчи или сочиненія, или въ распространеніи или публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе, или ученіе, или секту, если сіи дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ, наказывается: заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше одного года, или арестомъ». По указанію объяснительной записки «установленіе признаковъ того, заключается или не заключается въ данномъ сочиненіи или изображеніи наличность такого возбужденія, можетъ зависѣть лишь отъ обстоятельствъ отдѣльнаго случая» [1]). Существеннымъ признакомъ даннаго деликта является цѣль совращенія, которая должна быть доказана въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Если проповѣдь или рѣчь произнесены безъ этой цѣли, онѣ не подойдутъ подъ данную статью[2]). Затѣмъ, къ переходу въ какую именно ре-

---

[1]) Объясненія IV, 131.

[2]) Объясненія IV, 131. *Таганцевъ*, Уложеніе, 172. „Въ особомъ совѣ-

лигію возбуждалъ виновный, въ христіанскую или нехристіанскую, говорилъ ли онъ свою проповѣдь въ присутствіи однихъ православныхъ, или среди слушателей были и иновѣрцы,—это для состава даннаго деликта не существенно.

Относительно данной статьи можно сказать лишь одно: она носитъ черты обрисованнаго въ 1 главѣ полицейскаго типа охраны религіи, создаетъ для православія совершенно ненужное исключеніе и самымъ очевиднымъ образомъ противорѣчитъ установленнымъ нами общимъ принципамъ. Въ необходимости отмѣнить ее не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Совершенно излишня также статья 95, гласящая: «виновный въ воспрепятствованіи, посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, принять православную вѣру желающему къ ней присоединиться наказывается: заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не ниже 6-ти мѣсяцевъ». Конечно, нельзя считать дозволеннымъ препятствованіе кому-нибудь, посредствомъ насилія или угрозы противозаконнымъ дѣяніемъ, принять ту вѣру, которую онъ считаетъ истинной. Но при этомъ должно быть безразлично, противъ какой религіи и церкви направляется въ данномъ случаѣ принужденіе, противъ православной,

---

щаніи при государственномъ совѣтѣ меньшинство полагало включить въ эту статью признакъ „и совращеніе послѣдовало“, какъ единственный признакъ, свидѣтельствующій о наличности намѣренія пропагандировать среди православныхъ; но большинство отвергло это ограничительное условіе въ виду той опасности, которую представляетъ такая возбуждающая проповѣдь сама по себѣ и потому что установленіе признаковъ того, заключается или не заключается въ данной рѣчи, сочиненіи или изображеніи наличность противозаконнаго возбужденія,—будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, сопровождающихъ каждый отдѣльный случай подобной дѣятельности (особ. совѣщ. 191, 192). Эти соображенія раздѣлило и особ. присут. депар. Гос. Совѣта (особ. прис. 91, 92)“.

католической или какой иной. Данный деликтъ есть одинъ изъ случаевъ преступнаго принужденія не принимать какой-либо религіи, которое должно предусматриваться вмѣстѣ съ принужденіемъ принять какія-либо религіозныя вѣрованія или отречься отъ таковыхъ. Статья же 95 должна быть отмѣнена [1]).

Къ совращенію близко стоятъ въ Уложеніи еще слѣдующія нарушенія постановленій, ограждающихъ вѣру и по преимуществу вѣру православную. Во-первыхъ, два дѣянія, субъектами которыхъ могутъ быть лишь родитель или опекунъ, а жертвою лишь находящійся на ихъ попеченіи или подъ ихъ опекою недостигшій 14 лѣтъ малолѣтній:

а) совершеніе надъ такимъ малолѣтнимъ родителемъ или опекуномъ, обязаннымъ по закону воспитывать его въ правилахъ христіанской вѣры, религіознаго обряда нехристіанскаго вѣроисповѣданія (ст. 88);

б) крещеніе такого питомца или приведеніе его къ инымъ таинствамъ какого-либо неправославнаго христіанскаго исповѣданія родителемъ или опекуномъ, обязаннымъ по закону воспитывать его въ правилахъ православной вѣры (ст. 89). Въ обоихъ дѣяніяхъ Уложеніе видитъ не проступки, а преступленія въ смыслѣ ст. 3. Наказаніе и въ томъ, и въ другомъ случаѣ—крѣпость на срокъ не свыше 3 л. Относительно этихъ статей надо замѣтить слѣдующее. Родители по взаимному соглашенію въ правѣ воспитывать своего ребенка въ правилахъ той вѣры, которую они признаютъ наи-

---

[1]) Но я не могу согласиться съ проф. Жижиленко, полагающимъ, будто случаи насильственнаго обращенія и препятствованія принять какую-либо вѣру не должны считаться особымъ религіознымъ деликтомъ, а могутъ развѣ лишь быть оговорены законодателемъ какъ квалифицированные виды извѣстныхъ преступленій. Ук. ст. стр. 1437, 1439. Право 1906 г. № 16. Основанія, по которымъ я думаю иначе, приведены выше, на стр. 187 сл.

болѣе истинной, съ вышеуказанными лишь ограниченіями [1]). Если они относятся къ своему ребенку тираннически, истязуютъ, угнетаютъ его, то, конечно, могутъ быть при извѣстныхъ условіяхъ наказаны за жестокое обращеніе и т. п. Но законъ не долженъ полицейски указывать имъ, какая религія болѣе истинна и спасительна для ихъ дѣтей. Никакой обязанности воспитывать малолѣтняго въ той, а не въ иной вѣрѣ законъ на родителей возлагать не долженъ. Что же касается опекуновъ, то данное дѣяніе, если и составляетъ нарушеніе ихъ обязанностей, то во всякомъ случаѣ не относится къ религіознымъ деликтамъ, такъ какъ не нарушаетъ религіозной свободы. Поэтому и статьи 88 и 89 должны быть отсюда исключены.

Вторую группу примыкающихъ къ совращенію нарушеній составляютъ разныя дѣянія, предусмотрѣнныя статьями 93, 94 и 98. Укажу вкратцѣ эти нарушенія.

1) Совершеніе священнослужителемъ инославнаго христіанскаго вѣроисповѣданія, настоятелемъ или наставникомъ старообрядческаго согласія или сектанской общины надъ завѣдомо православнымъ, не достигшимъ совершеннолѣтія, конфирмаціи, муропомазанія или иного священнодѣйствія, знаменующаго принятіе въ инославную христіанскую вѣру, или совершеніе по своимъ обрядамъ, а также допущеніе совершенія крещенія ребенка, завѣдомо подлежащаго крещенію по правиламъ вѣры православной.

2) Допущеніе указанными выше лицами къ исповѣди завѣдомо православнаго, не достигшаго совершеннолѣтія, причащеніе его, или совершеніе надъ нимъ елеосвященія по обряду своего вѣроисповѣданія.

---

[1]) См. стр. 269—270.

3) Преподаваніе тѣми же лицами катихизиса своего вѣроисповѣданія недостигшему совершеннолѣтія лицу завѣдомо православнаго исповѣданія.

4) Совершеніе брака иновѣрца съ лицомъ завѣдомо православнаго исповѣданія прежде совершенія брака православнымъ священникомъ (ст. 93).

Статья 94 предусматриваетъ слѣдующія дѣйствія священнослужителей инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, настоятелей или наставниковъ старообрядческаго согласія или сектантской общины:

5) совершеніе брака лица инославнаго исповѣданія съ лицомъ завѣдомо православнаго исповѣданія, если бракъ потомъ не былъ совершенъ по православному обряду;

6) совершеніе брака между завѣдомо православными.

Останавливаться на разборѣ всѣхъ этихъ постановленій было бы совершенно излишне, такъ какъ эти дѣянія не составляютъ религіозныхъ деликтовъ, поскольку не обнимаются установленными выше видами. Наше Уложеніе назначаетъ за нихъ довольно значительную денежную пеню,—въ случаяхъ 1—4—не свыше 300 р., а въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 94, не свыше 500 р., и, кромѣ того, удаленіе виновнаго отъ занимаемой должности на разные сроки, на время отъ 3 мѣс. до 6 мѣс., отъ 3 мѣс. до 1 г., а при повтореніи нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣяній—на время отъ 1 года до 3 лѣтъ или навсегда.

Не относятся къ религіознымъ деликтамъ и могутъ быть оставлены нами въ сторонѣ и дѣянія, предусмотрѣнныя статьями 97 и 98 Уг. Улож. Первая предусматриваетъ самовольное присвоеніе священно-служительскаго сана и совершеніе такого религіознаго дѣйствія, которое можетъ быть совершено

только священнослужителемъ [1]). Ст. 98 предусматриваетъ разные случаи оскорбленія и насилія, учиненные нехристіаниномъ, послѣдователемъ изувѣрнаго ученія, старообрядцемъ, сектантомъ или лицомъ инославнаго христіанскаго вѣроисповѣданія въ отношеніи православнаго священника, съ намѣреніемъ оказать неуваженіе къ вѣрѣ и церкви православной.

V. *Изувѣрныя ученія.* Теперь намъ слѣдуетъ остановиться на постановленіяхъ Уголовнаго Уложенія объ изувѣрныхъ ученіяхъ.

Въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, разныхъ сектъ вообще и изувѣрныхъ сектъ въ частности [2]). Причинъ широкаго развитія у насъ сектантства много, и онѣ

---

[1]) Проектъ совершенно правильно и не включалъ этой статьи въ данный отдѣлъ; онъ помѣщалъ ее въ гл. 6—о „противодѣйствіи и оскорбленіи власти“ (ст. 110) На нашъ взглядъ, данное постановленіе слѣдовало бы поставить вблизи ст. 151, говорящей о противозаконномъ присвоеніи власти.

[2]) Интересныя данныя о разныхъ сектантскихъ ученіяхъ см. у *Пругавина*, Расколъ и сектантство. 1905 г. Религіозные отщепенцы. В. I. 1904 (Сютаевцы. Апостолъ Зосима. Еретики.); въ книгѣ „Миссіонерскій съѣздъ въ г. Орлѣ 16—24 Сентября 1901 г. „(стр. 161 сл.); болѣе или менѣе интересныя и обширныя данныя о разныхъ сектахъ есть въ каждой книжкѣ „Миссіонерскаго обозрѣнія“. См. далѣе ст. *Левенстима*, Фанатизмъ и преступленіе. Журн. мин. юстиціи 1898 г. Сентябрь и Октябрь У него приводятся интересныя свѣдѣнія о многихъ сектахъ, о самосожигателяхъ, бѣгунахъ или странникахъ, о „глухой нѣтовщинѣ“ и др. Странники проповѣдуютъ, что въ настоящее время въ россійской церкви и государствѣ царствуетъ антихристъ и что не слѣдуетъ жить въ мірѣ, а надо бѣжать и скитаться въ пустынѣ; надо порвать всѣ связи съ гражданскимъ обществомъ, не имѣть мѣстожительства, не писаться въ ревизіи, не платить налоговъ и т. д. Секта эта учитъ, что каждый „странникъ“ долженъ быть похороненъ по особому „странническому“ обряду; въ народѣ держится убѣжденіе, что бѣгуны душатъ своихъ умирающихъ, отчего ихъ называютъ также душильщиками (у, с. стр. 53 сл.). См. далѣе, книгу *Бобрищева-Пушкина*, Судъ и раскольники-сектанты (у него, напр., интересныя свѣдѣнія объ „адвентистахъ“ и „еговистахъ“ стр. 18 сл ; стр. 20 сл).

глубоко коренятся въ условіяхъ народной жизни. Причины эти не исчерпываются невѣжествомъ и тяжкимъ экономическимъ положеніемъ народа [1]). Не малую роль среди нихъ играли и играютъ и мотивы политическаго характера, а также цѣлый рядъ другихъ факторовъ. Изслѣдователи русскаго сектанства не разъ указывали, напр., на политическіе мотивы въ возникновеніи и распространеніи раскола [2]). Въ немъ выразилось своеобразное общественное міровоззрѣніе народа, его протестъ противъ разныхъ дѣйствій правительства непонятныхъ ему или казавшихся вредными, тягостными. «Исправленіе церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ, говоритъ Щаповъ, было не болѣе, какъ только внѣшнимъ поводомъ къ открытію раскола». «А главный, первоначальный источникъ раскола, почти при самомъ появленіи принявшаго характеръ не просто церковный, а церковно-гражданскій, кроется гораздо глубже и восходитъ гораздо далѣе времени патріарха Никона [3])». «Съ самаго начала расколъ былъ извѣстнымъ политическимъ движеніемъ, враждебнымъ правительству». «Расколъ въ своемъ происхожденіи, говоритъ Пругавинъ, въ значительной степени является протестомъ народа противъ поглощенія его правъ центральною властью». «При самомъ рожденіи своемъ онъ заявилъ, что и церковь, и правительство должны быть народными, должны не вводитъ новыхъ обычаевъ, не требуемыхъ народомъ, и когда онъ былъ проклятъ собо-

---

[1]) Изслѣдованіе этихъ причинъ, разумѣется, не входитъ въ наши задачи и могло бы послужить матеріаломъ для отдѣльной и обширной монографіи; мы лишь вскользь коснемся нѣкоторыхъ изъ нихъ.

[2]) См. напр. *Щапова*, Русскій расколъ старообрядства (1859 г.). стр. 12, 55 сл.; 91 сл. и др.

[3]) *Щаповъ*, у. с. стр. 12.

ромъ и казненъ въ лицѣ Никиты, Аввакума, стрѣльцовъ и соловецкихъ бунтовщиковъ,—онъ въ свою очередь проклялъ власть, правительство съ его духовенствомъ, съ его «казенною церковью», ушелъ въ скиты и сталъ проповѣдывать ненависть къ ненароднымъ началамъ [1])».

Въ значительной степени въ широкомъ распространеніи въ народѣ сектантства виновато и прискорбное состояніе православнаго духовенства, отсутствіе съ его стороны того умственнаго и нравственнаго вліянія на народъ, которое оно, казалось бы, могло имѣть по своему положенію. [2])

---

[1]) *Пругавинъ*, Расколъ и сектантство въ русской народной жизни, стр. 15.

[2]) На это указывали иногда и высшіе чины нашей администраціи. Пругавинъ въ своей книгѣ—„Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка“ (стр. 65 сл.) приводитъ обширныя выдержки изъ двухъ записокъ, относящихся къ концу 60-хъ годовъ XIX в. Въ 1868 г. въ мин. внутр. д. было признано нужнымъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о расколѣ и съ этою цѣлью губернаторамъ былъ разосланъ циркуляръ съ требованіемъ собрать и прислать эти свѣдѣнія; въ числѣ поставленныхъ министерствомъ вопросовъ находился и вопросъ о причинахъ, служащихъ къ усиленію и ослабленію лжеученій въ народѣ. Пругавинъ приводитъ выписки изъ записокъ, посланныхъ въ министерство двумя губернаторами—кн. Гагаринымъ и Струве. Первый видитъ причину развитія въ народѣ раскола исключительно въ печальномъ состояніи нашего духовенства и ненормальныхъ отношеніяхъ между нимъ и народомъ; второй, не придавая этому обстоятельству такого исключительнаго значенія, также замѣчаетъ, что, по его мнѣнію, расколъ „находитъ себѣ силу въ крайней недостаточности нравственнаго вліянія духовенства на народъ, въ его нерѣдко соблазнительной, по своей распущенности, для народа жизни, въ его одностороннемъ, безжизненномъ и схоластическомъ направленіи“. „Услышать съ церковной каѳедры проповѣдь, не составляющую компиляціи изъ какого-нибудь печатнаго изданія духовнаго вѣдомства,—проповѣдь, которая, касаясь обыденной жизни, давала бы уроки нравственно-гражданской жизни, въ доступныхъ пониманію народа формахъ,—такая рѣдкость, что даже трудно указать на примѣръ“. Съ другой стороны, „частная жизнь духовенства полна не только корыстныхъ, матеріальныхъ стремленій, забвенія о пастырскомъ долгѣ, но нерѣдко предста-

Что касается, въ частности, изувѣрныхъ ученій, то и они имѣютъ глубокіе корни въ народной жизни, частью въ указанныхъ обстоятельствахъ, а частью въ другихъ. Невѣжество, хронически длящееся тяжелое экономическое положеніе, широко распространенный въ народѣ алкоголизмъ и вызываемая послѣдними обстоятельствами дурная наслѣдственность, истощеніе и вырожденіе,—вотъ та почва, на которой большею частью выростаютъ у насъ наиболѣе уродливыя сектантскія ученія. Новѣйшія изслѣдованія психіатровъ показали, что такія, напр., ученія, какъ малёванщина [1]), или своеобразное хлыстовское

вляетъ печальные примѣры безпросыпнаго пьянства, рѣзко бьющаго въ глаза простому народу, между тѣмъ какъ характеръ дѣятельности и успѣхъ пропаганды главныхъ коноводовъ раскола обусловливается, прежде всего, только трезвостью и граждански-честною ихъ жизнью". (Пругавинъ, у. с., стр. 85, 86). Еще въ болѣе мрачныхъ краскахъ, не безъ преувеличенія, описываетъ состояніе нашего духовенства кн. Гагаринъ (см. Пругавинъ, ibid, стр. 67 сл.). Въ его запискѣ приводится, между прочимъ, очень интересный фактъ, что многіе православные, приходя въ старость, близясь къ гробу, переходятъ въ расколъ. „Прискорбные факты эти, говоритъ кн. Гагаринъ,—понятны: потребность сильной вѣры возбуждается особенно въ преклонныхъ лѣтахъ". „Между тѣмъ принадлежность къ православной церкви, отношенія къ православному духовенству не дали твердыхъ пунктовъ опоры человѣку, который, по неразвитости, не въ силахъ разрѣшить своихъ сомнѣній; и вотъ онъ не идетъ за совѣтомъ къ священнику, котораго не уважаетъ и отъ котораго далекъ былъ во всю жизнь свою, а бросается въ руки перваго наставника раскольническаго". „Тамъ онъ находитъ успокоеніе, тамъ говорятъ съ нимъ его языкомъ". (Пругавинъ, ibid, стр. 71.)

[1]) Это сектантское движеніе изслѣдовано проф. Сикорскимъ. См. его Сборникъ научно-литературныхъ статей, кн. 5, стр. 44 сл. Секта ведетъ свое начало отъ крестьянина Малёваного, чѣмъ и объясняется ея названіе. Малеванцы увѣрены въ скоромъ наступленіи страшнаго суда, пребываютъ въ постоянномъ напряженномъ ожиданіи этого суда. Обычное настроеніе духа ихъ — ненормальное, экзальтированное, радостное и носитъ на себѣ, по свидѣтельству проф. Сикорскаго, всѣ признаки серьезнаго душевнаго разстройства. Поступки малёванцевъ, вытекающіе изъ ихъ постояннаго

ученіе, появившееся въ концѣ 90-хъ годовъ XIX столѣтія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Орловской губ., и изслѣдованное д-мъ Якобіемъ [1]), представляютъ собою не что иное какъ эпидемическія душевныя заболѣванія.

Бороться съ подобными явленіями уголовными наказаніями—совершенно безплодно, не говоря уже объ указанномъ нами выше [2]) вредѣ наказаній вообще, какъ средства борьбы съ какими-либо религіозными идеями и движеніями; необходимы иныя воздѣйствія, которыя внесли бы оздоровленіе въ условія народной жизни, подняли бы матеріальное благосостояніе народа и уровень его духовной культуры.

Наше законодательство до самаго послѣдняго времени энергично боролось съ сектами—и изувѣренными, и неизувѣрными—посредствомъ уголовныхъ наказаній. Конечно, борьба эта велась уже не такъ, какъ встарину, когда за ересь сжигали, иногда даже на медленномъ огнѣ [3]), но все-таки такъ, какъ въ

ожиданія страшнаго суда, поражаютъ нерѣдко своей странностью и иногда являются весьма опасными. „Такъ, напр., разсказываетъ проф. Сикорскій, въ ожиданіи имѣющаго будто бы наступить страшнаго суда, они уходили въ поля и въ снѣжную ночь мылись въ холодной водѣ озера—мужчины и женщины вмѣстѣ, а также мыли своихъ дѣтей,—даже крошечныхъ дѣтей—для очищенія тѣла къ моменту страшнаго суда, котораго они ждали въ одинъ изъ дней масляницы. потомъ въ ночь на 25-е марта 1892 г. и въ другіе послѣдующіе сроки". У. с. стр. 49—50.

[1]) Религіозно-психическія эпидеміи. Вѣст. Евр. 1903. Октябрь и Ноябрь. Д-ръ Якобій приходитъ къ выводу, что такъ называемые хлысты—тяжелые дегенеранты. „Въ общемъ, говоритъ, онъ, хлыстовство есть общественное явленіе реверсивнаго характера, возвращеніе къ древней первоначальной культурной стадіи человѣчества вообще (коммунальный бракъ и гетэризмъ) и финской расы въ частности (шаманизмъ)". У. с. стр. 152 (ноябрь).

[2]) Стр. 107 сл.

[3]) Въ концѣ XVII и въ XVIII в. къ сектантамъ и раскольникамъ примѣнялись у насъ различныя наказанія: тѣлесныя наказанія, тюрьма, ссылка,

культурномъ государствѣ не слѣдовало бы. Въ старомъ Уложеніи былъ цѣлый отдѣлъ, посвященный ересямъ и расколамъ [1]). Сектантовъ ссылали въ ссылку на поселеніе и сажали въ тюрьмы; нѣкоторые изъ нихъ томились въ монастырскихъ тюрьмахъ [2]). Эта борьба велась долгіе годы и, казалось бы, въ результатѣ съ полною очевидностью выяснилась ея полная безплодность; по свидѣтельству изслѣдователей сектантства и статистики религіозныхъ преступленій сектантство у насъ не переставало расти [3]). Однако

смертная казнь, нерѣдко въ формѣ сожженія. Подробныя данныя см. у Попова, Судъ и наказанія за преступленія противъ вѣры и нравственности по русскому праву, стр. 319 сл. Бывали даже случаи сожженія на медленномъ огнѣ. Такъ, напр., къ смертной казни „копченіемъ“ были приговорены Гришка Талицкій и его другъ Савинъ. О ихъ казни см. у *Есипова*, Раскольничьи дѣла XVIII ст. I, 7.

[1]) См. ст. 196 сл. Уложенія о наказаніяхъ.

[2]) Объ ужасномъ состояніи этихъ тюремъ и о бытѣ заключенныхъ въ нихъ см. у *Пругавина*, Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. Москва. 1905. О монастырскомъ заключеніи новѣйшаго времени см. Ibid, стр. 95 сл.

[3]) Опредѣлить точно число сектантовъ представляется совершенно невозможнымъ; нельзя съ увѣренностью установить ни одной общей для всѣхъ сектъ цифры, ни цифры сторонниковъ какой-либо отдѣльной секты. Всѣ данныя, приводимыя въ официальныхъ и частныхъ сочиненіяхъ, носятъ чрезвычайно гадательный характеръ и, притомъ, поразительно расходятся другъ съ другомъ. Такъ, напр.. Пругавинъ полагаетъ, что число сектантовъ, включая сюда и старообрядцевъ, доходитъ въ настоящее время до 20 милліоновъ, а общая перепись опредѣлила это число въ 2,137,738 душъ обоего пола, или 2,5% общаго числа православныхъ (см. *Пругавинъ*, Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка. Москва 1904 г. стр. 17—18). Одной изъ главныхъ причинъ совершенной невозможности установить сколько-нибудь точныя цифровыя данныя относительно раскола и сектантства, являются тѣ преслѣдованія, которымъ подвергаются сектанты и которыя заставляютъ многихъ изъ нихъ скрывать свои вѣрованія. Статистика религіозныхъ преступленій показываетъ быстрое ихъ возрастаніе. Вотъ данныя за 21 годъ, съ 1874 по 1894 гг, относящіяся къ 33 внутреннимъ губерніямъ (петер-

и новое Уголовное Уложеніе не совсѣмъ отказалось отъ этой борьбы; оно объявляетъ наказуемыми изувѣрныя сектанскія ученія. Указъ 17-го Апрѣля 1905 г. раздѣлилъ всѣ уклоняющіяся отъ православія вѣроученія на три разряда: 1) старообрядческія

бургскій, московскій, одесскій, харьковскій, саратовскій и казанскій судебные округа). Въ этомъ обширномъ районѣ число уголовныхъ дѣлъ „о религіозныхъ преступленіяхъ", возникающихъ ежегодно у судебныхъ слѣдователей (и отчасти въ прокурорскомъ надзорѣ), за 21 годъ двигалось слѣдующимъ образомъ:

Годы		Число дѣлъ	Годы		Число дѣлъ	Годы		Число дѣлъ
1874	—	310	1881	—	386	1888	—	537
1875	—	365	1882	—	400	1889	—	663
1876	—	328	1883	—	381	1890	—	805
1877	—	307	1884	—	451	1891	—	921
1878	—	269	1885	—	475	1892	—	1141
1879	—	319	1886	—	490	1893	—	1218
1880	—	403	1887	—	484			

Среднее: за 1874—78 г.г.—316; 1879—83 г.г.—378; 1884—88 г.г.—487: 1889—93 г.г.—944; 1894 г.—1152; 1895 г.—1070; 1896 г.—1011. „Таблица эта показываетъ намъ, что число религіозныхъ преступленій въ теченіе перваго десятилѣтія (1874—84) хотя и возрастало, но довольно слабо, перѣшительными шагами. Съ 1883 г. ростъ уголовныхъ дѣлъ противъ вѣры пошелъ въ гору весьма быстро; начиная же съ 1888 г. прогрессированіе приняло колоссальные размѣры и въ 1893 году число религіозныхъ преступленій достигло максимума, почти въ 4 раза превышающаго цифру начальнаго (1874) года. Но послѣ 1893 г. острый кризисъ миновалъ и число дѣлъ начало нѣсколько уменьшаться. „....." „Послѣ критическаго 1893 г., какъ уже было сказано выше, наступило обратное движеніе и число религіозныхъ преступленій пошло на убыль". „Однако цифра 1896 г. все еще выше, чѣмъ въ какой бы то ни было годъ до 1892 г.". „Вообще средняя цифра послѣдняго трехлѣтняго (1894—96) вдвое выше, чѣмъ перваго (1884—86)". *Тарновскій* Религіоз. прест. въ Россіи. Вѣс. Пр. 1899 г. стр. 2—3. Что касается распредѣленія этого увеличивающагося числа преступленій по видамъ, то по этому предмету мы находимъ уг. Тарновскаго слѣдующія интересныя данныя, относящіяся къ двумъ

согласія, 2) сектантство и 3) изувѣрныя ученія. Наименованіе старообрядцевъ, взамѣнъ раньше употреблявшагося названія раскольниковъ, онъ присваиваетъ всѣмъ послѣдователямъ толковъ и согласій, которые

пятилѣтіямъ 1885—1894 г.г., при чемъ цифру перваго пятилѣтія г. Тарновскій принимаетъ за 100.

		Среднее число 1885—89	ежегодное подсудимыхъ 1890—94
Богохуленіе, нарушеніе порядка во время богослуженія, порицаніе вѣры	абсол.	277	452
	относ.	100	162
Отвлеченіе и отступленіе отъ вѣры, ереси и расколы	абсол.	165	450
	относ.	100	272
Скопчество	абсол.	37	22
	относ.	100	59

„Отсюда слѣдуетъ, что болѣе всего за истекшія 10 лѣтъ (въ предѣлахъ 9 судебныхъ округовъ) увеличились ереси и расколы". „Число подсудимыхъ этого рода возросло чуть не втрое (на 172%)". „Число обвиняемыхъ въ богохуленіи и порицаніи вѣры, хотя также увеличилось, но значительно слабѣе (на 62%)". *Тарновскій*, у. с. стр. 4—5. Въ примѣч. къ стр. 5 г. Тарновскій говоритъ: „Статистическихъ свѣдѣній о другихъ сектахъ, помимо скопчества, раціоналистическихъ или мистическихъ, мы не имѣемъ, хотя нѣкоторыя изъ мистическихъ сектъ (хлысты, бѣгуны, нѣтовцы) отличаются изувѣрствомъ немногимъ менѣе, чѣмъ скопчество. Весьма трудно поэтому сказать, какія именно секты возросли въ числѣ за послѣднее время, но весьма вѣроятно, что—секты раціоналистическія". Статистическія данныя о религіозныхъ преступленіяхъ привели г. Тарновскаго къ заключенію, „что увеличеніе числа дѣлъ и подсудимыхъ этого рода имѣетъ болѣе или менѣе реальный характеръ, т. е. указываетъ, на дѣйствительное увеличеніе числа случаевъ отпаденія отъ православія, помимо усиленія бдительности и возбужденія дѣлъ со стороны духовнаго начальства". „Если бы религіозныя преступленія возрастали вслѣдствіе болѣе частыхъ доносовъ подлежащаго вѣдомства, то увеличеніе коснулось бы всѣхъ родовъ этихъ преступленій вообще, а между тѣмъ число обвиняемыхъ въ скопчествѣ значительно уменьшилось по сравненію 1890—94 г.г. съ 1874—78 г. г. „У. с. стр. 5 – 6. Среднее ежегодное число обвиняемыхъ въ скопчествѣ по даннымъ г. Тарновскаго слѣдующее:

1874 г.—78	;	1884—88 г.г.—26
1879 г.—83	;	1889—93 г.г.—26

пріемлютъ основные догматы Церкви Православной, но не признаютъ нѣкоторыхъ принятыхъ ею обрядовъ и отправляютъ свое богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ» [1]).

Понятіе сектантства законъ не опредѣляетъ, но его можно вывести; секты—это ученія, уклоняющіяся отъ православія, и отъ покровительствуемымъ закономъ инославныхъ исповѣданій, но не составляющія, съ одной стороны, изувѣрныхъ ученій, а съ другой стороны, не подходящія и подъ понятіе старообрядческихъ согласій. Признакъ, отличающій изувѣрныя ученія, указанъ въ ст. 96 Угол. Улож.,—это тѣ ученія, которыя соединены съ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, или съ явно безнравственными дѣйствіями. Старообрядцамъ и сектантамъ законъ предоставляетъ право общественныхъ богомоленій, налагая на нихъ лишь извѣстныя ограниченія въ отношеніи публичности, запрещая имъ крестные ходы и т. д. [2]). Ихъ религіознымъ обществамъ онъ присвоиваетъ наименованіе «общинъ» и признаетъ за ними право владѣть движимыми и недвижимыми

---

[1]) Законъ 17-го Апрѣля 1905 г. Отд. II. п. 3.

[2]) Высочайше утвержденное 4-го Іюля 1894 г. положеніе комитета министровъ о воспрещеніи штундистамъ молитвенныхъ собраній закономъ 17-го Апрѣля 1905 г. отмѣнено.

Интересно отмѣтить, что хотя ст. 92 Угол. Улож. отмѣнена, ст. 59 Уст. о предупр. и прес. прест. и примѣчаніе къ ней не примѣнены и не отмѣнены новѣйшими законами. Эта статья гласитъ: „какъ покушеніе къ вовлеченію другихъ въ ереси, такъ и всякое публичное оказательство ереси и раскола со стороны ихъ послѣдователей, запрещаются“. „*Примѣчаніе*: публичнымъ оказательствомъ раскола признаются: крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ; 2) публичные ношеніе иконъ, за исключеніемъ случая, предусмотрѣннаго въ п. 1 ст. 49; 3) употребленіе внѣ домовъ, часовенъ и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія или монашескаго и священнослужительскаго дѣлній; 4) раскольничье пѣніе

имуществами и на имѣющихъ быть установленными для сего основаніяхъ». Имъ разрѣшается, хотя лишь съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, устраивать скиты и обители [1]). Духовнымъ лицамъ ихъ присвоивается наименованіе «настоятелей и наставниковъ», при чемъ этимъ лицамъ разрѣшается «свободное отправленіе духовныхъ требъ, какъ въ частныхъ и молитвенныхъ домахъ, такъ и въ иныхъ потребныхъ случаяхъ, съ воспрещеніемъ лишь надѣвать священнослужительское облаченіе, когда сіе будетъ возбранено закономъ». [2]). Уголовные законы (ст. 80) даютъ этимъ настоятелямъ и наставникамъ особую охрану, наравнѣ съ духовными лицами покровительствуемыхъ законами инославныхъ вѣроисповѣданій. Старообрядцы и сектанты сравнены съ лицами инославныхъ исповѣданій въ отношеніи заключенія ими съ православными смѣшанныхъ браковъ. Таковы нѣкоторыя, важнѣйшія черты положенія старообрядцевъ и сектантовъ по закону 17-го Апрѣля 1905 года.

Изувѣрныя ученія, напротивъ, преслѣдуются; самая принадлежность къ нимъ наказывается ссылкою на поселеніе въ особо предназначенныя *для сихъ осужденныхъ* мѣстности (стр. 96 Угол. Улож.) Однако изъ всего сказаннаго нами выше съ несомнѣнностью вытекаетъ, что ученіе, каково бы оно ни было, пока оно остается только ученіемъ и не превратилось въ преступное сообщество, не должно наказываться.

на улицахъ и площадяхъ". На основаніи этой статьи и статьи 29 Уст. о нак. нал. мир. судьями, карающей за неисполненіе законныхъ распоряженій и требованій правительственныхъ и полицейскихъ властей, возможно уголовное преслѣдованіе за означенныя дѣянія.

[1]) За устройство скитовъ или „иныхъ сего рода обиталищъ" безъ надлежащаго разрѣшенія они подвергаются денежной пенѣ до 300 р. по ст. 206 Улож. о нак.

[2]) Высоч. утвержд. 17 Апрѣля 1905 г. положенія комит. министровъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, ст. 8. Отд. I.

Притомъ, не говоря уже объ отмѣченныхъ выше недостаткахъ ея, ссылка во всякомъ случаѣ непригодная мѣра борьбы съ ошибочными убѣжденіями, такъ какъ убѣжденія эти не могутъ измѣниться только отъ того, что человѣка поселятъ въ другомъ мѣстѣ. Ссылка лишь переноситъ очагъ заразы изъ одного мѣста въ другое. Все сказанное приводитъ къ выводу, что ст. 96 Угол. Улож. должна быть отмѣнена.

Остатки стараго Уложенія. Изложеніемъ сложныхъ и запутанныхъ постановленій новаго Уложенія мы могли бы закончить свой обзоръ дѣйствующаго права, если бы Высочайшее повелѣніе 14-го Марта 1906 года не оставило въ силѣ нѣкоторыхъ постановленій стараго Уложенія. Но въ немъ не показаны отмѣненными, а слѣдовательно сохраняютъ свое значеніе ст. 206, 211, 212, 214, 215, 218, 219—235 и ст. 236—240 Улож. о нак. о лжеприсягѣ. О статьяхъ 219—233, трактующихъ о святотатствѣ, а также о ст. 206, мы уже упоминали. Объ остальныхъ необходимо сказать здѣсь два слова.

Статьи 211, 212, 214, 215 и 218 говорятъ о разныхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ надъ священнослужителями и оскорбленіи ихъ во время совершенія ими службы Божіей. Ст. 211 предусматриваетъ предумышленное прерваніе совершаемаго въ церкви или внѣ оной богослуженія побоями или иными насильственными противъ священнослужителей дѣйствіями. Ст. 212 говоритъ объ убійствѣ священнослужителя съ умысломъ прямымъ или съ непрямымъ, съ намѣреніемъ «по злобѣ или запальчивости» нанести ему увѣчье, раны или побои, во время совершенія имъ службы Божіей или исполненія духовныхъ требъ, а также о нанесеніи ему въ это время увѣчья, ранъ или побоевъ съ прямымъ или непрямымъ на то умы-

сломъ. Ст. 214 и 215 предусматриваютъ оскорбленіе священнослужителя во время отправленія имъ службы Божіей и прерваніе или остановку такимъ образомъ этой послѣдней.

Ст. 218 говоритъ о непристойномъ поведеніи священнослужителей и церковнопричетниковъ во время Божественной службы.

Ст. 234 и 235 говорятъ о разрытіи могилъ для ограбленія и о поврежденіи могилъ и памятниковъ.

Статьи 236—240 говорятъ о лжеприсягѣ. Общаго опредѣленія лжеприсяги законъ не даетъ. При этомъ редакція статей 236 сл. такъ широка и сбивчива, что можетъ подать поводъ думать, будто Уложеніе о нак. караетъ всякую лживую присягу, какъ бы и по какому бы поводу она ни была дана. Однако, какъ на это не разъ указывалось въ нашей литературѣ [1]), на самомъ дѣлѣ подъ лжеприсягой наши законы разумѣютъ ложное показаніе подъ присягой предъ судомъ.

Останавливаться на указанныхъ постановленіяхъ стараго Уложенія долѣе я считаю совершенно излишнимъ. Для нашей цѣли достаточно указать, что, какъ это ясно изъ всего сказаннаго выше, дѣянія, о которыхъ говорятъ эти статьи, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть относимы къ разсматриваемой нами группѣ преступленій; это и признано уже въ новомъ Уложеніи, которое въ своей второй главѣ не содержитъ подобныхъ постановленій.

Оставленіе въ силѣ указанныхъ статей стараго Уложенія, совершенно дисгармонирующихъ со второй главой новаго Уложенія, составляетъ одну изъ серьезныхъ погрѣшностей закона 14-го Марта 1906 г.; онъ долженъ бы замѣнить и эти постановленія со-

---

[1]) См. напр. *Лохвицкій*, Курсъ. стр. 318 сл.; *Неклюдовъ*, Руководство по особенной части, IV, 67 сл. *Пусторослевъ*, у. с. стр. 143 сл.

отвѣтствующими статьями новаго Уложенія, соотвѣтственно расширивъ объемъ вводимыхъ въ дѣйствіе постановленій послѣдняго [1]).

Этими замѣчаніями мы и заканчиваемъ обзоръ нашего законодательства. Крупныя измѣненія, которымъ оно должно подвергнуться, достаточно уже выяснились, и намъ остается теперь лишь подвести итоги нашей критической оцѣнки.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Россія въ настоящее время переживаетъ великій моментъ нарожденія гражданской свободы. Въ развитіи русской государственной жизни наступила эпоха, которую передовыя западныя государства пережили еще въ концѣ XVIII вѣка, эпоха, когда личность сбрасываетъ съ себя полицейско-бюрократическую опеку государства и завоевываетъ неотъемлемыя права свои. Вмѣстѣ съ «старымъ порядкомъ» должна отойти въ область исторіи и сохранившаяся въ остаткахъ полицейская опека надъ религіозною жизнью гражданъ; вмѣстѣ съ другими «свободами» въ нашу государственную жизнь неизбѣжно проникнетъ и свобода религіозная.

Но каково же должно быть направленіе и въ чемъ должна заключаться реформа дѣйствующихъ законовъ о религіозныхъ деликтахъ? Законы эти, какъ показало предшествующее изложеніе, крайне неудовлетворительны. Необходимы не какія-либо частичныя измѣненія ихъ, а коренная реформа, которая коснулась бы самыхъ основъ, самыхъ отправныхъ

---

[1]) Того же мнѣнія проф. *Жижиленко*. См. его статью о законѣ 4 марта 1906 г. Право. 1906 г. № 16, стр. 1440.

точекъ зрѣнія нашего законодательства объ этихъ преступленіяхъ и радикально измѣнила ихъ. Но реформа эта ни въ какомъ случаѣ не должна заключаться въ подражаніи какимъ-либо западнымъ законодательствамъ. Постановленія послѣднихъ, какъ показано выше, оставляютъ желать многаго и не могутъ служить для насъ образцомъ. Въ нихъ обнаруживается весьма нежелательное стремленіе чрезмѣрно сузить охрану религіозной свободы; нерѣдко послѣдней даже совсѣмъ не отводится отдѣльнаго мѣста въ кодексѣ [1]). Между тѣмъ эта свобода принадлежитъ къ числу весьма важныхъ духовныхъ интересовъ человѣчества и вполнѣ заслуживаетъ тщательной охраны. Если наше законодательство и теперь еще стоитъ на устарѣвшей полицейской точкѣ зрѣнія, то новѣйшія западныя уложенія грѣшатъ обратной крайностью,—чрезмѣрно слабой защитой религіозной свободы. Вотъ почему я и полагаю, что дальнѣйшее развитіе нашего законодательства должно заключаться не въ подражаніи какому-либо новѣйшему западному кодексу, а въ самостоятельномъ развитіи и осуществленіи установленныхъ выше этическихъ началъ религіозной свободы и полной и равномѣрной ея охраны. По нашему убѣжденію только планомѣрное и послѣдовательное примѣненіе къ данной области этической точки зрѣнія можетъ устранить всякія крайности, обезпечить достаточную полноту охраны религіозной свободы и стереть всѣ слѣды полицейскаго давленія на религіозныя убѣжденія гражданъ. Вообще въ какомъ бы то ни было отдѣлѣ кодекса должная глубина и полнота постановленій могутъ быть достигнуты лишь

---

[1]) См. напр. выше (стр. 154 сл.) изложеніе постановленій норвежскаго уложенія и французскаго закона 9—11 дек. 1905 года.

тогда, когда содержаніе этого отдѣла будетъ подчинено соотвѣтствующимъ этическимъ началамъ и черезъ нихъ основному принципу наказанія. Изложенныя выше постановленія западныхъ законодательствъ отличаются разрозненностью и пробѣлами именно потому, что въ основѣ ихъ не лежитъ какого-либо одного руководящаго этическаго начала, которое своимъ послѣдовательнымъ развитіемъ могло бы установить между ними гармонію, связать ихъ въ одно цѣлое и обезпечить имъ необходимую полноту. Въ основу указываемой коренной реформы нашего законодательства должны быть положены слѣдующія начала, установленныя нами выше:

1) Ученіе, каково бы ни было его содержаніе, пока оно остается только ученіемъ и не переходитъ въ преступную дѣятельность,—не можетъ быть преслѣдуемо.

2) Государство не должно стремиться къ поддержанію принудительными мѣрами распространенія и господства какой-либо религіи.

3) Право каждаго вѣроисповѣданія на свободу и защиту со стороны государства отъ оскорбленій и насилій одинаково [1]).

---

[1]) Въ послѣдней (апрѣльской) книжкѣ журнала Мин. Юстиции появилась статья проф. Сергѣевскаго, развивающая противоположные указаннымъ принципы. Проф. Сергѣевскій, въ противоположность намъ, полагаетъ, что дѣйствующее законодательство о религіозныхъ преступленіяхъ не нуждается въ коренной реформѣ, что „Уложеніе 22 Марта 1903 года, указъ 17 Апрѣля 1905 г. и законъ 14 Марта 1906 года, опредѣляя начало новой эпохи въ развитіи нашего законодательства о религіозныхъ преступленіяхъ, образуютъ собою ту почву, на которой должна происходить догматическая разработка ученія объ отдѣльныхъ видахъ религіозныхъ преступленій по нашему праву“. „Къ ученію о преступленіяхъ религіозныхъ“, стр. 49. Онъ полагаетъ, что государство не можетъ и не должно равномѣрно охранять всѣ религіи и что религіи, противныя „общественной этикѣ“ или „враждебныя государству“, должны быть стѣсняемы и лишены охраны. Онъ

Къ этимъ руководящимъ началамъ, въ качествѣ одного изъ выводовъ изъ нихъ, примыкаетъ, между прочимъ, до сихъ поръ не нашедшее себѣ должнаго

говоритъ: „сохраняя всю неприкосновенность свободы совѣсти въ смыслѣ личнаго исповѣдания, уголовный законъ долженъ обложить наказаніями: отправленіе запрещеннаго культа, публичную проповѣдь, обращеніе или привлеченіе къ недозволенной вѣрѣ путемъ насилія, обмана, соблазна и проч.“. „При этомъ само собою разумѣется, что такія религіи никакимъ покровительствомъ государства пользоваться не могутъ, и никакое посягательство на предметы религіознаго почитанія или порядокъ богослуженія не можетъ облагаться наказаніями въ качествѣ таковыхъ ни съ общественной, ни съ частно—правовой точки зрѣнія“ (У. ст. стр. 25). Однако никакихъ убѣдительныхъ доводовъ въ пользу указанныхъ взглядовъ авторъ не привелъ. Сущность его разсужденій сводится къ слѣдующему: требованіе полной религіозной свободы и равенства религій строится „на почвѣ соображеній о благѣ отдѣльныхъ лицъ“ (стр. 17). Но такъ какъ религія имѣетъ общественно-государственное значеніе, то это требованіе и не можетъ быть принято за руководящее начало законодательства“. Прямымъ послѣдствіемъ общественно-государственнаго значенія религіи является тотъ выводъ, что отношенія государства къ религіи не могутъ быть построены на началѣ равенства всѣхъ и всякихъ религій“ (стр. 21). Однако выводъ этотъ у автора совершенно не обоснованъ. Государство несомнѣнно заинтересовано въ томъ, чтобы граждане уважали религіозныя убѣжденія другъ друга. А этого нельзя достигнуть, если цѣлый рядъ религіозныхъ міровоззрѣній будетъ оставленъ безъ охраны на безнаказанное поруганіе. Государство заинтересовано, далѣе, въ развитіи религіозныхъ идей, въ разоблаченіи лживости грубыхъ и нелѣпыхъ ученій, въ широкомъ и прочномъ распространеніи идей, имѣющихъ за себя наибольшія гарантіи истинности... А всего этого оно можетъ достигнуть только при полной религіозной свободѣ и равномѣрной охранѣ ея. Выше доказанъ вредъ и безцѣльность преслѣдованія религіозныхъ идей. Г. Сергѣевскій ошибается, полагая, что соображенія объ общественно-государственномъ значеніи религіи приводятъ къ разнымъ выводамъ, чѣмъ соображенія о благѣ отдѣльныхъ лицъ; и тотъ, и другой путь, какъ доказано выше, одинаково приводитъ къ признанію полной религіозной свободы и ея равномѣрной охраны.

Къ сожалѣнію, статья проф. Сергѣевскаго вышла уже въ то время, когда настоящая книга, кромѣ заключенія, была отпечатана; поэтому мы не мог-

признанія въ нашихъ законахъ право гражданъ образовывать религіозные союзы. Въ отношеніи религіозныхъ союзовъ нѣтъ надобности устанавливать какія-либо особыя ограниченія. Гражданамъ должно быть предоставлено право объединяться въ какіе угодно союзы; уголовному преслѣдованію подлежатъ лишь преступныя сообщества.

Въ заключеніе этой книги позволю себѣ изложить проектъ постановленій, къ которымъ на нашъ взглядъ приводитъ послѣдовательное развитіе и примѣненіе выработанныхъ нами принциповъ.

Прежде всего, въ основные русскіе конституціонные законы необходимо, вслѣдъ за статьей, предоставляющей гражданамъ свободу мысли и слова, внести слѣдующія общія постановленія:

1) *Религіозныя вѣрованія, ихъ распространеніе и выраженіе вовнѣ пользуются полной и равной для всѣхъ свободой; караются лишь преступленія и проступки, совершенные при пользованіи этой свободой.*

2) *Никто не можетъ подъ предлогомъ своихъ религіозныхъ убѣжденій отказываться отъ исполненія обязанностей, возлагаемыхъ на него законами или основанными на нихъ распоряженіями власти* [1]).

Всѣ же элементы полицейской опеки надъ религіозной жизнью народа, заключающіеся въ ст. 40 сл.

ли ранѣе критически разсмотрѣть многія соображенія автора, съ которыми не можемъ согласиться, и должны ограничиться сдѣланными сейчасъ замѣчаніями.

[1]) Этими положеніями не исчерпывается все, что должно быть выражено въ основномъ конституціонномъ законѣ о религіозной свободѣ. Необходимо, напр., по примѣру многихъ конституцій, указать, что пользованіе гражданскими и политическими правами не зависитъ отъ вѣроисповѣданія. Но мы выше не касались даннаго вопроса, а потому и не можемъ выставлять въ заключеніи никакихъ положеній, основанныхъ на томъ или иномъ рѣшеніи его.

основныхъ законовъ, слѣдовало бы исключить. Нельзя признать вполнѣ удовлетворительной и новую статью (ст. 39) основныхъ законовъ, недавно опубликованную. Она гласитъ: «россійскіе подданные пользуются свободою вѣры». «Условія пользованія этою свободою опредѣляются закономъ». Выраженіе «свобода вѣры», употребляемое въ этой статьѣ, слишкомъ неопредѣленно и растяжимо. О свободѣ вѣры говорятъ и старые основные законы (ст. 44, 45), а между тѣмъ мы видѣли, какая у насъ признается «свобода вѣры». Неудачны и послѣднія слова этой статьи; они указываютъ на возможность особыхъ ограниченій, со стороны государства, религіозной свободы. Но, какъ установлено нами выше, государство должно признавать полную религіозную свободу, лишь охраняя ее въ размѣрахъ необходимости отъ нарушеній.

Въ пользу проектируемыхъ нами общихъ постановленій мы можемъ привести слѣдующія соображенія. Общія положенія о правахъ гражданъ, заключающіяся въ основныхъ конституціонныхъ законахъ, имѣютъ своею цѣлью очертить ту сферу, въ которой личность неприкосновенна, установить твердыя границы для вмѣшательства разныхъ органовъ управленія, а также отправныя точки для спеціальныхъ отдѣловъ законодательства, которые должны ихъ развивать. Для этой цѣли, при возможной краткости и ясности, они должны отличаться полнотой, охватывая всѣ существенные моменты той свободы, о которой говорятъ. Этому требованію выставленныя выше положенія отвѣчаютъ вполнѣ. Первое изъ нихъ обнимаетъ важнѣйшіеэлементы религіозной свободы— свободу совѣсти, пропаганды и культа. Оно указываетъ, что эта свобода признается за гражданами во всей ея полнотѣ, въ ея «естественныхъ» границахъ.

Implicite оно указываетъ и на равенство уголовной охраны для всѣхъ вѣроисповѣданій.

Что касается уголовныхъ законовъ, то, какъ указано выше, мы полагаемъ, что въ кодексѣ должна быть отведена посягательствамъ на религіозную свободу особая глава или отдѣленіе главы. Желательное содержаніе этого отдѣла примѣнительно къ общей части Уголовнаго Уложенія, представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

ГЛАВА №№

Преступленія и проступки противъ религіозной свободы.

Ст. I. Виновный въ принужденіи, физическимъ насиліемъ или угрозою противозаконнымъ дѣяніемъ, принять или не принимать какую-либо вѣру или вѣрованіе, или же отречься отъ таковыхъ, если не подлежитъ большему наказанію за учиненныя насильственныя дѣйствія, по жалобѣ потерпѣвшаго [1]), наказывается:

тюремнымъ заключеніемъ на срокъ не свыше двухъ лѣтъ, а если данное преступленіе, повторено [2]) имъ въ третій или болѣе разъ,—то заключеніемъ въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ.

---

[1]) Мы не указываемъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда жертвою преступленія является малолѣтній, право жалобы принадлежитъ родителямъ или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто, такъ какъ полагаемъ, что подобнаго рода постановленіе должно быть внесено или въ общую часть Уложенія или въ Уставъ Угол. судопроизводства, какъ относящееся ко всѣмъ преступленіямъ, преслѣдуемымъ по жалобѣ потерпѣвшаго.

[2]) Налицо должны быть указываемыя ст. 67 Уг. Ул. условія повторенія, при чемъ повторено должно быть именно данное преступленіе.

Покушеніе наказуемо.

Ст. 2. Виновный въ томъ, что подстрекнулъ лицо, не достигшее 17 лѣтъ, перейти въ новую вѣру, завѣдомо вопреки волѣ родителей или лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто, по жалобѣ послѣднихъ, наказывается:

арестомъ,

а если онъ сознавалъ, что такой переходъ создастъ сильный разладъ въ семьѣ, то—заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ [1]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ наказуемо и покушеніе.

Ст. 3. Виновный въ препятствованіи общественному богослуженію или въ прерваніи такового. физическимъ насиліемъ, угрозою противозаконнымъ дѣяніемъ или какимъ-либо намѣреннымъ безчинствомъ, если не подлежитъ большему наказанію за учиненное насиліе наказывается:

заключеніемъ въ тюрьмѣ.

Покушеніе наказуемо.

Если же безчинство, помѣшавшее отправленію общественнаго богослуженія, учинено не съ намѣреніемъ прервать послѣднее или воспрепятствовать его совершенію, то виновный наказывается:

арестомъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Ст. 4. Виновный въ принужденіи кого-либо, физическимъ насиліемъ или угрозою противозаконнымъ дѣяніемъ, совершить или не совершать молитвенное или иное религіозное дѣйствіе совершаемое вѣру-

---

[1]) Кромѣ подстрекнувшаго къ переходу въ новую вѣру отвѣтственности должны подвергнуться и тѣ, стоящіе во главѣ религіознаго общества лица, отъ которыхъ зависѣло принятіе даннаго юнаго субъекта или которыя, зная о его возрастѣ, совершили религіозныя дѣйствія, знаменующія такое принятіе. Но ихъ дѣйствія (если они не были соучастниками совращенія) не относятся къ религіознымъ деликтамъ. Совращенный, по нашему мнѣнію, не долженъ подвергаться уголовной отвѣтственности.

ющими въ честь Бога или въ память какихъ-либо событій, имѣющихъ религіозное значеніе, а также участвовать или не участвовать въ совершеніи таковыхъ, если не подлежитъ бо́льшему наказанію за учиненныя насильственныя дѣйствія, по жалобѣ потерпѣвшаго, наказывается:

заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ,

а если вынужденное завѣдомо составляло, въ глазахъ принуждаемаго, тяжкое нарушеніе правилъ его вѣроученія, то—заключеніемъ въ тюрьмѣ. Покушеніе наказуемо.

Ст. 5. Виновный въ публичномъ надругательствѣ:

1) надъ объектами религіознаго поклоненія, религіозными дѣйствіями, въ которыхъ вѣрующими признается участіе Бога, религіозными вѣрованіями, относящимися къ этимъ объектамъ или дѣйствіямъ, или надъ религіей въ ея цѣломъ [1]);

2) надъ предметами, употребляемыми при богослуженіи и, чтимыми вслѣдствіе связи своей съ объектами поклоненія, а также надъ религіозными вѣрованіями, обрядами или установленіями, кромѣ означенныхъ выше (п. 1 настоящей статьи), наказывается:

въ первомъ случаѣ—заключеніемъ въ тюрьмѣ, а во второмъ—арестомъ.

Если означенныя въ этой статьѣ дѣянія совершены при отправленіи общественнаго богослуженія оскорбляемаго вѣроисповѣданія, или, хотя и не вовремя такового, но при свидѣтеляхъ въ церкви или молитвенномъ домѣ, то судъ можетъ:

въ первомъ случаѣ продлить тюремное заключеніе на срокъ не свыше одного года и шести мѣсяцевъ, а во второмъ назначить, вмѣсто ареста, тюремное заключеніе на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ.

---

[1]) т. е. надъ религіей вообще или надъ отдѣльной религіей въ ея цѣломъ.

Если же какое-либо изъ означенныхъ въ сей статьѣ дѣяній совершено въ порывѣ горя, то судъ, признавъ совершившаго виновнымъ, можетъ назначить ему или арестъ на срокъ не свыше трехъ недѣль, или выговоръ.

Покушеніе на означенныя въ этой статьѣ преступленія наказуемо [1]).

Ст. 6. Виновный въ осквернеіи [2]) мѣста, завѣдомо предназначеннаго или фактически служащаго для отправленія богослуженія, наказывается:

тюремнымъ заключеніемъ на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ.

Ст. 7. Духовное лицо, виновное въ какомъ-либо изъ означенныхъ въ ст. 1—6 преступленій, сверхъ указанныхъ въ этихъ статьяхъ наказаній, можетъ быть удалено судомъ отъ занимаемой имъ должности, въ случаяхъ статьей первой предусмотрѣнныхъ,—на время отъ одного мѣсяца до трехъ лѣтъ, въ случаѣ, предусмотрѣнномъ ст. 2—на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ, а въ остальныхъ—на время отъ одного мѣсяца до одного года.

Этими немногими постановленіями, думаемъ мы, должна быть замѣнена масса дѣйствующихъ законовъ о религіозныхъ преступленіяхъ.

---

[1]) Наказуемо лишь покушеніе на *преступленія*, а не на проступки. Согласно сказанному выше, (стр. 211) покушеніе возможно не на всѣ преступленія, обнимаемыя данной статьей. Но никакихъ оговорокъ по данному поводу въ законѣ, конечно, дѣлать не слѣдуетъ.

[2]) На основаніи ст. 48 Уг. Улож. умышленность предполагается.

[1]) Въ статьѣ первой, между прочимъ, назначается для нѣкоторыхъ случаевъ исправительный домъ, на основаніи ст. 26 сл. Уг. Улож. влекущій, за собою цѣлый рядъ праволишеній. Для этихъ случаевъ наша седьмая статья лишена значенія. Не можемъ, однако, не замѣтить, что обязательное соединеніе вообще съ какимъ-либо наказаніемъ и съ исправительнымъ домомъ, въ частности, какихъ-либо праволишеній представляется совершенно нежелательнымъ и неправильнымъ. Съ нашей точки зрѣнія, исправительный домъ не долженъ влечь за собой никакихъ обязательныхъ праволишеній и безъ таковыхъ долженъ бы онъ назначаться за предусмотрѣнное нашей первой статьей преступленіе.

Списокъ сочиненій, на которыя сдѣланы ссылки [1]).

A) Сочиненія иностранныхъ авторовъ (оригинальныя и переводныя).

Abegg, Lehrbuch. d. Strafrechtswissenschaft. Neustadt a. d. Orla. 1836.

— Ueber das religiöse Element in der peinlchen Gerichts-Ordnung und den Einfluss der religiösen Verhältnisse des Zeitalters auf die Abfassung derselben. Archiv des Criminalrechts. Neue Folge. 1852. Beilageheft.

Амонъ, Детерминизмъ и вмѣняемость Перев. подъ ред. Жижиленко. Спб 1905 г.

Bar. Handbuch des deutschen Strafrechts. Bd I. Berlin. 1882.

Bauer, D. Warnungstheorie nebst einer Darstellung und Beurtheilung aller Strafrechtsteorieen. Gottingen. 1830.

— Lehrbuch des Strafrechts. 2 Aufl. 1833.

— Abhandlungen aus dem Strafrechte und d. Strafprocesse. Gottingen. I Bd. 1840.

Baumgarten, Die Lehre vom Versuche der Verbrechen. Stuttgart. 1888.

Beling, Grundzüge des Strafrechts. 2 Aufl. Jena. 1902.

Бентамъ, Traités de législation civile et pénale. Par Et. Dumont. T. II. Paris. 1830.

— Избранныя сочиненія. Т. I. Перев. Пыпина и Невѣдомскаго, Спб. 1867.

(Д. Юмъ и) Бентамъ, Принципы законодательства, 5 вып. библіотеки экономистовъ. Изд. Солдатенкова. М. 1896.

---

[1]) Для того, чтобы не заботиться постоянно, дѣлая ссылки, о точномъ указаніи номеровъ и годовъ изданій, я прилагаю этотъ библіографическій указатель, къ которому и прошу читателя обращаться всякій разъ, когда онъ пожелаетъ узнать точное заглавіе, годъ и номеръ изданія какого-либо изъ цитируемыхъ сочиненій.

Berner. Lehrbuch d deutschen Strafrechts. 18 Aufl. Leipzig 1898.

— Учебникъ уголовнаго права. Перев. Неклюдова. Т. I и II Спб. 1865.

Binding, Grundriss d. gem. deutschen Strafrechts. 5. Aufl. Leipzig. Bd. I 1897.

Blumensath, Die Religion und ihr strafrechtlicher Schutz nach deutschem Reichsrecht. Erlangen. 1898.

Bluntschli, Geschichte des allgemeinen Staatsrechts und der Politik seit XVI Jahrhundert bis zur Gegenwart. Munchen. 1861.

— Politik als Wissenschaft. Stuttgart. 1876.

— Allgemeines Staatrecht. 6 Auflage. II Th. Stuttgart. 1885.

Carrara Programma del corso di diritto criminale. Parte speciale. Sesta Edizione. VI. Firenze. 1900.

Colajanni, La sociologia criminale. I. Catania. 1889.

Chauveau, Ad. et *Hélie F.*, Théorie du Code pénal. 6 Ed. par *Ed. Villey*. T. III. Paris. 1887.

Crusen, Der strafrechtliche Schutz des Rechtsguts der Pietät. Berlin. 1890.

Дайси, Основы государственнаго права Англии. Перев. съ 6 англійск. изд. Подъ ред. проф. Виноградова. Москва 1905 г.

Debidour, Histoire des rapports de l'Église et de l'état en France de 1789 a 1870. Paris. 1898.

Джемсъ, Зависимость вѣры отъ воли. Перев. Церетели. Спб. 1904.

Döllinger, Die Geschichte der religiosen Freiheit. Akademische Vortrage. Bd. III. Munchen. 1891.

Eicken, Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung. Stuttgart. 1887.

Eisenmann Étude sur le régime des cultes en Autriche. Bulletin mensuel de la société de législation comparée. 1906. № 1, p. 92 s.

Еллинекъ, Декларація правъ человѣка и гражданина. Перев. Вормса. 3-е изд. М. 1906.

Feuerbach, Lehrbuch d. gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts XIV изд. Миттермайера. Giessen. 1847.

Finger, Das Strafrecht. Berlin. I (2-е изд. 1902). II. 1895.

Franck. Philosophie du droit pénal. 5-e Ed. Paris. 1899.

Friedberg, Die Gränzen zwischen Staat und Kirche. In 3 Abtheilungen Tubingen. 1872.

— Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts. 3-e Auflage. Leipzig. 1889.

Furstenau, Das Grundrecht der Religionsfreiheit nach seiner geschichtlichen Entwicklung und heutigen Geltung in Deutschland. Leipzig. 1891.

Garofalo La criminologie. 5-e Ed. Paris. 1905.

Garraud, Traité théorique et pratique du droit pénal français. T. IV. 2 Ed. 1900.

— Précis du droit criminel. 6 Ed. 1898.

Geffcken, Staat und Kirche in ihrem Verhältniss geschichtlich entwickelt. Berlin. 1875.

Гефдингъ, Философія религіи. Перев. Базарова и Степанова. Изд товарищества „Общественная польза".

Geyer, Grundriss zu Vorlesungen über gemeines deutsches Strafrecht. Bd. I. 1884. Bd. II. 1885. München.

Globig und *Huster*, Abhandlung von der Kriminal-Gesetsgebung. Zürich. 1783.

Гнейстъ, Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. Перев. подъ ред. Венгерова М. 1885.

Grolman, Grundsätze d. Criminalrechtswissenschaft. 3-е изд. Giessen. 1818.

Haager. Beitrag zur Lehre von den Religionsvergehen. Erlangen. 1874.

Harris S., Principles of the criminal law. Eighth Edition. London. 1899.

Hälschner, D. gemeine deutsche Strafrecht. Bd. 1. Bonn. 1881. Bd. II, 2 Abth. Bonn. 1887.

Heffter, Lehrbuch des gemeinen deutschen Strafrechts. 6 Auflage. Braunschweig. 1857.

Hegel, Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Werke. Bd. VIII. Herausgegeben v. Ed. *Gans*. 2 Aufl. Berlin. 1840.

Henke, Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik. I Th. 1823. III Th. 1830. Berlin und Stettin.

Hertz, Voltaire und die französische Strafrechtspflege im achtzehnten Jahrhundert. Stuttgart. 1887.

Hinschius, Allgemeine Darstellung der Verhältnisse von Staat und Kirche. *Marquardsen's* Handbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart. Bd. I (Freiburg i. B. und Tübingen. 1883), стр. 189 сл.

Janka, D. österreichische Strafrecht 3 Aufl. 1894 (v. Rulf).

Jarcke, Handbuch des gemeinen deutschen Strafrechts mit Rücksicht auf die Bestimmungen der preussischen, österreichischen, baierischen und französischen Strafgesetsgebung. Bde. I—II. Berlin. 1827, 1828.

Jauck, Uber strafrechtlichen Schutz des religiosen Empfindens. Zeitschrift fur d. ges. Strafrechtswissenschaft Bd XXIV (1904), s. 349 f.

Kahl, Lehrsystem des Kirchenrechts und der Kirchenpolitik. Erste Hälfte. Freiburg i. B. und Leipzig. 1894.

Карно, Исторія французской революціи. Перев. Сементковскаго Спб. 1895.

Каутскій К., Томасъ Моръ и его утопія. Перев. Генкель. Спб. 1905.

Klein, Grundsätze des gem. deutschen peinlichen Rechts. Halle. 1799. 2 Aufl.

Kleinschrod, Systematische Entwickelung der Grundbegriffe und Grundwahrheiten des peinlichen Rechts nach d. Natur d. Sache und d. positiven Gesetsgebung. 3 Aufl. I Th. Erlangen. 1805.

Kohler, Studien aus dem Strafrecht. Mannheim. I. 1890. V и VI. 1897.

Lammasch, Grundriss d. Strafrechts. Leipzig. 1899.

Лекки (Гартполь), Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ. Перев. А. Н. Пыпина. Т. I. Спб. 1871.

Liepmann, Einleitung in d. Strafrecht. Berlin. 1900.

Liszt, Lehrbuch d. deutschen Strafrechts. XII и XIII изд. Berlin. 1903. I—II Hälfte.

Locke, Oeuvres diverses. Rotterdam. 1710.

Loiseleur, Les crimes et les peines. Paris. 1863.

Маассенъ, Девять главъ о свободной церкви и о свободѣ совѣсти. Перев. Суворова. Ярославль. 1882.

Martin, Lehrbuch des deutschen gemeinen Criminal-Rechts. 2 Ausgabe. Heidelberg. 1829.

Makarewicz, D. Wesen d. Verbrechens. Eine criminalsociologische Abhandlung auf vergleichender und rechtsgeschichtlicher Grundlage, Wien. 1896.

Мензисъ, Исторія религіи. Очеркъ первобытныхъ вѣрованій и характеръ великихъ религіозныхъ системъ. Перев. Чепинской. Спб 1897.

Meyer (Carl), Der Aberglaube des Mittelalters und der nächtsfolgenden Jahrhunderte. Basel 1884.

Meyer H., Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 5 Auflage. 1895.

Merkel, Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Stuttgart 1889.

Meves, D. Reichsstrafgesetzbuch in seinem Verhältniss zur Religion. Gerichtssaal. Bd. XXVII. (1875), s. 321 f.

Миллъ Дж., О свободѣ. Перев. Ловцовой. Спб. 1901.

Mohl R., Staatsrecht, Vorkerrecht und Politik. Bd. II. Tubingen. 1862.

Molinier, Traité théorique et pratique de droit pénal. Annoté par G. Vidal. Paris. 1893.

Моммсенъ, Римская исторія. Т. I—III. Перев. Невѣдомскаго. Изд. Солдатенкова. М. 1887.

Монтескье, О духѣ законовъ. Перев. подъ редак. Горнфельда. Спб. 1900.

— Персидскія письма. Перев. Спб. 1892.

Normand, Traité élémentaire de droit criminel. Paris. 1896.

Ortolan, Éléments de droit pénal. 5 Éd. 1886 (par A. Desjardin).

Pollock Fr., Essays in Jurisprudence and ethics. London. 1882.

Proal, Le crime et la peine. 3 Éd. Paris. 1899.

Rieker, Staat und Kirche nach lutherischer, reformierter, moderner Anschauung. Historische Vierteljahrschrift. 1898, стр. 370—416.

Rohland, Historische Wandlungen der Religionsverbrechen. Im Festschrift der Universität in Freiburg. Freiburg 1902.

Rossi, Traité de droit pénal. 2 Éd. Par F. Hélie. Paris. 1855. T. I.

Rousseau J. J., Du contrat social. Éd. 1896. Paris. Par Edmond Dreyfus-Brisac.

Ruffini, La Libertà religiosa. I. Torino. 1901.

Schütze, Lehrbuch d. deutschen Strafrechts. 2 Aufl. Leipzig. 1874.

Spinosa, Sämmtliche Werke. Aus dem lateinischen mit dem Leben Spinosa's von Berthold *Auerbach*. Bd. II. Stuttgart. 1841.

Stengel, Worterbuch d. deutschen Verwaltungsrechts. Bd. II. Freiburg i. B. 1890.

Stenglein, Lexikon des deutschen Strafrechts. Bd. I. Berlin. 1900.

Stooss, Die Grundzuge des schweizerischen Strafrechts. Bde I—II. Basel und Genf. 1892, 1893.

— Der Kampf gegen das Verbrechen. Bern. 1894.

Tissot, Le droit pénal étudié dans ses principes, dans les usages et les lois de differents peuples du monde. Paris. T. I. 1860.

Токвиллъ, Демократія въ Америкѣ. Т. I. Перев. Якубовича. Кіевъ. 1860.

Вейнгартенъ. Народная реформація въ Англіи XVII вѣка. Перев. подъ ред. Покровскаго и Шамониха. М. 1901.

Villiger, Die Religions-Delicte in historisch-dogmatischer Darstellung mit Berucksichtigung des schweiz. Rechtes. Zug. 1894.

Villnow, Vergehen, welche sich auf die Religion beziehen. D. Gerichtssaal. Bd. XXXI. 1879.

Voltaire, Oeuvres complètes. 2 Éd. Paris 1827. T. XXXVIII; XXXIX; XXXXVIII.

Wach, Die Beschimpfung von Religionsgesellschaften. Deutsche Zeitschrift fur Kirchenrecht. 1892, стр. 161 сл.

Wahlberg, Vergehen, welche sich auf die Religion beziehen. *Holtzendorff*'s Handbuch des deutschen Strafrechts. III. Berlin. 1872, стр. 263 сл.

Wachter C. G., Beiträge zür deutschen Geschichte insbesondere zur Geschichte des deutschen Strafrechts. Tubingen 1845.

Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учрежденій. Перев. Ященко. М. 1905.

Zuppetta, Corso completo di diritto penale comparato. Parte prima. Metafisica della scienza delle leggi penali. 8 Ed. I. Napoli. 1868.

Б) Сочиненія русскихъ писателей.

Арсеньевъ, Свобода совѣсти и вѣротерпимость. Сборникъ статей. Спб. 1905.

Бердниковъ, Государственное положеніе религіи въ римско-византійской им-

періи. Т. I. Государственное положеніе религіи въ римской имперіи (до Константина В.). Казань. 1881.

— Новое государство въ его отношеніи къ религіи. Изд. 2-е. Казань. 1904.

Бобрищевъ Пушкинъ, Судъ и раскольники-сектанты. Спб. 1902.

Бълогрицъ-Котляревскій, Преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ Запада. Ярославль. 1886.

— Учебникъ уголовнаго права. Кіевъ. 1903.

Виппперъ, Церковь и государство въ Женевѣ XVI вѣка. М. 1894.

Гессенъ и *Нольде*, Современныя конституціи. Т. I. Спб. 1905.

Градовскій, Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Собраніе сочиненій. Т. IV. Спб. 1900.

Есиповъ Г., Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, извлеченныя изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи. Изд. Кожанчикова. Т. I (1861) и II (1863).

Есиповъ В.. Уголовное право. Часть особенная. Преступленія противъ государства и общества. 1902 Изд. 2-е. 1906.

Жижиленко, Законъ 14 марта 1906 г. о введеніи въ дѣйствіе новаго угол. Уложенія для преступленій религіозныхъ. Право. 1906 г. №№ 15 и 16.

Канторовичъ, Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. Юридическая библіотека № 9.

Карѣевъ, Исторія западной Европы въ новое время. Т. III. Спб. 1893.

Кипарисовъ, О свободѣ совѣсти. Опытъ изслѣдованія вопроса въ области исторіи церкви и государства съ I по IX в. Вып. I. М. 1883.

Кистяковскій, О преступленіяхъ противъ вѣры. Наблюдатель. 1882 года. Октябрь.

Колоколовъ, Къ ученію о покушеніи. М. 1887.

Корсаковъ, Курсъ психіатріи. Т. II. Изд. 2. М. 1901.

~~*Павловъ*, Курсъ церковнаго права, Изд. ред. «Богословскаго Вѣстника» Троицкой Сергіева лавры 1902.~~

Котляревскій, Свобода совѣсти. Сборникъ „Свободная совѣсть“. М. 1906.

Красноженъ, О свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости. Юрьевъ. 1905.

— Иновѣрцы на Руси. Юрьевъ. 1900.

Левенстимъ, Фанатизмъ и преступленіе. Журналъ мин. юстиціи. 1898 г. Сентябрь и октябрь.

Лопухинъ, Римскій католицизмъ въ Америкѣ. Спб. 1881.

— Религія въ Америкѣ. Спб. 1882.

Лохвицкій, Курсъ русскаго уголовнаго права. Спб. 1867.

Лучицкій, Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М. 1895.

Миссіонерскій съѣздъ въ г. Орлѣ 16—21 сентября 1901 г. Изд. орловск. православн. петропавл. братства. Орелъ. 1902.

Мокринскій, Наказаніе, его цѣли и предположенія. Ч. Ш. Томскъ. 1905.

Новикъ, Современныя конституціи и положеніе о Государственной Думѣ. Москва. 1906.

Павловъ, Курсъ церковнаго права. Изд. Богослов. Вѣст. 1902. Т.-Сергіева Лавра.

Петровъ, Лекціи по всемірной исторіи. Т. II. Исторія среднихъ вѣковъ Харьковъ. 1888.

Поповъ, Судъ и наказаніе за преступленія противъ вѣры и нравственности по-русскому праву. Казань. 1904.

Пругавинъ, Старообрядчество во второй половинѣ XIX в. М. 1904.

— Религіозные отщепенцы. В. I. Москва. 1904.

— Расколъ и сектантство въ русской народной жизни М. 1905.

— Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ М. 1905.

Пусторослевъ, Конспектъ лекцій по особенной части русскаго уголовнаго права. В. I. Ученыя записки Юрьевскаго университета. 1902 №№ 2, 3.

Рейснеръ, Государство и вѣрующая личность. Спб. 1905.

Сергіевскій, Русское уголовное право. 1905 г. Изд. 6-е. Спб. 1905.

— Къ ученію о преступленіяхъ религіозныхъ. Журналъ мин. юстиціи. 1906. Апрѣль.

Сикорскій, Сборникъ научно-литературныхъ статей. Книга V. Кіевъ. 1900.

Соколовъ, Свобода совѣсти и вѣротерпимость. Вѣстникъ права. 1905 г. № 5.

Спасовичъ, Изложеніе его доклада „о преступленіяхъ противъ вѣры“ Протоколы уголовнаго отдѣленія С.-Петербургскаго юрид. общества Журналъ граждан. и уголовнаго права. 1882 г. Май.

Срѣтенскій, Критическій анализъ главнѣйшихъ ученій объ отношеніи между церковью и государствомъ. В. I. Москва. 1878.

Ссылка въ Сибирь. Для Высоч. утвержд. комиссіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки. 1900.

Суворовъ, Учебникъ церковнаго права. Изд. 2. М. 1902.

Таганцевъ, Русское уголовное право Изд. 2. Спб. 1902.

— Изложеніе его доклада «о религіозныхъ преступленіяхъ и основаніяхъ будущему ихъ пересмотру». Протоколы. С.-Петербургскаго юридическаго общества. Журналъ гражд. и уголовн. Права. 1882 года. Май.

Тарновскій, Религіозныя преступленія въ Россіи. Вѣстникъ права. 1899, № 9.

Темниковскій. Государственное положеніе религіи во Франціи съ конца прошлаго столѣтія въ связи съ общимъ ученіемъ объ отношеніи новаго государства къ религіи. Казань. 1898.

Тернеръ, Свобода совѣсти и отношеніе государства къ церкви. Сборникъ госуд. знаній. Подъ ред. Безобразова. Т. III. Спб. 1877.

Кн. Трубецкой, Е. Н. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V в. Ч. I. Міросозерцаніе бл. Августина. М. 1892.

— Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI в. Идея божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII и публицистовъ—его современниковъ. Кіевъ. 1897.

Фойницкій, Ссылка на западѣ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи. Спб. 1881.

— Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ. Спб. 1889.

Чичеринъ, Исторія политическихъ ученій. Т. I, II. Москва. 1869, 1872.

Щаповъ, Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности. во XVII в. и въ первой половинѣ XVIII в. Казань. 1859.

Якобій, Религіозно-психическія эпидеміи. Вѣстникъ Европы. 1903 года. Октябрь и ноябрь.

B) Законы, кодексы, матеріалы и проч.

Allgemeines burgerliches Strafgesetz fur das Königreich Norwegen vom 22 Mai 1902. Ubersetzt von Rosenfeld und Andreas Urbye. Berlin 1904. Beilage zu Mitteilungen d internat. krimin. Vereinigung Bd. XII. Heft. I.

Code pénal de la Bulgarie du 2 Février 1896. *Schwinderen,* Esquise du droit pénal actuel. T. IV. 1898. P. 347 s; также Zeitschrift fur die gesammte Strafrechtswissenschaft. 1898.

Code pénal hongrois des crimes et des délits (28 Mai. 1878) et

Code pénal hongrois des contraventions (14 Juin 1879). Traduits et annotés par *Martinet* et *Dareste.* Paris. 1885.

Loi du 9 décembre 1905, concernant la séparation des Églises et de l'État. Въ Revue générale d'administration. 1906. Janvier; также *Dalloz,* Jurisprudence générale. Paris 1905. 21-e Cahier.

Loi du 1-er Juillet 1901 relative au contrat d'association Въ Journal du ministère public et du droit criminel. 1901.

Liszt, La Legislation pénale comparée. V. I. Berlin-Paris. 1894.

— D. Stratgesetsgebung der Gegenwart. Bd. II. Berlin. 1899.

Нидерландское уложеніе 3 марта 1881 г. Перев. Лицкого. Спб. 1881.

Puglia, Manuale teorico—pratico di diritto penale. V. II. Napoli. 1895.

Stooss Die schweizerischen Strafgesetzbucher zur Vergleichung zusammen gestellt. Basel und Genf. 1890.

D. Strafgesetzbuch für das deutsche Reich. Herausgeg. *V. Frank.* 3 und 4 Auflage. Leipzig. 1903.

Das portugiesische Strafgesetzbuch. Berlin 1903. *V. Zander.* Прилож. къ Zeitschrift fur d ges. Strafrechtswissenschaft Bd. XXIV. 1904.

D. Strafgesetsbuch des Staates New-York. Приложение къ Zeitschift fur d. ges. Strafrechtswissenschaft. 1884. (Bd. IV).

Schweizerisches Strafrecht. Verhandlungen von dem Eidgenössischen Justiz— und Polizeidepartement emberufenen Expertenkommission uber den Vorentwurf zu einem schweizerischen Strafgesetsbuch Bd. II. Bern 1896.

Таганцевъ, Уголовное Уложение 22 Марта 1903 г., съ мотивами, извлеч. изъ объясн. зап. редакц. комиссии, представл. мин. юстиции и журналовъ госуд. сов. Спб. 1904.

Уголовное Уложеніе. Объясненія къ проекту редакціонной комиссіи. Т. IV и VI. Спб 1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе. Задачи настоящаго изслѣдованія. Общій принципъ, опредѣляющій, на какія дѣянія должна простираться карательная дѣятельность государства ..... 1—29

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Два типа уголовной охраны религіи; общій очеркъ отношенія къ религіи важнѣйшихъ западныхъ государствъ до конца XVIII в.; оцѣнка этого отношенія. Идея религіозной свободы. Общій принципъ, опредѣляющій направленіе и объемъ уголовной охраны религіи.

Необходимость уголовной охраны религіи Два типа этой охраны. Господство перваго изъ нихъ въ средніе вѣка. Проблескъ идеи религіозной свободы въ XIV столѣтіи. Марсилій Подуанскій. Кругъ религіозныхъ преступленій въ средніе вѣка. Богохуленіе. Лжеприсяга. Апостазія. Ересь. Схизма. Волшебство и вѣдовство и др. 51

Отношеніе важнѣйшихъ западныхъ государствъ къ религіозной свободѣ въ XVI, XVII и XVIII вв. Переходъ отъ перваго типа уголовной охраны религіи ко второму въ концѣ XVIII в. 70

Участіе литературы въ постепенномъ развитіи и осуществленіи началъ религіозной свободы. Себастьянъ Кастелліонъ. Camillo Renato. Боденъ. Англійскіе сектанты. Томасъ Моръ. Роджеръ Вилльямъ. Спиноза. Мильтонъ. Локкъ. Томазій. Бентамъ. Монтескье. Вольтеръ 86

Господство въ настоящее время на Западѣ второго типа уголовной охраны религіи. Итоги сдѣланной исторической справки. 92

Переходъ къ теоретическому изслѣдованію вопроса. Понятіе религіозной свободы. Ея составные элементы 96

Какъ должно относиться къ этой свободѣ государство?

Стран.

Взгляды различныхъ писателей. Конечный выводъ по данному вопросу. Непригодность наказанія, какъ средства борьбы съ религіозными идеями. Естественныя границы религіозной свободы. Общій принципъ, опредѣляющій объемъ и направленіе уголовной охраны религіи 131

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Общій характеръ религіозныхъ деликтовъ и ихъ мѣсто среди уголовно-наказуемыхъ дѣяній.

Старые и новые взгляды на природу этихъ преступленій. Ихъ дѣйствительный характеръ и мѣсто среди другихъ преступленій. Ихъ объектъ, субъектъ и содержаніе. Составляютъ ли религіозные деликты преступленія или проступки?..... 145

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Виды религіозныхъ преступленій.

примѣч.

Виды этихъ преступленій въ уложеніяхъ португальскомъ и австрійскомъ..... 152—153,

Постановленія о нихъ уложеній норвежскаго и нидерландскаго. 155

Французскій Code pénal и законъ 9—11 Дек. 1905 г. объ отдѣленіи церкви отъ государства 159

Виды религіозныхъ деликтовъ въ итальянскомъ уложеніи.. 160

— въ венгерскихъ кодексахъ 163

— въ германскомъ уложеніи..... 173

— въ болгарскомъ уложеніи..... 174

Итоги обзора законодательствъ и установленіе видовъ религіозныхъ преступленій и проступковъ..... 195

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Наказуемость преступленій и проступковъ противъ религіозной свободы.

Наказуемость религіозныхъ деликтовъ въ положительныхъ законодательствахъ. Общія соображенія о наказуемости этихъ деликтовъ..... 204

Покушеніе на эти деликты и его наказуемость..... 213

Порядокъ преслѣдованія этихъ преступленій и проступковъ. 215

Стран.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Русское законодательство о религіозныхъ преступленіяхъ и желательныя въ немъ измѣненія.

Общій характеръ дѣйствующаго законодательства объ этихъ преступленіяхъ. Уголовное Уложеніе 1903 г. Указъ 17 Апрѣля 1905 г. Высочайшее повелѣніе 14 Марта 1906 г..... 223

Общій взглядъ составителей новаго Уложенія на данныя преступленія. Группы преступленій, внесенныхъ во вторую главу Угол. Уложенія. Обзоръ ихъ и указаніе желательныхъ измѣненій въ постановленіяхъ о нихъ Уложенія..... 290

Сохранившіе силу остатки стараго Уложенія о наказаніяхъ. 292

Заключеніе.

Неизбѣжность коренной реформы и общее направленіе ея. Начала, которыя должны быть положены въ основу ея..... 296

Проектъ постановленій о преступленіяхъ и проступкахъ противъ религіозной свободы въ связи съ проектомъ нѣкоторыхъ общихъ постановленій о религіозной свободѣ, которыя желательно было бы внести въ русскую конституцію.

Приложеніе: списокъ сочиненій, на которыя сдѣланы ссылки.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать*
22	достигаетъ	достигаетъ
58, прим. 2.	Lebertà	Libertà
72	Serviti	Serveti
80	религій	религіи
159	задержка (refardé)	задержку (retardé)
184	вызоветъ разладъ	вызоветъ сильный разладъ
202	или высокую духовную должность	или болѣе высокую духовную должность
223	31 марта	28 марта
240	Подробное толкованіе	Подобное толкованіе
256	поетановленіе	постановленіе
270 (строка 3)	родителямъ лишь	лишь родителямъ